

Русские в Сербии

Русские в Сербии



Русские в Сербии

Взаимоотношения России и Сербии
с конца XII до начала XX века

Русская эмиграция в Сербии

Россияне в Сербии - последних 60 лет и сегодня

Белград
2009



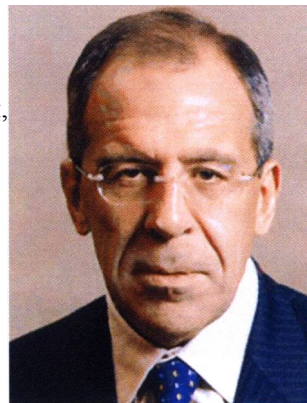
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Обращение к читателям
Председателя Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом

Вашему вниманию предлагается книга о российской диаспоре. Примечательно, что она подготовлена самими соотечественниками и рассказывает о том, как складывались их судьбы, формировалась диаспора. Ее лейтмотив в том, что, несмотря на различия, всех нас объединяет любовь к Отечеству, чувства сопричастности великой русской культуре, гордости за нашу страну.

Развитие отношений партнерства с зарубежными соотечественниками всегда будет среди приоритетов внешней политики России. Это также касается защиты их законных прав и интересов, укрепления позиций русского языка и культуры за рубежом.

Убежден, книга найдет своего заинтересованного читателя, будет востребована как убедительное подтверждение традиционно тесных связей соотечественников с исторической Родиной, объединяющей нас приверженности раскрытию колоссального созидательного потенциала „русского мира”.



С. В. Лавров

Уважаемые читатели,

Перед вами книга, повествующая о наших соотечественниках, волею судеб оказавшихся в Сербии.

Эта книга о российско-сербских отношениях, о нашей вековой дружбе, о боевом братстве по оружию, о нынешних взаимосвязях и контактах.

Справедливым будет сказать, что наши народы связывают не только общие славянские корни, но и огромная историческая и духовная общность. Языковая близость, взаимопроникновение религий и культур, бескорыстная взаимопомощь - вот та основа, на которой произрастает обоюдная симпатия наших народов, любовь между русскими и сербами.

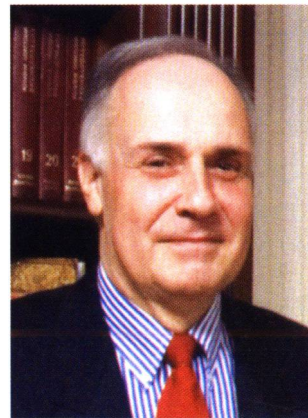
Поэтому не случайно, что в начале XX века, в годы революционных потрясений в России, Сербия стала одной из первых стран, принявших у себя тысячи русских беженцев. Многие наши соотечественники обрели здесь свое второе Отечество и нашли вечное упокоение в братской сербской земле.

В этой книге вы откроете для себя много интересных страниц из жизни россиян, оказавшихся в Сербии. Познакомьтесь с выдающимися деятелями науки, искусства, архитектуры, представителями „белого движения”, потомками известных русских военачальников, сможете глубже узнать о жизни и деятельности российской диаспоры в современной Сербии.

Развитие всесторонних отношений между Россией и Сербией характеризуется неуклонным ростом, оно имеет огромную перспективу к расширению и углублению. Все это, в конечном итоге, направлено на повышение благосостояния граждан двух стран, на укрепление взаимовыгодного сотрудничества между нашими народами.

Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Сербии

А. В. Конузин



A handwritten signature in black ink, appearing to read 'A. Konuzin'. The signature is stylized and written in a cursive script.

От составителей

При подготовке этого издания авторы, редакторский коллектив поставили себе целью сделать не просто увлекательный для чтения сборник, но красочную книгу - альбом, радующую читателя не только познавательными текстами, но и теми редкими фотографиями и иллюстрациями, которые наиболее полно отражают ту эпоху, то время, о котором идет повествование.

Мы уважительно отнеслись к форме и стилю изложения авторами своих текстов. Просим дорогих читателей проявить такую же благосклонную снисходительность.

Хотелось бы сердечно поблагодарить всех, кто принял участие в подготовке к изданию книги-альбома, как в сборе материалов и их оформлении, так и в решении технических и организационных вопросов.

Надеемся, что с выходом в свет этого издания интерес к нашей совместной истории, к российско-сербским взаимоотношениям еще больше возрастет, возникнет желание досконально изучить те труды, библиографию которых мы упомянули в книге. Полагаем, что это будет полезно как для специалистов, так и для тех, кто хотел бы глубже разобраться в истории наших народов.

Книга предназначена также для широкого круга читателей.

Содержание:

От составителей 9

Взаимоотношения России и Сербии конца XII до начала XX века 13

Русская эмиграция в Сербии 47

Прибытие беженцев с юга России в Королевство сербов, хорватов и словенцев 47

Русские монастыри и церковные приходы в Сербии 54

Культурные организации русской интеллигенции 60

Русские учебные заведения в Сербии 67

Русская издательская деятельность в Сербии 83

Русские библиотеки 88

Русские сокола и скаут-разведчики 91

Казаки в Сербии 97

Русская колония в Белграде 117

Русский храм Св. Троицы в Белграде 117

Русский дом им. Императора Николая II в Белграде 122

Союз русских писателей и журналистов в Белграде 126

Союз ревнителей чистоты русского языка 128

Русский научный институт в Белграде 129

Русское археологическое общество 131

Русские театральные труппы в Белграде 132

Русское музыкальное общество 138

Белградские русские газеты 1920-1944 гг. 141

Русское кладбище, Иверская часовня и Памятник русской славы 148

Русская эмиграция в Воеводине 152

Русская колония в Сремских Карловцах 152

Русская колония в Нови-Саде 170

Русская колония в Панчево 180

Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде, Зренянине) 185

Русская колония в Вршаце 189

Русские в Сомборе 199

Русская эмиграция в Косово и Метохии 201

Вклад русских эмигрантов в культуру, науку, экономику Сербии 211

- Профессоры Белградского университета 211
- Ученые, литераторы, журналисты, педагоги, поэты 223
- Историки 226
- Переводчики художественной литературы 227
- Театральные и музыкальные деятели 229
- Художники 238
- Инженеры 261
- Агрономы 262
- Летчики 264
- Врачи 267

Русская эмиграция в годы Второй мировой войны 271

Россияне в Сербии - последних 60 лет и сегодня 303

- Общества русских в Сербии (1942-1948 гг.) 303**
- Общества югославно-советской дружбы (1945-1948 гг.) 306**
- Дом советской культуры - Российский центр науки и культуры „Русский Дом” 308**
- Третья волна россиян в Югославии - Сербии (конец 50-х - 70 е гг.) 316**
- Общества сербско-русской дружбы (1990 гг.) 320**
- Сербский литературный журнал „Руски алманах” 322**
- Общества соотечественников в Сербии 326**
 - Общекадетское объединение русских кадетских корпусов за рубежом в Белграде 326
 - Общество сохранения памяти о русских в Сербии 332
 - Общество „Русская волна” 333
 - Общество сербско-русской дружбы и русской диаспоры 340
 - Общество российских соотечественников „ЛУЧ” 343
- Координационный совет соотечественников 346**
 - Адреса объединений соотечественников в Сербии 348

Выборочная библиография книг и статей о русских в Сербии 349

Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века

Отдельные сюжеты и хронологические периоды из истории связей русского и сербского народов пристально изучались сербскими и, особенно, русскими исследователями. Тем не менее, существует сравнительно мало полных обзоров этих связей, а потому традиционность русско-сербских связей остается, в основном, риторической фигурой, как для широких слоев русского и сербского народов, так и для тех, кто по роду занятий должен был бы знать об этих связях более детально. Историю русско-сербских связей можно условно разделить на несколько больших периодов.

Первый период русско-сербских связей. XII-XVII вв.

История связей русского и сербского народов начинается в эпоху средневековья, во времена домонгольской Руси и дотурецкой Сербии. Вероятно, первым неоспоримым свидетельством этих контактов являются жития св. Саввы Сербского (1169-1236 гг.), самого почитаемого святого Сербской православной церкви (СПЦ) и основателя ее автокефалии. Будущий первый архиепископ СПЦ был младшим сыном великого князя Стефана Немани и носил светское имя Растко, когда . . . пришли к его родителям монахи со Святой Горы Афонской, чтобы получить помощь в своей бедности... И случи-

лось так, что один из них был по рождению русский... Божественный юноша, уединившись с ним, расспрашивал его о Св. Горе... А тот рассказал ему все о жизни отшельнической... так как был тот монахом не простым, а опытным в том, о чем он говорил..Именно этот русский монах помог юному Растку сбежать со двора знатного отца и привел молодого человека на Афон в русский монастырь Св. Пантелеймона на Афоне, т. н. Старый Русик, откуда на переломе XII-XIII веков и начался подвижнический путь будущего основателя прославленного сербского монастыря Хиландар на Св. Горе Афон.



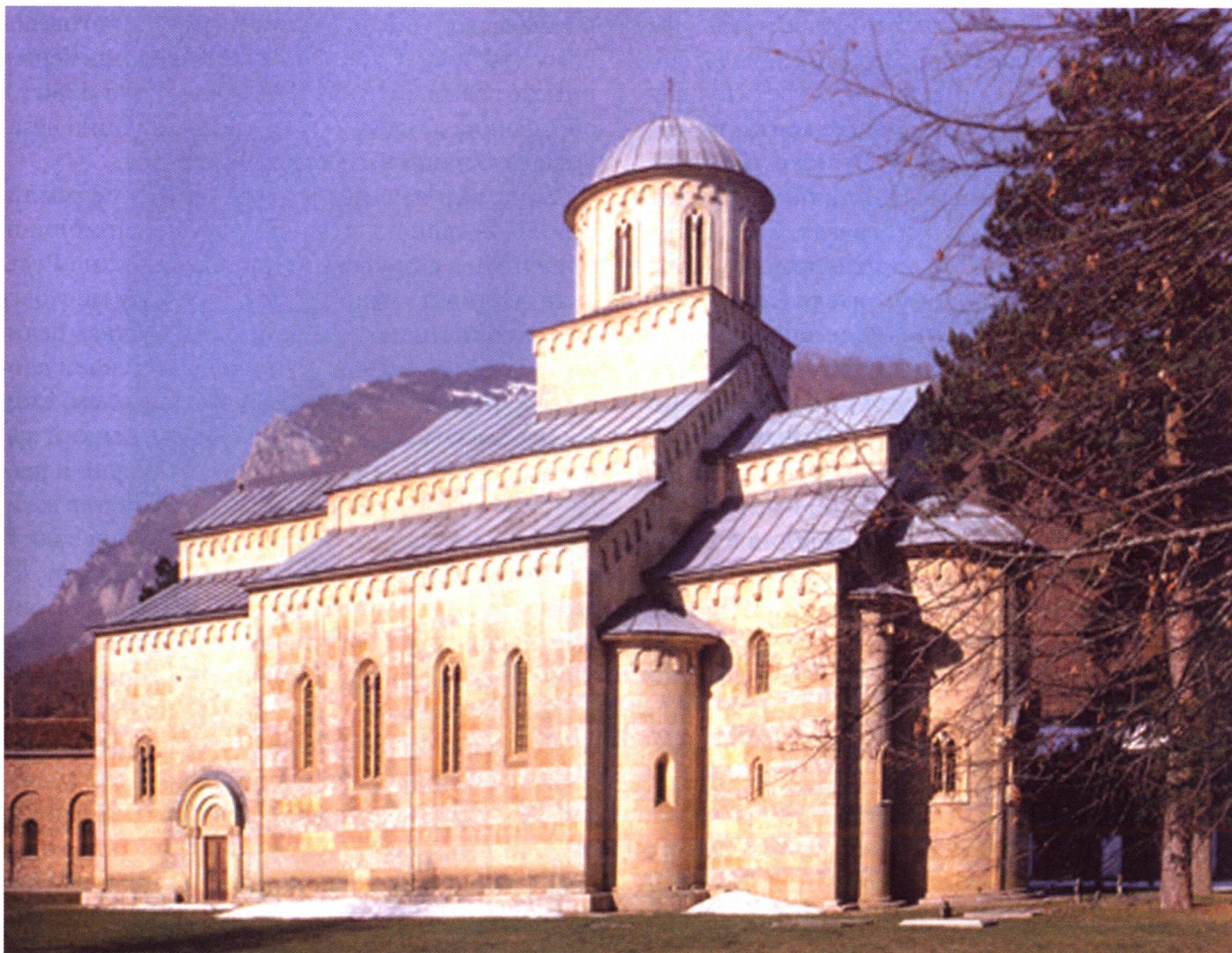
■ Св. Савва Сербский (1169–1236). Фреска в монастыре Милешева, ок. 1225 г.

Позднее мрак монгольского нашествия и феодалной раздробленности русских земель, способствовавшие расширению за их счет Польши и Литвы, ослабили последующие контакты русского и сербского народов, а также уменьшили количество письменных источников, сохранивших упоминание об этих связях. Следы этих контактов можно найти лишь в помощи, которую оказывали сербские правители Старому Русику в то время, когда русские земли оказались отрезанными от него в эпоху монгольского разорения. Необычным и редким подтверждением этих связей выглядит и упоминание в житии сербского короля Драгутина (1276-1316 гг.) о том, что он „в той земле Русской имел крайне близкого ему приятеля князя Василия и воздавал ему соответствующее почтение, посылая ему теплые письма и царские дары”. Стоит отметить и то, что сербские монахи уже в то время познакомились с такими памятниками русской житийной и литургической литературы, как: житие князя Мстислава, житие и память Бориса и Глеба, память преподобного Феодосия Печерского; житие княгини Ольги, и „Слово о законе и благодати” Иллариона, митрополита Киевского (1051-1054 гг.). При этом информация о событиях на Балканах и, в том числе, о сербской истории доходила до Руси сравнительно регулярно, благодаря путешествиям монахов и паломников. С запозданием всего в несколько лет (что в то время соответствовало времени простого путешествия с Балкан на Русь) русские люди узнали о битвах сербских войск с турками на Марице (1371 г.) и на Косовом поле (1389 г.), в результате которых сербские войска были разбиты, сербские правители погибли, а сербы оказались

в начале пути, который привел их к многовековому турецкому игу. Произошедшая примерно в то же время битва на Куликовом поле (1380 г.) обозначила для Руси путь к возрождению независимого национального государства.

С тех пор начался приток в русские земли сербов, искавших, с одной стороны, помощи и убежища, а с другой, - приносивших на Русь свои знания и умения. Уже в 1404 году московский летописец писал о том, что „... Князь Великий замыслил часы, и поставил их на своем дворе за церковью, за святым Благовещеньем. Сии же часы называются часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные... Мастер же и художник этого был некий монах, пришедший со Св. Горы, родом серб, а по имени Лазарь...” Это первое упоминание о появлении на Руси часов вообще, причем часов - прямых предшественников одного из символов России - кремлевских курантов.

В русские земли после этого прибыл и ряд выдающихся деятелей сербской средневековой духовности. Тесно связана с западными русскими землями судьба Григория Цамблака (около 1360 - 1419 гг.), по происхождению болгарина (по другим данным, волоха), деятельность которого переплетена с культурой Сербии и Молдавии. Г. Цамблак был игуменом сербского монастыря Дечаны и написал ряд агиографических произведений, вошедших в сокровищницу сербской средневековой литературы. Сочинения Г. Цамблака пользовались большим уважением и в Московской Руси. Уже с XV в. его проповеди вносили в сборники церковных поучений. Московский митрополит Макарий внёс сочи-



■ Храм монастыря Високи Дечани, XIV в.

нения Григория в свою Минею Четью, поместив их под разными числами, а затем соединив большую их часть в конце июльской книги под заголовком „Книга Г. Самвлака”. Как проповедник, Григорий активно подражал византийским образцам и способствовал развитию стиля на-

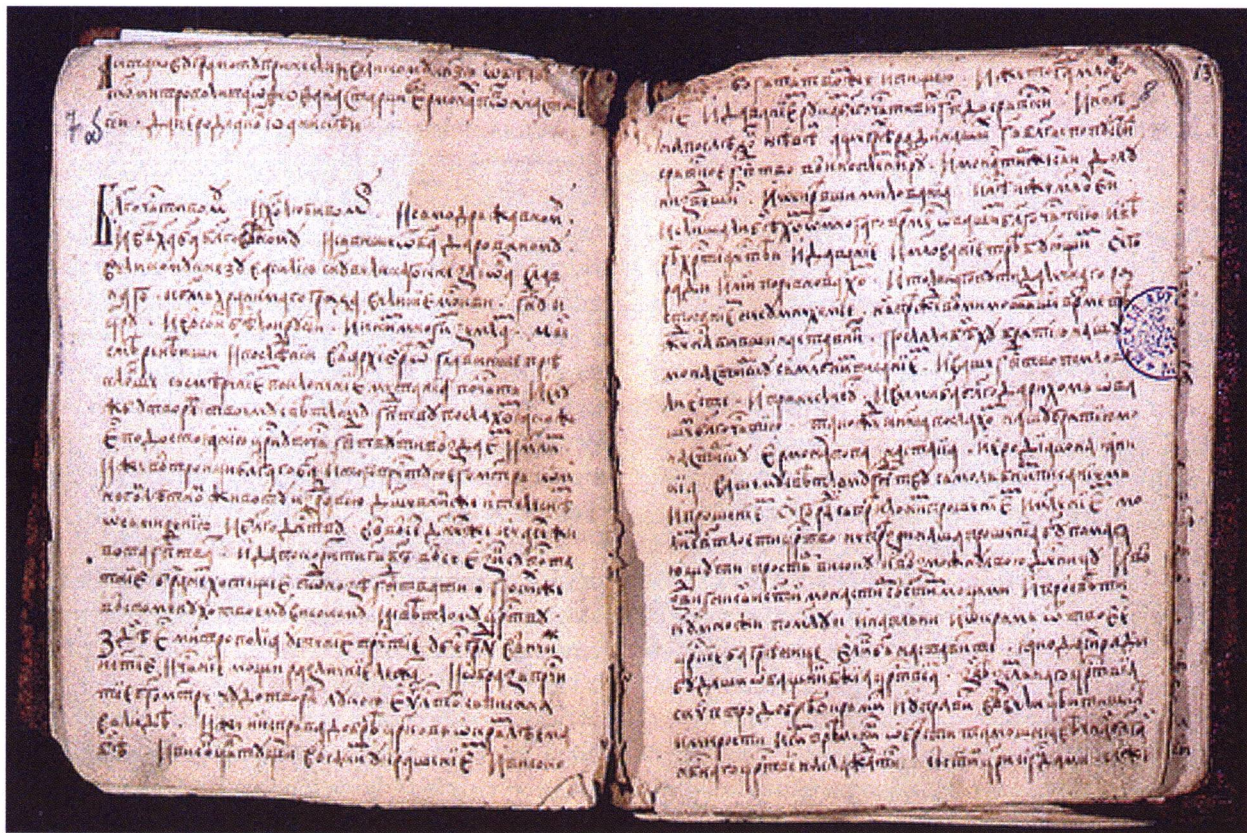
пыщенного, вплоть до маловразумительности. Еще большее влияние на развитие русско-сербских духовных связей XV в. оказал Пахомий Логофет (ум. не ранее 1484 г.), которого также называли Пахомий Сербии. Этот афонский монах прожил на Руси около пятидесяти лет, с трид-

цатых по восьмидесятые годы XV в., и за это время, без преувеличения, создал здесь целую литературу, написав едва ли не больше, чем все его русские современники, вместе взятые. Ему принадлежит или приписывается около 50 сочинений (порой представленных несколькими редакциями) разных жанров. В первую очередь, это жития русских святых и службы им, в том числе столь прославленных, без преувеличения ставших символами Российского государства, как Сергей и Никон Радонежские, митрополит Алексей, Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский, Михаил и Феодор Черниговские... Службы, написанные Пахомием, не только получили широкое распространение в рукописной традиции, но в XVII в. были опубликованы в печатных комплексах Минеи служебных и до настоящего времени используются в богослужении Русской православной церкви. С распространением в XVII в. русской печатной книги у южных славян эти творения Пахомия получили известность и в Сербии, и на Афоне. Творчество Пахомия сыграло большую роль в усвоении на Руси риторического стиля „плетения словес“, характерного для южнославянских литератур последней четверти XIV - первой половины XV вв”. Еще одним сербским духовным писателем XVI века, чье имя дошло до современных исследователей, был Аникита Лев Филолог, афонский монах, также создавший ряд сочинений с русской тематикой.

В XVI веке на Русь продолжает поступать значительное число сочинений и переводов, принадлежащих перу сербских духовных писателей, причем особую роль в этом продолжают играть афонские монастыри Хиландар и Русик. В то же

время, в поисках помощи от русских государей, в Москву начали активно прибывать особые монастырские посольства, приносящие в дар не только священные книги, но и особые полудокументальные-полулитературные произведения - рассказы о святынях и разных сторонах повседневной жизни и богослужения на Афоне. Первое такое посольство, о котором до нас дошли документы Посольского приказа, прибыло в Москву в 1509 году из Белградского Успенского монастыря. Впрочем, в самом тексте этих документов указано, что это посольство не было первым и что аналогичная помощь сербским монастырям уже оказывалась во времена княжения Ивана III (1462 —1505 гг.).

В результате активного посещения Руси сербскими духовными лицами появился и стал развиваться интерес московских книжников к житиям сербских святых. Когда в начале XVI века в Иосифо-Волоколамском монастыре началась работа над Русским хронографом (общей историей православного мира), при его написании были активно использованы пространные жития сербских святых XIII-XV вв.: святого Саввы, Стефана Уроша III Дечанского и деспота Стефана Лазаревича. Эти жития прочно вошли в состав русской книжности XVI-XVII вв., а их списки имелись во всех наиболее значительных библиотеках, включая отдаленный север и запад Руси. В то же время ряд сербских житий и повестей был включен в Минею Четью митрополита Макария. Косвенным свидетельством неразрывности сербско-русских связей, очевидной и для иноверческих властей, был тот факт, что вплоть до 1542 г. при дворе султана Османской империи действовала славянская канцелярия с



■ Посольская книга с записью о приезде в Москву в 1509 г. сербских монахов.

сербскими писцами, которая осуществляла дипломатическую переписку между Стамбулом и русскими землями.

Василий III на протяжении своего княжения (1505-1533 гг.) оказывал помощь не только сербским монастырям, но и канонизированной впоследствии монахине Ангелине (?-1520 г.), вдове последнего сербского правителя Стефана Бранковича, правившего в Смедерево.

В родословном древе первого венчанного на

царство русского самодержца Ивана IV Грозного (1533-1584 гг.) была „сербская кровь”. Его мать Елена Глинская приходилась по матери Анне внучкой сербскому вельможе Стефану Якшичу. Стефан Якшич, чьей дочерью была Анна, был вынужден покинуть свои земли в связи с набегом турок. Анна пережила своего супруга, присутствовала на свадьбе своей дочери Елены с Василием III, а потом пережила и дочь и присутствовала на первой свадьбе внука Ивана IV

И И И
1646
М
Л
В

КТО СЪ НАМЪ ЛЮБИВО ИЖИТЕ ДОБРО И ПО БЫ НАМЪ И КТО ПОТЕНОВА И ТО ПЕДИ СЕ ПО ИЖИТЕ

честіе всеніи вселеніи вконецѣхъ коблшомъ Слнцъ пражено. Второмъ Ко-
стантинъ новаго Рода. КТО СПЕИНАГО ТРАДА **У ОУ К В Ы**. Великомъ Царю
Црю. и Великомъ Кнзю **О Д Е Ж Е Ю** МИХАНДОВНУХЪ вхсен Русин са-
модержца: Скупѣры Великии Дартѣ на Востоцѣ ныи Сѣверѣ сдержашомъ.

Иже всерскіи земли дриидѣищеннаи оскити зывѣ аднашека. Хри вознесеніи Цаи бѣ испе-
ишиего **І С Х І**. Идже познаю стѣи тѣныи благодонныи цющи. Стго и Великаго чѣтворца.
Хвѣ сталъ **С А Б Ы**: първаго архіеікопа ипроектителя всѣхъ всерскіи ипоморскіи земли. Ад цющи
стѣи **К Г Л А Е В Ъ** Владислава и Дѣла: Тоже оскити сдиренныи **Х І Д А Н Д И Т Ъ**
Б Л А И Е: Същениции најкони истарци. поведалъ оу хвѣтство. Смиреныи иишии
идей и цюлицици твоен держакѣ царства: икесаѣ **С У Н К А И Т Ъ** и охрѣ погѣднѣи **К Н З Е**:
Еи іушо Цаколюхца бѣи всеи дѣи неперстании цюлици. Ивѣ Охрѣдованнѣи етѣи дѣи
бѣи: ипринеи и цюнонныи шци нашии Сумишии Незваго дурототца. и **С А Б Ъ** чѣи вѣи:
Еже естѣи пѣхилии на зарженіи. и вѣицѣи стомасти цркви. Еже иише сдиреніи пред-
стоитѣи. Аше инедогонныи цюлици. Ишо ад падасти держакѣи цѣи царствѣи здравіе
тѣи непѣи дѣи. Благошійи вѣишисе. жикотѣи дологотѣи. Огилици же каѣи при-
чѣсти. погѣи наевѣи погѣи. Съи нестолиции царствѣи прѣи ошисе царство. и
блѣи Оци и Снѣи и Стго дѣи: ад естѣи на царствѣи. и на прѣстолиции неа жлиции
стомасти цркви. Пошѣи дѣи естѣи благочѣи црѣи акѣи вѣи иише дѣи
и здѣи шисеи Покровѣи на стѣи Великии цркви. вѣи же ивѣици шѣи стѣи
ошѣи: иишеи задолиции. Авхѣи иишеи дѣи. иишеи іушѣи неи
дѣи, тои погѣи итѣи прѣици. Тош дѣи пошѣи дѣи царствѣи ошѣи шѣи
нашеи **І С Х І М І Н Д Е Т Ъ** Великии: Попѣи, Внѣишѣи: Попѣи, Сѣишѣи: Келѣи,
Антѣи: Дѣишѣи сѣи: дѣишѣи кинѣи стомасти благочѣи. вѣи естѣи всѣи.
Ипринеиции наи неишѣи шѣи цюлици, иишеи цѣи тѣи цюлици стѣи Вели:
киици **И Р И К И**: Мѣи Уліи, вѣи. Іушѣишѣи Прѣишѣишѣи **Ц Р Ю** пошѣи.
Стѣи Оскити, иишеи иишеи Великии дѣи итепѣи дѣишѣи вѣишѣи стѣи Вели:

КОДА ХДОТКОЦЪ •

Иишѣи иишѣи цюлиции твоици. Идѣи бѣи дѣишѣи иишеи можнѣи акѣи дѣишѣи:
цѣишѣи иишеишѣи вѣишѣи иишеишѣи иишеишѣи иишеишѣи иишеишѣи иишеишѣи:

С М І Р Е Н Н Ъ



В А С І Л І Е

Грозного. Важно отметить, что о существовании „сербской крови” в генеалогическом древе Ивана IV Грозного стало известно и в сербских краях, где горделивое упоминание об этом факте появилось в родословной сербских правителей, составленной в середине XVI века. Историки архитектуры связали с именами Елены и Анны придел и алтарь в знаменитой церкви Иоанна Предтечи, построенной в середине XVI века в подмосковном селе Дьяково. В Кремле на фресках Архангельского собора, храма-усыпальницы русских царей, расписанного при Иване IV Грозном, сохранились до наших дней лики сербских святых: Св. Саввы Сербского, Св. Симеона и князя Лазаря, павшего на Косовом поле. Наконец, выходцами из сербского Хиландарского монастыря в 1571 году в Москве недалеко от Печатного двора был основан Николо-Греческий (в то время „греческий” часто означало „балканский”) монастырь в Китай-городе, память о котором хранится в названии современной улицы Никольской.

Крах династии Рюриковичей и Смута не прервали приток на Русь монахов и книжников с Балкан, а с воцарением династии Романовых (1613 г.) русско-сербские культурные связи еще более оживились. Сербские монахи и иерархи везли из Москвы в сербские земли предметы церковной утвари, облачения, богослужебные книги, а также материальную помощь деньгами, мехами, серебряной посудой и отрезами тканей. Русские границы начинались для тогдашних сербских путешественников в Путивле, Севске и Батурине. Прибывших в Путивль сербских странников местные воеводы подробно опрашивали о военной, политической и международ-

ной обстановке по пути следования. В Путивле же странники могли проводить несколько месяцев, ожидая ответа из Москвы, при этом им предоставлялись двор, поденный корм и небольшое содержание за государственный счет. После получения разрешения на проезд из Москвы или показав уже имеющуюся у них жалованную грамоту русских царей на проезд в Россию за милостыней, монахи получали возможность прибыть в сопровождении пристава в первопрестольный город. В столице монахов вновь опрашивали дьяки Посольского приказа и размещали их на постой в ожидании царской аудиенции, после которой гости отправлялись восвояси, награжденные жалованной грамотой и остальными подарками. Чтобы ограничить поток просителей и сократить расходы на их содержание, со временем было разрешено пропускать в Москву только представителей сербских монастырей, уже имевших жалованные грамоты. Остальным же вручали небольшую милостыню на границе и отправляли восвояси. При этом с сороковых годов XVII века в самих жалованных грамотах стали ограничивать и сроки приезда для каждого монастыря, в соответствии с размером и значением каждого конкретного монастыря. Наиболее часто (раз в четыре года) разрешалось пребывать за помощью монахам монастыря Милешева.

Таким образом, общей чертой первого периода русско-сербских отношений было преобладание духовных связей, причем даже светские правители (сначала сербские, а потом русские) в первую очередь оказывали материальную поддержку именно монастырям как центрам православия. Политические связи (не говоря уже об

экономических отношениях) практически отсутствовали. Несколько сообщений о прибытии на русскую службу (и на поселение в Россию) сербских светских лиц стоит признать скорее исключением, чем правилом. Русь в то время была слишком далека от Сербии, чтобы могла восприниматься как реальный политический фактор.

Второй период русско-сербских связей. XVIII век

Показательно, что с первых дней правления Петра I (1682-1725 гг.) на Балканах появляется нашедшая отклик у российских самодержцев идея о том, что Россия может помочь православным народам в освобождении от турецкого ига. К тому есть несколько предпосылок, коренившихся как в обстановке на Балканах, так и в ситуации в русском пограничье. С одной стороны, Россия на пути своего расширения в направлении юго-запада вступила в череду русско-турецких войн, первая из которых произошла в 1676—1681 гг., а последняя (двенадцатая по счету) в 1914-1918 гг. С другой стороны, на Балканах разгоралась очередная австро-турецкая война (1683-1699 гг.), причем к 1689 году австрийские войска освободили уже от турецких войск значительную часть Западных Балкан и дошли до территории современного Косова и Метохии, плавно переходя от освобождения к экспансии, чем вызывали нараставшие опасения православных народов Балканского полуострова. В этих условиях патриарх Арсений III Черноевич (1633 — 1706 гг.), духовный лидер сербского народа (утратившего к тому времени светских владык), решает, помимо традицион-

ной в то время для сербов политической опоры на Австрию, обратиться за военно-политической поддержкой и к России.

В 1689 году в Россию с тайным посланием патриарха Арсения III Черноевича прибыл Исаия, архимандрит монастыря св. Павла на Афоне. В ответе на это послание Москва подтвердила, что имеет обо всех православных „попечение неотменное”, а также заявила о решимости „со всеми своими ратями... прийти на помощь” против турок и для этого послать войска валашскому воеводе Щербану Кантакузину, который также незадолго до этого обратился с просьбой о военной помощи.

Хотя условия на самих Балканах изменились (Щербан Кантакузин был отравлен боярами, опасавшимися его антитурецкого экстремизма), и до боевого взаимодействия дело так и не дошло, между сербским патриархом Арсением III Черноевичем и русским посланником в Вене К. Н. Нефимоновым установились прочные связи, патриарх „со слезами” сообщал русскому дипломату о разорении православных церквей католическими епископами и о принуждении прихожан к унии. В 1697 году на Троицу сербский иерарх совершил службу в посольстве, а Нефимонов сделал заявление австрийскому правительству о притеснении сербского населения. Это было первое официальное выступление российского официального лица в защиту прав сербов.

Вскоре в Вену прибыло российское Великое посольство (1697—1698 гг.), в состав которого входил и сам Петр I, к нему также обратился Арсений III Черноевич с просьбой защитить сербов от притеснений католиков и убедить австрий-



■ Исход сербов с Косово в Австрию 1690 г. Художник П.И.Иованович.

ского императора предоставить православным право на свободу вероисповедания, обещанное при переселении в пределы империи Габсбургов. Последовавшие за этим очередные дипломатические шаги по защите интересов православных сербов были предприняты уже новым российским послом в Вене П. Б. Возницыным, который продолжил контакты с сербским патриархом. В ответ на эти шаги в марте 1699 года Возницыну

от императора Священной Римской империи Леопольда был передан документ, в котором была гарантирована свобода вероисповедания сербов на территории Австрийской монархии. В ходе подписания Карловицкого (1699 г.) и Константинопольского мирного договора (1700 г.) российские представители среди других дипломатических приоритетов пытались отстаивать и интересы сербского населения в Австрии и Тур-

ции. Таким образом, Россия впервые выступила как защитник интересов сербов на международных переговорах, что было также первым политическим выступлением России в защиту православных народов Балкан вообще.

В это же время начался активный приток в Россию сербских мирян, прежде всего - военных, стремившихся поступить на службу. Среди многочисленных сербских переселенцев того времени наиболее известен близкий соратник Петра I - Савва Владиславич-Рагузинский (1668-1738 гг.), снискавший лавры на дипломатической стезе и прославившийся тем, что возглавил первое успешное посольство России в Китае, подписавшее Кяхтинский договор (1727 г.) о разграничении между Россией и Китаем. В то же время Россия впервые пытается сама инициировать восстание сербов против Порты для отвлечения части турецких сил, с которыми она ведет военные действия. С этой миссией в 1711 году с грамотой к сербам и черногорцам был отправлен Михаил Милорадович. В то же время С. Владиславич-Рагузинский направил письмо с призывом подготовиться к открытым военным действиям сербским полковникам Текелии, Вуличу и Рашковичу, приславшим в 1710 году в Москву, в качестве своего эmissара, полковника Богдана Поповича с письмом, в котором сообщалось, что 10 тыс. сербов из австрийских владений готовы, в случае войны с Турцией присоединиться к русским. Из-за сопротивления австрийских властей прямой поддержки русские войска не получили, но, тем не менее, в Прутском походе в армии Петра I было около 500 сербов. В то же время черногорцы напали на Никшич, Подгорицу и Жабляк. В отместку за это выступление

были совершены походы боснийского визирия Ахмед-паши (1712 г.) и Нуман-паши Чуприлича (1714 г.). Прибывшему в Россию главе черногорцев митрополиту Василию российское правительство выдало жалованную грамоту, а также крупную сумму денег для помощи пострадавшим церквям и народу, положив начало практически регулярным выплатам, направленным на поддержание сербского народа Черногории. В дальнейшем, в годы очередных русско-турецких войн (1735—1739 гг. и 1787—1792 гг.) призывы русских представителей к восстанию находили отзыв у черногорцев, нападавших на Никшич и Подгорицу, которые были в руках лояльных Порте сербов-потурченцев.

Важно отметить, что, если отдельные сербы из Боки и Далмации (Марко Мартинович и Матвей Змаевич) способствовали созданию русского Военно-морского флота, где все же доминировали голландские специалисты, то более многочисленные сербские выходцы из турецких и, особенно, венгерских земель в 1723-1760 гг. стали одним из наиболее важных компонентов при создании частей русских гусаров.

Заметим при этом, что, хотя поток просьб о помощи материальными средствами, иконами и утварью со стороны сербского духовенства не прекращался, в духовных контактах русских и сербов появилась новая компонента. Все началось с составленного 1 сентября 1718 года прошения белградского митрополита Моисея Петровича Петру I, где излагалась просьба не только о традиционной помощи сербским церквям, разоренным турками, но и о присылке учителей из России, т. к. предоставленные австрийскими властями „...римские учителя создают недора-

зумения и прельщают незлобивых и неученых словами о православной вере нашей и об исповедании нашем, чтобы привести их к ...своему учению и [заставить их-А. Т.] стать чадами римского костела". В ответ на это письмо, прибывшее в Россию в 1721 году, в сербские земли в 1725 году для обучения детей славянскому и латинскому языкам выехал переводчик Синодальной типографии Максим Терентьевич Суворов с семейством. С собой Суворов привез букварь Феофана Прокоповича и грамматику Мелентия Смотрицкого, по которым сербские дети учились вплоть до времен реформатора сербского языка Вука Караджича (1787-1864 гг.).

В 1726 г. Суворов открыл первые сербские светские школы в Белграде, Сремских Карловцах, Нови-Саде и Сегедине. После того, как в 1731 году Суворов выехал в Россию, в сербские земли приезжали другие русские просветители, питомцы Киевской духовной академии - Э. Козачинский, П. Казуновский, Т. Климовский, Г. Шумлян, Т. Левандовский, И. Минацкий. Наиболее значимой была деятельность Эммануила Козачинского, который не только обновил школу Суворова в Сремских Карловцах, но и силами учеников школы поставил на сцене написанное им по мотивам сербской истории произведение. Таким образом, он стал первым сербским драматургом и режиссером. В то же время соратники Э. Козачинского не только помогали ему, но и преподавали в Белграде, Осиеке, Вуковаре и Сегедине. Хотя австрийское правительство вскоре добилось изгнания русских учителей, они успели сделать важнейшее дело - было воспитано целое поколение сербских священников и учителей, помнивших своих воспитателей и исполь-

зовавших русские книги. Некоторые из этих питомцев, а также воспитанников этих питомцев посещали Россию и получали образование в Киевской духовной академии. В результате сформировался особый, т. н. „славяносербский” язык - литературный язык, возникший на основе церковно-славянского, русского и сербского простонародного языков. Славяносербский язык использовался образованными слоями сербского народа вплоть до начала XIX века, пока Вук Караджич не очистил его от русских и церковнославянских элементов, избавив от слишком сложной грамматики и лишних букв и обогатив жаргонными выражениями турецкого и немецкого происхождения для сближения литературного языка с языком широких народных масс. Тем не менее, эпоха „славяносербского” языка стала временем возникновения особой культурной среды, имевшей неограниченное значение для развития и сохранения сербского народа в Воеводине и Славонии.

Ручеек сербских переселенцев, направлявшихся в Россию при Петре I, во времена правления его дочери Елизаветы (1741-1761 гг.) превратился в полноводный поток. В 1751 году на малороссийских землях Российской империи началось формирование особых областей, т. н. Новой Сербии и Славяносербии - военно-земледельческих поселений сербов и других балканских переселенцев, эти области просуществовали до 1764 года. Автономная область Славяносербия, с центром в городе Бахмуте, была подчинена непосредственно Сенату и Военной Коллегии. Переселение сербских семей в Россию было впоследствии описано в двухтомном романе „ Переселения”, вышедшем из-под пера классика сербской литературы Ми-



■ Новая Сербия. Расселение сербов на территории Российской империи. Карта 1769 г.

лоша Црнянского. Стоит отметить, что отъезд в Россию целых сербских семей, бесследно растворившихся в городках и деревушках Новороссии, сыграл значительную роль в переоценке Габсбургами позиции, занятой по отношению к сербам, проживавшим в австрийских владениях. Угроза оттока сербского населения в Россию и усиления среди сербов русского культурного влияния (завезенного русскими учителями) способствовала улучшению общего климата в Австрии по от-

ношению к сербам.

В годы правления императрицы Екатерины II (1762-1796 гг.) поток сербских переселенцев, благодаря предпринятым Австрией шагам, стал пересыхать. В то же время контакты Российской империи с сербским населением Балканской империи не прекращались. В 1769 и 1788 гг. императрица обращалась с призывами к православным народам Балканского полуострова поднять восстание против власти Порты после

начала очередных русско-турецких войн (1768-1774 и 1787-1792 гг.). В ходе этих войн русские войска впервые вторглись на территорию Балканского полуострова и успешно разгромили войска Порты. Кючук-Кайнарджийский (1774 г.) и Ясский (1792 г.) мирные договоры между Россией и Османской империей не только положили конец двум победоносным войнам екатерининской России против Турции, но и существенно укрепили военно-политический авторитет России на Балканах как реального гаранта интересов православных славян в Турции. С этих пор в Петербург стали поступать различные проекты сербских духовных и светских лидеров об освобождении сербских земель под покровительством России. В конце своего правления при поддержке советника и приближенного Григория Потемкина Екатерина II начала разрабатывать т. н. „греческий проект“, сводившийся к разделу зон влияния на Балканах между Австрией и Россией и созданию в восточной его части реинкарнации Византии под скипетром Константина Павловича, сына Екатерины II. Важно отметить, что сербские земли не попадали в рамки этого проекта и безоговорочно оставались в зоне политического влияния Австрии. Смерть Григория Потемкина (1791 г.) и смерть Екатерины (1796 г.) похоронили этот проект, вызвавший большую настроженность в Австрии.

В качестве исторического курьеза стоит отметить имевший в то время первый случай относительно массового переселения на Балканы беженцев из России. Речь идет о бежавших из России раскольниках-липованах, некрасовских казаках, участниках восстания донских казаков под предводительством К. Булавина (1707-1709 гг.), пере-

шедших во главе с атаманом И. Некрасовым на сторону Османской империи, а также о запорожцах из разгромленной в 1775 г. Запорожской Сечи. Впрочем, стоит отметить, что большая часть этих поселенцев была расселена на территории современной Румынии и только незначительная их часть размещена на северо-восточных границах современного сербского Баната. В настоящее время на Балканах сохранилась лишь община липован, проживающая в Румынии.

Общей чертой второго периода русско-сербских связей стало активное „обмирщение“ русско-сербских связей. Россия в это время пришла на Балканы и установила первые политические контакты с сербами, защищая их религиозные права перед Портой и Габсбургами и пытаясь уговорить их переселиться в Россию или побудить к восстанию. В то же время, Россия еще не видела в себе сил и желания решать политическое будущее сербских земель и даже в рамках фантастического „греческого проекта“ оставляла сербские земли вне зоны своего политического влияния.

Третий период русско-сербских связей. XIX век.

Логика русско-турецких войн привела к тому, что в ходе очередной русско-турецкой войны (1806—1812 гг.) русские солдаты впервые вступили на населенные сербами земли. Русско-турецкая война 1806-1812 гг. была вызвана нарушением Турцией русско-турецких договоров о том, что назначение и смещение правителей в Молдавии и Валахии, пользовавшихся в составе Турции автономией, должны происходить с

согласия России. После того, как в августе 1806 г. Порта сместила правителей Молдавии и Валахии, в княжества были введены русские войска в соответствии со статьей 16 Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.). Турецкая сторона отнеслась к этому крайне неодобрительно, в результате дело дошло до вооруженных столкновений, которые под влиянием французского посла в Стамбуле переросли в полномасштабную русско-турецкую войну. Интересно, что передовыми войсками русского корпуса, освободившими от турок Бухарест, командовал Михаил Андреевич Милорадович (1818—1825 гг.) правнук вышеупомянутого сподвижника Петра I сербского переселенца Михаила Ильича Милорадовича.

В то же время в подвластных туркам землях Сербии полыхало Первое сербское восстание (1804-1813 гг.). Восстание возникло на приграничных территориях, которые несколько раз в XVIII веке переходили от турок к австрийцам и обратно. Приученные к постоянной войне в территориальных войсковых частях сербские переселенцы с неприязнью воспринимали каждое новое возвращение под турецкую власть. Впрочем, путем амнистии и послаблений в таможенном контроле турецкие власти добились лояльности сербского населения, которое смогло найти свою нишу в пограничной торговле между австрийскими и турецкими землями. Этому благополучному проживанию христианского населения помешали янычары, чье анархичное поведение вызывало возмущение не только сербов, но и турецкой администрации. В 1801 году янычарские вожди (т. н. „дахии,“) в Сербии убили белградского пашу и завели в ней террористическое правление, ликвидировав в крае ле-

■ Портрет князя Карагеоргия Петровича. Художник В.Л. Боровиковский, 1816 г.



гальные институты османской власти. В феврале 1804 года, видя брожение в сербской среде, дахии устроили резню, в которой убили около 150 сербских старост, священников и торговых людей. Вместо устрашения народа эта мера привела к противоположным результатам, сербы восстали, избрав в качестве вождя авторитетного торговца с богатым военным опытом Георгия Черного (Карагеоргия). В первых же сражениях военная удача улыбнулась сербам, формаль-

но выступавшим на стороне своего суверена - турецкого султана, который даже поддержал их на первых порах, послав в Сербию войско под командованием боснийского Бечир-паши. В то же время сербские лидеры попытались заручиться и международной поддержкой, обратившись к своему традиционному политическому защитнику - Австрийской монархии. Но австрийцы не пожелали усложнять свои отношения с султаном в момент, когда на западных границах им угрожал Наполеон. Тогда восставшие попытались обратиться к России и даже к Франции, но не нашли поддержки и у них. Тем временем Белград был взят, дахии истреблены, а между Бечир-пашой и вождями сербов начались сложные переговоры о том, какие привилегии и гарантии должны были бы послужить наградой сербскому народу пограничных областей за помощь в ликвидации восстания янычаров. Весной-летом 1805 года потерявшая терпение Порты решила разрешить сложившуюся ситуацию силой, однако войска нового белградского паши потерпели поражение. Тогда в Стамбуле приняли решение собрать силы и в 1806 году нанести удар по занятым сербскими повстанцами территориям с трех сторон: с востока (из Видина), с юга (из Ниша) и запада (из Боснии). Сербским повстанцам удалось не только отразить эти удары османских войск, но и перейти в контрнаступление, которое помогло обеспечить оборону освобожденной территории. В этих условиях летом 1806 года начались переговоры повстанцев с Портой, которые в Стамбуле вел представитель сербов Петр Ичко (1775—1808 гг.). П. Ичко сумел получить лишь устные обещания условий мира, по которому захвачен-

ная повстанцами территория освобождалась от присутствия янычар, дань выплачивалась напрямую без турецких сборщиков, а сербы получали возможность нести службу по защите границы с Австрией и обеспечению безопасности в крае. Отсутствие международных гарантов (держав-поручительниц) этих обещаний Порты, не склонной к тому, чтобы держать данное неверным словом, настораживало сербов.

Поэтому начавшаяся в это время русско-турецкая война и поступившие от русских военных и дипломатических властей призывы упали в Сербию на благодатную почву, переговоры П. Ичко были прерваны. Россия оказала сербским повстанцам помощь крупными суммами денег, оружием и боеприпасами. Ситуация осложнялась шедшей параллельно войной между наполеоновской Францией и союзническими армиями России и Пруссии (1806-1807 гг.), в результате которых Россия не могла сконцентрировать все усилия на балканском театре военных действий. Большая часть боевых действий между русскими и турецкими войсками шла на территории Валахии, в свою очередь, сербским повстанцам удалось овладеть крепостями Белград и Шабац. Зримым началом военному сотрудничеству русских и сербов послужило прибытие 13 мая 1807 года в восточную Сербию отряда русских войск под командованием генерал-майора И. И. Исаева. Действуя совместно с войсками пожаревацкого воеводы Миленко Стойковича, у деревни Штубик русские войска разбили крупный отряд турецких войск.

Важно отметить, что в то же время состоялся поход русского Балтийского флота под командованием адмирала Дмитрия Николаевича Сени-

вина в Средиземное море в 1805-1807 гг., в ходе которой в 1806-1807 гг. имела место Адриатическая экспедиция. В ходе последней русский флот при поддержке славянского населения Боки Которской и черногорцев в феврале 1806 года вытеснил французов и австрийцев из крепостей Которской бухты, в результате чего черногорцы и жители Боки присягнули на верность российскому императору Александру I (1801-1825 гг.). После занятия Которской бухты Д. Н. Сенявин решил попытаться занять Дубровник и важнейшие острова этой части Адриатики (Млет, Корчула и Ластово). Хотя десанты русских войск на острова и увенчались успехом, борьба за мощную крепость Дубровник окончилась безрезультатно. В этой борьбе отрядам русских моряков, бокельцам и черногорцам противостоял французский гарнизон, пущенный в Дубровник его жителями-католиками, у которых действия объединенных русско-черногорских войск вызывали большие опасения. После ухода русского флота в 1807 году Которская бухта оказалась в руках Австрии до 1918 года. Тем не менее, действия Д. Н. Сенявина на Адриатике и предпринятая им последующая блокада Дарданелл сильно ослабили решимость турок сопротивляться.

В августе 1807 года Турция и Россия подписали двухлетнее перемирие, в которое были дополнительно включены обещания турок прекратить военные действия против Сербии. Таким образом, Сербия получила возможность передышки, которую Россия использовала для усиления военного потенциала повстанческой армии: в Сербию были направлены вооружение и деньги, командированы военные специалисты для помощи повстанцам в фортификационных работах,

организации пороховых мастерских, обучении артиллеристов, литейном деле и т. д. Прибыл в Сербию и первый российский дипломатический представитель Константин Родофиникин (1760-1838 гг.), пытавшийся противостоять австрийскому влиянию, развитому среди тех кругов сербского общества, чье благополучие зависело от торговли с соседней Австрией. Действия Родофиникина не всегда находили симпатии среди сербов, но объективно способствовали укреплению власти Карагеоргия, который уже провозгласил себя „верховным предводителем сербского народа”. Однако прекращение перемирия привело к ускоренному наступлению турецких войск на Сербию, вызвавшему паническое бегство в Австрию многих сербских семей и самого представителя России К. Родофиникина.

Активизация действий русской армии за Дунаем привела к тому, что турки приостановили наступление. В 1810-1811 гг. сербские повстанцы и посланные им на поддержку русские экспедиционные корпуса одержали несколько побед (под Ясикой, на Варваринском поле, под Лозницей и т. д). При активной поддержке русских войск повстанцам удалось успешно отбить все нападения турок и даже расширить освобожденную территорию. В Сербию прибыл и новый русский представитель Ф. И. Недоба. Кроме того, Сербия вновь получила от русского командования Дунайской армией большие суммы денег, вооружение и боеприпасы, военных медиков, а также инструктора для обучения сербских артиллеристов. Из Петербурга со специальным нарочным была послана и помощь сербским церквям. Угроза нападения Наполеона на Россию заставила русских ускоренными темпами доби-

ваться мира с Турцией. Русские военные и гражданские лица покинули Белград. Между Россией и Турцией был подписан Бухарестский мирный договор 1812 года, в котором отдельной статьёй была упомянута обязанность Турции предоставить сербам амнистию, автономию и отказ от турецких сборщиков налогов. Бухарестский договор, с одной стороны, был первым международным документом, который спустя несколько столетий говорил о существовании автономного сербского государственного образования. С другой стороны, подписание договора было полной неожиданностью для сербов, пользовавшихся к тому времени „де-факто” куда большей степенью свобод, нежели чем по договору была обязана предоставить им Турция.

Воспользовавшись ослаблением России, Турция решила отказаться от выполнения данных России обязательств по поводу судьбы сербов, чем спровоцировала их новые возмущения. Строгость, с которой выбивались подати, проводилось разоружение, и организация принудительных работ вновь накалила ситуацию. Протоиерей Матия Ненадович обратился с просьбой к России помочь Сербии получить статус, сходный со статусом Молдавии и Валахии, находившихся фактически под русским протекторатом. В апреле 1815 года вспыхнуло Второе сербское восстание, во главе которого стоял Милош Обренович, более осторожный, чем Карагеоргий, политик, который стремился решить вопрос переговорами, и лишь при их неудаче прибегать к оружию. Боевые действия между сербскими повстанцами и турецкими властями не достигли такого уровня накала, как в Первом сербском восстании, и утихли после



Князь Милош Обренович. Художник М.Доффингер, ок. 1848 г.

нескольких месяцев боев, неудачных для турок. В 1816 г. Обренович присягнул на верность турецкому султану и был назначен „башкнезом” Сербии, то есть получил полномочия самостоятельно решать все внутрисербские вопросы, если они не затрагивали интересы турок. Расчищая себе дорогу к власти, в 1817 году Милош Обренович приказал убить вождя Первого сербского восстания Карагеоргия. Россия, вышедшая победительницей из войны с Наполео-

оном, была мощным сдерживающим фактором, охлаждавшим энтузиазм Порты. При этом активная дипломатическая деятельность агентов Милоша Обреновича в значительной степени опиралась на покровительство русских дипломатов в Стамбуле.

В 1826 году по требованию российского императора Николая I (1825-1855 гг.) Турцией была подписана т. н. Аккерманская конвенция, в которой Турция брала на себя обязательства по соблюдению статей Бухарестского мира, в том числе и по отношению к Сербии. Отказ турецкого султана Махмуда II выполнять условия Аккерманской конвенции привел к очередной русско-турецкой войне, в которой Турция вновь потерпела поражение и была вынуждена подписать Адрианопольский мирный договор 1829 года. Согласно этому договору, Турция была обязана предоставить Сербии автономию, вернуть ей „шесть округов, от сей области отторгнутых, и таким образом навсегда обеспечить спокойствие и благосостояние верного и покорного народа сербского”. Эти свои обещания султан был обязан провести личным указом - „хатт-и-шерифом”. Два этих указа и были подписаны султаном в 1830 и 1833 годах. В результате Сербия превратилась в автономное княжество, начав путь обновления сербской государственности, хотя и оставалась в составе Турции, имела на своей территории несколько крепостей с турецкими гарнизонами и выплачивала Порте дань. Положительным явлением было и то, что все выплаты туркам совершались централизованно, что решило земельный вопрос, ликвидировало спахийское (крепостное) землевладение и надолго превратило Сербию в

страну мелких свободных собственников.

Сербия находилась у границ Австрии, представлявшей богатый рынок для сербских товаров, а также имевшей значительное сербское население, более образованное и европеизированное, чем турецкие сербы, а потому и давшие столь много своих представителей деловой и политической элите княжества. В это же время крайне сократились культурные и духовные связи между Россией и Сербией, которая начала активное погружение в географически более близкую средневропейскую культурную среду. Впрочем, были и исключения: в 1849 году в Сербию из России прибыли, по просьбе сербского князя и по соизволению императора Николая I, преподаватели Д. А. Рудинский и В. Т. Вердиш. Они преподавали в Белградской семинарии библейскую географию, русский и церковнославянский языки. Но этого было явно недостаточно для обеспечения культурного влияния, учитывая тот факт, что в те годы в Белграде, кроме семинарии, действовали еще и лицей, инженерная школа и военная академия. В Белграде и других крупных приграничных городах стала складываться среда, чьи экономические и политические интересы были тесно связаны с Австрией. Россия же не имела в то время сколько-нибудь заметного экономического интереса в Сербии. В результате в Белграде началось соперничество между представителями России и Австрии, осложнявшееся внутренними сербскими политическими дразгами, спорами вокруг конституции и борьбой между двумя династиями, Обреновичей и Карагеоргиевичей, сменявшими друг друга на престоле путем дворцовых переворотов. В этот период в Сербии начало складываться не-

обычное, на первый взгляд, положение, когда олигархи и крупные бюрократы, связанные своими деловыми интересами с Австрией, относились к России прохладно и даже равнодушно. В то же время, жившие в условиях, близких к экономической автаркии крестьяне, мелкие служащие, военные и учителя испытывали куда более теплые национальные чувства, а, значит, в большей мере надеялись на помощь России, как традиционного сторонника идеи освобождения турецких славян. Управлявшая Сербией элита выражала, в основном, интересы крупных торговцев и практически являлась олигархической, что и определяло вектор развития сербской внешней политики.

Данный процесс привел к краху русской политики в этой части Балканского полуострова в годы Крымской войны (1853—1856 гг.), когда Сербия (в отличие, например, от более лояльной и зависимой от русских дотаций Черногории) отказалась начать борьбу против турок в то время, когда коалиция Англии, Франции и Турции общими усилиями расправлялась с русской армией. Дело дошло до того, что генеральный консул России Федор Антонович Туманский в результате интриг представителей Франции и Англии в Белграде оказался в крайне тяжелом положении. В 1853 г. сербский князь и его правительство фактически перешли к бойкоту русского консула Ф. А. Туманского, что, согласно мнению современников, и послужило причиной его смерти от инфаркта. В результате, приехавший ему на смену русский консул Мухин вообще отказался поселяться в Белграде и расположился в Земуне, принадлежащем тогда Австрии.

Поражение России в Крымской войне, следовавшее в 1856 году, привело к уходу России с Балкан в качестве международно-признанного покровителя православных народов в Турции. Это помогло Румынии и Сербии сделать шаг к своему суверенитету, избавившись от патроната иностранного государства. С другой стороны, в чиновничьей среде российского МИД наступило известное разочарование по отношению к сербам, сохранявшееся сравнительно долго, несмотря на колебание официальной линии России по отношению к Балканам. Лишь после дворцового переворота 1858 года и ухода от власти Александра Карагеоргиевича (1842-1858 гг.), ликвидации власти олигархов и очередной смены династии отношения между Россией и Сербией выровнялись.

С другой стороны, в тот же период Россия начинает дипломатическую борьбу за утраченные в результате Крымской войны позиции, вообще, и на Балканах, в частности. Активную роль в этом играл Александр Михайлович Горчаков (1798-1883 гг.), обратившийся в 1860 году к европейским правителям с напоминанием о бедственном состоянии христианских народностей, т. к., по словам Горчакова, „совесть не позволяет России долее сохранять молчание о несчастном положении христиан на Востоке”.

Отношения России и Сербии несколько улучшились в годы правления Михаила Обреновича (1860-1868 гг.). В то время Россия оказала дипломатическую помощь Сербии в борьбе за вывод турецких гарнизонов из Сербии в 1867 г. Кроме того, Россия предоставила Сербии несколько крупных денежных займов на военные нужды и поощряла стремление Сербии возглавить

освободительное движение на Балканах. Стремившаяся стать „Пьемонтом Балкан” Сербия заключила договор между Сербией и Черногорией, а также договор между Сербией и лидерами болгарской эмиграции, находящимися в Бухаресте. Эти договоры оговаривали совместную борьбу с Турцией и создание крупного православного славянского государства под властью сербского князя. Все это обеспокоило не только Турцию, но и Австрию. В результате, Михаил Обренович вскоре был убит террористами, причем следы заговора вели в Австрию.

Необходимо отметить, что в 60-е годы XIX века в России, в результате потепления политического климата, общей либерализации и отмены цензуры начинает расти роль гражданского общества, объединявшегося в отдельные группы, имевшие сходное мнение по многим насущным проблемам, стоявшим в то время перед Россией. Эти группы имели свою позицию не только по внутренним, но и по внешним вопросам, и, в том числе, славянскому. Хотя симпатии к славянским народам под властью Турции были общими, представления о будущем славян были различными.

Началось активное взаимодействие этих русских общественных групп с сербскими элитами. В 1859 году русские славянофилы составили известное „Послание к сербам”, которое фактически написал один из лидеров славянофилов А. Хомяков, а подписали, кроме него, Ф. Чижов, Иван и Константин Аксаковы, Ю. Самарин, М. Погодин, И. Беляев, Н. Елагин, П. Безсонов, П. Бартевев, А. Кошелев - практически весь цвет русского славянофильского движения. Информацию о Сербии славянофилы черпали не только из прес-

сы, но и от знакомых чиновников МИД, самым известным из которых был славянофил младшего поколения А. Ф. Гильфердинг. В Сербию послание привез и распространял И. С. Аксаков, пытавшийся распространить его не только среди сербов Княжества, но и в окольных сербских землях, находившихся под властью Турции и Австрии. Послание является удивительным переплетением советов традиционалистского (опора на православие, патриархальный семейный быт, общину; осторожность по отношению к Западу; предостережение по поводу хорватов) и либерального толка (отмена смертной казни; веротерпимость; значение попечительства о распространении знаний и обеспечение всем слоям общества доступа к образованию; высокая роль местного самоуправления; недопущение раздела общества на благородных и низших; значение свободы мнений и свободы печати; видение духовных пастырей как авторитетных лиц, но без того, „чтобы они величали себя церковью, отдельно от народа”), что отражало мировоззренческую концепцию самих славянофилов. В дальнейшем эта своеобразная комбинация идеи технического прогресса с Западом и собственной традиции помогла сформировать идеологический корпус наиболее массовой сербской партии до Первой мировой войны - радикальной партии Николы Пашича. Не иначе, как превратностью судьбы стоит назвать тот факт, что младший сын Хомякова Николай (1850-1925 гг.) после революции нашел пристанище в Югославии, где и умер. В эмиграции в Югославии Николай Алексеевич Хомяков жил на пособие, которое получал от короля Александра Карагеоргиевича в знак уважения деятельности его отца на благо Сербии.

В 60-е годы XIX века начали развиваться и другие общественные связи между сербами и русскими - „революционно-демократические”. Наиболее значительным из такого рода влияний можно считать воздействие русской среды на Светозара Марковича (1846—1875 гг.), отца-основателя сербского революционно-демократического направления и публициста социалистического толка, который тесно общался с русской революционно настроенной молодежью в Петербурге в годы обучения там, в качестве студента-стипендиата. Стоит отметить, что в дальнейшем С. Маркович повлиял как на создателя уже упоминавшейся радикальной партии Н. Пашича, так и на будущих сербских социал-демократов (в том числе, и на предшественников коммунистической партии).

Русские революционно настроенные студенты приезжали и в Сербию, где их деятельность также оставила свои следы. Так, во Втором съезде сербской „Омладины” (молодежной организации либерального толка, имевшей значительный авторитет в среде сербской элиты; члены организации в дальнейшем заняли видные позиции в политике, образовании и культуре), состоявшемся в августе 1867 года в Белграде, приняли участие несколько русских: Андреев, Губин и Бочкарев. Наиболее интересным было выступление Ивана Ивановича Бочкарева, который впервые поднял в Сербии вопрос о правах женщин. С. Маркович, чьи работы стали первыми в Сербии трудами, детально освещавшими вопросы эмансипации, отмечал, что внимание сербской общественности к женскому вопросу было привлечено выступлением русского студента о правах женщин, вызвавшее горячие дебаты и

принятие решения о том, что „женщина в „Омладине” имеет одинаковые права с мужчиной. Вопрос женской эмансипации до тех пор не поднимался в сербской журналистике”.

Непропорциональное размерам страны внимание, которое Сербия вызывала в 60-е годы у русской общественности как „Пьемонт южных славян”, привело к необычной „двойной политике” по отношению к Сербии и Балканам вообще, проводимой официальным Петербургом и славянофильски настроенной общественностью в 70-ые годы XIX века.

К концу семидесятых годов XIX в. славянофильство в России стало достаточно влиятельной идеологией, пронизавшей не только общественность, но и часть правящих кругов и даже дипломатии. Славянофильские взгляды выражали наследник престола, великий князь Александр (будущий Александр III), руководитель Азиатского департамента российского МИД (куда входила и Турция, и вассальная ей Сербия) П. Н. Стремоухов, посол в Стамбуле граф Н. П. Игнатьев, посол в Вене Е. П. Новиков, российские консулы в Белграде, Дубровнике, Сараево, Риеке, Мостаре, Скадаре. В то же время взгляды славянофилов расходились с официальной политикой России и особенно ее канцлера А. М. Горчакова, настороженно относившегося к „славянским фантазиям”.

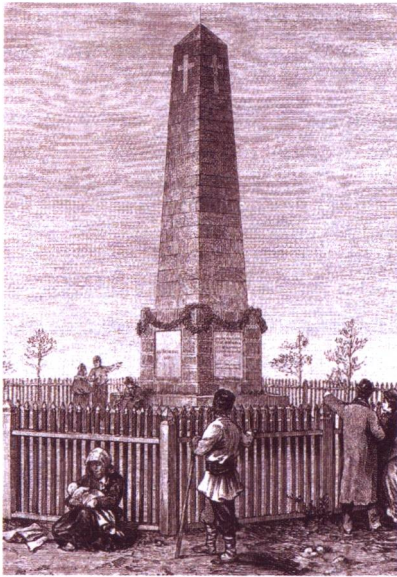
Когда в 1875 году вспыхнуло восстание в Боснии, а потом в Черногории и в Болгарии, российский МИД призвал Сербию к спокойствию, однако в то же время представители славянофильских кругов делали многочисленные неофициальные намеки на то, что де стоит лишь ввязаться, а потом уж общественная мысль повлияет на царя и

его окружение и вынудит Россию вступить в войну на стороне балканских славян. В самой Сербии идея военного решения вопроса также вызвала симпатии, в силу чего 18 июня 1876 г. Сербия выступила против Турции. Вместе с Сербией в войну вступила и Черногория. В Петербурге началась акция по вовлечению официальной России в конфликт на Балканах, одновременно в Серию устремился поток русских добровольцев - всего около 3.000 человек, 700 из которых были офицерами. Славянские комитеты в России проводили сбор пожертвований в пользу славянских народов под турецким игом, в том числе и Сербии.

В конце июня в Серию прибыл генерал Михаил Григорьевич Черняев, который принял сербское подданство и был поставлен Главнокомандующим сербской армией. Высокие назначения получили и другие русские офицеры-добровольцы. На первых порах сербско-русская армия нанесла туркам несколько поражений. Однако регулярная армия Османской империи, вооруженная немецким оружием и подготовленная профессиональными европейскими инструкторами, нанесла сербской армии, комплектувавшейся на милиционной основе, сокрушительные поражения под Алексинацем и под Джунисом. Не очень



■ Главный лагерь сербской армии под Зворником, 1877 г.



■ Памятник русским добровольцам Сербско-турецкой войны 1876-1877 гг. вблизи Алексинца.



■ Полковник Н.Н. Раевский в форме лейб-гвардии Гусарского полка. Рисунок М.Боярского.

удачной кампания 1876 года была и для черногорской армии. Лишь вмешательство официальной России и предъявление туркам грозного ультиматума заставило Турцию остановить свое наступление на Сербию в октябре 1876 года под угрозой нападения России. В результате этой короткой, неудачной и дорогостоящей авантюры русские добровольцы оказали на местное сербское население противоречивое впечатление. С другой стороны, и многие добровольцы оказались разочарованы неожиданным для них равнодушием местного населения к идее освобождения от турок славянского населения Боснии или Болгарии, низкой подготовкой солдат, неуважением последних к вышестоящим, а также завистью со стороны отдельных сербских офицеров.

На этом достаточно пестром фоне еще более ярко выделяются судьбы русских добровольцев, пожертвовавших собой в борьбе за независимость Сербии, чья память и доброе имя остались в душе сербского народа. Среди этой плеяды мучеников за славянскую идею выделяется имя крупного деятеля славянофильского движения, полковника Николая Николаевича Раевского, прототипа Вронского из „Анны Карениной” Л. Н. Толстого. Раевский приехал в Сербию добровольцем и, выполняя свой долг на офицерской должности в армии генерала Черняева, погиб в бою 20 августа 1876 года у села Горни-Адровац. Отпевание тела Раевского в Белграде было совершено митрополитом Михаилом с большой торжественностью в присутствии самого короля Милана, всех министров и русского консула. Прах Раевского был перенесен в Россию и похоронен в имении Еразмовка (Чигиринского уезда Киевской губернии). На месте его гибели, по завещанию матери, на средства семьи Раевских была построена церковь, освященная 2 сентября 1903 года в торжественной обстановке. Эта церковь вблизи города Алексинца сохранилась до сих пор и также является первым памятником русским воинам на сербской земле.

Прекращение военных действий между войсками султана и его мятежными подданными - княжествами Сербией



■ Храм Св.Троицы и памятный знак на месте гибели Н. Н. Раевского.

и Черногорией - не принесли мира Балканам. Порта упорно игнорировала требования России обеспечить надежную защиту своим христианским подданным. Благодаря искусным маневрам российской дипломатии, а также грубым и неуклюжим действиям турецкой, Россия сумела обеспечить нейтралитет европейских держав

в войне с Турцией. Неоценимую помощь в этом оказали сами турки, которые своими действиями помогли аннулированию положений Парижского договора, защищавшего их от войны с Россией один на один. С другой стороны, России пришлось пообещать Австрии не создавать единого славянского государства на Балканах и

учесть ее интересы в Боснии и Герцеговине.

В апреле 1877 Россия объявила войну Турции, причем война шла на двух театрах боевых действий: основном - на Балканах, где располагалась столица Османской империи, и вспомогательном - в Закавказье. Русская армия прошла по румынской территории, переправилась через Дунай и вступила в кровопролитные боевые действия на территории современной Болгарии. Россия завоевала почти всю европейскую часть Османской империи, остановившись под стенами Стамбула, т. к. опасалась вновь, как и в Крымскую войну, получить в результате побед над Турцией войну с союзом европейских государств, стремившихся любой ценой сохранить турецкое владычество в Европе. Боевые действия отличались скоротечностью и в то же время имели крайнюю степень интенсивности, т. к. сохранялась серьезная опасность полномасштабного вмешательства Англии в войну на стороне Турции. Переговоры о мире, начатые уже в декабре, также сильно затянулись вследствие вмешательства Англии и завершились лишь 19 января 1878 года в Адрианополе. Вскоре, 3 марта 1878 года, в западном пригороде Стамбула в Сан-Стефано между Россией и Османской империей был подписан Сан-Стефанский мирный договор.

Благодаря тому, что военные действия проходили на территории Болгарии, а также искреннему воодушевлению, с которым встречали русскую армию местные жители, массово вступавшие в болгарское ополчение, болгары приобрели в то время значительную популярность в России. С другой стороны, если Черногория возобновила военные действия против Турции уже в апреле 1877 года, то Сербия, па-

мятуя о своем недавнем поражении 1876 года, и чуть более отдаленном, но не забытом поражении России в 1856 году, игнорировала активные намеки российской дипломатии о желательности вступления Сербии в войну. Сербия вступила в войну лишь 13 декабря 1877 года, опоздав не только принять участие в крупных боевых действиях против турок, но и присоединить те сербские этнические территории на юго-востоке, которые, в силу своего тяжелого положения, Турция уже не была в силах защитить.

Сан-Стефанский договор, ставший национальным праздником для болгар и причиной постоянной обиды сербов на Россию, так и не вступил в силу, хотя его статьи и имели в дальнейшем большое влияние на развитие международной обстановки на Балканах. С точки зрения русско-сербских отношений, суть договора сводилась к следующему. Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, а Босния и Герцеговина - автономию. С другой стороны, на восточных границах Сербии создавалось огромное славянское княжество Болгария, которое включало значительную часть Балканского полуострова от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера. И если при этом Черногории было суждено значительно увеличить свою территорию за счет равнинных областей, контролируемых до войны турками, то Сербия получала крайне ограниченное территориальное увеличение, не получив Рашки (перемычка, соединяющая ее с близкородственной Черногорией) и Старой Сербии (Косово и Метохия, а также районы к северо-западу от Скопле). Сербская дипломатия оказалась разочарована таким подходом, а по вопросу определения

границ с Болгарией российским дипломатам кулуарно была высказана готовность идти на все, вплоть до военного столкновения.

Впрочем, Сан-Стефанский мир не устраивал и европейские государства, спешившие поживиться за счет „наследства больного человека” - Османской империи. В результате вмешательства Англии, Австрии и Франции 13 июля 1876 года был подписан Берлинский трактат. По славянскому вопросу на Балканах были произведены следующие изменения: территория запланированного гигантского болгарского государства была разделена на три части: вассальное княжество от Дуная до Балкан с центром в Софии; автономную провинцию Турецкой империи - Восточная Румелия с центром в Филиппополе и, наконец, Македония, которая была оставлена Турции без ограничений в статусе.

Независимость Черногории, Сербии и Румынии были признаны, но территориальные приращения Черногории и Сербии, предусмотренные Сан-Стефанским договором, были урезаны. Важно отметить при этом, что Сербия теряла небольшие части Старой Сербии, которые она должна была получить (районы на севере нынешнего края Косово и Метохия), но получала некоторые районы из тех, что должны были отойти к Болгарии. Кроме того, важным изменением было то, что Австро-Венгрия добилась права на оккупацию Боснии и Герцеговины, а также на введение гарнизонов в Рашскую область („Новопазарски санджак,,), надежно перекрывая пути к коммуникации между Сербией и Черногорией.

Следствием не очень удачного для Сербии окончания сербско-турецких войн стало разо-

чарование в России и полная переориентация на Австрию с подписанием Тайной конвенции 1881 между Веной и Белградом, в результате которой Сербия отказывалась от идеи пропаганды и планов по расширению и становилась фактически зависимой от Австрии, вплоть до обязательств не вступать в политические соглашения с третьими странами без предварительного согласия на то Австро-Венгрии. В 80-90-х годах XIX века сложилась парадоксальная ситуация, когда после русского силового вмешательства на Балканах в 1878 года, принесшего свободу балканским славянам, Россия утратила свое влияние не только в Сербии, но и в Болгарии. Под давлением экономических связей с Австрией, Болгария, стремившаяся выйти из-под российского влияния, стала проводить антирусскую политику под властью С. Стамболова, который в 1886 года разорвал все дипломатические связи с Россией и во главе элитической народно-либеральной партии проводил внешнюю политику, ориентированную на Австрию и Турцию.

Наиболее последовательным проводником этого же направления политики в Сербии стал князь Милан Обренович (князь с 1868 по 1882 гг.; король с 1882 по 1889 гг.), провозгласивший себя таковым в 1882 году при поддержке Австро-Венгрии. Ускоренный процесс модернизации сербской армии и других институтов сербского государства объективно способствовал укреплению государственности Сербии, но, с другой стороны, был малопривлекателен для традиционалистски настроенных мелких собственников в городах и селах, составлявших абсолютное большинство сербских граждан. Выразителем этих идей была элитаристская прогрессивная („напредняцкая”)

партия, сочетавшая симпатии к Западу и стремление к ускоренной модернизации Сербии с полным отрицанием ее народных и крестьянских обычаев. В силу этого, в Сербии возникла оппозиционная правящим кругам радикальная партия, которая придерживалась курса на русофильскую ориентацию во внешней политике и на традиционализм и антиэгалитаризм во внутренней. Борьба между радикалами и королем Миланом закончилась, не без помощи России, поражением короля Милана. Падение короля Милана началось с 1885 года, когда вслед за воссоединением Болгарии и Восточной Румелии Милан, провоцируемый австрийской дипломатией, развязал неудачную для Сербии и непопулярную в народе сербско-болгарскую войну, в которой Сербия выступила официальным защитником погранных болгарам прав Турции. Как мы уже отмечали, события этой войны совпали с разочарованием Петербурга в идее „управляемой” Болгарии как рычаге для российской политики на Балканах.

Стоит отметить, что, несмотря на ослабление позиций России в Сербии и Болгарии, вовсе не уменьшилось то пристальное внимание, которое русские дипломаты уделяли положению православного населения под властью Турции. Так, русские консулы на территории Косовского вилайета твердо проводили линию России на защиту сербского населения от выпадов албанских религиозных фанатиков. Особой популярностью пользовался у сербов Иван Степанович Ястребов (1839—1894 гг.), ставший не только одним из основателей Призренской семинарии (образовательного центра косовских сербов), но и крупным ученым, изучавшим обычаи и куль-

туру „турецких” сербов. Русские консулы в Косовском вилайете Машков, Щербина, Орлов и другие представители России способствовали стабилизации жизни в регионе, непрерывно защищая сербское население. Роль русских дипломатических представителей как защитников православного сербского населения по заслугам оценивалась Сербией во время Колашинского кризиса 1901 г., умирения албанских выступлений 1902-1903 гг., борьбы с австрийскими провокациями в Санджаке в 1905 г. и т. д. Эта принципиальная политика поддержки православного населения Старой Сербии и Македонии приводила к тому, что в глазах местного мусульманского населения, и особенно албанцев, русские становились самыми ненавистными врагами. В марте 1903 года албанец-мусульманин, рядовой турецкой армии, смертельно ранил русского консула в Митровице Г. С. Щербину. Убийство, согласно заявлению покушавшегося, стало мстью русскому консулу, который чересчур активно защищал сербов Митровицы от угрозы албанского погрома. В августе того же года при подобных же обстоятельствах служащий жандармерии убил русского консула в Битоле А. А. Ростковского. Необходимо отметить, что русские консулы не были настроены антиалбански, так, например, Г. С. Щербина, занимался переводами на русский язык албанских национальных песен. Деятельность русских консулов в Старой Сербии и Македонии по защите православного населения необходимо рассматривать как традиционный компонент внешней политики царской России на Балканах.

После отречения короля Милана, умершего впоследствии в Вене в одной из резиденций авс-

трийского императора Франца-Иосифа в присутствии венгерского графа Э. Зичи и завещавшего похоронить его в Австрии, к власти пришел его сын Александр Обренович (1889—1903 гг.), который по личным и политическим причинам умудрился посориться не только с Россией, но и с Австро-Венгрией, а также с собственным офицерским корпусом, в результате чего и произошел дворцовый переворот, приведший к гибели молодую королевскую чету и всю династию Обреновичей вообще. К власти пришла новая династия Карагеоргиевичей, которую представлял Петр I Карагеоргиевич (1903-1921 гг.), избравший крестным отцом для своего сына Александра Императора Николая II. Он последовательно проводил либеральную политику опоры на широкие народные круги. Что еще более важно, после 1903 года у власти в Сербии утвердились радикалы, которые выражали настроения широких народных масс, тепло настроенных по отношению к России, и, в то же время, смотрящих без симпатий на Австро-Венгрию и Турцию, во власти которых оставались сербские земли Старой Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины. Лидер радикалов Никола Пашич (1845—1926 гг.) стал главным политическим игроком и почти бессменным премьером Сербии в течение двух последующих десятилетий (с 1904 по 1926 гг.). Основой внешней политики Н. Пашича была бескомпромиссная ориентация на Россию, которая при этом не только видела в Пашиче своего союзника на Балканах, но и помогала Сербии решать ее национальные задачи по объединению всех сербских земель в одно государство.

Важной вехой русско-сербского сотрудничества стала помощь сербам в преодолении пос-

ледствий сербско-австрийской „таможенной войны” 1906-1911 гг., когда Сербии удалось преодолеть полную экономическую зависимость от австро-венгерского рынка, сложившуюся в годы правления династии Обреновичей. В конце XIX века сербская экономика была ориентирована исключительно на производство сельхозпродукции, чей сбыт был обеспечен только в Австрии, а низкие таможенные ставки на австрийские промышленные товары практически лишали Сербию возможности развития собственной индустрии, что также делало ее целиком зависимой от Австрии. С помощью России, способствовавшей получению Сербией выгодных кредитов у французских банков, эта экономическая блокада была разорвана.

Близость российско-сербских отношений помогла Сербии пережить без авантюристских шагов аннексию Боснии и Герцеговины Австрией в 1908 году. Еще более важное значение имела дипломатическая деятельность России по объединению православных балканских государств в единый союз, который освободил от турецкого владычества почти весь Балканский полуостров. При этом в международных переговорах с Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией Россия последовательно отстаивала позицию мирного раздела „европейского наследия Турции” между балканскими странами. Вмешательство Австрии привело к ссоре между балканскими союзниками, которую спровоцировала Болгария, напавшая на Сербию, чтобы отстоять границы Македонии, дарованной ей не забытым болгарской общественностью Сан-Стефанским миром. В результате Болгария потерпела поражение, и была вынуждена



■ Король Александр Обренович.
Художник В. Буковац, 1900 г.



■ Король Петр I Карагеоргиевич.
Художник У.Предич, 1928 г.

уступить часть своих территорий Сербии, Румынии, Греции и даже Турции. Как следствие этого, в последующих Первой (1914-1918 гг.) и Второй (1939-1945 гг.) мировых войнах Болгария, прельщаемая идеей реванша и возврата македонских земель, оказывалась противником Москвы, союзником германского миропорядка и постоянным „черным ходом”, через который немцы наносили решающий удар в спину

Белграда, вместо того, чтобы послужить спасительной дверью для прохода русской помощи Сербии.

Балканы, как пороховой погреб Европы, взорвались летом 1914 года, когда сербские террористы осуществили удачное покушение на престолонаследника Австро-Венгрии Франца Фердинанда в Сараево. Связь сараевской группировки с сербской военной разведкой была очевидной, и Авс-



■ Никола Пашич, премьер-министр Королевства СХС.
Фото 1922 г.

трия решила раз и навсегда обезопасить свой мягкий южный фланг от сербской угрозы путем оккупации Сербии, объявив Сербии войну, вскоре переросшую в Первую мировую. Во время войны Россия поставляла Сербии оружие, боеприпасы, санитарные отряды и береговую артиллерию, защищавшую Дунай. Для защиты от австро-венгерских мониторов и самолетов в Сербию прибыло 11 русских морских батарей, которые

вошли в состав правого фланга Сербской армии под руководством командира Краинского отряда полковника Драгутина Димитриевича. Эти батареи были размещены по всему течению реки Дунай от Шабаца до Кладово. Наиболее выделялись 10 и 11 батареи, которые находились в центральной крепости Белграда - Калемегдане, в районе церкви Ружица и на Малом Калемегдане. Они заблокировали устье Дуная и Савы и потопили один австрийский монитор. Однако в сентябре 1915 года русские батареи были подавлены в ходе сильнейшего артиллерийского обстрела из австрийских крупнокалиберных орудий. В результате обстрела погиб весь состав обеих батарей

- 163 русских офицеров и солдат. Кроме этого, значительные потери потерпели русские инженерные отряды в Кладово и Чуприи. Умерли в ходе борьбы с эпидемией тифа значительное число медицинских сестер и докторов Русского военного госпиталя в Нише. В 1916 году на Салоникский фронт прибыла и сражалась плечом к плечу с сербскими солдатами сформированная в Москве специальная русская дивизия увеличенного состава, состоявшая из двух пехотных и двух артиллерийских полков. В 1916 году части этой бригады первыми вошли в крупный югославский город Битоль, что стало одним из первых сражений по освобождению Сербии. Всего на Салоникском фронте Русская дивизия потеряла свыше 6.000 человек убитыми и умершими от ран.

В декабре 1915 - январе 1916 г. разгромленная превосходящими силами Центральных держав сербская армия, а вместе с ней правительство, королевская семья и большое количество мирного населения скитались по бесплодным гористым районам на границе Черногории и

Албании, пытаясь пробиться к портам Дуррес и Влера в северной Албании. Регент Александр Карагеоргиевич надеялся, что из портовых городов силы Антанты эвакуируют сербскую армию на греческие острова, однако Франция, чей флот находился в Адриатическом море, не спешила это делать. В тот трагический момент истории судьбу сербской армии решила Россия. В конце января 1916г. Николай II обратился к президенту Франции и премьер-министру Англии, проинформировав их, что, если сербская армия не будет эвакуирована, Россия в одностороннем порядке заключит сепаратный мир с Германией и Австрией. На сговорах французских представителей о том, что слишком дорого и невыгодно помогать обессилившим и, как казалось французам, не способным к продолжению борьбы сербам, Николай II с царственным благородством ответил: „Я плачу за все расходы сербов”. Англии и Франции пришлось организовать переброску сербской армии на греческий остров Корфу, что позволило сербским войскам перегруппироваться и позже принять участие в боевых действиях на Салоникском фронте. Таким образом, были спасены престиж Сербии, представители правящей династии, офицерства, национальной элиты, а также атрибуты государственности. Черногорская династия и армия отказались последовать примеру Сербии, отказались от дальнейшей ориентации на Россию и вступили с Австрией в сепаратные переговоры, утратив свой авторитет в глазах черногорского народа, что и привело к утрате Черногорией своей независимости и объединению ее в единое государство с единокровной Сербией в 1918 году.

В годы Первой мировой войны наряду с другими вопросами встал вопрос о решении судьбы югославянских народов, входивших в состав Австро-Венгрии и Турции. Как и ранее, судьбу балканских народов пытались решить за столом переговоров „великие державы”. При этом лидеры Антанты по-разному видели будущее Западных Балкан. Россия и Италия считали целесообразным создание крупного сербского государства, без перехода под контроль Белграда хорватских и, тем более, словенских земель. При этом Италия стремилась к этому, исходя из своих амбиций по присоединению древних римских земель провинции Далмации, населенных романизированными хорватами. Россия же видела в объединении под скипетром Карагеоргиевичей православных (сербов) и католиков (хорватов) как опасность для своего влияния в Сербии, так и нестабильность нового государства вообще, исходя из опыта инкорпорации Польши в состав Российской империи. Выраженная Россией и Италией поддержка идеи расширения Сербии и предотвращения создания Югославии зафиксирована в статьях Лондонского договора 1915 года. Англия и, особенно, Франция поддерживали план создания Югославии как препятствия на пути не только немецкого, но и православно-русского влияния на Балканах. После февральской революции 1917 года в России Временное правительство, подконтрольное Англии и Франции, заняло ту же позицию и таким образом способствовало созданию сербско-хорватско-словенского королевства.

Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война в России привели к уходу России из клуба великих держав, решавших судьбу Бал-

кан. При этом важно отметить, что, в отличие от других союзников, Н. Пашич как лидер сербского правительства отказался участвовать в интервенции Антанты против Советской России. В то же время официальный Белград разорвал отношения с Россией, считая истинной Россией ту русскую православную среду, которая когда-то питала русско-сербские связи. Именно поэтому отсутствие дипломатических связей Югославии с СССР стоит воспринимать как жест русофильства и преданности связям сербской элиты с Российской империей, чей флаг развивался в центре Белграда над Русским домом императора Николая II вплоть до 1940 года, т. е. до начала Второй мировой войны, когда над Европой задули совершенно другие ветры. Все межвоенное время Сербия - Королевство сербов, хорватов и словенцев - Югославия давали пристанище и кров русской белой эмиграции, чьи представители оказали большое влияние на культуру, науку и общественную жизнь восточной части Югославии, населенной сербами.

Общими тенденциями третьего периода русско-сербских связей (с 1804 г. по 1917 г.) стало активное взаимодействие между Россией и Сербией на государственном уровне. С самого начала русско-сербских контактов этого времени стоит отметить следующие важные черты. Во-первых, последовательное нежелание России включать эти территории в состав империи, даже, несмотря на многочисленные просьбы об этом сербского населения, исходившие, как правило, в самых тяжелых обстоятельствах иностранной экспансии. Отдаленность сербских земель от русских границ и окруженность их владениями Австрии и Турции, недружественных в то время России, дава-

ло политической деятельности российской дипломатии на Балканах другие приоритеты. Россия видела в сербах „православных христиан” и была заинтересована лишь в упрочнении их статуса в рамках иностранных империй. Хотя естественно, что интересы самой Российской империи доминировали над интересами Сербии (от Бухарестского мира 1812 г. до Берлинского мира 1878 г.), стоит отметить, что Петербург никогда не забывал о существовании Сербии и стремился в международных переговорах поддержать и ее интересы. При этом Сербия, конечно, воспринималась не как потенциальная зона экспансии или экономического сотрудничества, а своеобразная заноза в балканском троне Турции, а потом и Австрии. В результате национальные интересы сербов по укреплению независимости и государственности, наряду со стремлением к собиранию сербских земель, фактически совпадали со стремлением России создать на Балканах дружественную России силу, которая станет причиной ослабления турецких и австрийских претензий на Балканах. Кроме того, не стоит забывать и того, что Российская империя вплоть до 1917 года оставалась не только абсолютной монархией, но и своего рода „православной теократией”, которая стремилась поддерживать православные народы за своими пределами не только из геополитических интересов, но и исходя из общего идеологического настроения правящих элит.

Третий период русской политики на Балканах стоило бы рассматривать как полный успех, если бы мы подходили к нему как к попытке территориальной экспансии (по образцу колониальных захватов Австрии и Англии). Однако, если рассматривать его именно как путь к созда-

нию мощных православных государств, способных самостоятельно защитить Балканы от притязаний иностранных империй, стоит отметить, что Россия была крайне близка к успеху накануне и в ходе I Балканской войны. Именно православные государства Балкан и, в первую очередь, питомцы российской внешней политики Сербия, Черногория и Болгария нанесли Порте тот сокрушающий удар, который освободил Балканы от Турции после пятивекового рабства. При этом все же необходимо подчеркнуть, что ахиллесовой пятой российского влияния на Балканах на протяжении всего этого времени оставалась экономика. В то время как Россия уже могла отстаивать свои интересы на Балканах военным путем и все еще не утратила своего культурного влияния, ее экономическое влияние на Балканские народы было практически нулевым. Именно в этом крылась причина того, что и в начале, и в конце XIX века в условиях мира балканские славяне (в том числе и Сербия) отходили от ориентации на Россию и под давлением экономических обстоятельств склонялись перед Австрией.

А. Ю. Тимофеев

Русская эмиграция в Сербии

Прибытие беженцев с юга России в Королевство сербов, хорватов и словенцев

Сильно пострадавшее в балканских и Первой мировой войне, но при помощи союзников одержавшее победу, Королевство Сербии в 1918 г. вошло в состав новоформированного Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. - Югославия). Оно оказалось одним из самых гостеприимных государств Европы, которое в 1919-1923 гг. приняло гражданские и военные эшелоны российских граждан, эвакуированных из портов Черного моря, а позднее - из лагерей беженцев в Турции, Греции, на Мальте, в Египте. Несомненно, этому способствовал молодой православный монарх - король Александр I Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге, а также русофильские настроения политических партий, иерархи Сербской православной церкви и влиятельные представители интеллигенции. Новое государство на Балканах представляло реализацию идеи южнославянского единения, о котором в особенности мечтали сербы, веками разъединенные на этих территориях. Предоставляя временный приют русским беженцам, сербы отдавали дань признательности России за ее союзническую поддержку в войне с агрессорами.

Перед тем как первая волна беженцев захлестнула страну, в Королевстве СХС уже находилось несколько тысяч российских граждан - военнопленных с Галицийского фронта 1914-1918 гг., солдат с Салоникского фронта 1917-1918 гг., а также тех, кто покинул Россию после 1914 г. Прибывшие с первой волной (начало мая - конец ноября 1919 г.), около 1600 душ, были беженцами так называемой первой „французской“ эвакуации из Одессы. С мая 1919 г. в распределительном пункте в Белграде (так называемом „Доме чудес“ - трамвайном депо на окраине города) о беженцах заботился *Русско-югославянский комитет* со своими филиалами по всей стране.

Вторую волну, порожденную „англо-французской“ эвакуацией из Одессы (январь 1920 г.) и „английской“ эвакуацией из Новороссийска (март 1920 г.), связанную с переговорами ген. Деникина и Милоша Ненадича, начальника дипломатической миссии Королевства СХС, составляло 7-8 тысяч беженцев, прибывавших партиями по железной дороге из Салоник или Софии. С 24 февраля 1920 г. в Белграде начал свою работу *Государственный комитет по устройству русских беженцев*. Главным распределительным центром



■ Король Александр I Карагеоргиевич. Художник П.И.Иванович.

являлся пограничный пункт Гевгели на железнодорожном пути Салоники-Скопье.

После напряженных переговоров и подписания протокола с Англией (11 октября 1920 г.) в страну въехали находившиеся на острове Лемнос беженцы (27 октября - 17 ноября 1920 г.), всего 2053 человека. Эшелонами они погружались на пароход „Тамбов” и поездом прибывали из Салоник. Это была т. н. „третья волна” беженцев.

С четвертой иммиграционной волной (25 ноября - 23 декабря 1920 г.) в Королевство СХС влилась самая многочисленная, „крымская” эвакуация. С пароходов „№ 206”, „Eastern Victor”, „Szeged”, „Siam”, „Владимир”, „Brigavia”, „Austria” и „Херсон” на берега Адриатического моря высадилось 21343 беженца, военных и гражданских лиц.

Пятую волну (1 июня - 17 ноября 1921, февраль 1922, май 1923 г.) составляли новые эшелоны воинских подразделений Русской армии ген. П. Н. Врангеля - всего 11750 человек.

Однако, статистические данные об общем количестве беженцев, прибывших в Королевство СХС, варьируются (от 34 до 74 тысяч). Если принять во внимание, что страна оказалась транзитной для переезда русских во Францию и Бельгию (страны, нуждающиеся в рабочей силе), и что среди эвакуированных солдат и казаков было распространено желание возвратиться на родину, и оно оказалось осуществимым - можно согласиться с позднейшими переписями, согласно которым в стране осело около 44 тысячи подданных бывшей Российской империи.

Массу беженцев, осевших в стране, составляли остатки Русской армии генерала П. Н. Врангеля, гражданские лица - семьи офицеров, административного аппарата южных городов России, несколько учебных заведений, люди свободных профессий, вдовы, сироты и военные инвалиды.

Беженцы, высадившиеся с пароходов и из вагонов, некоторое время пребывали в карантине. Их размещали в лазареты, казармы, деревянные бараки недавних военнопленных и железнодорожные ангары. Специальные государственные комиссии, международные филиалы Красного креста и местные

■ Заграничный паспорт И.А. Давыдова с семьей, выданный в Новороссийске 19 февраля 1920 г.



№ 4/2976

Vu à Touza 29/2 1920
Bureau Russe des Passports
Constantinople
Capitaine de Frégate

Паспортный паспорт
Подпись владельца И.А. Давыдов

Предъявитель сего Иван Александрович
Давыдов 50 лет
с женой Евпроей Николаевной
и дочерью Евпроей - 6 л. смирной
свидетельство сего и для свободного проезда дань паспортъ
матерью Евпроей Николаевной Козловой

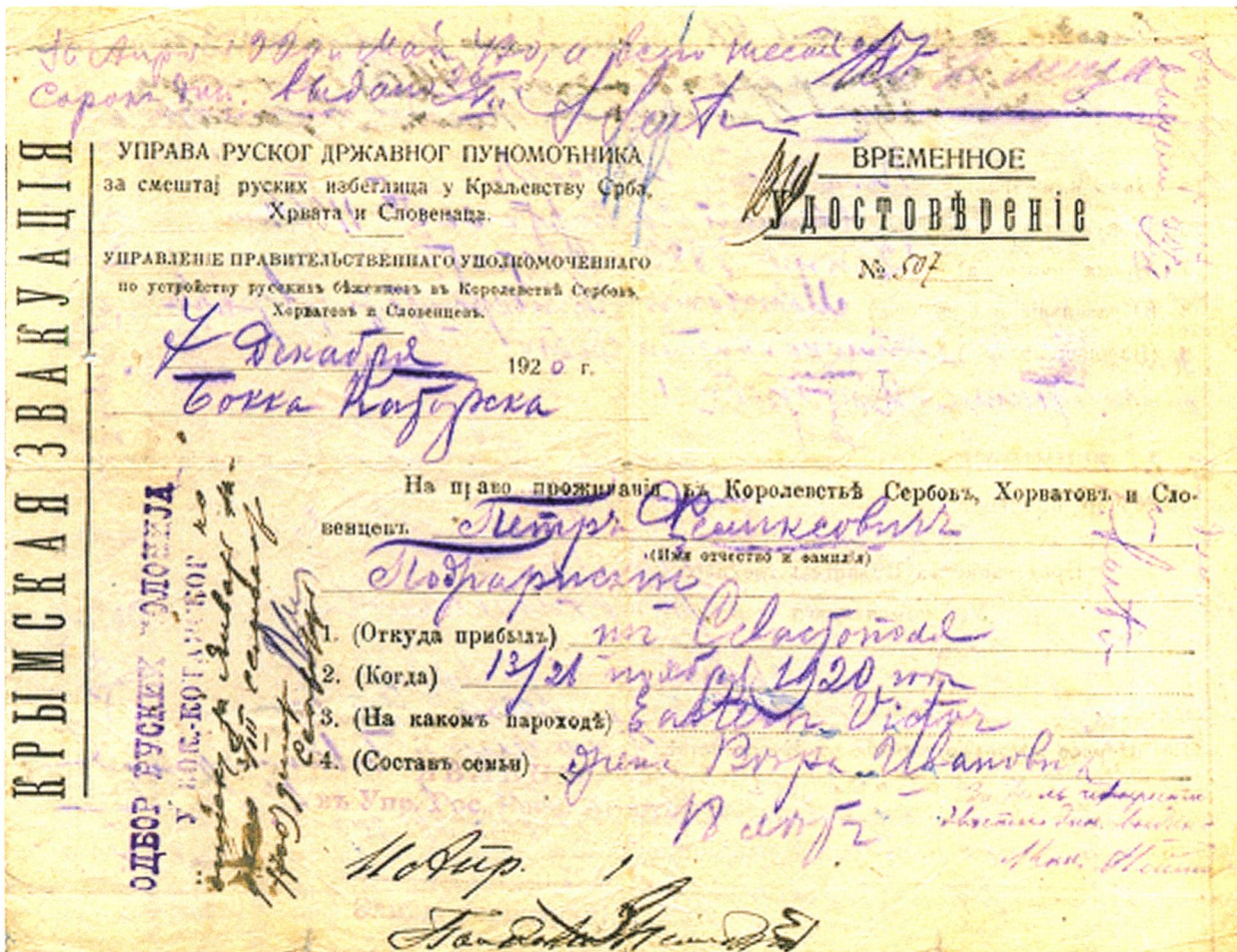
Черноморским Губернатором с приложением печати в гор.
Новороссийскъ.

Взыскано 100 руб.
паспортных сборовъ

19 февраля 1920 г.

За Черноморский Губернаторъ
Вице Губернаторъ
Начальник Отдела обществ. дел
Исполнительное

29944
ЯВННБ
в Упр. Рос. Вост. Агента
въ Корпусъ С. Х. С.
1920 г.
Секция регистрации
Иванов



■ Крымская эвакуация: Временное удостоверение П.Ф. Пожариского с семьей, прибывшего из Севастополя в Бококатарскую бухту 13/26 ноября 1920 г.

благотворительные общества прилагали усилия, чтобы „временные” пришельцы равномернее были распределены по всей территории страны. Все-таки подавляющее большинство людей осело в ее восточной, православной части Сербии, хотя она была более бедной, отсталой и претерпела огромные военные бедствия.

В качестве яркой иллюстрации того времени хотелось бы привести фрагмент воспоминаний инженера Георгия Владимировича Ярошевича (1909, Курск - 1996, Белград):



■ Транспорт с русскими беженцами выгружается в Бокотарской бухте. Декабрь 1920 г.

„Было мне тогда 10 лет. Помню, в ноябре 1920 г. наш поезд из Салоник переехал границу. Мы проезжали сербские села, разрушенные и сожженные. Вдоль дороги попадались поля со следами недавних битв. На вокзалах крестьяне встречали наш поезд с горячим супом, чаем, молоком, бутербродами, жареным мясом, сыром... Постепенно, нас стали рассредоточивать по городам: отцепили вагон, и поезд продолжал дорогу. Ниш - отцепили вагон, Княжевац... Поехали дальше. Заечар... Неготин - последний вагон! В нем были мы.

Помню, толпа встретила нас на вокзале. „Русские приехали!” Сербки в нарядных национальных костюмах, со сплошной вышивкой... Тотчас забрали нас, детей, увели в свои дома. Согрели, выкупали, накормили. Кровати стелены чистым, белоснежным бельем. Два года я не знал про кровать. Заботились, как с родными.

Взрослых также приняли гостеприимно, сердечно. А на следующее утро все пошли в городское управление. Там происходила регистрация и размещение по домам, кого - куда.

- Кто примет отца, мать с тремя детьми?
 - Я могу.
 - Бери!
 - Я могу лишь мужа с женой.
 - Принимай!
- Всех пристроили.

И так, мы оказались на прочной почве, на месте внушающем доверие. Нас ждала новая жизнь.”

Уже в первые годы своего пребывания в Сербии русские оставили заметный след в развитии и европеизации страны. В Белграде создались благоприятные условия для богатой культурно-общественной жизни русской эмиграции. Вторым важным русским центром оказался придунайский городок Сремски-Карловцы. В нем были размещены канцелярия, издательство и Святой Архиерейский Синод Русской право-



■ Русская армия на постройке дорог в Сербии. 1921-1922 гг.

славной церкви за границей, с первоиерархом РПЦЗ митрополитом Антонием (Храповицким), а также Штаб Главнокомандующего Русской армией, во главе с генералом П. Н. Врангелем (проживал там до осени 1926 г.).

Как в столице, так и при „русских колониях” во многих городах страны возникали храмы и хоры, столовые, школы, библиотеки, театральные, литературные, музыкальные общества, приюты,

филиалы эмигрантских военных и политических организаций... Сербская православная церковь и правительство страны дали возможность русским иметь свои церковные приходы, начальные школы, кадетские корпуса, девичьи институты, гимназии, санатории, прессу и издательства.

У русских создалось впечатление, что они переехали в одну из губерний Российской империи.

А. Б. Арсеньев



■ Русские беженцы, принятые на временную работу в „Государственную статистику”. Белград, 1921 г.

Русские монастыри и церковные приходы в Сербии

Среди русских беженцев, нашедших приют в Королевстве СХС, оказалось не менее пяти-сот душ духовного звания - иерархов Русской Православной Церкви, священников, монахов и монахинь, богословов.

Окончание освободительных войн и воссоединение южнославянских земель привело к объединению сербских епархий, которые веками располагались на территории балканских государств и Средней Европы. В октябре 1920 года в Королевстве СХС восстанавливается Сербская Патриархия. Сильно пострадавшие в двух балканских и одной мировой войнах, сербские земли потеряли и свое духовенство. Монастыри в Сербии и Старой Сербии (Македонии), церковные приходы в Далмации, Крайине (Хорватия) и Боснии находились в запущенном состоянии. Поэтому, помимо оказания сестринской помощи и предоставления убежища Собору русских епископов и *Высшему Временному Русскому Церковному Управлению за границей*, Сербская Церковь охотно приняла и русских священнослужителей. Их направляли в отдаленные и бедные сельские приходы. Церковнославянский язык и практически идентичные церковные каноны позволили им легко приспособиться к новой среде. Их охотно принимали и в подданство Королевства СХС.

На Богословском факультете в Белграде и во всех духовных семинариях страны препода-

вали русские профессора, оказавшие большое влияние на развитие югославской православной мысли и науки.

Русских монахов расселяли по сербским монастырям. В некоторых сформировались русские братства, а кое-где русские назначались игуменами. Около 15-ти сербских монастырей на Фрушка-Горе (в Среме) после Мировой войны пребывали в упадке. Русские монахи охотно были приняты в братства монастырей Беочин, Врдник, Гргетег, Язак, Шишатовец, Привина-Глава и др.

В ноябре 1920 года в монастыре Ново-Хопово размещено около 80-ти монахинь Святобородицкого женского монастыря Лесна, бывшей Холмско-Варшавской епархии, во главе с основательницей этого известного в Западной России монастыря схиигуменьей Екатериной (в миру графиня Евгения Борисовна Ефимовская; 1850-1925). Спасая свои жизни и чудотворную икону Богородицы, монахини бежали в Сербию из Бессарабии, вместе с последовательницей матери Екатерины - игуменьей Ниной (Наталья Григорьевна Косаковская; 1874-1949). В октябре 1923 года в обновленный монастырь Кувежин из Хопова переселилось около 20-ти монахинь, которые вместе с сербскими сестрами и игуменьей Меланией внесли большой вклад в восстановление и развитие женского монашества в лоне Сербской Церкви, способствуя духовному и экономическому возрождению фрушкогорских монастырей. Духовниками „Хоповского русского монастыря” состояли отец Алексей Нелюбов, схиархимандрит Кирик (Максимов), иеромонах Димитрий, „валаамцы” иеромонахи Тимолай (Пастухов) и Никандр (Беляков).

В 1925 году в Хоповском монастыре состоялся Третий съезд Русского Христианского Студенческого Движения (РХСД) при участии митрополита Антония (Храповицкого), отца Сергия Булгакова, С. Л. Франка, В. В. Зеньковского, Л. А. Зандера, С. В. Троицкого, Г. Г. Кульмана и др.

В монастырях Фрушка-Горы („Сербском Афоне”) нашли временный или постоянный приют:

архиепископ Минский Георгий (мон. Крушедол и мон. Раваница);

архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (мон. Гргетег);

архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (мон. Гргетег);

архиепископ Челябинский и Троицкий Гавриил (мон. Бешеново, мон. Шишатовца и мон. Гргетег);

епископ Курский и Обоянский Феофан (мон. Язак и мон. Ново-Хопово; при епископе была Чудотворная икона Знамения Божией Матери, именуемая Курско-Коренная, вывезенная им из России);

архиепископ Новороссийский и Черноморский Сергей (мон. Привина-Глава);

епископ Александровский, vicарий Ставропольской еп. Михаил (мон. Гргетег);

архиепископ Екатеринославский и Новомосковский Гермоген (мон. Ново-Хопово и мон. Гргетег);

епископ Севастопольский Вениамин, управляющий военным и морским русским духовенством (в разных монастырях).

После неудачной попытки создать в сербском монастыре Петковица (Шабацкой епархии) свою

обитель, русским монахам это удалось позднее, в 1926 году, в монастыре Мильков, близ городка Лапово. Игуменом состоял отец Амвросий (Владимир Зиновьевич Курганов; 1894-1933), выпускник Пензенской Духовной семинарии и Варшавского университета, один из последних послушников известной Оптиной пустыни в России. Обветшалый и опустевший монастырь Мильков вскоре был восстановлен и стал значительным духовным центром. В ближайшей деревне Гложане сформировалась колония для принятия паломников, русских и сербов, так как все они не могли устроиться в монастырских кельях. Монастырь часто навещал митрополит Антоний (Храповицкий) и иерархи РПЦ. После кончины архимандрита Амвросия, игуменом стал Лука (Виктор Вячеславович Родионов; 1901 - нач. 1950-х гг.), при котором русское братство покинуло монастырь и в 1940 году обосновалось в монастыре Тумане (1940-1945), близ придунайского городка Голубац (Браничевской епархии).

Решением Святого Архиерейского Синода Сербской Православной Церкви от 18/31 августа 1921 года Русской Церкви, временно оказавшейся на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев, предоставлялась автономия. С тех пор, вплоть до 7 сентября 1944 года, Русская Церковь в Югославии имела свой Временный Св. Архиерейский Синод, Епископский совет, официальную прессу, а также местные русские церковные приходы и священнослужителей (приходских и „разъездных,,).

Секретарем Епископского совета при Управляющем русскими приходами в Королевстве СХС (Югославии), за период 1921-1941 годы, состоял Александр Павлович Юденич (1867-1942),

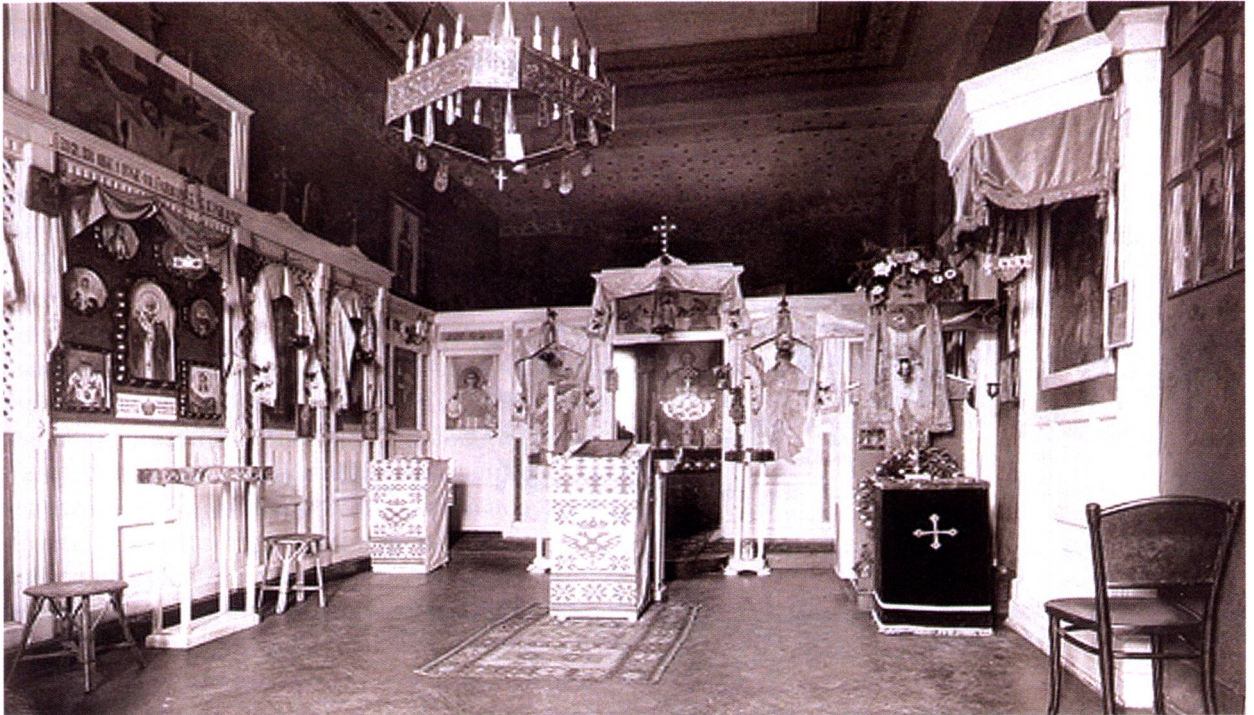


■ Отпевание схи-архимандрита Амвросия (Курганова) в монастыре Мильково. Май 1933 г.

один из ближайших сотрудников митрополита Антония по организации церковной жизни русских беженцев на территории Югославии.

Покидая пределы Югославии в сентябре 1944 года, архиереи РПЦЗ остающемуся в Белграде настоятелю русского храма Св. Троицы протоиерею Иоанну Сокалю вручили акт о назначении его управляющим всеми русскими церковными приходами в Югославии. По просьбе русских церковных деятелей в Югославии в адрес Сербской Церкви (от 18 сентября 1944 года) о принятии русских приходов под свое покровительство, Синод СПЦ ответил

положительно (27/14 ноября 1944 года) и назначил епископа Мукачевско-Пряшевского Владимира (Раича, 1882-1956) архиерейским управляющим русских приходов. Однако, после контактов и взаимных визитов архиереев СПЦ и РПЦ (Московского Патриархата), с апреля 1945 года, Белградский русский приход с русским храмом Св. Троицы стал Подворьем Московского Патриархата. Вскоре ему были обязаны подчиниться и все провинциальные русские приходы в Югославии. Русские „приходы и общины”, каждые по-разному, окончили свое существование в 1950-60-е годы.



■ Часовня Св.Василия Великого при епархиальном доме Бачского епископата. Нови Сад, 1940 г.

Первая, неотложная забота русских на чужбине, как бы далеко судьба их ни занесла и при любых условиях, - это иметь свой духовный очаг, храм и хор. И хотя в православной части Королевства СХС канонизированное богослужение проводилось на том же церковно-славянском языке, эти желания беженцев не гасли, а благодаря сложившимся обстоятельствам чаще всего легко осуществлялись.

Приходы РПЦЗ на территории Югославии возникли в Белграде, Сараево, Эрцегнови-Игало, Цриквенице, Осиеке, Битоле. В северной час-

ти Сербии (Воеводине) - в следующих городах (с указанием численности русских, проживавших в них в 1921 и в 1939 году): Сремски-Карловцы (ок. 250 / 38), Нови-Сад (ок. 900 / 1158), Велики-Бечкерек (302 / 349), Белая Церковь (394 / ок. 600), Панчево (497 / 495), Земун (672 / 646), Вршац (142 / 256). Русские церковные общины (без своего храма и постоянного священника) были в городах Сомбор (137 / 192), Суботица (404 / 685), Велика-Киkinда (207 / 326), Стари- и Нови-Бечей (332 / ок.200). В центральной Сербии русские церковные общины были созданы в Нише,



Русско-Сербское Объединеніе
при Русской Православной церкви
въ гор. НОВОМЪ-САДЪ
для помощи дѣтямъ.

Руско-Српска Заједница
при Руској Православној цркви
у НОВОМ САДУ
за хитну помоћ и збрињавање деце.

..... 193... год.



†
OROSZ PLÉBÁNOS
az Ujvidéki és Péterváradí kerület részére
6. 1122 19. 119.
№ 1704



†
НАСТОЯТЕЛЬ
Русской Православ. Общины и Церкви
въ г. Новомъ Садѣ.
3. 11. 193... г.
№ 7



†
БРАТСТВО
СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА
ВРШАЦ,

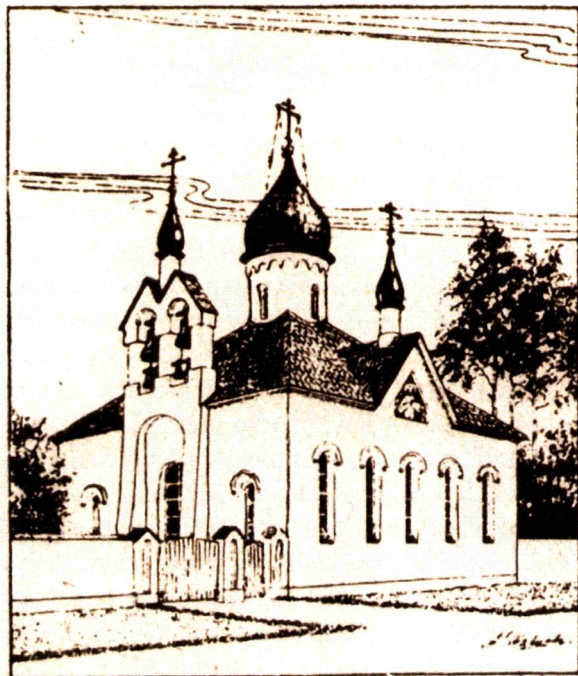


Крагуеваце, Кральево, Боре, Заечаре. У них не было своего храма, но был церковный хор, который постоянно или по временам пел в местном православном храме, отпевал скончавшихся русских и давал концерты, состоящие из духовных произведений и популярных русских народных песен.

Бывало, при сербских храмах пели сербско-русские хоры, которыми управлял русский регент. Эти энтузиасты и глубоко верующие люди были выпускниками русских духовных семинарий и провинциальных приходских школ, сыновья священников, монахи, люди военного звания, преподаватели, казаки. Песнопения и их чередование запоминались с раннего возраста и ученических лет. Для многих людей, оказавшихся на чужбине, их профессия была неприменима, Поэтому, стать регентом было не только призывом души, но давало возможность получить от Сербской церкви скромное вознаграждение, выжить.

Учитывая условия, в которых оказалась русская эмиграция и Сербская церковь после смены государственного строя в Югославии-Сербии, необходимо отметить, что русские регенты сербско-русских церковных хоров в 1940-70-е годы сыграли важную роль в поддержании веры среди сербского населения. Не получая денег от обнищавшей Церкви, они рисковали лишиться занимаемого поста на государственной службе. Со смертью русского регента в сербском храме угасал и хор, состоящий из горсточка пожилых певчих.

А. Б. Арсеньев



■ Эскиз храма Св.Иоанна Богослова в Белой Церкви.
Архитектор А.Шевцов.

Культурные организации русской интеллигенции

Исследователь развития общества и хозяйства постреволюционной России Карл Романович Кочаровский, проживавший в 30-е годы в Белграде, писал: „В духовном и общественном смысле зарубежных можно разделить на четыре основные группы. 1) Часть их доживает век без всяких духовных и общественных интересов. 2) Множество мелких группок кипятится в политиканстве, думая куда-то „вести” Россию. 3) Есть несколько групп, более даровитых и культурных, с более серьезными установками, стремящихся „служить” России. 4) Некоторые, быть может многие, зарубежники носят в душе немало „ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”, но хранят их про себя, хотя и живут Россией и думают о ее будущем”.

До Крымской эвакуации (до ноября 1920 года) в составе беженцев были исключительно интеллигенты: представители науки и практических знаний, государственные деятели, духовенство. Согласно ряду статистических данных, из прибывших в разное время беженцев около 75 % имело среднее или высшее образование при более 50 % (в некоторых районах 80 %) неграмотного населения приютившей их страны. Русским было оказано не только братское гостеприимство, но их охотно устраивали на государственную службу.

Восточные и южные (православные) районы страны были отсталыми и в течение Балканских (1912-1913) и Первой мировой войны пережили большие потери и разорения, оказались

без учителей, врачей, инженеров, священников. Русские в большой степени возместили эти утраты. Северо-восточные сельскохозяйственные районы (до осени 1918 года в составе Австро-венгерской монархии) были охвачены миграционными процессами, - страну покидали венгры, немцы, чехи. К молодому Королевству СХС там относились с недоверием, настороженно. В начале 20-х годов поселившиеся на этих территориях 8-10 тыс. русских сыграли значительную роль в поддержании хозяйства и пополнении административного аппарата на местах, в особенности в отсталых краях или селениях с чистым этническим (неславянским и неправославным) населением. В лице русских беженцев страна получила лояльно настроенные и квалифицированные кадры.

В центральных промышленных районах Боснии и Сербии легко нашли себе работу инженеры, офицеры и казаки - на шахтах, заводах, на строительстве дорог и промышленных объектов. Ряд горных и железных дорог проложен руками бойцов Русской армии. Бывшие части Кавалерийской дивизии несли пограничную службу.

Около 10 тыс. русских осело в Белграде. В благоприятных условиях оказались профессора, инженеры, врачи, топографы, педагоги, оперные певцы, артисты и художники театра. Благодаря им ряд государственных культурных организаций смог возобновить свою работу. На качественно более высокий уровень поднялось университетское образование, возникли научные институты, были созданы оперные и балетные труппы в Белграде и Нови-Саде, факультеты в Суботице и Скопле. Русские содействовали стремительному строительству и



■ Русский клуб в Суботице. В центре – председатель, проф. М.П. Чубинский. Суботица, 1930-е гг.

европеизации патриархального одноэтажного Белграда (в 1920 году - около 110 тыс. жителей), упорядочили законодательство молодой страны, способствовали духовному и хозяйственному возрождению православных монастырей и семинарий.

Культурная жизнь провинции протекала под сильным влиянием русского исполнительского искусства. На службу в военную и граждан-

скую авиацию были приняты русские летчики, инструкторы и конструкторы. В сельскохозяйственных исследовательских институтах и на полевых опытных станциях трудились русские пионеры югославской генетики, агрокультуры, почвоведения. Своей „второй родине” они дали много и в медицине, геодезии, архитектуре, киноискусстве, балете, исторических исследованиях, фольклористике, издательской деятельности,

а также в археологии, шахматах, переводах художественной и научной литературы.

Русская эмиграция в Сербии оставила заметный след в жизни как самой диаспоры, протекающей в „русском Белграде”, так и в примерно двухстах „русских колониях”. Самыми крупными они были в Нови-Саде, Панчево, Земуне, Великом Бечкереке, Белой Церкви, Нише, Крагуеваце.

В колониях сложилась система местного самоуправления, - возникли русские церковные приходы, библиотеки и детские сады, артистические кружки, офицерские собрания и филиалы многочисленных русских политических, военных, спортивных и культурных организаций, центры которых находились в Белграде. Число зарегистрированных организаций постоянно изменялось, - они угасали или объединялись. Много зависело и от эволюции беженцев в эмигрантов, осознавших, что возвращение на родину не близко.

В первые годы неоднородную массу русских волновали вопросы: судьба России и оставшихся там близких, розыск родственников и друзей, устройство на новом месте. Постепенно идейные единомышленники, земляки, люди одинаковых профессий объединяются, вступают в кружки и организации, нередко погрязая в политических распрях. Насыщенная общественная и национально-культурная жизнь облегчала общение и контакты интеллигенции, в первую очередь живших в провинции.

Приводим далеко не полный перечень русских объединений, уже по одним названиям свидетельствующий о многогранной деятельности русской эмиграции в Сербии.

Гуманитарные, благотворительные и социальные организации

- Всероссийское общество помощи жертвам Гражданской войны и террора;
- Всероссийский союз городов (ВСГ);
- Всероссийский земский союз (ВЗС);
- Комитет помощи русским воинам и их семьям;
- Русское благотворительное общество в Белграде;
- Российское общество Красного Креста (РОКК);
- Здравница баронессы О. М. Врангель в Топчидере (район Белграда);
- Амбулатории РОКК в Белграде, Враньска-Бане, Нише, Земуне;
- Русский хирургический санаторий-госпиталь в Панчево;
- Приют для русских военных инвалидов в Белой Церкви;
- Дома для престарелых в Велика-Кикинде, Панчево, Нови-Саде;
- Дамский комитет памяти вел. кн. Татьяны Николаевны;
- Союз русских инвалидов;
- Ссудо-сберегательное общество рус. чиновников и торгово-промышленников.

Церковные и духовно-просветительные организации

- Собор Русской православной церкви за границей;
- Временный Архиерейский Синод РПЦЗ в Сремских Карловцах;

Общества попечения о духовных нуждах русских православных (по городам);
Мариинские церковные сестричества (по городам);
Лесненский русский женский монастырь в Ново-Хопово;
Мильковский русский мужской монастырь в Мильково;
Русские церковные приходы в Белграде, Земуне, Панчево, Нови-Саде, Белой Церкви, Сремских Карловцах, Сомборе, Нови-Бечее, Вршаце, Велики-Бечкереке;
Русские домовые храмы при русских гимназиях, девичьих институтах, кадетских корпусах и ряде городов;
Религиозно-философские братства: Св. Серафима Саровского, Св. Владимира, о. Иоанна Кронштадтского, Св. Креста;
Православно-миссионерское издательство в Белой Церкви;
Старообрядческая община и домовый храм в Белграде;
Калмыцкий буддийский храм и община в Белграде;
Кружок по изучению эзотерических наук Востока в Белграде;
Русская теософическая ложа „Ярослав Мудрый” в Белграде.

Военные организации

Совет объединенных российских офицерских обществ;
Общество галлиполийцев (17 отделов по городам);
Союз участников Первого кубанского (ледяного) похода;

Объединение офицеров Генерального штаба;
Общество кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия;
Русский национальный союз участников войны (РНСУВ);
Четвертый отдел Русского общевойскового союза (РОВС);
„Русское народное ополчение” (5 дружин);
Лига русских офицеров и солдат запаса за границей;
Корпус Императорской Армии и Флота (КИАФ);
„Братство русской правды” (подпольная организация);
Кружки военного самообразования;
Общество ревнителей военных знаний (ОРВЗ);
Русские военно-научные курсы ген. Головина (13 филиалов);
Русская охранная группа („Русский корпус,”) в Сербии;
Около сотни объединений: гвардейских Преображенского, Кирасирского, Драгунского, гусарских, уланских полков, военных юристов, артиллеристов, топографов, саперов, офицеров военно-воздушного флота, радио-телеграфистов, интендантских служб, пехоты, кавалерии, гардемаринов, выпускников военных академий, училищ и кадетских корпусов.

Политические и общественные организации

Парламентская группа;
Объединение городских гласных и председателей городских дум;
Объединение гласных земских органов самоуправления;

Окружной совет Объединения монархических организаций;

Русский комитет (объединял около 80 общественных, научных, профессиональных и прочих организаций монархической ориентации);

Эмигрантский комитет (аполитическое, внепартийное объединение);

„Союз восстановления Родины”
(монархисты-конституционисты);

„Русское согласие” (монархисты-легитимисты);

„Молодая Россия” (евразийцы);

Союз русской национальной молодежи (9 отделов);

Союз младороссов (Младоросская партия);

Национальный союз нового поколения (НСНП), позднее - Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП);

„Лига Обера” (лига борьбы с Третьим интернационалом);

Русское трудовое христианское движение (42 филиала);

Новоисадское русское правление верноподданных Престолу;

Русский национальный монархический союз в Нови-Саде;

Русское центральное объединение (центристы-монархисты парламентского типа; более 10 отделов);

Комитет монархического единения;

Русский национальный комитет (либералы, кадеты правого уклона);

Объединение прогрессивной и демократической русской эмиграции;

„Крестьянская Россия” (Трудовая крестьянская партия);

Республиканско-демократическое объединение (РДО);

Земгор (партия эсеров);

Железный союз долга и чести (фашистского уклона);

Национальное общество русских женщин;

Общество распространения национальной и патриотической литературы.

Спортивные организации

Краевой союз Русского сокольства (22 отдела);

Русский спортивный клуб в Белграде (много секций);

Русский яхт-клуб им. Петра Великого в Белграде;

Русское филателистическое общество;

Организация российских юных разведчиков (ОРЮР);

Национальная организация русских скаутов (НОРС);

Общество рыболовов-любителей в Белграде.

Профессиональные организации

Объединение чиновников Министерства внутренних дел России;

Союз русских педагогов;

Русско-сербское общество медиков;

Союз русских писателей и журналистов в Белграде;

Союз русских инженеров;

Союз русских архитекторов;

Общество русских агрономов, лесников и ветеринаров;



■ Вечер памяти М.Ю. Лермонтова. Белград, 1939 г.

Общества и объединения: сенаторов, праведов, лицеистов, пажей, помещиков, торгово-промышленников, пчеловодов, таксистов, артистов эстрады и др.

Научные организации

Общество русских ученых;
Русская академическая группа;
Русское археологическое общество;
Русский научный институт в Белграде;
Русский военно-научный институт в Белграде;
Институт изучения России;
Институт изучения России и Югославии (при Земгоре);
Кружки изучения России;
Курсы обобщающего научного изучения России;
Донская историческая комиссия;
Высшие научные курсы современной полицейской техники;
Институт им. Н. П. Кондакова (в 1939 г. из Праги переехал в Белград).

Культурные организации

Общество славянской взаимности;
Русский народный университет в Белграде;
„Русская матица” (отделения в Нови-Саде, Сомборе, Црвенке, Велики-Бечкереке, Бачка-Тополе);
„День русской культуры” - объединения русских организаций;
Союз ревнителей чистоты русского языка в Белграде;

Русская публичная библиотека в Белграде;
Русский дом им. Императора Николая II в
Белграде;
Юбилейный комитет к празднованию 950-ле-
тия крещения Руси;
Комитет русской культуры (Руски културни
одбор);
Юбилейный Пушкинский комитет.

Литературные и художественные общества и кружки

Литературно-художественное общество в
Белграде;
Лига искусств в Белграде;
Русское литературно-музыкальное общество в
Нови-Саде;
Общество русских дилетантов в Нови-Саде;
Белградское русское драматическое общество;
Общество русских художников;
Русское объединение художников „Круг“;
Русское музыкальное общество в Белграде;
Русский хор им. М. И. Глинки в Белграде;
Русский церковный хор Придворной капеллы;
Театральная студия А. Черепова в Белграде;
Балетная студия Е. Поляковой в Белграде;
Русская студия искусств (при Земгоре);
Белградские литературные и поэтические
кружки: „Гамаюн“, „Книжный кружок“,
„Новый Арзамас“, Кружок молодых поэтов,
„Беседа“, „Поэзия и проза“, „Литературная
среда“.

Русская эмиграция в Сербии развернула бога-
тую издательскую деятельность. В Белграде выхо-
дили: „Русская газета“, „Новое время“, „Возрожде-

ние“, „Старое время“, „Царский вестник“, „Русский
голос“, „Русское дело“, „Русский народный вестник“,
„Новый путь“ и др. Всего, включая провинциальную
печать, выходило более 300 наименований газет и
журналов, опубликовано около 1500 книг и бро-
шюр. Издательская комиссия при Комитете рус-
ской культуры выпустила в свет 43 книги из серии
„Русской библиотеки“ - новых литературных сочи-
нений И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, Д. Мереж-
ковского, Е. Чирикова, К. Бальмонта, А. Ремизова,
Н. Тэффи, И. Шмелева, И. Северянина, М. Алдано-
ва и других, а также 12 книжек „Детской библиоте-
ки“ и „Библиотеки для юношества“.

16-23 сентября 1928 года в Белграде состоял-
ся IV съезд русских академических организаций
за границей при участии видных ученых, а 25-30
сентября 1928 года - Съезд русских писателей и
журналистов за рубежом, на который съехалось
более сотни делегатов и гостей из многих стран.
Весной 1930 года в Белграде прошла Большая вы-
ставка русского искусства, явившаяся событием в
культурной жизни столицы. Было представлено
свыше 400 работ живописцев и скульпторов. На-
ряду с работами И. Репина, А. Бенуа, И. Билибина,
Н. Гончаровой, Б. Григорьева, М. Добужинского,
К. Коровина, М. Ларионова, Н. Рериха, К. Сомо-
ва экспонировались произведения 38 русских ху-
дожников, проживавших в Югославии. В Белграде
состоялись персональные выставки Ф. Малявина
и Н. Богданова-Бельского. В Сербию приезжали:
Анна Павлова, Тамара Карсавина, Федор Шаля-
пин, Сергей Прокофьев, Иван Бунин, Борис Зай-
цев, Аркадий Аверченко, Игорь Северянин, Ни-
колай Бердяев, Иван Ильин, Игорь Сикорский.
Сюда шли письма от Вячеслава Иванова, Владис-
лава Ходасевича, Николая Евреинова...

Культурная история Сербии межвоенного периода не отмечает значительных акций по сближению местной и русской интеллигенции, какие имелись в Праге и Париже. Чаще всего контакты осуществлялись на уровне профессиональной работы - при Сербской академии наук, учебных заведениях, театрах, издательствах и проч. В литературном плане таких попыток сближения было несколько. В 1923 году на русском и сербском языках вышел в свет первый (и единственный) номер литературно-художественного журнала „Медуза” - „орган пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских”. В нем помещены заметки о современных поэтах Югославии, переводы стихов А. Ахматовой, А. Блока, прозы А. Ремизова и репродукции картин Л. Браиловского. Русская студия искусств при „Земгоре” в 1927 году выпустила общественно-литературный сборник „Ступени”, в котором приняли участие русские и сербские поэты и литераторы.

Уникальным изданием во всем русском зарубежье тех лет можно считать „Руски архив”, - журнал, освещавший вопросы политики, культуры и хозяйства России, выпускаемый в 1928-1937 гг. на сербском языке научным отделением белградского „Земгора” (по 6 номеров в год). Основной его целью было объективное, без эмигрантского озлобления и пристрастий, ознакомление югославской общественности с положением и изменениями в Советской России, а также с новинками литературы и искусства русской эмиграции. Сотрудниками журнала были и русские из Праги, Парижа (Марк Слоним, Марина Цветаева, Алексей Ремизов), представители сербской интеллигенции.

В белградском культурно-литературном журнале „Бизанта”, а также в лучших сербских журналах „Мисао”, „Српски книжевни гласник” и новисадском „Летопис Матице српске” сотрудничало много русских. В Белграде было устроено несколько выставок русских и югославских художников и архитекторов, а в 1937 году во многих городах совместными силами торжественно и широко отмечалось 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина.

А. Б. Арсеньев

Русские учебные заведения в Сербии

Среди русских беженцев всех трех „исходов” из России после поражения Белой Добровольческой армии осенью 1920 года, среди военных чинов и гражданских лиц оказалось много и детей и юношества.

Они эвакуировались с родителями, с родственниками, некоторые со своими учебными заведениями (институтами благородных девиц, кадетскими корпусами, разными военными и другими училищами). К счастью, среди беженцев было и много педагогов, преподавателей, учителей, профессоров, законоучителей, да и просто благородных и чутких людей, сразу понявших весь трагизм этой „детской” эвакуации и потери Родины. Все это, по нашему мнению, прекрасно подтверждают воспоминания протопресвитера о. Петра Беловидова, бывшего преподавателя и законоучителя из Новороссийска

(Ставроп. губ. 1869 - Белград 1940), впоследствии основателя и настоятеля русского прихода в Белграде:

„Пароход Русского Общества пароходства и торговли „Константин” вышел из Дарданелл. Русским беженцам на нем стало известно, что их направляют в Сербию. Кто-то сообщил, что вечером того же дня будут сделаны доклады, которые познакомят русских людей со страной, куда обращены их взоры сейчас. Это было 21 марта 1920 года. Последним выступил профессор Плетнев, как мне называли его. Он с горячим воодушевлением убеждал нас позаботиться о воспитании подрастающего поколения, которому предстоит большая и серьезная работа в новой России. Нужно сейчас же, после водворения в новой стране, открыть русское учебное заведение, в котором наши дети в состоянии будут сохранить русское самосознание, свою веру и обычаи. Из железнодорожного вагона поезда мы вышли 2 апреля в Парачине (городок на юге Сербии), а 14 апреля Владимир Дмитриевич Плетнев, садясь в вагон уже сообщал мне, что едет в Белград открывать русское среднее учебное заведение, при котором будет церковь и интернат, и предложил мне занять место законоучителя в этом учебном заведении, причем ответ я должен был дать к 1-му мая.

30 апреля В. Д. Плетнев возвратился в Парачин. Вечером того дня он сообщил мне о том, что им сделано по вопросу об открытии русского учебного заведения. Этого желает сербское правительство, которое дает субсидию, русский консул и правительственный уполномоченный по устройству русских беженцев. Нужно набрать 250-300 учеников, что сделать легко, так как в

Сербии более трех тысяч детей школьного возраста. К этому В. Д. Плетнев добавил, что он назначается членом Государственной Комиссии. В числе членов ее будет проф. А. И. Белич, обещавший поддержку русскому учебному заведению. По просьбе В. Д. Плетнева я стал составлять программу преподавания Закона Божия в среднем учебном заведении.

25 сентября, в 2 часа дня, состоялось первое заседание педагогического совета Белградской русско-сербской гимназии, (так стал называть ее Плетнев), под председательством В. Д. Плетнева, в составе приглашенных им преподавателей: протоиерея Петра Беловидова, проф. Г. Н. Пию-Ульского, проф. А. П. Доброклонского, проф. Ю. Н. Вагнера, П. И. Рудченко, Л. М. Сухотина, Ю.А. Никольского, Г. Г. Сахновского, А. М. Брикен, Е. Н. Воробьевой и А. Л. Андреева, и из сербов - проф. Вл. Чоровича и Милоша Московлевича.

Торжество открытия было 14 октября. В этот день к 4 часам дня в здании 3-й мужской гимназии, на Негошевой улице, (где гимназия оставалась до 1923 года) собрались преподаватели, учащиеся, родители и почетные гости. После молебна совершенного мною, произносились речи. В. Д. Плетнев вспомнил трудности, которые нужно было преодолеть, чтобы дожить до сегодняшнего торжественного дня открытия гимназии; благодарил нашего посланника В. Н. Штрандмана, правительственного уполномоченного С. Н. Палеолога, заведующего учебной частью при управлении правительственного уполномоченного проф. Д. И. Кишенского, проф. Е. В. Спекторского (первого заведующего учебной частью при уполномоченном) и проф. А. И.

Белича. Посланник В. Н. Штрандман в свою очередь припомнил некоторые эпизоды из истории открытия гимназии и отметил полное сочувствие сербского правительства русскому делу

16 октября В. Д. Плетнев со мною и преподавателем сербского языка Московлевичем отправился к директору 3-й мужской гимназии, в здании которой мы занимались, просить разрешения устроить временный (переносной) храм в зале гимназии. Разрешение на это было получено, и 13 ноября, в субботу, мы совершили всенощное бдение в здании гимназии. Таким образом, 1-ая русско-сербская гимназия стала временно центром и церковно-религиозной жизни русского беженства”.

Этот текст может сначала читателям показаться неуместно длинным. Но именно он (по нашему мнению) является прекрасным „прологом” к теме о русских учебных заведениях в Сербии. Эти воспоминания батюшки о. Петра, выдающегося пастыря белградских русских беженцев, на протяжении 20 лет, до конца дней своих разделявшего все горести и редкие радости своей паствы, отвечают буквально на все вопросы, связанные с рождением первого русского учебного заведения на сербской земле, открывшего путь всем остальным школам, институтам, корпусам...

Из этого текста мы узнаем, что педагоги и духовники еще на пароходах и в поездах „исхода” стали думать о самых беззащитных изгнанниках - детях!

Отец Петр нам сообщает и четко сформулированную цель обучения этих поколений именно в своих, русских школах! Из вполне достоверного источника мы узнаем и какое большое

число детей и подростков нашло убежище в Сербии...

Отец Петр также перечисляет имена тех прекрасных, отзывчивых людей, которые целиком себя отдали этому святому делу - сохранению детских душ.

Это члены сербского правительства (как немножко безлико называет их батюшка), а читать это надо как: представители Дома Карагеоргиевичей, в первую очередь тогда еще „регент” Александр, выпускник Пажеского корпуса, затем старец Патриарх Димитрий, русские ученики: митрополит Скоплянский Варнава (впоследствии Патриарх сербский) и епископ нишский Досифей (впоследствии - священномученик митрополит загребский), профессор богословия протоиерей Стеван Димитриевич, и пр. Отец Петр неоднократно упоминает и двух выдающихся „борцов” за право русских беженцев на свои русские школы: Владимира Дмитриевича Плетнева и академика Александра Ивановича Белича. Упорство и рвение первого, а затем любовь к русским и авторитет второго были решающими в получении разрешения на открытие 1-й русской гимназии в королевстве СХС.

А это значило - и всех остальных учебных заведений! Не случайно отец Петр с благодарностью упоминает и посланника Василия Николаевича Штрадмана, после смерти знаменитого русского посла Николая Гартвига (в 1914 году) ставшего истинным защитником Сербии и ходатаем перед русским императором. А это значит и человеком с огромным весом в Сербии.

А состав первого педагогического совета! Академики, профессора, выдающиеся деятели науки!

Попав в Белград, протопресвитер о. Петр Беловидов остановился не только на создании гимназии. Его заботой стали и самые юные из его паствы - дети дошкольного и школьного возраста. Совместно с изумительными педагогами Иваном Михайловичем и Верой Петровной Малиниными, Сергеем Ивановичем и Еленой Александровной Кучинскими, Андреем Зиновьевичем и Еленой Николаевной Куликовыми и другими учителями, он принял участие и в создании 1-й русско-сербской начальной школы.

(В названиях наших школ добавлялась „сербская” так как это давало право продолжать учебу в сербских учебных заведениях и на факультетах).

Как ученик, закончивший нашу начальную школу и учившийся (до закрытия в 1944 году) в нашей гимназии, я хочу подчеркнуть одну весьма важную деталь, связанную с нашими школами. Хотя среди наших родителей, среди наших духовников, среди наших педагогов было очень много людей не только претерпевших муки гражданской войны, но и жестокости безбожных победителей, переживших ужас гибели самых близких и любимых людей, нас никто из них не учил ненавидеть свою Родину! Мы заочно знакомимся с Ее святынями, нам преподавали Ее славную историю, нам открывали тайны и красоту нашей литературы, и учили нас любить Россию, верить в нее, гордиться Ею. И так было во всех наших русских учебных заведениях на чужбине, в Сербии. Не случайно тогда, что мы русскую историю, географию и литературу знали лучше чем сербскую. Да и язык тоже. Особенно в младших классах, где с

преподавателями мы проходили только какие-то стишки и песенки. И неудивительно тогда, что значительно позже, попав в Киев, Москву или Питер мы, ученики русских школ в Сербии, все узнавали и могли о каждом историческом памятнике многое рассказать. И нашим Учителям за это - низкий поклон!

Русские гимназии

Первая русско-сербская гимназия в Белграде

Об основании этой гимназии было подробно рассказано во вступительной части этой статьи. Она была любимым детищем Владимира Дмитриевича Плетнева, который внес в программу много интересных новшеств (на пример семинары и кружки) и буквально жил ею, активно участвуя в работе, особенно старших классов. Не случайно она так и называлась „Плетневской”. Правда, он иногда увлекался, забывая, что это все-таки учебное заведение, которое должно быть созвучным с другими, местными. И вскоре у него появились оппоненты, как в самом министерстве, так и среди коллег и родителей учеников гимназии. Многие не могли ему простить попытку перевести школу на новое правописание. А этот вопрос был не педагогическим, а политическим! И, уже в 1925 году ему пришлось оставить гимназию и уступить место тактичному и сдержанному Ивану Михайловичу Малинину, который был на этом посту до 1941 года, когда под давлением немцев, оккупировавших Сербию, он передал гимназию Борису Николаевичу Сергеевскому.



■ Русско-сербская мужская гимназия в Белграде, 1930-е гг

Гимназия основана как смешанное учебное заведение и такими были первые 9 выпусков. В 1929 году была выделена женская гимназия, ее директором стал Лев Михайлович Сухотин, также оставшийся на этом посту до прихода немцев в 1941 году, когда на его место был назначен Владимир Северинович-Левицкий.

Обе гимназии просуществовали до июля 1944 года, так и не начав новый учебный 1944/1945 год, так как в августе и сентябре началась эвакуация многих русских белградцев на Запад. С приходом Красной армии и сербских партизанских отрядов наши школы прекратили свое существование. Так, мужская гимназия дала 24 выпуска,

а женская - 16 выпусков. Принимая во внимание, что эта гимназия из всех русских в Сербии была наиболее организованной, позволим себе посвятить ей немного больше строк, чем другим. Во-первых, в ней были собраны исключительные педагогические силы: духовники протоиереи Петр Беловидов, Владислав Неклюдов, Георгий Флоровский, Владимир Мошин, Виталий Тарасьев. Профессора: Ю. Вагнер, А. Доброклонский, Г. Пио-Ульский, А. Соловьев, академики Антон Билимович и Степан Колесников, выдающиеся математики Л. В. Коленко, Г. П. Кошиц, выдающиеся профессора-сербы Рашко Димитриевич, Радосав Бошковиц, Никола Попович, Божидар Томич и др., естествоисследователи Н. Измайлов и В. Мартино и многие другие. Особое внимание ей посвящали такие ученые, как академик А. Белич и С. Кульбакин. Покровителем мужской гимназии был сам король Александр Карагеоргиевич, а женской - королева Мария. После убийства короля Александра в октябре 1934 года, покровительство взял на себя регент принц Павел (по материнской линии Демидов Сан-Донато) и его супруга княгиня Ольга. Когда гимназии в 1933 году были переведены в Русский Дом имени Государя Николая Второго, в новых, более благоприятных условиях, благодаря наличию Русской публичной библиотеки (второй по величине в русском зарубежье, после Тургеневской в Париже), отдельного гимназического помещения, находившегося в тех же стенах, уровень знаний еще более повысился. Гимназии отмечали в своей гимназической церкви все большие праздники, устраивали юбилейные торжества (в 1937 году - 100-летие со дня кончины А. С. Пушкина, в 1938-950-летие крещения Руси и т. п.).

Выпускники наших белградских гимназий без труда поступали на факультеты Белградского университета, с успехом заканчивали их и включались в жизнь своей новой страны. Так, из стен этих школ вышли многие врачи, инженеры, духовные лица (несколько епископов), артисты, архитекторы, литераторы, лингвисты. Достаточно упомянуть выдающегося церковного деятеля архиепископа Женевского и Западно-Европейского Антония (Бартошевича) (11 выпуск 1931 года), графа Илью Голенищева-Кутузова (1 выпуск 1921 года), академика графа Никиту Ильича Толстого (правнука писателя) (21 выпуск 1941 года).

Другие русские гимназии в Сербии

Кроме 1-й русско-сербской гимназии в Белграде, годом позже были основаны и другие гимназии, в тех центрах, где по разным причинам колонии русских беженцев были более многочисленны. Это были города: Нови-Сад, Панчево, Земун и Кикинда (все на территории Воеводины). Главными проблемами этих школ были нехватка помещений и частые смены персонала. Через несколько лет условия работы этих школ улучшились: во-первых, в Нови-Саде, а особенно в Кикинде, где первая русско-сербская женская гимназия (с интернатом) была в руках исключительно образованной и энергичной Наталии Корнильевны Эрдели (1889-1925). В 1924 году от вдовствующей императрицы Марии Федоровны, в былые времена покровительницы Смольного, она получила разрешение на основание „Второго Смольного института” в Кикинде, но этот план не осуществился. Много проблем было с гимна-



■ Восьмой выпуск Русско-сербской девичьей гимназии («Второй Смольный институт»). Велика-Кикинда, 1930 г.

зией в городке Панчево. Там не удалось набрать учеников во все классы, и работали только первые четыре. В 1924 году остался только первый класс, а через год она была и вовсе закрыта.

Одной из главных причин недолговечности русских гимназий в сербских небольших провинциальных городах было сравнительно небольшое число детей, не оправдывавшее существование на государственные средства специальной русской школы, затем бедность

родителей, которым было легче отдать ребенка в кадетский корпус или девичий институт, где они были полностью обеспечены.

Кроме того, не всюду эти школы смогли привлечь учеников из местного населения. Даже в такой „элитной” русской гимназии, какой была белградская, число обучавшихся сербов было минимально.

Трудно сказать, что было бы с русскими гимназиями если бы не Вторая мировая война, в

результате которой Сербия, в составе новой Югославии очутилась в „левом” лагере, где не было места „белогвардейским” учебным заведениям. Этого никто не может знать.

Русские начальные школы в Сербии

Проблему создания начальных школ в новых условиях в Сербии, поставила на повестку дня сама жизнь! Огромное число детей-сирот, детей из семейств без основных средств к существованию остро выдвинуло вопрос о создании детских приютов. Эту работу выполнил Всероссийский союз городов, считая, что такая система наиболее эффективна и недорога. Так была создана целая сеть приютов, спасших многих, буквально, от голодной смерти. И в этих приютах стали создавать своего рода учебные центры для детей дошкольного возраста, а также и на уровне начальных школ. До 1927 года Министерство просвещения королевства СХС не вмешивалось в работу этих школ, но потом взяло их под свое покровительство и выделяло немало средств на их существование.

Белградская начальная школа работала с 1920 года сначала в Земуне (городок через реку Саву напротив Белграда, теперь просто район столицы Сербии), начальницей ее была Вера Петровна Малинина, а затем Серафима Ивановна Леднева. До открытия Русского Дома, школе приходилось менять помещения, чуть ли не ежегодно и лишь в 1933 году ее поместили вместе с гимназиями. Школа была „не смешанной”, и вскоре ее директором стала одна из ее основательниц - Елена

Александровна Кучинская. Первый класс бес-сменно вела Евгения Родионовна Колчина, исключительный педагог и человек, кормившая на свои средства многих учеников - сирот. Во втором классе учительницей была В. П. Малинина, в третьем и четвертом Андрей Зиновьевич Куликов, чья супруга Елена Николаевна вела „женские” детские классы с Еленой Дмитриевной Исаевой и другими учительницами. Нас учили по учебникам Царской России (например, алгебра была Малинина и Буренина, геометрия Киселева, история Платонова и др.). В конце учебного года книги сдавались в школьную библиотеку и осенью они переходили в руки следующего младшего поколения. Поэтому нам строго запрещалось что-либо подчеркивать или писать в учебниках. Разрешалось только написать на обороте обложки свое имя и фамилию, так что эти книги могли бы рассказать интересные истории о своих многочисленных владельцах. В гимназии, где мы тоже должны были в конце учебного года сдавать учебники, было еще строже: кроме астрономического, географического, математического, ботанического и др. кружков, у нас был обязательным кружок переплетный! Если ты плохо обращался с книгой, то был обязан сам ее переплести в переплетной нашей гимназии, находившейся рядом с библиотекой.

Русская начальная школа в Белграде просуществовала до осени 1944 года и была ликвидирована вместе с гимназиями. Очень повезло русским детям в городке Панчево: кроме прекрасных педагогов, во главе с Александрой Боголюбовой, у них были вполне подходящие помещения в бывшей венгерской школе, чем не могли похвастаться их сверстники ни в г. Нови-



■ Русская начальная школа в Белграде, 1920-е гг.

Сад, ни в шахтерском городке на востоке Сербии - в Боре, а также и на крайнем севере Воеводины - в Суботице. Приют и детский сад в городе Велики Бечкерек (теперь Зренянин) в Воеводине, был одним из самых сильных центров среди русских школ. Там работали неутомимые и хорошо подготовленные педагоги: Анастасия Георгиевская, Лидия Козьякина и рано скончав-

шаяся Мария Шишко. Русские начальные школы были также в г. Вршац (почти на границе с Румынией), в Заечаре, Сомборе, Княжеваце и в курортном городке Врнячка-Баня.

К сожалению, большинство архивов не сохранилось, поэтому сейчас невозможно восстановить имена всех учителей и учеников. В промышленных центрах Смедерево, Крагуевац,



■ Русская начальная школа в Нови-Саде. Директор – писатель и библиофил С.Р. Минцлов. Фото 1923 г.

Кралево, Ниш русские школы были открыты значительно позже (в 30-е годы), когда там появились семьи русских специалистов. Но и они не могли похвастаться численностью учеников (иногда их число было человек 14, а бывало даже и всего 10). И еще одна интересная деталь: ученики русских школ в сербской провинции очень редко поступали в наши гимназии, например в Белграде, так как это было сопряжено с большими расходами для их родителей, и они чаще всего продолжали учебу в местных сербских средних школах.

Институты благородных девиц

В отличие от начальных школ и гимназий, эти институты не создавались в Сербии, а были результатом организованной эвакуации учениц и персонала. Поэтому большинство девушек оказалось за границей без родителей, оставшихся в России.

В Сербию прибыло два института: Мариинский донской во главе с Вера Федоровна Викгорст, которая вскоре покинула эту должность, уступив ее Наталии Владимировне Духоиной (1881-1968). Местом их пребывания был определен городок на севере Воеводины - Белая Церковь. Второй институт был „смешанным„: в нем были „смолянки”, соединившиеся в момент эвакуации в Одессе с Харьковским институтом и под таким именем вывезенные в Сербию, в городок Нови-Бечей. Во главе этого института была знаменитая сотрудница и педагог, как Смольного, так и Харьковского институтов, Мария Алексеевна Неклюдова. Она бессленно возглавляла свой институт, пока его не перевели в Белую Церковь, затем руководила девичьим общежитием в Белграде, где в 1939 году был торжественно отмечен ее юбилей - 50 лет педагогической работы.

После войны судьба ее сложилась трагическая: она, с частью своих „девочек” была вывезена в Советский Союз, попала в какую-то глухую провинцию западной Украины, где они жила в ужасных условиях советской послевоенной разрухи и вскоре скончалась. Некоторым из ее подопечных удалось вырваться на Запад, а остальные навсегда „осели” на своей родной земле.



■ Аттестат зрелости Людмилы Сергеевны Ведринской, воспитанницы Мариинского донского девичьего института. Белая Церковь, 1932 г.

Институты сохраняли и уровень преподавания, и самые заветные традиции своих славных учебных заведений Царской России, но, конечно, без прежнего блеска и „замкнутой элитности”. К счастью, оба института находились в Воеводине, в „житнице” Сербии, где никогда не было нехватки питания. Первую помощь в оформлении помещений оказала им сербская армия, так



■ Урок рисования в Харьковском девичьем институте. Нови-Бечей, 1920-е гг.



■ Постановка пьесы *Снегурочка* воспитанницами Харьковского девичьего института. Нови-Бечей, 1930 г.



■ Русские студенты и профессора Юридического факультета в Суботице. Рядом с проф. Г. В. Демченко (с белой шляпой) сидит единственная студентка, княжна Е. С. Эрстова. 1936 г.



■ Русские студенты-медики на пикнике в парке виллы своего профессора А. И. Игнатовского. Дединье-Белград, 1934 г.



■ Русские студенты после встречи Нового года. Белград, 1935 г.

что „смолянкам” пришлось привыкать к солдатским койкам. Многие из них каникулы проводили тоже в институтах, так как им некуда было ездить „домой”. Были проблемы и с традиционными формами („рабочей и парадной”), так как это требовало немалых дополнительных средств, которые Министерство не могло обеспечить. Бывало, что формы передавались следующим поколениям. Программы институтов были согласованы с Министерством просвещения и выпускники могли продолжать учебу в вузах Югославии.

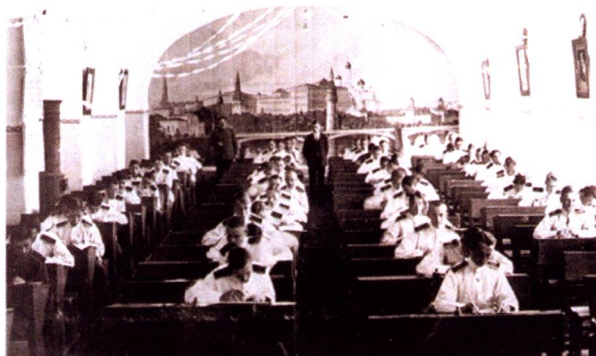
Кадетские корпуса

Кадетские корпуса, как и институты благородных девиц, не были основаны в Сербии, а появились на Балканах в результате организованной эвакуации.

Со времен учреждения в 1732 году императрицей Анной Иоановной Первого корпуса, до начала Первой мировой войны 1914 года, в России число их возросло до 30 корпусов.

Веками эти учебные заведения воспитывали молодежь быть верными Вере, Царю и Отечеству. Неудивительно тогда, что в водовороте ужасной бойни гражданской войны, они, верные своим идеалам и присяге, боролись в рядах Белой Добровольческой армии. Трудно привести достоверные данные о том, сколько этих юношей, зачастую почти мальчиков, погибло в неравной борьбе. Известны лишь цифры свидетельствующие о том, как мало их спаслось и очутилось на чужбине. Вот их краткая история:

Киевский корпус (основан в 1851 г.) после целого ряда перемен „властей” (Временное правительство, гетманы, Петлюра, большевики и проч.) в конце 1919 года переброшен в Одессу, откуда вместе с Одесским корпусом, под обстрелом красных, погружен на корабли и эвакуирован в Королевство СХС (январь 1920 г.). Эти кадеты (почти 300 человек) были названы „Сводным кадетским корпусом” и размещены в городах Панчево (Сербия) и Сисак (Хорватия), а затем переведены в Сараево. В 1929 году корпус переведен в Белую Церковь, где был под покровительством самого Короля Александра переименован в „Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский корпус”.



■ Выпускной экзамен в Крымском кадетском корпусе. Белая Церковь, 1925 г.



■ Утренняя зарядка кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса. Горажде, 1928 г.

Петровский-Полтавский корпус, тоже переживший все ужасы гражданской войны, был в 1919 году переведен во Владикавказ и соединен с Владикавказским. После многочисленных переездов и переездов, оказавшись в Крыму, переименован в „Крымский корпус” и в 1920 году эвакуирован в Королевство СХС, где был размещен в местечке Стрнице (Словения) в полуразвалившихся бараках. В 1929 году Крымский корпус был соединен с Донскими кадетскими корпусами.



■ Зал Музея в Первом русском вел. кн. Константина Константиновича кадетском корпусе. Белая Церковь, 1939

Донской корпус (основан в 1883 г.), благодаря своему местонахождению, был сравнительно защищен от опасностей гражданской войны, но при приближении красных к Новочеркаску переведен в Новороссийск, откуда в полном составе эвакуирован в лагерь на Суэцком канале, где два года спустя его расформировали англи-

чане. Так что основным Донским корпусом стали те десятки кадет, которые из-за тифа не были эвакуированы из Новороссийска. В 1920 году из Евпатории их эвакуировали в Константинополь, а затем в тот же городок Стрнице, к Крымскому корпусу (назвав Вторым Донским корпусом). В 1922 году их перевели в боснийский городок Би-

леча, где они в ужасных условиях оставались до 1926 года, когда после долгих протестов директоров и персонала их перевели в уютный городок Горажде (Босния).

В 1933 году корпус был закрыт, т. е. переведен в Белую Церковь, где он влился в „Константиновский корпус”. Трудно говорить о каком-либо уровне преподавания в первые годы пребывания корпусов в Сербии и Королевстве СХС - полураздетые, полуголодные, без соответствующих помещений, без основных условий для нормальной жизни, без учебников и пособий кадеты и их преподаватели все же работали - учили и учились. Со временем условия значительно изменились, и все кадетские корпуса стали образцовыми учебными заведениями.

Корпус в Белой Церкви продержался до 1944 года. Заслуга, несомненно, принадлежит тем исключительным педагогам, которые, разделяя со своими учениками вся тягота жизни в невероятно сложных, зачастую невыносимых условиях, все же сохраняли достоинство и честь мундира, умело их не только обучали, но и „приструнивали”. Нельзя не упомянуть такие имена, как: генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович (1870-1936) - директор сводного корпуса, генерал-майор Евгений Васильевич Перетт (1876-1940) - директор Донского корпуса в Билече и Горажде, генерал-майор Александр Григорьевич Попов (1885-1968) - директор „Константиновского корпуса” в Белой Церкви, выдающийся участник Первой мировой войны генерал-лейтенант Михаил Николаевич Промтов (1857-1950) - директор сводного корпуса, а также всех других труженников-педагогов, чьи светлые имена чтят бывшие кадеты и их потомки, стараю-

щиеся сохранить традиции славных кадетских корпусов.

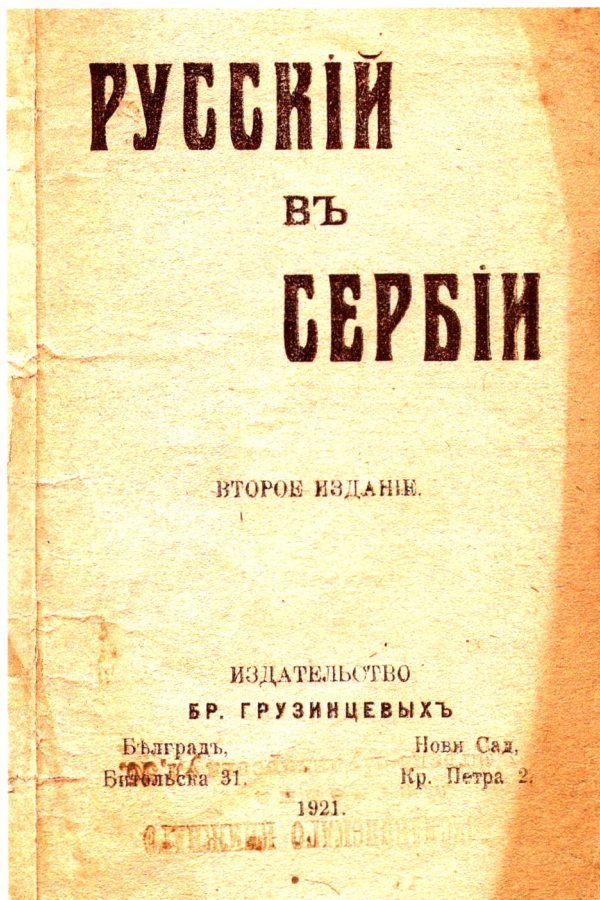
Русские беженские учебные заведения - светлая страница в скорбной истории людей, потерявших Родину, но и в безрадостных условиях изгнания даривших детям своим надежду на лучшее будущее, и, как сказали В. Д. Плетнев и о. Петр, помогавшие им сохранить русское самосознание, свою веру, обычаи, „самое главное: любить свою Родину - Россию!”

А. В. Тарасьев

Русская издательская деятельность в Сербии

За 25 лет (с 1920 по 1944 год) русские эмигранты в Королевстве СХС-Югославии опубликовали на русском языке около 2-х тыс. книг и брошюр, и около 320 периодических изданий - газет, журналов, бюллетеней. Примерно 80-90 % этой продукции было выпущено на территории сегодняшней Сербии.

Самыми распространенными жанрами непериодических изданий были богословие, политика, военное дело, учебники, история, художественная литература и биографии. Ценными книгами по художественной литературе следует считать белградскую серию из 43-х книг „Русской библиотеки” - новые труды писателей зарубежья: Д. С. Мережковского, Е. Н. Чирикова, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцева, А. Н. Куприна, И. С. Шмелева, А. М. Ремизова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Н. Тэффи, Игоря Северянина, М. А. Алданова и других, а также 13 книг „Детской библиотеки” и „Библиотеки для юношес-



■ Одно из первых изданий русских беженцев в Сербии.

тва". Для истории русской зарубежной литературы интересны скромные издания литераторов „белградского круга” - около 70-ти книг прозы и поэтических сборников, среди которых: „Белый скит”, „Белый стан”, „Гамаюн - птица вещая”, „Зодчий”, „Литературная среда”, антология новой югославянской лирики, и сборники



■ Единственный прижизненный сборник стихотворений поэта Ивана Савина. Белград, 1926 г.

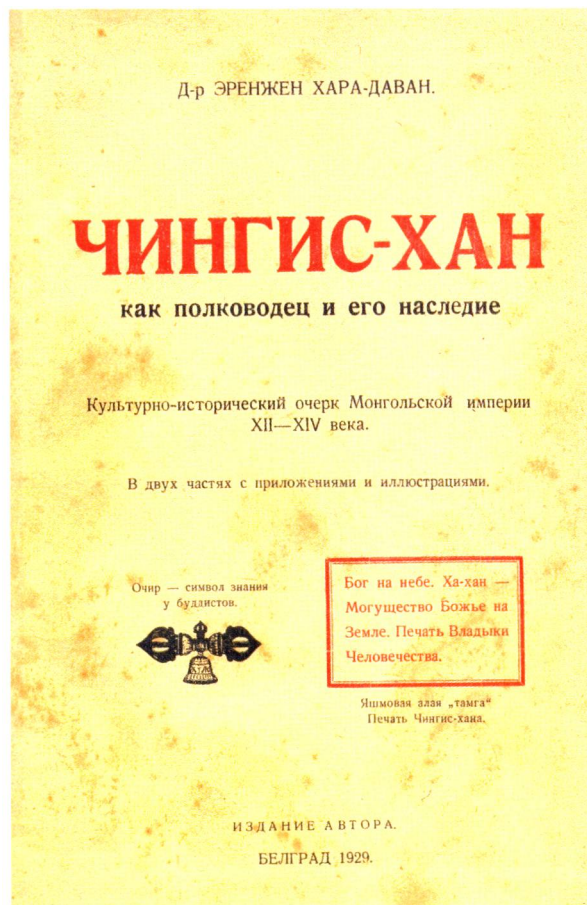
стихотворений Сергея Бехтеева, Евгения Вадимова, Петра Евграфова, Евгения Кискевича, Игната Побегайла, Григория Сахновского, Константина Шумлевича и других.

Культурно-научную ценность представляют издания: „Белградский Пушкинский сборник” (1937), „Владимирский сборник. В память 950-летия кре-



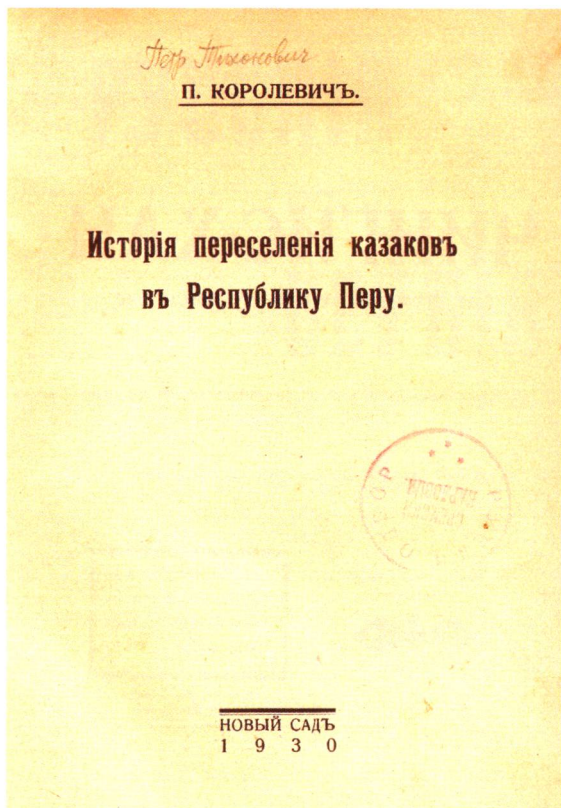
■ Общественно-литературный сборник Русской студии искусств при „Земгоре“. Белград, 1927 г.

щения Руси” (1938), три тома „Сборника Русского археологического общества” (1927,1936,1940), два тома материалов всезарубежных соборов Русской православной церкви за границей (1922, 1939), 17 томов „Записок Русского научного института в Белграде” (1930-1941), два тома собранных материалов об отце Иоанне Кронштадтском.

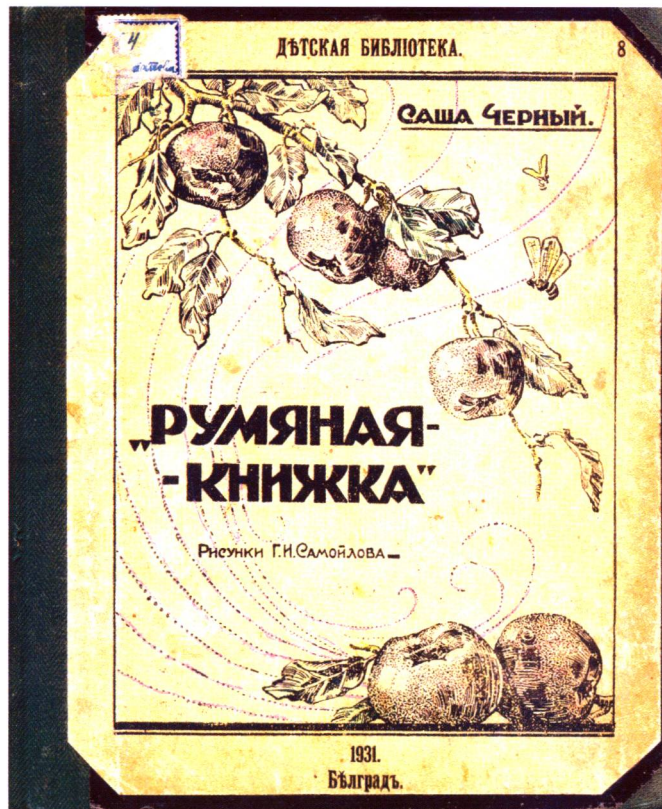


■ Врач и историк, калмык Э. Хара-Даван опубликовал свое исследование, пользуясь материалами европейских архивов. Белград, 1929 г.

Больше всего неперIODических изданий в Сербии выпустили Русский научный институт - 116, „издательская комиссия” при Русском культурном комитете - 56, Краевой союз Русского сокольства - 43, Национально-трудовой союз нового поколения - 31, Православно-миссионерское



■ Одно из изданий, напечатанное в Русской типографии С. Ф. Филонова в Нови Саде, 1930 г.



■ Пятая (из десяти) книга „Детской библиотеки“, выпущенная Издательской Комиссией Русского культурного комитета. Белград, 1931 г.

книгоиздательство (Белая Церковь) - 27, Издательство „Святослав“ М. Г. Ковалева - 22, „Новое время“ М. А. Суворина - 16 и т. д.

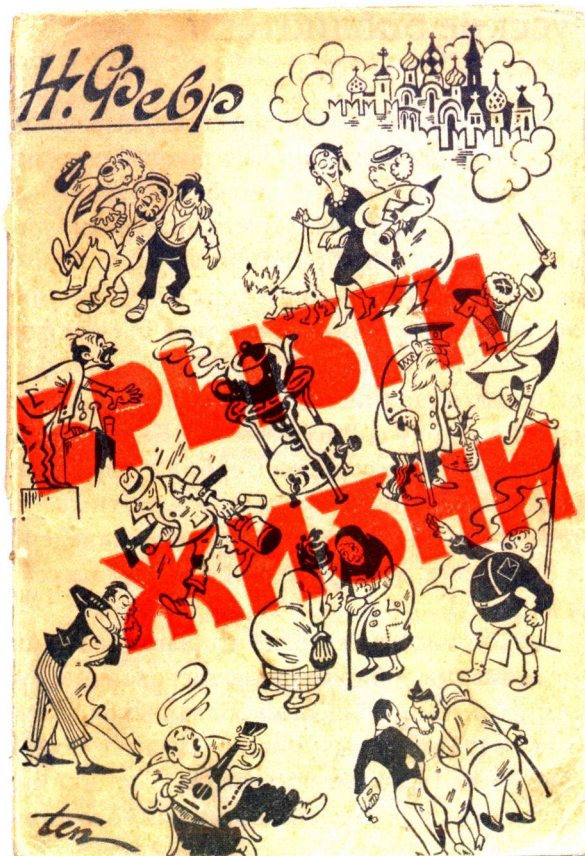
Русские книги печатались в „Русской типографии С. Ф. Филонова“ (Нови-Сад) - 165 изданий, и белградских: „Русская типография“ - 102, „Слово“ И. Попова и А. Большакова - 30, М. Г. Ковалева и К° - 16, Типографии М. Павленко и И.

Попова - 14 и сербских книгопечатных в Белграде: „Светлост“, „Меркур“, „Орао“, „М. Карич“...

Чаще всех в Сербии публиковались труды митрополита Киевского и Галицкого Антония - 35 книг и брошюр, публициста и врача М. А. Сопочко-Сырокомли - 29, профессора-психиатра Н. В. Краинского - 20, архимандрита Кирика (Максимова) - 19, историка Л. М. Сухотина - 14,



■ Русское издание, опубликованное в Сербской монастырской типографии в Сремских Карловцах, 1934 г.



■ Сборник юмористических рассказов Н.М. Февра, обложка работы художника-карикатуриста Н.Тищенко. Белград, 1937 г.

профессора-социолога Е. В. Спекторского - 14, историка Вл. А. Маевского - 13, военного историка генерала Н. Н. Головина - 13.

По тематике периодических изданий преобладали следующие жанры: политика, военное дело, скаутское движение, религия и культура. Чаще всего газеты и журналы были еженедель-

ными или ежемесячными. Отличительной чертой этих изданий было их скорое угасание из-за нехватки средств.

Сегодня эта русская периодика очень скромно представлена в библиотеках Сербии.

А. Б. Арсеньев

Русские библиотеки

Одновременно с созданием своего церковного очага, хора, детского садика и школы, русского клуба (места встреч), - в „русской колонии” создавалась и библиотека. Местные жители удивлялись количеству привезенных книг в эмиграцию, даже осуждали русских в чтении книг. Библиотеки постоянно увеличивали свои фонды за счет пожертвований своих членов и закупок новых изданий, которые публиковались в Берлине, Париже, Риге, Шанхае, Белграде. Бывало, в одном из городов Сербии существовало несколько русских библиотек - частных или принадлежащих русским средним заведениям (гимназии, девичьему институту, кадетскому корпусу).

В 1920-е годы в Белграде открывались книжные магазины и библиотеки, торговавшие русскими книгами. Общество „Славянская взаимность” в 1920 году выкупило со склада в Софии около 70-ти тыс. книг богатого русского книготорговца Сытина. В столице книгами торговали: магазин „Русская мысль”, „Новое время” М. А. Суворина, „Всеславянский книжный магазин”, „Рассвет”, частный магазин Сергея Кашкина, издательство, книжный магазин и библиотека „Возрождение”, имелись и филиалы берлинских книгоиздательств „Град Китеж”, „Жизнь и культура”. Русские книжные магазины или их представительства открывались и в городах Крагуевац, Шабац, Сента, Нови-Сад, Велики-Бечкерек, Суботица, Ниш.

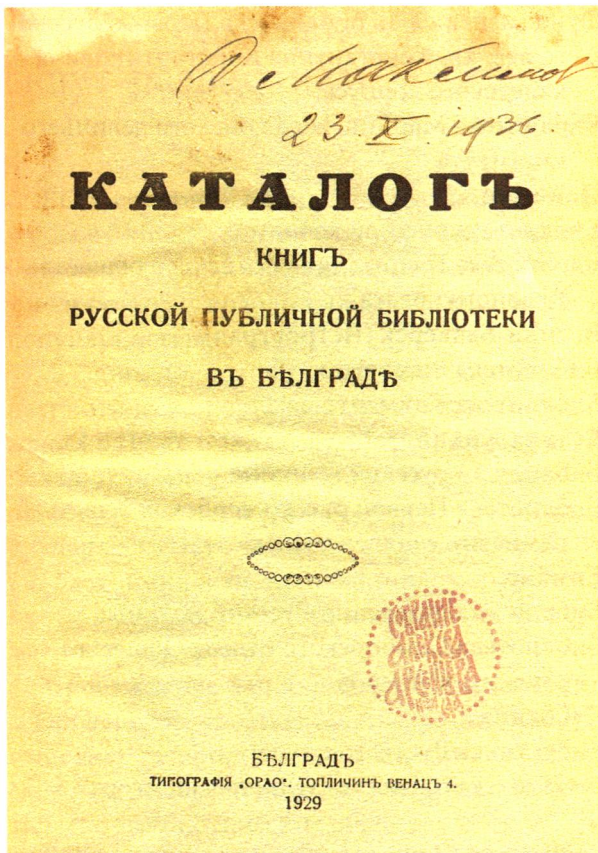
По подсчетам исследователей, к 1928 году количество русских книг, которыми пользовалось

8-12 тыс. русских в Белграде, превышало количество книг Национальной библиотеки Сербии, составлявшей примерно 212 тыс. томов.

Русская публичная библиотека в Белграде возникла в 1920 году. Она размещалась в здании Королевской сербской академии наук и располагала завидным книжным фондом, кабинетом для научной работы и читальным залом, постоянно закупала и получала книги. После переезда в отреставрированное здание Русского дома им. Императора Николая II, в ее фонды влилось несколько библиотек русских организаций - Союза писателей и журналистов, „Земгора” (12 тыс. томов), Русско-сербской мужской гимназии, Союза русских инженеров, русских военных организаций, часть выкупленных в Финляндии книг библиотеки Леонида Андреева.

В 1920-е годы Всероссийский союз городов в Белграде (позднее вошел в „Земгор,») обслуживал книгами свои отделы в Нови-Саде, Суботице, Белой Церкви, Крагуеваце. Интересно отметить, что библиотеке „Земгора” удавалось через Берлин и Прагу получать произведения советских писателей: Замятина, Иванова, Зощенко, Федина, Пильняка, Каверина, Фадеева и других, а также даже некоторые московские газеты и журналы. Свои дубликаты „Земгор” уступал библиотеке Союза русских писателей и журналистов. Эта большая белградская библиотека в 1928 году пополнилась ценным книжным фондом, целой Библиотекой им. Тургенева в Карлсруэ.

Чтобы представить себе спрос на русские книги в Сербии, перечислим наименования библиотек в некоторых местах русского рассеяния в Сербии:



■ Помимо Основного каталога (1929 г.), было выпущено семь Дополнений (1930-1941 гг.)

Белград:

- Русская публичная библиотека;
- Библиотека Всесоюзного союза городов;
- Подвижная библиотека Всероссийского земского союза;
- Библиотека Союза русских педагогов;
- Библиотека Первой русско-сербской гимназии;
- Библиотека-читальня „Земгора“;



■ Печати русских библиотек в Сербии.

- Библиотека Союза русских инженеров;
- Библиотека им. А. С. Пушкина Союза русских писателей и журналистов;
- Библиотека Русского научного института;
- Библиотека Института изучения России и Югославии;

Библиотека „Славянской взаимности,,;,
Библиотека „Возрождение,,;,
Библиотека „Русская мысль”;
Частная библиотека Федора Лепехина;
Библиотека Приходского совета Русской православной церкви;
Библиотека Союза обществ русских офицеров;
Библиотека Общества ревнителей военных знаний;
Военная библиотека и архив;
Библиотека Комитета помощи русским инвалидам и их семьям на Балканах;
Библиотека Общежития русских студенток;
Библиотека русских приютов стариков и старух.
Нови-Сад:
Библиотека Русской матицы;
Библиотека Общества офицеров Российского военно-воздушного флота;
Библиотека Редакции журнала „Наша стихия”;
Библиотека русских летчиков;
Библиотека Общества „Русский сокол,,;,
Библиотека Русского старческого дома;
Библиотека Новосадского отдела Общества русских военных инвалидов.
Сремски-Карловци:
Библиотека Сремско-карловацкой русской колонии;
Библиотека Штаба Главнокомандующего Русской армией.
Ниш:
Библиотека русской колонии;
Библиотека русских инвалидов.
Белая Церковь:
Библиотека колонии русских беженцев;
Библиотека Крымского кадетского корпуса;

Фундаментальная библиотека Первого русского вел. кн. Константина Константиновича кадетского корпуса;
Библиотека Мариинского донского девичьего института.
Панчево:
Библиотека русской колонии;
Библиотека Госпиталя Российского общества Красного креста.
Велики-Бечкерек (Петровград):
Библиотека Русского клуба;
Библиотека Климентовых.
Велика-Кикинда:
Библиотека русской колонии;
Библиотека Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием.
Сомбор:
Библиотека отделения Русской матицы;
Библиотека Сомборского отдела Общества русских офицеров.
Суботица:
Библиотека Русского клуба;
Библиотека представительства „Земгора”.

Русские библиотеки существовали и в Кральево, Приштине, Вршаце, Боре, Нови-Бечее, Сремска-Митровице, Сенте, Крагуеваце, Земуне, Косовска-Митровице, Княжеваце, Црвенке, Неготине, Заечаре...

После Второй мировой войны некоторые из этих, в полном объеме или частично, вошли в местные городские библиотеки (Панчево, Вршац, частично - Белград, Нови-Сад).

А. Б. Арсеньев

Русские сокола и скаут-разведчики

Если говорить о спорте и русской молодежи на чужбине, необходимо подробнее остановиться на двух организациях, пользовавшихся у подростков и молодых людей самой большой популярностью¹.

В своих „Основах гимнастики” основатель патриотической организации сокольского движения в Праге в 1862 году, Мирослав Тырш, отмечал „огромное значение систематического телесного развития и его влияния на воспитание духовных качеств человека: выдержки, храбрости, настойчивости, понимания красоты, честности в борьбе, точности и привычки к систематическому труду”.

Пробуждение национального самосознания среди народов, населявших Австро-Венгерскую империю, распространилось и на другие славянские народы, среди которых возникают гимнастическо-патриотические общества „Сокол”. Освободительная война в Болгарии в 1877-78 годах сильно повлияла на самосознание славянства в целом - борьба за освобождение от власти любых поработителей. Всеславянские сокольские слёты с 1882 года стали устраиваться в Праге и других странах, и не без их почина мировые спортивные организации принялись за воскре-

сение олимпиад Древней Греции, в 1896 году. На Шестом слёте в Праге в 1912 году впервые выступили и русские соколы.

В России интерес к сокольству возник в 1870 году - на Волыни и в г. Острог, как и в российской части Польши, но лишь в 1900 году в Тифлисе открывается „Гимнастическое общество”, чисто сокольское по структуре, идеологии и с принятой гимнастической терминологией, разработанной Тыршем. За ним следуют „Чешские гимнастические кружки” в Петербурге и Киеве. В сокольскую работу втягивается военное ведомство. В столице открывается „Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа”, действующая по „сокольской системе”. Она выпускает профессиональных инструкторов-офицеров для обучения войск сокольской гимнастике. Большинство сокольских старшин 20-30-х годов в эмиграции были выпускниками этой школы. В России создается „Союз русского сокольства” и определяются его идейные основы. Начало Первой мировой войны 1914 года останавливает всю сокольскую работу.

Сокольские организации на территории будущего Королевства СХС возникли рано: словенские в 1863 году, хорватские - в 1874 году, сербские - в 1870-е годы (белградское - в 1891 году).

Русское сокольство на чужбине возродилось в Праге, в июне 1920 года, а в Королевстве СХС первое русское сокольское общество возникло в 1921 году в Любляне (Словения), затем - 2 июля 1922 года в Земуне, пригороде Белграда. Организация в Земуне была одной из самых деятельных в стране и просуществовала до самого прихода германских войск и хорватских усташей, в июне 1941 года, когда была запрещена.

1. Основные данные об этих организациях нами почерпнуты из рефератов Андрея Борисовича Сергеевского и Ростислава Владимировича Полчанинова, написанных для Международной конференции „Русская эмиграция в сербской и других словенских культурах”, состоявшейся в Белграде в 1997 году.



■ Членский билет соколицы О. Б. Панчулидзевой. Сомбор, 1930-е гг.

Первый слёт Югославского сокольного союза, состоявшийся в августе 1922 года в Любляне, послужил толчком к дальнейшему росту русского сокольства в этой стране. „Положение о Русском сокольстве в Королевстве СХС” - основной документ для юридического существования этого движения, было принято 29 ноября 1925

года. Первоначально русские сокольские ячейки были составными частями местных сокольских обществ. Принятое „Положение” предусматривало полную автономию, под защитой и братским сотрудничеством с Юго-соколом. Русским это давало возможность пользоваться местными гимнастическими залами, получать скидки

РУСКИ ОТСЕК СОКОЛСКОГ ДРУШТВА У КРАЉЕВУ

УЗ БРАТСКО СУДЕЛОВАЊЕ СОКОЛСКОГ ДРУШТВА - КРАЉЕВО
на дан 2 маја 1936 год.

ПРИРЕЂУЈЕ АКАДЕМИЈУ

у просторијама СОКОЛАНЕ

Програм:

- | | |
|---|--|
| 1. ПОЗДРАВ ПРОЛЕГУ* - вена мн. нараштај Р. О. | 7. РУНИЧАСТИ ВАЛЦЕР* - женска деца Р. О. |
| 2. Свира на виолини Ђорђе Маринковић уч. осн. шк.
уз пратњу г. И. Дмитријевића | 8. Свира на виолини Вера Маско уз пратњу
г. И. Дмитријевића |
| 3. ПРОСТА ВЕНЕА* - м. деца Р. О. | 9. СЛЕТСКЕ ВЕНЕА* - чланови Р. О. |
| 4. PAS DE QUATRE* - игра м. деца Р. О. | 10. ДРВЕНА ЛУТНИЦА* - балет м. деца - режија
балетнице М. П. |
| 5. Свира на виолини Јлинкаје Савић уч. осн. шк.
уз пратњу г. И. Дмитријевића | 11. КОЗАЧНА ИГРА* - м. деца Р. О. |
| 6. ВЕНЕА НА НОЊУ* - чланови Соколског Друштва
Краљево | 12. ХАНО СЕ УБИО НОМАРАЦ* - балет-слика м. и н.
деца - режија балетнице М. П. |

Свира оркестар Соколског Друштва-Краљево и оркестар балалајке Руског отсека.

Почетак у 8³⁰ часова у вече.

УЛАЗНА ЦЕНА: 8 дин.

од члана породице 6 дин.

чланови сокола 5 дин.

З Д Р А В О !

Старешинство



■ Участники академии отдела Русского сокола в Нови Саде, 1934 г.

на средствах сообщения, участвовать в сокольских и государственных мероприятиях (под российским национальным флагом).

В 1926 году Русское сокольство разработало свою структуру *краевых союзов* в разных странах русского рассеяния. После земунского общества, на территории страны возникают многочисленные русские сокольские общества, на просторах сегодняшней Сербии - в Белграде, Каниже, Велика-Кикинде, Крагуеваце, Белой Церкви, Боре, Вранье, Заечаре, Кральеве, Кру-

шеваце, Лесковаце, Нише, Нови-Саде, Панчево, Парачине, Сомборе, Суботице, Чуприи, Велики-Бечкереке (ныне: Зренянин), Пожареваце...

Во всех этих обществах кипела спортивная и воспитательная жизнь: читались лекции, занимались гимнастикой и многими видами спорта. Для детей и подростков устраивались школьные классы по предметам: русский язык и родноведение (история и география России). Воспитательная работа основывалась на прививании любви к России и своей национальности. Час-



■ Русская сокольская форма в Сербии.

то проводились „вылеты” соколов на природу и в летние лагеря, проводились совместные мероприятия с юго-соколами. В Земуне выпускался ежемесячник „Пути русского сокольства” и публиковались сокольские календари, стихотворения, инструкции по воспитанию, гим-

настике и гигиене. Русские сокола принимали участие во Всеславянских слётах, в Праге, Любляне, Софии.

Старостами и видными деятелями Союза русского сокола в Югославии были генерал-майор Владимир Николаевич Полянский, генерал-майор Виктор Алексеевич Артамонов, генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев, полковник Роман Константинович Дрейлинг, инженер Борис Михайлович Орешков.

В 2007 году скаутское движение, насчитывающее более 20 млн. членов во всем мире, отметило свое 100-летие. Основателем скаутизма („бойскаутов,“) является английский генерал-лейтенант Роберт Баден-Пауэлл, выпустивший в 1907 году книгу „Разведчество для мальчиков”. Цель ему виделась как развлечение и подготовка подростков к военной службе. Во всех странах излюбленной игрой мальчиков является игра в солдаты. И будущий российский император Петр Великий так играл со своими ровесниками - „потешными”, из среды которых потом формировались два гвардейских полка - Семеновский и Преображенский.

Одновременно и независимо от скаутского движения в Англии, в России в 1908 году был создан отряд „потешных”. Владея английским языком, император Николай II прочитал книгу Баден-Пауэлла и отдал приказ Генеральному штабу перевести ее и опубликовать (вышла в 1909 году под заглавием „Юный разведчик,“), что послужило началом скаутизма в России.

Гвардии штабс-капитан Олег Иванович Пантюхов (1883-1973) 30 апреля 1909 года в Пав-

ловске собрал группу мальчиков, в целях обучать их военному искусству. После появления перевода труда Баден-Пауэлла он пользовался им как руководством для своих занятий с молодежью. В начале 1910 года преподаватель латыни в Петербурге, Василий Григорьевич Янчевецкий (известный писатель В. Г. Ян) создал *Легион юных разведчиков*. Отряды разведчиков возникают в Царском Селе, Москве, Владикавказе... Заботами О. И. Пантюхова 8 сентября 1914 года в Петрограде был принят устав Общества „Русский скаут”. Первый скаутский съезд состоялся в этом городе 8-12 января 1916 года, на который из 24-х организаций, начавших работу к тому времени, собрались представители 4-х: Петрограда, Царского Села, Москвы и Киева. В 1917 году было уже около 120-ти организаций, объединивших 25 тыс. членов.

В отличие от мирового движения, у славянских народов скаутизм-разведчество не был одним развлечением, а основывался на идеализме, патриотизме, службе Богу и Отечеству. Основу скаутизма составляет *патрульная служба*. Русские эмигрантские и югославские скауты-разведчики пользовались системой, которую в 1920-х годах разработал впоследствии известный музыковед Иван Алексеевич Гарднер (1898-1984) и опубликовал в виде руководства „Опыт изложения оснований и приемов патрульной системы”.

Патруль или *звено* являются основанием подлинной скаутской работы. Его составляет 6-8 мальчиков или девочек, возглавляемых *вожаком*, всего на 2-3 года старше их. Несколько звеньев составляют *отряд*. В зависимости от возраста, члены именуются *волчатами*, *птеничками* или *белочками*, *разведчиками*, *роверами*, *витязями*, *дружинниками*.

Русские звенья и отряды в Белграде и Панчево возникли уже весной 1920 года, а летом того же года - Общество „Русский скаут”. Его председателем был назначен известный общественный деятель Владимир Дмитриевич Евреинов. В июле 1922 года *Организация русских скаутов за границей* была принята в Союз славянских скаутов-разведчиков и приняла участие во Всеславянском скаутском слёте в Праге в 1931 году, одним из инициаторов которого был видный югославский деятель скаутизма, Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890-1973), русский, преподаватель латыни и древнегреческого языка. В последние годы перед Второй мировой войной центром русского скаутизма стал Белград.

Русская скаутская работа в провинции Королевства СХС-Югославии и в Сербии не отличалась массовостью. Иван Семенович Светов (1902-1982) подал идею об объединении „патрулей одиночных скаутов”, которую поддержал начальник русских скаутов в стране - Михаил Петрович Бачманов.

Одиночные скауты-разведчики объединились в патрули, переписывались, встречались, издавали рукописные и литографированные журналы („Первый белградский”, „Наше болото”, „Чибис”, „Голос инструкторов одиночного скаутизма”, „Джемборийский костер одиночек,,), игравшие между русскими подростками на чужбине большую воспитательную роль и развеивавшие их чувство одиночества.

Руководители скаутизма не избирались, а назначались приказом Старшего русского скаута О. И. Пантюховым, так как он в России в 1919 году пожизненно занял эту должность. Начальником отдела русских скаутов в Королевстве СХС с

1923 года назначен генерал-майор Владимир Николаевич Колубакин (1874-1944), а с 1939 года - проф. М. А. Агапов-Таганский.

Расцвет русского скаутизма-разведчества начался с 1936 года, после назначения Ростислава Владимировича Полчанинова на должность начальника одиночных скаутов-разведчиков и основания в Белграде 2-го, 3-го и 4-го отрядов. Видными скаут-мастерами в Сербии были поэт „Белградского круга” Владимир Львович Гальской, танцовщик и хореограф Белградского балета Анатолий Михайлович Жуковский, биолог Олег Сергеевич Гребенщиков, студенты Борис Борисович Мартино, Р. В. Полчанинов, Святослав Владимирович Пелипец.

Перед Второй мировой войной русских скаутов-разведчиков в Югославии было около 500, проживавших в 39-ти населенных пунктах страны. Помимо региональных, в Белграде выходил центральный бюллетень НОРС-Р (Национальная организация русских скаутов-разведчиков) - „Вестник Инструкторской части” и журнал „Мы”.

В годы Второй мировой войны деятельность русских скаутов в Сербии ушла в подполье и возглавлялась Б. Б. Мартино. До конца войны она велась на просторах Югославии, Германии, Польши, и даже в оккупированной России - в Пскове. После войны это движение не возобновило свою работу в Югославии, но, благодаря скаут-мастерам, ранее жившим в Югославии, их дальнейшая деятельность в других странах оказала влияние на распространение разведчества в русских диаспорах Северной и Южной Америки, Австралии.

А. Б. Арсеньев

Казачи в Сербии

Прибытие в Королевство СХС казачьих военных подразделений с Дона, Кубани и Терека, небольших групп Астраханских, Уральских казаков и калмыков, а также административных и учебных заведений, как и гражданских лиц с Юга России, было связано с эвакуацией Русской Армии ген. П. Н. Врангеля из черноморских портов в Крыму поздней осенью 1920 года, а позднее - из сборных лагерей в Турции и Греции. Оценивается, что в новоформированной балканской стране обосновалось около 5.000 казаков, из которых примерно 3.500 Кубанских.

С первых дней многомесячного пребывания на неопределенном положении, на пустом, ветреном Лемносе и рассредоточенные по лагерям в окрестностях Константинополя, казаки, замерзая в палатках, землянках, овчарнях и в войне разбитых хибарках, выстояли перед ультиматумами французских оккупационных сил. Сравнительно малое число их репатрировалось в Советскую Россию, выехало на поселение в Бразилию или вступило во французский иностранный легион. Большинство из них выжидало исхода эмигрантов ген. Врангеля, ведущих переговоры о переправе трех армейских корпусов Русской Армии (Первого армейского, Донского и Кубанского) в славянские страны. Предыдущие, независимые переговоры казачьих атаманов с Правительством Королевства СХС о поселении казаков на Косово и Метохии, на неустойчивых границах с Албанией, не реализовались.

В мае 1921 года началась переправа казаков в Болгарию и Сербию. В первом эшелоне, через Салоники и сербский пограничный пункт Гевгели, 1 июля 1921 года прибыли саперные полки Донского и Кубанского корпуса (вместе с полком Первого армейского корпуса, всего 4.000 бойцов). Они были причислены к штату Министерства строительства и направлены на постройку стратегических дорог: Вранье-Босилеград (впоследствии эта коммуникация стала называться „Русский путь“), Гостивар-Дебар, Косовска Митровица-Рашка, Штип-Кочане. С 1926 года этот эшелон казаков получил работу на шахтах пирита в окрестностях г. Доньи Милановац, на руднике „Кленовик“ возле г. Пожаревац, затем работал на стройках железных дорог Кральево-Рашка и Мала Крсна-Топчидер. Донские казаки строили железные дороги в Биаче, Босанска Крупе, а позднее, вместе с Кубанскими - железную дорогу Ормож-Лютомер-Птуй (в Словении).

Во втором транспорте, 9 июля 1921 года, были основные части Кубанской казачьей дивизии, чины Генерального штаба и Гвардия ген. Врангеля (состоялась из 80-ти гвардейцев - Донских казаков и по одному эскадрону Кубанских и Терских). Запорожский казачий эскадрон при 3-м полку Кубанской дивизии прокладывал железную дорогу Ниш-Княжевац, эскадроны Кубанцев-гвардейцев собирали трофеи на полигонах битв Первой мировой войны вблизи г. Битоль и некоторое время служили в составе пограничных войск страны.

После завершения постройки железной дороги в Словении гвардейский дивизион Кубанцев (около 250 казаков) в 1924 году переехал на пос-

тоянное жительство в северные области страны (Бараня и Славония), полным составом поступив на службу к барону Виктору Гутману на сахарный завод имени Браньино Брдо близ г. Бели Манастир, на лесозаготовки в Белище и на известное государственное имение „Белье“.

По секретному заданию Военного министерства Королевства СХС в декабре 1924 года вооруженные и хорошо обмундированные казачьи отряды, вместе с офицерами-добровольцами Русской Армии (всего несколько сот бойцов под командованием полковника Миклашевского), провели успешное военное вторжение в Албанию, из направления Дебар, Призрен и Джаковица. Таким образом, они приняли непосредственное участие в свержении Фан Ноли в Тиране и вступлении Ахмета Бек-Зогу на албанский престол.

До 1926 года Штаб Кубанской дивизии, во главе с ген.-май. Виктором Эрастовичем Зборовским, был расквартирован в г. Вранье, а затем переехал в г. Пожаревац. Размещенные в отдаленных пунктах, части дивизии оставались сплоченными между собой; эта дивизия оставалась единственным военным формированием Русской Армии в изгнании, вплоть до 1941 года сохранившем в Королевстве Югославии не только свою монолитность, но и казачьи военные традиции, боеспособность и форму. Некоторые роты и духовой оркестр дивизии в 20-30-е годы принимали участие в парадах и торжествах страны.

Из Новочеркасска в Королевство СХС были и два средних учебных заведения: Донской Императора Александра III кадетский корпус и Мариинский донской девичий институт. Кадетский корпус был направлен в окрестности м. Стрниште (Словения), вскоре переведен



■ Казачьи части Русской армии на постройке дорог в Сербии, 1921-1923 гг.

в казармы близ г. Билече, а затем в г. Горажде (оба в Боснии). В нем закреплялся патриотический казачий дух, хотя не все воспитанники были из казачьей среды. До закрытия этого военного училища (в 1933 году) в Югославии там училось около 600 юношей, из которых свыше 200 впоследствии окончили высшие учебные заведения в Белграде, Загребе, Праге, Брюсселе. Донской девичий институт обосновался в г. Белая Церковь (Банат). Его окончило около 700 воспитанниц.

В отличие от основной массы гражданских лиц эмиграции, создавшей во всех уголках страны „русские колонии” (в соответствии с государственным „Положением о русских колониях”, принятым в 1922 году), казаки, проживавшие вне казачьих военных подразделений, не желали подчиняться комитетам русских колоний. Они создавали „казачьи станицы”, самостоятельно избирая своего представителя - атамана. Такие *станицы*, *хутора* и *курени* были трех



■ Офицеры Дивизиона собственного ЕИВ конвоя. Сербия, 1925 г.

видов: чисто кубанские, донские и терские, „обшеказачьи” (смешанные), и полуподпольные - „вольно-казачьи”, возникавшие в 30-е гг. как политические группировки. С годами станицы реорганизовывались, объединялись или прекращали свое существование. Названия они получали по месту расквартирования или по округам. Некоторым присваивалось имя выдающегося (походного) атамана - Булавина, Некрасова, Краснова, Кухаренко, Шкуро... Самое большое сосредоточение казачьих станиц было в хлебодородной области Воеводина.

Среди казаков проживавших в станицах были развиты солидаризм, патриотизм, лояльность к приютившему их государству и дружеские чувства к местному населению. Если вблизи станиц оказывалась русская колония или другое казачье поселение, царили сотрудничество и терпимость друг к другу. Образованные казаки принимали участие в культурной жизни русской эмиграции. В деревнях много казаков-священников оказалось на службе Сербской церкви; казаки были регентами церковных или любительских хоров, учителями начальных



■ Терская казачья станица в Белграде, 1925 г.

школ, инструкторами верховой езды. Традиционно привязанным к земле, казакам на чужбине редко удавалось приобрести собственный участок и заниматься хлебопашеством. Гордость и жизнь в кругу станичников отталкивали казака батрачить в периоды полевых работ. В деревнях и на хуторах охотнее всего они занимались ремеслами или создавали артели-задруги: изготавливали кефир, сыр, пекли хлеб. Казаки со средним образованием, оказавшиеся в воеводинских селах с преобладавшим населением из национальных меньшинств (не всегда лояль-

ным к новой стране сербов, хорватов и словенцев), получили места государственных чиновников, становились писарями, бухгалтерами, землемерами.

Свою личную жизнь они улаживали женитьбой на местных женщинах, чаще вдовах или старых девах, преимущественно на словачках, русинках, немках, венгерках. Такие браки были прочными и многодетными. Детей крестили в православную веру. Какое такое приданое или имущество жены давали возможность создать собственное хозяйство. Отдаленность от русских

культурных очагов и низкий уровень образования казаков способствовали быстрой ассимиляции младшего казачьего поколения.

Станицы, подобно казачьим военным подразделениям, подчинялись своим атаманам и войсковым руководителям. Необходимо отметить, что до 1941 года Сербия являлась центром Кубанского и Терского казачества на чужбине. Тут жили кубанский походный атаман ген.-май. Вячеслав Григорьевич Науменко (1883-1979) и терский - ген.-лейт. Герасим Андреевич Вдовенко (ок.1865-1945). В Белграде находились „канцелярии” Кубанского и Терского правительств. Председателем Кубанского правительства был полк. Михаил Карпович Соломахин, а Терского - военный инженер Евгений Александрович Букановский. Кубанская Краевая рада (парламент) в 20-е годы заседала в Нови-Саде или в Белграде. В Сербии проживал походный атаман Астраханского Казачьего Войска ген.-май. Николай Васильевич Ляхов. Донской атаман ген.-лейт. Африкан Петрович Богаевский (1872-1934) короткое время жил в Белграде, в 1923 году уехал в Париж, ставший, наряду с Прагой, политическим центром Донского казачества.

С казаками в Королевство СХС прибыло и несколько сотен калмыков с донских степей. Они были направлены на шахты г. Сень, где строили дорогу, позднее большинство их переехало в Мали-Мокри-Луг (тогдашний пригород Белграда), другие группы в банатскую деревню Црепая и в г. Парачин, где они поступили на полотняный завод. Председателем калмыцкой колонии в Сербии был полковник Абуша Алексеев (1883—1948). В 1929 году эта этническая общность построила свой буддистский храм, единственный

в Европе, и в эмиграции сохранила свою монолитность, как и в 1942 году, когда почти все белградские калмыки перебрались в банатскую деревню Дебеляча, а оттуда в сентябре 1944 года по железной дороге эвакуировались на Запад.

20-е годы отличаются миграциями русских беженцев из Королевства СХС в промышленно развитые страны Европы, прежде всего во Францию и Бельгию. Самое многочисленное и известное переселение казаков последовало в мае 1929 года в южноамериканскую республику Перу. Несколько сот казаков, преимущественно Кубанских, уехало под предводительством ген.-май. Ивана Диомидовича Павличенко. Из Нови-Сада он увез свою группу казаков-джигитов, вместе с духовым оркестром и танцовщиками.

Политическая деятельность

В течение всех побед и поражений „белых” на Юге России возникали трения между Добровольческой Армией (позднее - Вооруженные Силы Юга России, а еще позднее - Русская Армия), с одной стороны, и казачьих правительств, парламентов и атаманов казачьих войск, с другой. Недоразумения существовали и после Крымской эвакуации, вопреки факту, что еще 22 июня 1920 года все казачьи атаманы признали верховную военную власть за ген. П. Н. Врангелем. Случалось, представители Объединенного совета Дона, Кубани и Терека игнорировали договоренность с Главнокомандующим Русской Армии, который в рядах казаков пользовался уважением и которому бойцы полностью доверяли. Перед отправкой первых транспортов с острова Лемнос, ген. Врангель обратился к каза-

кам письмом-заявлением, в котором заверил их в том, что относительно них будет проявлена та же забота, что и о всей Русской Армии.

Массовое прибытие военных эшелонов на Балканы совпало по времени с расцветом политической деятельности русской эмиграции в Европе. Эти события начала 20-х годов пока еще не оказывали значительное влияние на жизнь казаков в Королевстве СХС. Их станицы - гражданские и военные - были заняты борьбой за существование и улучшение условий жизни. Они одинаково гостеприимно принимали в гости различные делегации, генералов, походных атаманов и казачьих парламентариев, слабо разбираясь в политических веяниях. В конце концов, и они станут заявлять о себе. На сессиях Кубанской Краевой рады 2-3 октября 1921 года в Нови-Саде резкой критике была подвергнута политическая деятельность пражской группы кубанцев и представлена как попытка расторжения единства в казачьих рядах. Кубанский парламент в Нови-Саде заседал и 19-20 февраля 1922 года. На повестке дня проводился анализ работы представителей Рады в других странах, было поддержано формирование ряда общеказачьих организаций и рассматривались финансовые дела.

Постепенно, среди казаков все более регулярно распространяется казачья печать, поступающая из Праги, Софии, Парижа и Белграда. С 1921 года в городке Вранье (Южная Сербия) выпускался бюллетень „Кубанец”, в Белграде - „Кубанский зарубежный вестник” (1923), бюллетень Кубанской канцелярии „Вольная Кубань” (1925), орган Терского правительства „Терский казак на чужбине” (1926) и другие. Нами установлено, что в Югославии выходило более 20-ти ка-

зачьих периодических изданий, всего более 340 выпусков. Все эти издания писали о событиях в казачьих станицах и в центрах, публиковали приказы и призывы атаманов, официального и обязующего характера, своеобразно трактовали политическую жизнь эмиграции, полемизировали с казачьими или военными изданиями различных ориентаций.

Журнал „Наша станица” Белградской кубанской станицы имени атамана Сидора Билого отличался более прогрессивными устремлениями и заботой о молодежи. Членами редакции состояли Павел Иванович Курганский, бывший член Государственной думы, затем Леонид Владимирович Зверев, собственник книжного магазина в Белграде и полковник Константин Герасимович Булгаков, чиновник Белградского муниципального управления. Журнал размножался на шапирографе, выходил с 1935 по 1938 год (35 выпусков), был запрещен цензурой.

В середине 30-х годов политическая жизнь казаков на чужбине достигла своего апогея. Выкристаллизовалось пять политических течений, не считая двух-трех молодежных, являющихся казачьими филиалами русских политических партий, возникших в эмиграции.

Первое течение - самое распространенное среди казаков зарубежья. К нему примыкали казаки, проявлявшие лояльность выборным представителям казачьей власти - атаманам монархических определений. Приверженцы этого течения считали, что между казаками и русским народом нет существенной разницы, исключая исторические традиции и специфику уклада жизни. Они отстаивали тезис, что казаки не являются самобытным народом, а лишь одним из сословий

России. В вопросах государственного устройства будущей России они на словах были „непредре-шенцами” - ни за монархию, ни за республику. Отстаивали позицию, что этот вопрос решается внутри России, а не в изгнании. Сотрудничали с российскими военными, гуманитарными и культурными организациями и создавали свои кружки и общеказачьи трудовые союзы.

Второе течение - демократы-федералисты. Считали, что будущее Казачества в нерасторжимом союзе со свободной, демократической Россией, но лишь на добровольном и федеративном принципах. Выдвигали исконные демократические идеалы Казачества и необходимость его объединения. Это течение составляли приверженцы политиков из структур Кубанской Рады и Объединенного совета (войск) Дона, Кубани и Терека. Непримиримые к некоторым атаманам, обвиняя их в интригах и личных амбициях, они в особенности были враждебно настроены к русским военным и национально-политическим структурам.

Третье течение - казачьи националисты. Казачество они рассматривали не как сословие, не как союз бытовых общин, а как особый народ, отличающийся от русского не только по быту, но и по своей психологии и своей идеологии. Они безоговорочно поддерживали войсковых атаманов, Донской Войсковой Круг и Кубанскую Раду. Большое значение придавали казачьей интеллигенции, должное отдавали истории казачьих полков, но выше ставили казачью историю. Не отрицая больших ошибок в отношении к Казачеству в прошлом, они с уважением относились к России, высоко ценили русскую культуру, считая ее также и своей. Они хорошо

ориентировались в современных европейских событиях и были реальными политиками, готовы были сотрудничать со всеми.

Четвертое течение - „вольные казаки”, националисты, также считали Казачество народом. Их основным политическим устремлением было осуществление независимости казаков и создание суверенного, объединенного государства, „Казаккии”. Признавая институт войсковых атаманов, свое отношение к ним определяли персональной оценкой каждого из лиц. Непримиримые к коммунистам, они охотно вступали в соглашения, блокируясь с теми национальными группировками, которые проводили свою государственную независимость. Это течение не отказывалось от иностранной материальной помощи.

Пятое течение - в него входили казаки-социалисты. Было их немного. Они не имели свои организации, а примыкали к русским социалистам, действовавшим в эмиграции. Это были своеобразные социалисты, так как в казачьем вопросе были большей частью националисты; признавая общее выборное начало, они признавали войсковых атаманов, войсковые круги и Раду, но фактически не поддерживали их. Не придавали особого значения казачьим традициям, хотя и считались с ними.

К этому течению можно подвести кружок казаков, проживавших в Скопле, именовавшийся „Рабоче-крестьянской казачьей партией”, опубликовавший свою политическую платформу и одно воззвание.

Одновременно с ростом политических брожений в рядах российской эмиграции и Казачества, возмужало и молодое поколение, учившееся



■ Делегаты Пятого окружного съезда «вольного казачества». Чуприя, 1937 г.

в Донском кадетском корпусе и в университетах. Национально определившиеся казаки вступали в свои студенческие организации - Союз вольных казачек имени Галины Булавиной и в Белградскую общеказачью студенческую станицу, выпустившую всего один номер своего журнала „Единство”.

Молодежь вдохновлялась идеями группы казаков-интеллигентов, объединенных вокруг пражского журнала „Вольное Казачество”, отстаивавшего позиции формирования суверенного государства - „Кзакии”. Их ловко прово-

димая пропаганда вызвала новое размежевание в казачьих рядах, что привело к созданию полуподпольных „вольно-казачьих” станиц. В Сербии их было около 15-ти: в Белграде, Суботице, Смедерево, Чуприи, Парачине, Крагуеваце, Боре... В апреле 1935 г. „вольно-казачьему кругу”, состоявшемся в Белграде, присутствовало 78 делегатов, а свой 5-й Окружной съезд „Вольное казачество” провело 4 апреля 1937 года. Под давлением влиятельных деятелей русской эмиграции в Югославии 4 февраля 1938 года в Белграде были арестованы вольно-казачий атаман

И. Билый и десяток активистов. Нетрудно догадаться, что преследование активистов этого движения проводили русские политические организации.

Политическая деятельность казаков в течение Второй мировой войны, отдельных лиц или военных подразделений, была тесно связана с местными условиями, в которых они оказались, с их личной позицией к событиям, но и с давлением на них влиятельных гражданских и военных лиц русской эмиграции в Сербии. В апреле 1941 года, сразу после вторжения оккупантов, российские эмигранты с югославским гражданством были мобилизованы или записались добровольцами. В их среде было много казаков. Начальник 4-го отдела Русского общевойскового союза (РОВС), ген. Барбович, вместе с начальником Кубанской казачьей дивизии ген. Зборовским и командиром Гвардейского Казачьего дивизиона полк. Рогожиным, весь свой военный потенциал предоставили в распоряжение югославскому Военному командованию. В силу развала армии и молниеносной капитуляции, это предложение не реализовалось. Большинство мобилизованных эмигрантов, включая и казаков, попали в германский плен. После нападения Германии на СССР в Сербии формировался „Русский охранный корпус”, в который влились и казачьи подразделения ген. Зборовского и полк. Рогожина, а перед концом войны - и казачьи отряды, через Румынию прибывшие с Восточного фронта. Принужденные сотрудничать с оккупантами, но и по личным идеологическим мотивам, казаки вмешивались и в гражданскую войну на просторах Югославии. Под натиском Второго и Третьего Украинских фрон-

тов Красной армии „Русский корпус” отступил на северо-запад и покинул пределы страны.

Культурная деятельность

Культурную деятельность Казачества на чужбине можно рассматривать из двух планов - как работу видных одиночек: ученых и работников культуры (националистической казачьей или всероссийской направленности), и как работу казачьих организаций и одиночек, ориентировавшихся исключительно на изучение истории и самобытной культуры Казачества. В первые годы в Королевстве СХС преобладал этот второй вид деятельности.

В 1921 году из Константинополя в Белград переехал Донской казачий архив, в полном объеме с историческим материалом периода гражданской войны на Дону. В марте 1923 года была создана Донская историческая комиссия, задачи которой состояли в сборе, изучении и публикации архивных материалов. С этого года стали выпускаться периодические сборники „Донская летопись”. Донской архив, вместе со своей Комиссией, в феврале 1925 года переехал в Прагу.

Подобные исследования проводились и при Кубанской канцелярии, обосновавшейся в Белграде. Их труды публиковались в казачьей и российской военной периодике, а в виде отдельных выпусков печатались тексты патриотической направленности. При этой канцелярии создана и Делегация по охране кубанских военных регалий, знамен и военных трофеев, которые были отданы на временное хранение в Военный музей на Калемегдане. Председателем делегации состоял ген.-лейт. Петр Иванович Кокунько. Ряд каза-

ков-военных ветеранов писали и публиковали свои исследования и воспоминания, связанные с участием казачьих отрядов в битвах Мировой и Гражданской войн.

Два вида художественной деятельности казаков сохранили по себе живую память до наших дней. Это джигитовки - акробатические выступления на лошадях группы храбрых казаков, происходившие на городских ипподромах и деревенских лужайках. Вооруженные казаки, облаченные в военную форму, исполняли и национальные танцы, чаще всего кавказские. Вторым видом деятельности - мужские казачьи хоры. Групп джигитов и казачьих хоров было несколько, в Белграде и провинции. После успешных гастролей по Европе некоторые из них не возвратились на Балканы. Выступления известного хора Донских казаков Сергея Жарова, Хора имени атамана Платова, руководимого Николаем Кострюковым, и вокального квартета братьев Кедровых становились событиями концертного сезона избалованной белградской и загребской публики.

До наших дней всё еще не исследована литературная деятельность казаков, осевших в Югославии, а она представляет литературно-историческую ценность. Прозу и поэзию создавало молодое поколение - выпускники русских средних учебных заведений и студенты. В этой среде выделялся безвременно скончавшийся студент Белградского университета Борис Александрович Кундрюцков (1903-1933). Опубликован был его роман „Кожаные люди” (намек на большевиков) и юмористическая повесть „Казак Иван Ильич Гаморкин”. Поэзию в Белграде писали: Павел (Павло) Сергеевич Поляков (1904-1981),

состоявший редактором литературно-политического журнала „Казачья лава” (1937), балерина Людмила Михайловна Костина (1908-1974), Николай Федорович Букин (1903-1994), Николай Николаевич Воробьев (1908-1989), Александр Николаевич Туроверов (1903-1978), Виктор Архипович Иванов (? - 1990), Федор Георгиевич Полковников (1904 - ?), Алексей Львович Персидсков (1903-1944), Иван Иванович Сагацкий (1901-1981), студент Загребского университета Михаил Николаевич Залесский (1905-1979), а из старшего поколения: Иван Михайлович Назаров (1874-1936) и др. Их поэзия проникнута патриотизмом и ностальгией изгнанников по родимому краю и идеализацией казачьей жизни. Реже представлены другие жанры, среди которых встречаются стихотворения, вдохновленные природой и народами Югославии. Ни одному из поэтов не удалось в Югославии опубликовать свой сборник. Однако, в наше время в Ростове-на-Дону увидела свет антология поэзии донских казаков-эмигрантов. В ней представлены 44 поэта, из которых 15 проживало в Югославии.

Есауловская Донская казачья станица в селе Томашевац

Две донские казачьи станицы в воеводинской области Банат были единственными в мире. Своё название они получили не по местам, в которых обосновались на чужбине, а сохранили изначальное - Есауловская и Верхне-Курморьянская, Второго Донского округа, соседствующие и в Банате - в селах Томашевац и Сакуле (общей численностью до сотни казаков). Из своих станиц казаки



■ Есауловская донская казачья станица в селе Томашевац, 1931 г.

двинулись в поход во главе со станичными атаманами, правлением, казной, административными книгами и печатью.

„Есауловская имела бурную историю и была одной из самых многочисленных на Дону. Из нее Пугачев высватал себе жену - Софью Недюжину. Перед мировой войной станица имела 37 поселений с общим населением свыше 30-ти тыс. душ. Большинство станичников погибло в вой-

ну и революцию. Под натиском большевиков 29 декабря 1919 года казаки покинули родное пепелище. По пушистому глубокому снегу, беспрерывной цепью, длиною в восемь верст, растянулся транспорт отступающих станичников. Арбы, телеги, сани, запряженные лошадьми и волами, по бокам верховые; многие шли пешком с сумками за плечами. Печальны, угрюмы были лица отступающих; понутив головы, по

колена в снегу, шли Есауловцы в изгнание, по временам оборачиваясь на свою родную станицу, крестясь и посылая ей молчаливый прощальный привет.

С великой колокольни храма св. Архистратига Михаила печально гудел редким перезвонном станичный колокол. На выезде из станицы стоял глубокий старик, с длинной до пояса белой бородой, участник еще Кавказской войны, сподвижник Бакланова. Когда проходили мимо него последние, снял он шапку, перекрестился - и покатались слезы по длинной бороде, замерзая на концах ледяными сосульками...

В эту ночь отступающие переходили Дон по льду, перебираясь на левый берег. Началась беженская Голгофа. Сначала Сальские степи, уже опустевшие, потом неприветливые Ставропольские села, кубанские хутора и станицы, высокие горы Кавказа, голодное Черноморское побережье. Часть казаков села на пароходы и в сопровождении посланных атаманом помощников переехала в Крым, а остальные продолжали свой крестный путь на Туапсе, Сочи, Адлер, Гагры, Сухум, Поти, Батум. Побывали и в Трапезунде, откуда удалось и основной массе станичников, во главе с атаманом, переправиться на Крым.

А там снова проезды - Босфор и, наконец, братская Сербия. С 10 января 1921 года есауловцы поселились в селе Томашевац - вместе со станичным атаманом Василием Архиповичем Алферовым и полным составом Правления. С местным населением свыклись, породнились. Почувствовали себя тепло - благо, и доктор в селе был русским, и в сельском правлении чиновник оказался уроженцем Ростова-на-Дону, и учитель сербской школы - свой же, донской казак”.

Так в 30-е годы об Есауловской станице писал парижский журнал „Иллюстрированная Россия”, публикуя и фрагменты переписки, которая в первые годы эмиграции велась между атаманом в Томашеваце и Канцелярией колхоза на Дону. Приводим пример обмена официальными бумагами начала 20-х годов:

На бланке „В. В. Д. (Всевеликое Войско Донское). Есауловский Станичный Атаман Второго Донского округа, село Томашевац, Банат, Сербия” атаман В. А. Алферов сообщением за № 99, пишет „Станисполкому Стеньки-Разинской станицы 2-го Донского округа, Царицынской губернии”:

„Урядник хутора Сизова вверенной мне станицы Федор Анисимович Донсков, переписи 1894 года, 20 декабря в 9 час. вечера от рака желудка умер и 22 того же декабря похоронен на городском кладбище в г. Панчево, Банат, Сербия. На могиле покойного поставлен крест. Оставшееся после его смерти имущество продано с аукционного торга на сумму 190 динар, из них 98 динар 50 п. израсходовано на поминовение покойного, а остальные пока хранятся при Станичном Правлении и при первой возможности будут пересланы наследникам. О выше изложенном прошу объявить жене и детям покойного. Станичный Атаман Подьесаул Алферов. И. д. писаря Киреев”. Печать Ст. Правления с изображением оленя, пронзенного на быстром бегу стрелой.

Ответ пришел приблизительно через месяц. Отвечают тоже на бланке: „Р. С. Ф. С. Р. Ст. Разинский Станисполком. 2. Дон. Окр. Царич, губ. Делопроизв. Административное № 690 на № 99”:

„Есауловскому Станичному Атаману. Сербия. - Стенько-Разинский Станичный Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов, 2. Донского округа, сообщает, что таковым не приняты никакие меры по Вашему отношению, т. к. 22-х тысячное население района станицы (не считая лево-задонские хутора, как отошедшие в Потемкинскую станицу) в 12-й раз переизбранием своим членом Исполнительного Комитета доверило управлять станицей последним, но не Станичному Атаману (как это Вы воображаете), которое не сочли нужным снять с учета того умершего урядника, который числится у Вас по списку Станичного Правления, т. к. нами урядникам учет не ведется, а ведется только тем славным стойким бойцам Рабоче-Крестьянской Армии. Кроме того, при всем желании Исполнительный Комитет в лице 5 человек не мог найти в карте Европы, в частности Сербии, хутора Сизова, вверенного Вам, а значится таковой в Союзе Советских Социалистических Республик - Царицынской губернии. Вместе с тем тов. Алферов (не питайте обиду, что не называем по Вашему чину г. Подьесаул), давно бы уже Вам нужно явиться с повинной головой к Рабоче-Крестьянскому Правительству и взяться за восстановление хозяйства научным способом, так как Вы уже прошли большую часть земного шара, т.е. от Востока и до Запада, Сибирь - Сербия, а нам такие люди дороги, и не строить такие ненужные вещи в Вашем отношении. Председатель Ст. Разинского Станичного Исп. Комитета П. Беляев, Секретарь Н. Акользин, Делопроизводитель А. Загудаев”.

В. А. Алферов, тем же официальным порядком, указав, что полномочий своих никому не сдавал, уведомил Станисполком:

„Сношение Ваше за № 670 мною получено, за приглашение благодарю, но явиться к рабоче-крестьянскому правительству не желаю”.

Нам удалось проследить дальнейшую судьбу этой станицы. В 1956 году на седьмом десятке своих лет атаман В. А. Алферов писал казачке Нестеровой в Швецию:

„Многоуважаемая Мария Александровна!

Уведомляем Вас, что письмо Ваше, писанное 11-го апреля, мы получили 16 апреля... Мы живем по-старому в том же селе Томашевац. Старший сын Георгий там же у нас в селе, служит в сельском правлении бухгалтером, а жена его сербка-учительница. Живут от нас отдельно, детей не имеют. Второй сын Александр, инженер-архитектор, находится в Южной Америке, в Аргентине. При нем жена-русская и сын 10-ти лет. Сергей окончил Белградский университет и сейчас служит ветеринарным врачом при трех деревнях недалеко от Бечкерека - Лазарево, Эчка и Деспотовац (ранее: Эрнестиново); еще не женат. Четвертый сын Алексей находится при мне, также не женат. При мне и две дочери - Вера и Надежда. Занимаются шитьем женской одежды, как модистки, еще не выданы замуж.

Мы с женой уже в преклонном возрасте и по старости лет к труду мало способны, но помалу работаем, имеем свой домик.

Все наши русские из Томашеваца расплылись. Остался я один с семьей, да еще один Ку-

банец в Уздине. Кроме Симона-хромого, кажется, никого там нет. Степан Григорьевич и Мария живут в Сакуле, но давно я их не видел. Илья Филиппович Темарев из Орловата года три как умер, а Феня, его жена, купила дом и живет одна. Было, выдалась замуж за одного старика и разошлась.

С Дона писем никаких не получаем. Кто знал нас - одни состарились, другие поумирали, а молодежь не знает нас. Да и много изменилось там, в особенности в наших краях. Образовалось Цымлянское море, от станиц Котельниково до Нижне-Чирской. Все хутора: Чапурный, Березки, Балабанский, наша станица - все затоплены, остались только на горе Ремесленная и Острог. Образовалось море из-за того, что в Цымлянской станице построили гидроцентральный. Дон загородили, и уровень воды поднялся на 25 метров.

Передавайте наш привет дочке Вашей, кажется Таней звать, и зятю. Думаю, он службу тогда имел в Гардиновце.

Итак, бывайте здоровы,
В. Алферов”.

Атаман Есауловской скончался в 1961 году, но у повести о станице в Томашеваце имеется продолжение.

Современный историк Дона опубликовал историю прославленной Есауловской и в ней упоминает, что в 1924 году из-за малого числа казаков станица стала хутором им. Степана Разина, получившим название по известном казаке из ближайшей станицы. Автор не указывает настоящую причину переименования станицы - стереть с земли и забыть непокорную в гражданс-

кую войну Есауловскую, однако ностальгически отмечает, что в 1952 году воды искусственного Цымлянского озера затопили хутор. Свою работу оканчивает патетическим вопросом:

„Где теперь их потомки? Помнят ли имя земли своих предков?”

Через пару месяцев автор настоящих строк отправил на Дон данные о жизни есауловцев в Томашеваце и историков известил о местопребывании детей последнего атамана - архитектора в Аргентине, ветеринарного врача в Зреняине (Банат) и дочери в Томашеваце. А в августе 1997 года в Нови-Сад прибыло письмо из Чернышевского казачьего музея истории и этнографии Волгоградской области, занимающегося культурно-историческим возрождением Казачества на просторах бывшей Есауловской станицы. В нем сообщалось, что старший сын атамана, аргентинец Александр Васильевич Алферов в 1995 году навестил родной край и в музей передал сохранившийся архив донской и банатской Есауловской станицы. Музей просит прислать географическую карту Сербии, на которой обозначено село Томашевац. Эта просьба была выполнена.

Любовь и верность казаков своей „второй родине”, в которой они чувствовали себя как дома, запечатлены в стихотворении бывшего белградца, Павла Сергеевича Полякова (1904-1981), написанном под конец жизни, в Мюнхене, в его новой эмиграции:

Муз е

Пришла ты для последней встречи,
Что ж... вновь с тобою запою
Про скалы дикие Билечи,
Про *на]* к у *Србију* мою.

Меня ты научила петь
О нашей и о сербской славе
И ставил я рыбацью сеть
В Дунай, на Тиссе, на Мораве.

Цветков лазоревых огни
У нас не утрашались бури
Цветут и в Сербии они
Зовут их - *косовски божури*.

Где кровь лилась в боях с врагом
Веленьем Праведного Бога,
Для нас и сербов их ковром
Покрылась райская дорога.

Вот этой родине второй
Поставлю памятник навеки -
Я там изведаль, молодой,
Добро в хорошем человеке.

И много раз проверил я
Словцо казачье - *братушка* -
Мне лили сербские друзья
Не в рюмку ракию, а в кружку.

Перечень казачьих поселений в Сербии

Баваништская казачья группа - Баваниште
(есаул Федор Ефремов)
Белградская донская им. Атамана М. П.
Богаевского станица - Белград (войсковой
старшина Б. Орлов)
Белградская кубанская им. кошевого атамана
Сидора Билого станица - Белград (Павел
Иванович Курганский)
Белградская общеказачья им. ген.-от-
кавалерии Петра Краснова станица -
Белград (ген.-май. Николай Михайлович
Марков)
Белградская вольно-казачья станица -
Белград (А. Черный)
Белградская студенческая общеказачья им.
Кондратия Булавина станица (Александр
Петрович Беломестнов, Николай
Федорович Букин)
Бело-Церковская общеказачья станица -
Белая Церковь (ген.-май. Генералов, Яков
Глазков)
Бело-Церковский кубанский казачий хутор -
Белая Церковь (А. А. Бекетов)
Бело-Церковский вольно-казачий им.
Некрасова хутор - Белая Церковь
Борская кубанская станица - Бор (полк.
Михаил Иванович Свидин)
Борский вольно-казачий хутор им. Рябовола -
Бор (Н. Клиш)
Велико-Бечкерекская казачья станица -
Велики Бечкерек (подхорунжий Корнилий
Федорович Паливода)
Велико-Бечкерекская им. Кухаренко казачья
станция - Велики Бечкерек (К. Ачмизов)

Верхне-Курмоярская донская станица -
Сакуле (Кондрашев)
Вознесенский им. ген. А. Г. Шкуро казачий
хутор - Кач (Федор Евдокимович
Вакуленко)
Враньская кубанская станица - Вранье
(войсковой старшина Петр Дмитриевич
Кучерья)
Горне-Милановацкая кубанская станица -
Горњи Милановац (Александр Данилович
Лысенко)
Грделицкий кубанский вольно-казачий хутор -
Грделица (Е. Кичкар)
Грделицкий казачий хутор - Грделица (Иван
Ильич Федаш)
Дебеляченская донская казачья станица -
Дебеляча (есаул Сатаров)
Дебеляченский терский хутор - Дебеляча
Доловская казачья группа - Долово
(подхорунжий Петр Мирутин)
Есауловская донская казачья станица -
Томашевац (Василий Архипович Алферов)
Жабальская азиатская станица - Жабаль
(капитан Вербицкий)
Жабальский терский казачий хутор - Жабаль
(Константин Беглярович Долуханов)
Земунский казачий хутор - Земун (полк. Иван
Константинович Гопузов)
Идворский донской казачий хутор - Идвор (И.
П.Землянухин)
Калмыцкая колония в Белграде - Мали Мокри
Луг (полк. Абуша Алексеев)
Княжевацкая терская кубанская станица -
Княжевац (ген. Родионов)
Колубарская казачья станица - Колубара

Казачья станица - Српска Црња
Косовская общеказачья станица - Косовска
Митровица (полк. Диомид Михайлович
Михеев)
Крагуевацкая казачья станица - Крагуевац
(ген.-лейт. Федор Иванович Горелов)
Крагуевацкий вольно-казачий им. А.
И. Калабухова хутор - Крагуевац (Н.
Пушкарев)
Крагуевацкий казачий хутор - Крагуевац (ген.
Павел Григорьевич Бочаров)
Кральевацкая казачья станица - Кральево
(войсковой старшина князь Магомет
Крымшамхалов)
Кральевацкая вольно-казачья станица -
Кральево (М. Мацко)
Крупаньская казачья станица - Крупань
Крушевацкая кубанская казачья станица -
Крушевац (есаул Григорий Трофимович
Полонский)
Кубанская казачья группа войскового
старшины Петра Федотьевича Калягина
- Белград
Кубанская команда джигитов - Господжинци
(есаул Иван Никифорович Сиволобов)
Кубанская центральная станица (ген.-лейт.
Александр Петрович Филимонов)
Куцурский казачий хутор - Куцура (И. М.
Шевченко)
Лесковацкая кубанская казачья станица
- Лесковац
Лесковацкая казачья станица - Лесковац
(полк. Иван Степанович Кузуб)
Митровицкая казачья группа - Сремска
Митровица (есаул Василий Евстафьевич
Салов)

Мокро-Лужский кубанский казачий курень
- Мали Мокри Луг (сотник Максим Андреевич Шеремет)

Мокро-Лужский казачий хутор - Мали Мокри Луг (войсковой старшина Савченко)

Надальский донской казачий хутор - Надаль (подхорунжий Алексей Костин)

Нишско-кубанская станица - Ниш (войсковой старшина Владимир Алексеевич Кравченко)

Новосадская имени бригадира Антона Головатого станица - Нови-Сад (полк. Михаил Васильевич Зозулин)

Новисадская кубанская имени кошевого атамана Чепыги станица - Нови-Сад (полк. Александр Андреевич Есаулов)

Новисадская общеказачья станица - Нови-Сад (полк. Петр Иванович Недбаевский, есаул Алексей Михайлович Протопопов)

Новисадский вольно-казачий хутор
- Нови-Сад

Обреновацкий казачий хутор - Обреновац (Дионисий Бурло)

Орловатский донской казачий хутор - Орловат (Георгий Васильевич Алферов)

Панчевская казачья группа - Панчево (полк. Дьячевский)

Панчевская вольно-казачья станица - Панчево (Р. Евсюков)

Парачинская кубанская станица - Парачин (есаул Андрей Дорофеевич Дюк)

Парачинский вольно-казачий хутор - Парачин

Парачинский союз вольных казачек - Парачин

Парачинский казачий хутор - Парачин

Петровградский вольно-казачий хутор - Петровград (ранее: Велики Бечкерек)

Прешевская кубанская группа - Прешево (есаул Павел Евстигнеевич Назаренко)

Ральская казачья группа - Ралья (Григорий Крапивин)

Рипаньская казачья группа - Рипань (войсковой старшина Иван Степанович Гавриш)

Смедеревская кубанская станица - Смедерево (Николай Лукич Гнилозуб)

Смедеревский вольно-казачий хутор им. Калабухова - Смедерево (И. Кошкодаев)

Союз вольных казачек им. Галины Булавиной - Белград (Е. Черная)

Союз вольных казачек - Крагуевац

Србобранский общеказачий (молочный) хутор - Србобран (Виктор Виссарионович Баев)

Сремско-Карловацкий казачий хутор - Сремски Карловцы (есаул Александр Тимофеевич Ступников)

Старо-Бечейская казачья станица - Стари Бечей

Старо-Пазовская казачья группа - Стара Пазова (В. Е. Зубенко)

Суботицкая общеказачья станица - Суботица (есаул А. М. Протопопов)

Суботицкий вольно-казачий им. Б. Кундрюцкова хутор - Суботица (М. И. Чеботарев)

Суботицкий донской казачий хутор - Суботица (К. Ситников)

Суботицкий кубанский хутор - Суботица (есаул Владимир Михайлович Бедагин)

Ужицкая казачья группа - Ужице (полк. Иван Георгиевич Березлев)

Црепайская донская казачья станица - Црепая (ген.-лейт. Рудаков)

Чачакский казачий хутор - Чачак (полк.
Успенский)
Чуприйская кубанская казачья станица
- Чуприя
Чуприйская общеказачья станица - Чуприя
(ген.-лейт. Михаил Васильевич Жученков)
Чуприйский вольно-казачий хутор - Чуприя
Чуприйско-Парачинская вольно-казачья
станция (Никифор Варавка)
Чуругская казачья станица - Чуруг (урядник
Н. Просвилов)
Чуругский донской казачий хутор - Чуруг
(Диомид Архипович Литвинов)
Шабацкая кубанская казачья станица - Шабац
(Павел Иванович Иконников)
Шабацкий вольно-казачий хутор - Шабац
Ясеново-Брестовацкий казачий хутор -
Ясеново/Брестовац (А. А. Дьяконов)

А. Б. Арсеньев

Белград

Ты возникаешь с крепостью старинной,
В кольце двух рек спокойных и больших,
Чуть озарен закатом апельсинным,
Меж улочек восточных и кривых.

Ухабами ныряет мостовая,
В кофейнях песни горькие поют,
Едва ползут ленивые трамваи,
Газели тени девушек снуют.

Гостеприимства город и обилья,
Вдаль уходящих черепичных крыш,
Ты дорог мне, как молодости крылья,
В час гибели ты в сердце постучишь.

Русская колония в Белграде

Русский храм Св. Троицы в Белграде

Возникновение русской церкви в православном Белграде отвечало насущной потребности русских людей, выброшенных революцией за пределы своей страны. Организация церковного прихода в гостеприимной Сербии связана с личностью отца Петра Беловидова. В сентябре 1920 года им была отслужена первая служба в столовой Русского общества взаимопомощи (ул. Краля Петра). Богослужения там совершались до октября месяца, когда было получено помещение в здании школы на Богоявленской улице. Позднее службы проводились в зале Третьей мужской гимназии (Негошева ул.), а в 1922-1924 годы - в палатке походной русской военной церкви или при храме Св. Марка (Ташмайдан).

На собранные пожертвования и помощь, оказанную правительством, по проекту и под руководством инженера-полковника Валерия Владимировича Сташевского, на Ташмайданском холме был построен русский храм в традициях псковско-новгородского зодчества. Освящение храма состоялось 24 декабря 1924 года. На Рождество 1925 года был установлен колокол - личный дар премьер-министра Николы Пашича, бывшего посланника Королевства Сербии в Петербурге.

Над росписью 48 икон иконостаса в стиле новгородского письма XV века по предварительно разработанным эскизам, и при участии Е. И. Конопацкого, трудилось несколько художников.

Икона „Богоматерь Смоленская” - написана князем М. С. Путятиным;
„Сошествие в ад” - М. Д. Пыжовым;
12 апостолов Чина - князем Дорджадзе;
Лики Иисуса, Св. Георгия Победоносца, Спасителя у Царских врат, Св. Троицы, Св. Саввы Сербского, Св. Александра Невского, а также 14 праздничных икон второго яруса (кроме „Благовещения” и „Сошествия в ад,”) - изображены художником В. В. Сергеевым;
Силуэты Архангелов у северных и южных врат, икона свв. Николая, Кирилла и Мефодия - работы В. Э. Крашенинникова;
„Тайная Вечера” - неизвестный художник, по эскизу Крашенинниковой;
Иконы Св. Петра Митрополита Московского, Св. Алексея Митрополита Московского и Св. Андрея Первозванного - кисти П. А. Федорова;
„Благовещение” в праздничном ряду, „Благовещение” и все евангелисты Царских врат - художник В. Л. Морозов.



■ Закладка фундамента Русского храма Св.Троицы. Белград, 21 сентября 1924 г.

В храме расположены и иконы в резных киотах: „Пресвятой Богородицы Донской” (работа известного иконописца Пимена Софронова), Пресвятой Богоматери „Знамение” (благословение русской обители на Афоне), „Св. Великомученика Пантелеймона” (благословение афонского Свято-Пантелеймоновского монастыря), а также киоты, созданные в память адмирала Александра Колчака (икона Св. Александра Невского), Патриарха Сербского Варнавы (пре-

данного защитника русских беженцев, икона Св. Апостола Варнавы, - работа художника В. Я. Предаевича), протоиерея Петра Беловидова (основателя прихода и первого настоятеля храма, икона Св. Петра Московского).

После Второй мировой войны в этот храм из города Сараево привезены *Малый сараевский киот* с иконой „Воскресения Господня” и сень с иконами Святителя Чудотворца Николая и Святого Князя Александра Невского (сооруженная



■ Современный вид Русского храма Св.Троицы в Белграде.

в память убиенных Государя Императора Николая II и Югославского Короля Александра I). В храме также выставлено много ценных русских икон, подаренных прихожанами.

При храме Св. Троицы действовал Приходской совет, занимавшийся благотворительной деятельностью, устраивались миссионерские курсы и лекции, издавался вестник церковной жизни.

До 1944 года здесь в киоте хранилась и святыня-заступница Русского Зарубежья, чудотворная

икона Божьей Матери „Знамения”, известная как „Курская Коренная”, вывезенная из России епископом Курским и Обоянским Феофаном (с 1957 года она находится в Нью-Йорке).

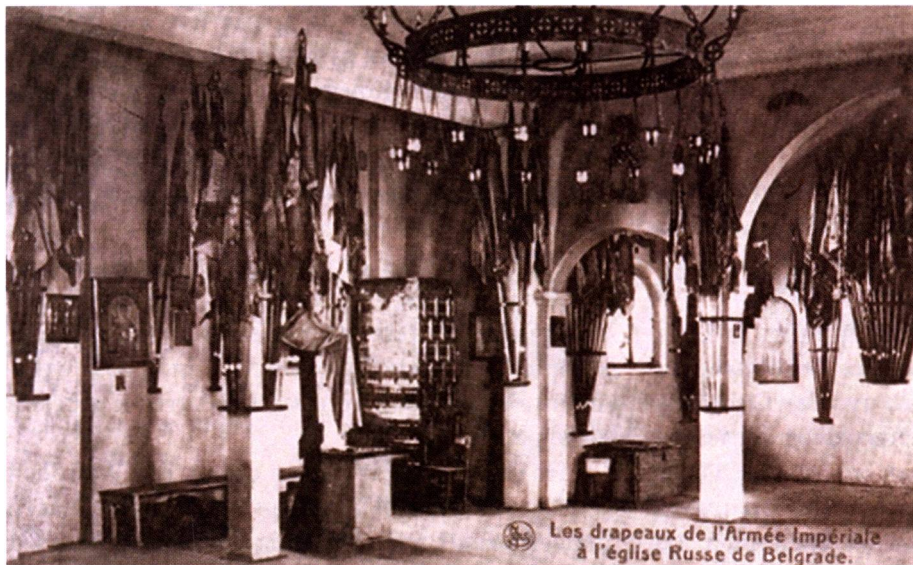
Храм Св. Троицы в Белграде стал известен всему Русскому Зарубежью, как средоточие церковной жизни Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ). Здесь приняли священнический сан многие иерархи Русской церкви, отправляли службу все сербские патриархи. Ежеднев-



■ Церковный хор при Русском храме Св.Троицы. Белград, 1940 г.

ные богослужения в нем отличались строгой уставностью, проводились по монастырскому типу.

До 1944 года храм был хранилищем знамен и штандартов славных полков Русской императорской армии, вывезенных с юга России.



■ Знамена Императорской Русской армии в Русском храме Св.Троицы. Белград, 1925 г.

В синем полумраке церковки убогой
Искорки лампадок тлеют у икон,
А вдоль стен холодных выстроены строго
Ветераны старых, дедовских времен.

В полотняном сердце каждого таится
Скорбь и боль святая за своих детей,
Что с молитвой вышли за Отчизну биться,
И забыты были Родиной своей.

Много лет в изгнание молятся знамена,
По ночам, склоняясь ниц пред алтарем,
Молятся сурово, заглушая стоны,
Зажигая души жертвенным огнем...

Георгий Орлов.

С октября 1929 года в храме покоятся останки Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля.

После кончины первого настоятеля протоиерея Петра Беловидова (1869-1940), его сменил отец Владислав Неклюдов (1898-1949), оставшийся при храме после эвакуации на Запад Управления РПЦЗ (осенью 1944 года во главе с митрополитом Анастасием). При протоиерее Владиславе храм Св. Троицы перешел в ведение Московской Патриархии, а после разрыва государственных и партийных отношений между СССР и Югославией, настоятель трагически окончил свою земную жизнь в одиночной камере следственной тюрьмы. Короткое время,

до своего выезда в СССР, настоятелем храма состоял протоиерей Иоанн Сокаль (впоследствии епископ Смоленский Иннокентий; 1883-1965). В 1950 году настоятелем стал протоиерей Виталий Тарасьев (1901-1974), его сменил сын, протоиерей Василий (1932-1996), а сегодня настоятелем является внук - протоиерей Виталий, окормляющий небольшую общину русских людей в Сербии.

Однако, русский храм Св. Троицы, находящийся в сени величественного сербского собора Св. Марка на Ташмайдане, не пустеет. Отреставрированный и реконструированный после повреждений в бомбардировках Белграда НАТО в 1999 году (безвозвратно утрачена потолочная фреска, работа барона Н. Б. Мейендорфа), сегодня свою духовную жизнь с ним связывает не одно поколение братьев-сербов и потомков русских эмигрантов, а также практически вся русская диаспора, проживающая в Сербии.

А. Б. Арсеньев

Русский дом им. Императора Николая II в Белграде

С учреждением в 1928 году Комитета русской культуры (Руски културни одбор) под покровительством слависта Александра Белича, выпускника Московского университета и впоследствии президента Сербской академии наук, русским культурным организациям были выделены значительные денежные ассигнования. В ведение комитета вошли Русский научный институт, Русское музыкальное общество, объеди-

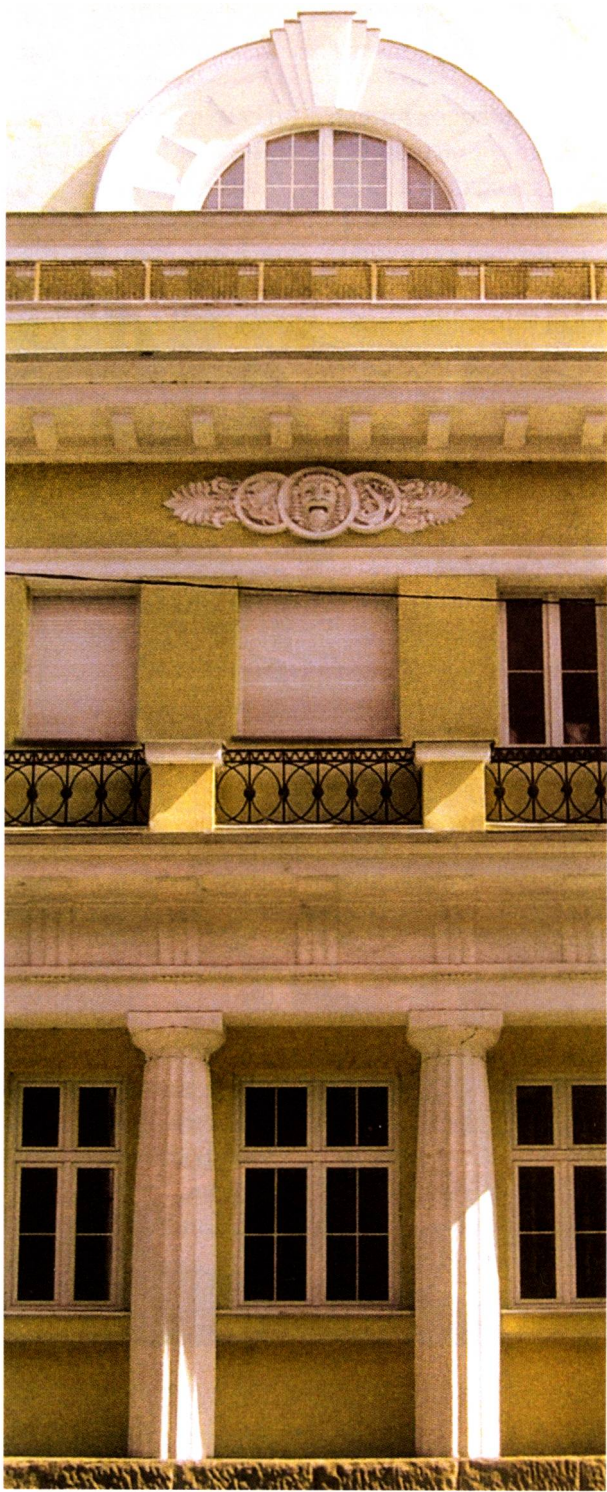
нения хорового пения и драматические труппы, Общество русских художников и „Русский сокол” в Белграде. Комитет помогал пополнению фондов Русской публичной библиотеки, поддерживал белградские съезды русских ученых, писателей и инженеров, содействовал организации большой выставки Русского искусства. В 1931 году комитет приступил к осуществлению постройки Русского дома, уникального в те годы мероприятия в среде российской диаспоры, рассеянной по свету, - апофеоза отношения югославского правительства к русской эмиграции.

На его торжественном открытии 9 апреля 1933 года академик А. Белич сказал: „Этой части нашей земли, в которой мы живем, старому Королевству Сербии, полуразрушенной, замученной, лишенной многих сотен тысяч лучших своих сынов, павших на войне, русские эмигранты оказали действительно существенную культурную помощь. Пройдет еще очень много времени, и в строительстве новой культурной жизни нашей страны все еще будет заметно участие в ней русских интеллигентов, у нас живших... Его Величество Король Александр I, вдохновитель мысли о его постройке, как глубоко ценящий огромное значение духовных нужд русского народа, усмотрел, что помощь народа русским людям не будет исчерпывающе полной, если мы не позаботимся и об этой стороне их жизни”.

Величественное здание, возведенное в стиле русского ампира (архитектор В. Ф. Баумгартен), являлось центром научной, просветительной и художественной жизни, приняв под свои своды: Русский научный институт, Военно-научные курсы, Русскую публичную библиотеку

■ Здание Русского дома им. Императора Николая II, непосредственно после завершения его постройки, 1933 г.





■ Фрагмент фасада Дома. Фото М. Проссена.



■ Театральный зал, 1933 г.

(после Тургеневской библиотеки в Париже самую ценную в русском зарубежье), русско-сербские мужскую и женскую гимназии, начальную школу, общество „Русский сокол”, два музея, театральные труппы, Русское музыкальное общество, Союз русских художников и другие организации. В нем были концертно-театральный зал, ателье для художников, кабинеты, гимнастический зал, бильярдная и т. д.

Русский дом, как и русский храм Св. Троицы (1924), были едва ли не единственным местом

общения русской эмиграции в суровые военные годы германской оккупации Белграда.

После Второй мировой войны и смены государственного строя в Югославии, здание и инвентарь Русского дома были переданы в пользование Советскому Союзу. Дом был переименован в „Дом советской культуры” и стал выполнять иную культурную миссию.

А. Б. Арсеньев

Союз русских писателей и журналистов в Белграде

Возникновение этого союза и вся его деятельность протекала в условиях менее благоприятных, чем в Берлине, Париже и Праге, где было гораздо больше журналистов и литературных сил. Однако вокруг него стали группироваться русские интеллигенты - люди пера, науки и искусства.

Инициатива его создания принадлежит журналистам А. И. Ксюнину и Е. А. Жукову. Белградский союз основан 1 октября 1925 года. На первом собрании почетными членами были избраны Е. В. Аничков, И. А. Бунин и В. И. Немирович-Данченко. Своей главной задачей союз считал работу против коммунистической пропаганды и идейную работу за освобождение России. Он содействовал распространению и публикации актов, которые вскрывали сущность большевизма в России: письма писателей из Советской России, резолюции протеста-митинга в Париже в 1929 году против бессудных казней в СССР, открытого письма графини А. Н. Толстой „Не могу молчать” и др.

Союз принял участие в деле издания и распространения журналов и газет. При нем было сформировано книжное представительство, связанное с виднейшими русскими зарубежными издательствами. Им выпускалась серия книг на сербском языке „Словенски класици” (произведения Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрин). На русском языке вышла ценная „Антология новой югославянской лирики” - подвиг молодых поэтов белградского круга: Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер и Алексея Дуракова. В 1926 году союз выпустил пять номеров ли-



Одно из изданий Союза русских писателей и журналистов. Белград, 1933 г.

тературно-общественного журнала „Призыв”, в котором сотрудничали видные зарубежные писатели, а в 1926-1927 годах выходила еженедельная газета „Россия”.

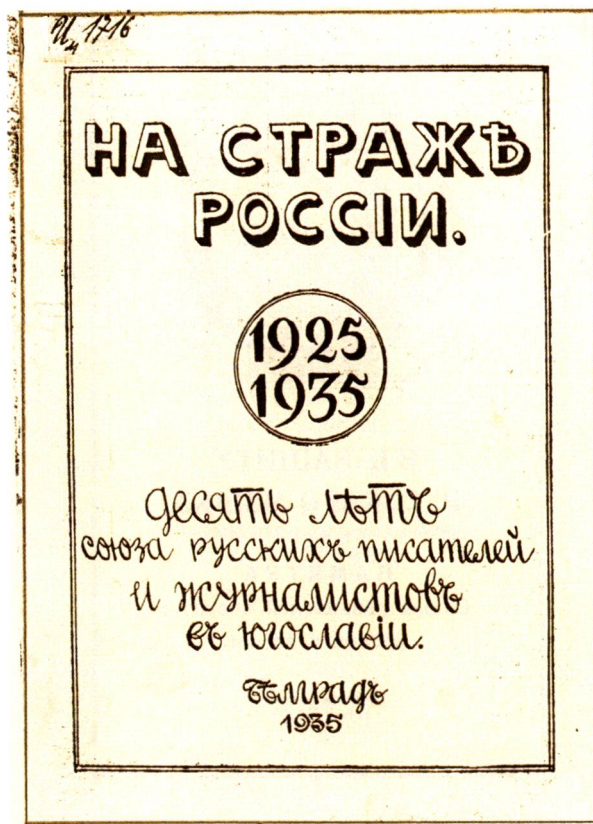
Белградский союз располагал библиотекой, в которую поступил весь фонд русской библиотеки в Карлсруэ, основанной И. С. Тургеневым. Особый интерес представлял отдел газетных вырезок - тетрадей по различным вопросам со специальным на них каталогом.

Профессиональная деятельность союза имела своей задачей объединение русских писателей и журналистов, оказание им моральной и материальной поддержки, защиту авторских прав, чтение произведений авторами с последующим обменом мнениями, предоставление возможности выступать публично на общественно-политические темы в „Устной газете”.

Благодаря его инициативе и подготовительной работе в 1928 году в Белграде состоялся Съезд русских писателей и журналистов за рубежом, завершившийся учреждением Зарубежного союза с Советом в Париже и Правлением в Белграде. Белградскому союзу удалось добиться официального признания полномочий в деле защиты авторских прав писателей зарубежья.

Постепенно он сделался культурным центром, вокруг которого объединились и русские профессора, артисты, художники. В его списках насчитывалось свыше 200 человек. В своих помещениях союз принял Кружок молодых поэтов, кружок „Беседа”, драматическую студию, редакцию журнала „Бизанта”, кружок „Поэзия и проза” и Союз ревнителей чистоты русского языка (как автономного филиала союза). Он организовал три литературных конкурса, провел выставки художников А. А. Вербицкого и В. Я. Предаевича (копии фресок древних сербских монастырей и „Старый и новый Белград,“), поставил ряд любительских спектаклей, концертов русской музыки, литературно-художественных и балетных вечеров, балов.

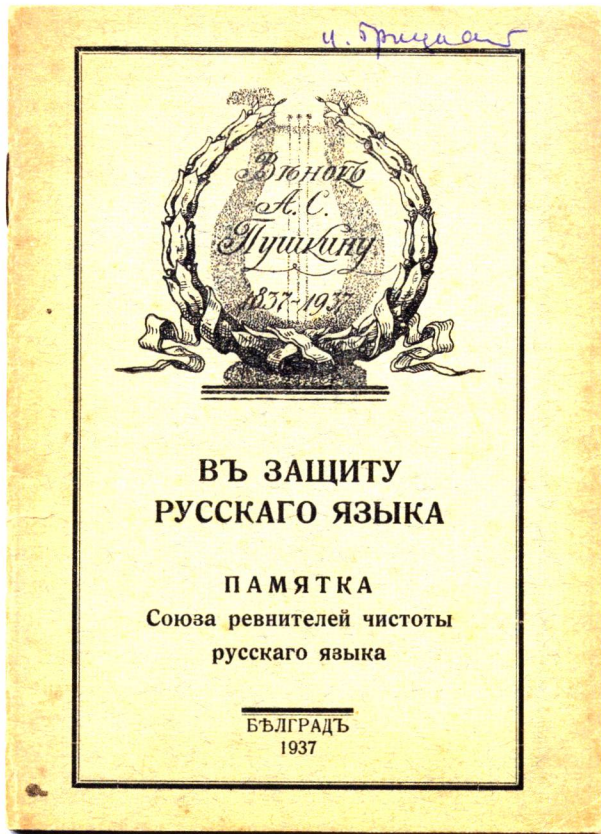
Чтение авторами своих произведений производилось на „камерных вечерах”, а публичные лекции, собрания и „устная газета” дали ему обширную аудиторию. Тут выступали осевшие в



■ Юбилейная памятка о деятельности Союза русских писателей и журналистов в Югославии. Белград, 1935 г.

Сербии русские (В. В. Шульгин, П. Б. Струве, М. П. Чубинский, Е. В. Аничков, С. В. Штейн) или приезжие - А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, Д. С. Мережковский, А. И. Куприн, И. А. Ильин и многие другие.

За 16 лет своего существования, вплоть до германской бомбардировки Белграда 6 апреля 1941 года, не всё в союзе протекало гармонично,



■ „Венок А. С. Пушкину” – единственное издание Союза ревнителей чистоты русского языка. Белград, 1937 г.

не обходилось без политических разногласий и интриг, однако многим русским он предоставил объективную, своевременную, исчерпывающую информацию и давал возможность принять участие в общественной жизни, сохранить себя русскими.

Союз ревнителей чистоты русского языка

Как своеобразное культурное явление в русском зарубежье этот союз возник в 1928 году в Белграде. К началу 1937 года в нем было 110 членов. Его бессменным председателем был Евгений Александрович Елачич.

В год празднования 100-летия со дня кончины А. С. Пушкина союз издал свою Памятку - „скромную попытку собрать воедино наиболее часто встречающиеся искажения нашей разговорной речи”. В разные годы он выпускал воззвания, в которых отмечалось: „Одним из первых условий сохранения своей национальности является родной язык. Человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский; ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры”. Основной целью союза было всемерное содействие охране чистоты русского языка. В Памятке даются многочисленные примеры его порчи на чужбине. Приведем несколько:

Засорение иностранными словами: абстрактный - отвлеченный; дегенерация - вырождение; претендовать - притязать; позитивный - положительный.

Неправильные выражения: „займите мне” - вместо: „дайте мне взаймы”; „всё ж таки”. Следует говорить: или „всё же”, или „всё-таки,; ошибочное нововведение „проработать вопрос”.

Опошление языка: „Мне ужасно хочется спать”.

Употребление слов в неправильном значении: „Я обязательно приду” - вместо: „Я непременно приду”.

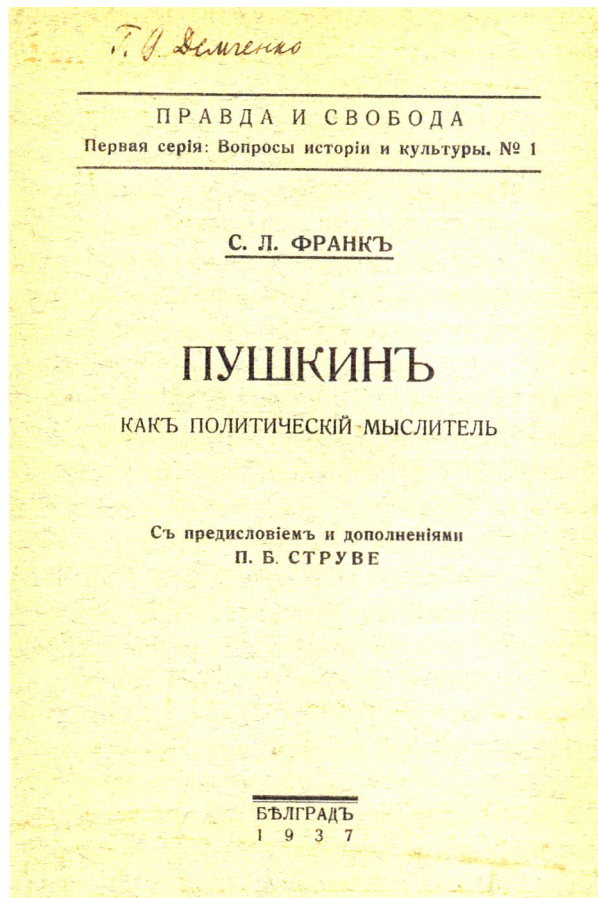
Ошибки от смешения с родственным сербским языком.

Об ударениях: Русские дети за рубежом часто произносят, читая по книге: „Мальчик побежал по полю”, тогда как в России грамотные прочтут, а неграмотные уверенно скажут „бежал по полю” (ударение на предлоге). Дух языка вряд ли можно привить книжным путем.

Для достижения поставленных целей союз устраивал встречи и собеседования, содействовал углублению познаний русского языка и лучших образцов художественной литературы, призывал безотлагательно приняться за работу по сохранению родного языка. Поэтесса Лидия Алексеева (Девель), состоявшая одно время секретарем союза, вспоминала: „Мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов. Евгений Александрович был высок, худ, педантичен, вегетарианец и держал нас всех в повиновении”. В богатом архиве Союза ревнителей чистоты русского языка хранились газетные вырезки с примерами засорения языка - ценный материал для исследований.

Русский научный институт в Белграде

Событием в истории русской эмиграции явился IV съезд русских академических организаций за границей, состоявшийся в 1928 году в Белграде. В отличие от предыдущих трех, проведенных в Праге (преимущественно организационных), белградский съезд имел научный характер. Под председательством профессора В. Г. Коренчевского, члена Листерова института в Лондоне, на съезде было прочитано 104 докла-



■ Книга из серии „Вопросы истории и культуры” – издание Русского научного института. Белград, 1937 г.

да (из Югославии - 58), принят ряд резолюций и учрежден постоянный центр для развития свободной русской науки - Русский научный институт в Белграде, открытие которого было провозглашено 16 сентября, в день открытия съезда.

В связи с основанием института в Белград переехал академик П. Б. Струве, экономист и социолог с мировым именем.

С 1920 года в Белграде уже существовало Общество русских ученых, а с 1921 года - Русская академическая группа (как более либеральная, выделившаяся из этого общества). Примерно 70 профессоров российских университетов, занявших кафедры в трех университетах страны, занимались не только профессиональной деятельностью и наукой, но и образованием русских людей на чужбине. Они преподавали в русских гимназиях, читали лекции в Русском народном университете в Белграде или по приглашению русских культурных кружков ездили в провинцию. Члены института составляли и ядро Русского археологического общества, Союза русских инженеров, публиковали свои труды в русских периодических изданиях, принимали участие в международных научных конференциях.

До основания Русского научного института в Белграде подобные институты возникли в Праге и Берлине, однако благодаря материальной поддержке югославского правительства новый институт вскоре стал ведущим во всей эмиграции. Число действительных членов (лиц, занимавших прежде кафедры в высших учебных заведениях России, или профессоров югославских университетов) было достаточно устойчивым (40-60), а число членов-сотрудников постоянно росло (в 1929 году - 12; а в 1938 году - 48). В работе института принимали участие и югославские ученые. В Белград приезжали известные ученые из Праги, Парижа, Берлина, Лондона, Берлина, Рима, США. Институт устраивал лекции и выступления приезжих писателей, поэтов.

Органами института были Совет (все члены) и Правление (исполнительный орган). До его вынужденного закрытия в 1941 году, председателями были: бывший ректор Киевского университета Е. В. Спекторский, академик Ф. В. Тарановский, бывший профессор Новороссийского университета А. Г. Доброклонский и бывший профессор Донского университета А. И. Игнатовский. Институт имел специальные отделения - гуманитарных наук, естественных и математических.

Корифеями науки в Югославии являлись: математики Ант. Д. Билимович, Н. Н. Салтыков, В. Х. Даватц; механики и машиностроители: В. З. Жардецкий, Я. М. Хлытчиев, Г. Н. Пио-Ульский, В. В. Фармаковский; медики: хирурги Вс. Н. Новиков, С. К. Софотеров, интернист А. И. Игнатовский, патологи Н. Е. Акацатов, С. Н. Салтыков, Д. М. Тихомиров, Е. Н. Салымов, анатом И. Ф. Шпашаль, гинеколог А. А. Редлих, оториноларинголог С. А. Попов, эпидемиолог С. А. Рамзин, психиатр Н. В. Краинский, невропатологи М. Н. Лапинский, А. С. Кульженко, бальнеолог А. И. Щербаков, бактериолог Д. Ф. Конев; минералоги Н. А. Пушкин, А. И. Косицкий; гидролог С. П. Максимов; агрономы А. И. Стебут, Н. И. Васильев, Т. В. Локоть, И. П. Марков; лесовод А. И. Шеншин; биологи В. Э. Мартино, Ю. Н. Вагнер; геодезисты И. С. Свищёв, Д. В. Фрост; экономисты А. Д. Билимович, Л. Я. Таубер; богословы, историки и юристы А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий, Е. В. Спекторский, М. П. Чубинский, Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев. К. М. Смирнов, М. А. Георгиевский, Л. М. Сухотин; византолог Г. А. Острогорский; палеославист

В. А. Мошин; филологи и литературоведы С. М. Кульбакин, Е. В. Аничков, А. Л. Погодин; археолог Д. Н. Сергеевский.

Работа института заключалась в организации научных заседаний, курсов и семинаров, в чтении докладов (с прениями) и публичных лекций, в издании научных трудов, оказании помощи молодым ученым (стипендии и введение в методику научной работы), в обмене изданиями со всеми славянскими академиями и важнейшими западноевропейскими университетами. При институте имелась научная библиотека.

За первые десять лет своего существования им были организованы 23 конференции, подготовлено около 670 сообщений и докладов. Особое внимание институт уделял изучению всех аспектов прошлого и настоящего Югославии, сбору данных о деятельности русских ученых за границей и публикации их научных работ на русском языке.

Издания Русского института в Белграде:

Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Часть 1: Гуманитарные науки; Часть 2: Естественные науки. Белград, 1929 (79 докладов);

Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 1 -17. Белград, 1931-1941 (180 трудов);

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1, 2. Белград, 1931, 1941 (около 14 тыс. библиографических единиц).

Русское археологическое общество

Общество зародилось летом 1921 года в Белграде из небольшого научного кружка. Его составляли М. А. Георгиевский, С. Р. Минцлов, Н. В. Мятлев, Е. А. Пасынкин, А. Л. Погодин, С. Н. Смирнов, А. В. Соловьев и В. Н. Халаев. Начав со скромных экскурсий, изучения фресок в монастырях Сербии, кружок во главе с председателем профессором А. Л. Погодиным быстро окреп и превратился в общество, насчитывавшее свыше 70 членов.

До своего роспуска в апреле 1941 года Русское археологическое общество находилось под высоким покровительством княгини Елены Петровны (сестры короля Александра, вдовы убитого великого князя Иоанна Константиновича Романова). Оно тесно сотрудничало с сербскими учеными, исследовало архивы, предпринимало научные экспедиции и устраивало чтение публичных лекций не только по археологии, но и по истории, искусству, славянской культуре.

Особую ценность до наших дней сохранили три объемистых тома „Сборника Русского археологического общества” (1927, 1936, 1940, всего 776 стр.). В них опубликованы труды о хазарах, о происхождении глаголицы, памятниках ассирийского законодательства, провинциальном римском искусстве, славяно-финских древностях, византийском роде Ангелов, о сербских навигаторах среди южных славян и т. д.

Профессор Белградского университета Д. Анастасиевич в своей приветственной речи по поводу десятилетия работы общества, удивляясь результатам его деятельности и учитывая недостаток средств, объяснил этот успех исключительно тем идеализмом, который присущ русским представителям науки.

Русские театральные труппы в Белграде

Эмиграция с собой за границу привезла не только достижения русской культуры, но и традиции - праздники, обычаи, культ хорового пения и сценического искусства. Объединяясь вокруг Русской церкви, учебных заведений, библиотек и артистических кружков, во многих колониях возникли любительские драматические труппы.

За 25 лет насыщенной культурной жизни в Белграде русское сценическое искусство было представлено в различных видах: гастролями профессиональных трупп, работой русских режиссеров на югославских сценах, русскими театральными труппами и любительскими спектаклями при каком-либо русском объединении, школе или молодежной организации.

Из гастрольных выступлений необходимо выделить приезды артистов МХТ-а (в 1920-1921 годах), „Пражской труппы” МХТ-а (в 1924, 1925, 1929 и 1931 гг.), гастроль труппы „Гнездо перелетных птиц” Аркадия Аверченко (1922 года), берлинской труппы „Синяя птица” Якова Южного, актеров Марии Жегаловой, Марии Ведринской, Владимира Гайдарова, Ольги Гзовской, Тамары Дейкархановой, Елены Полевицкой, Александра Сибирикова.

Русский репертуар и достижения сценического искусства на сербских сценах столицы представляли режиссеры Юрий Ракитин, Александр Верещагин, Николай Масалитинов, Вера Греч, Поликарп Павлов, Яков Шувалов, Александр Сибириков, Лидия Мансветова, Федор Павловский, художники Леонид и Римма Браиловские,



■ Юрий Львович Ракитин, режиссер сербского Национального театра и русских театральных трупп. Белград, 1923 г.

Владимир Жедринский, Ананий Вербицкий, Владимир Загороднюк, Павел Фроман, композиторы Владимир Нелидов, Михаил Арбатский, Олег Гребенщиков, а в Королевском национальном театре оперы, балета и драмы - десятки певцов, хористов, хореографов, танцоров.

Первые русские спектакли в Белграде стали ставить с ноября 1921 года, когда было создано Русское литературно-художественное общество под руководством Ю. Л. Ракина, в прошлом актера МХТ-а и режиссера Александринского театра в Петербурге, а с 1921 г. режиссера белградского Королевского национального театра. Другая труппа „Ассамблея”, юмористическая секция Кружка молодых поэтов, литераторов и любителей драматического искусства формировалась в 1924 году из профессиональных актеров и любителей.

Одновременно возникали и прекращали свое существование русские кружки, выступающие по русским и местным ресторанам: Товарищество артистов „Триолет” под управлением П. А. Лебединского, труппа актера и певца В. Д. Шумского, труппа дилетанта М. М. Манглера, труппа театра „Мозаика”, труппа „Подвал артистов” во главе с В. С. Севастьяновым, труппа „Фокс”, труппа „Маленького театра”, артистическая труппа „Черная кошка”, театр-ревю „Стрекоза”, Студенческий артистический кружок „АРС”, театры миниатюр „Би-ба-бо”, „Веселая курица” и „Theatre Intime”, труппа „Жар птица” В. И. Щучкина...

В 1925 году возникло Белградское русское драматическое общество, объединившее более 80 артистов сцены. Спектакли этой труппы отличались серьезной подготовкой и энтузиазмом всех участников. Ставили их опытные режиссеры А. А. Верещагин, А. Д. Сибиряков, Ю. Л. Ракин, Ф. В. Павловский. Репертуар составляли и произведения сербских, эмигрантских и советских авторов. Одновременно Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов



■ Артистка Елена Густавовна Романова. Белград, 1923 г.

давала спектакли преимущественно русского классического репертуара (постановки Ю. Л. Ракина, А. Ф. Заярного). При эсеровском „Земгоре” существовало Студенческое артистическое русское театральное общество (САРТО).

Вскоре после переезда Феофана Павловского из Белграда в Литовский оперный театр в Ковно (в 1928 году) Белградское русское драматическое общество распалось на Русскую студию



Ю. В. Ракитина.

ПРОГРАММА

„Кузина изъ Варшавы“.

Комедія въ 3 хъ дѣйствіяхъ Луи Вернея.
(Переводъ съ французскаго Вс. Вячеславскаго).

Дѣйствующія лица:

Соия Варилова Ю. В. Ракитина
Люсьена Бжрель М. Н. Трунова
Юберъ Картеръ В. В. Вячеславскій
Арчибальдъ Бюрель П. Е. Труновъ

Наши дни. Сомюръ — (Франція).

Начало въ 8 ч вечера.

Туалеты г-жи Ракитиной изъ Салона **А. К. Захвасовой**

Анонсъ:

Слѣдующій третій спектакль „САМСЕ ГЛАВНОЕ“,
Н. Н. Евреинова.

■ Второй спектакль Русской театральной труппы Ю.В. Ракитиной. Белград, 10 ноября 1931 г.

драматического искусства (режиссер В. П. Загороднюк) и Театр русской драмы (актрисы Ю. В. Ракитиной). Последний просуществовал дольше и ставил пьесы русского, современного мирового и советского репертуара.

В начале 30-х годов возникли Театральная труппа „Комедия“ (режиссер Я. О. Шувалов) и Театр миниатюр „Ягодка“ Общества балаганщиков (основал его молодой художник театра В. И.

Жедринский под влиянием успешных гастролей русского театра „Синяя птица“ из Берлина).

С большим успехом в 1929 году прошли выступления актера Александра Филипповича Черепова, прибывшего из Риги и обосновавшегося в Белграде. Очень скоро ему удалось создать новую театральную труппу, при материальной поддержке Комитета русской культуры открыть Школу-студию драматического и киноискусства,

РУССКИЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТРЪ



М. А. Ведринская
(Цинкография „Авала“)



Т. Н. Яблокова

Воскресенье, 17 ноября, 1935 года

Представлено будетъ:

КУЛИСЫ
(БАРЫШНЯ СЪ ФАЛКАМИ)

Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ Щепкиной-Куперникъ

Марина Александровна Лѣсновская	г-жа Татьяна Яблокова
Нелли Чемизова	г-жа М. А. Ведринская
Борисъ Николаевичъ Нерадовъ, адвокатъ	г. Каракашъ
Левъ Михайловичъ Бѣлинскій, первый любовникъ	г. Миклашевскій
Андрей Васильевичъ Пронинъ, товарищ Нерадова	г. Заирій
Наталія Ивановна, переписчица у Нерадова	г-жа Строиновская
Софья Петровна, кузина Лѣсновской	г-жа Доріанъ



О. П. Миклашевскій
(Цинкография „Авала“)



И. М. Осиповичъ

а в 1933 году вместе с известным тогда в России антрепренером И. Э. Дуван-Торцовым - Русский общедоступный драматический театр в только

что построенном Русском доме им. Императора Николая II с великолепным концертно-театральным залом. Группу этого театра, самого известного в „Русском Белграде“, составляли опытные актеры и любители. В нем гастролировали знаменитые артисты и режиссеры: М. Ведринская, О. Гзовская, М. Крыжановская, Е. Полевицкая, В. Греч, П. Павлов, Н. Масалитинов.

С 1937 года в зале Русского дома шли спектакли театральной труппы Союза русских артистов в Белграде (основанной Т. Н. Яблоковой). Иногда актеры разных театральных группировок объединялись и готовили один спектакль. На сцене Русского дома спектакли шли почти еженедельно. Исполнялись и пьесы местных авторов - В. Хомицкого, Н. З. Рыбинского, Ю. В. Офросимова, С. В. Топор-Рабчинской, Н. З. Кадесникова, В. Орловой-Павлович, А. Н. Жернаковой-Николаевой, а также „парижан“ - Н. Н. Евреинова, И. Д. Сургучева, Тэффи, С. С. Юшкевича, М. Алданова, Н. Н. Берберовой, В. В. Набокова.

Весной 1940 года, незадолго до установления дипломатических отношений между Королевством Югославии и СССР, труппа Союза русских артистов в Русском доме показала пьесы из белградской жизни, преднамеренно не указав имен авторов, - фантастическую комедию „Первый поезд Белград-Москва“, пьесу „Внимание, господа, я творю“ и пародию-сатиру в стихах Грибоедова-внука „Горе от ума в Белграде“ (в постановке Ю. Л. Ракитина).

Возможно, лебединой песней русского театра в Русском доме за весь период его существования был „Вишневый сад“ Чехова, в постановке бывших актеров МХТ-а В. Греч и П. Павлова, премьера которого состоялась 23 февраля 1941



■ Артистка Мария Алексеевна Крыжановская в одной из пьес А.Островского.

года. В спектакле приняли участие лучшие белградские артисты.

В феврале 1941 года возник Злободневный юмористический театр „Белая ворона”. Вскоре германская бомбардировка и оккупация Белг-



■ Артист Александр Александрович Вырубов в роли Астрова в пьесе «Дядя Ваня» А.Чехова.

рада приостановили всю общественную жизнь столицы, но уже в мае 1941 года популярный актер, любимец русских театралов, Олег Петрович Миклашевский создал Общество русских сценических деятелей в Сербии. Вопреки трудно-

Русскій Домъ Имп. Николая II
(Кр. Наталіе, 33)

ПРОГРАММА

Суббота, 1 іюня 1940 года

ГОРЕ ОТЪ УМА ВЪ БЪЛГРАДЪ!

Народія-сатара въ стихахъ въ 4 дѣйствіяхъ
соч. Грибоѣдова-внука

Дѣйствующія лица:

Фамусовъ	г. Евгеньевъ
Софья, его дочь	г-жа Юлія Ракитина
Лиза	г-жа Холодовичъ
Чацкій	г. Духовской
Скалозубъ	г. Пановъ
Наталія Дмитріевна	г-жа Михайлова
Плагонъ Михайловичъ	г. Люзинъ
Князь Тугоуховскій	г. Донской
Княгиня Тугоуховская	г-жа Марина
Графиня бабушка	г-жа Нильская
Графиня внучка	г-жа Истомина
Загорѣцкій	г. Рыбинскій
Старуха Хлестова	г-жа Доріанъ
Ренегитовъ	г. Томинъ
I княжна	г-жа Макарова
II княжна	г-жа Нилина
III княжна	г-жа Райская
IV княжна	г-жа Надинская
Швейцаръ	г. Михайловскій
Кухарка у Фамусовыхъ	г-жа Гудара

Постановка Ю. Л. Р.

Пом. режиссера г. Соловьевъ

Начало въ 8.30 ч. веч.



■ Вера Милтиадовна Греч, артистка и режиссер русских театральных труп в Белграде. Фото 1926 г.

ствам военного времени, оно непрерывно давало спектакли в переполненном зале Русского дома, вплоть до 3 сентября 1944 года, уже при союзнических бомбардировках и перед самым наступлением на Белград Советской и Югославской народной армий.



■ Артистка Лидия Ананьевна Холодович. Белград, 1930-е гг.

Из трех-четырёх десятков талантливых актеров в белградских театральных труппах выделялись: Лидия Авчинникова, Василий Борзов, Олег Гребенщиков, Вера Греч, Анна Дориан, Михаил Духовской, Евгений Евгеньев, Нина Ермолович, Андрей Заярный, Владимир Лиозин,

Олег Миклашевский, Поликарп Павлов, Юлия Ракитина, Елена Романова, Сергей Семынин, Петр Трунов, Лидия Холодович, Вячеслав Хомицкий, Анна Храповицкая, Александр Черепов, Виктор Эккерсдорф.

За 25 лет в Белграде русскими было дано свыше 400 театральных представлений, половина из которых в зрительном зале Русского дома.

А. Б. Арсеньев

Русское музыкальное общество

Группа русских музыкантов и любителей музыки, начиная с 1925 года, давала в Белграде популярные концерты. Одним из главных их устроителей был пианист и дирижер Илья Ильич Слатин, основатель русского хора „Глинка”.

Официальной датой возникновения Русского музыкального общества в Белграде можно считать 2 января 1928 года, дату утверждения его устава. Основателями общества были Владимир Александрович Нелидов, И. И. Слатин, Владимир Иванович Вельский (либреттист опер Н. А. Римского-Корсакова), Василий Николаевич Штрандтман, проф. Александр Васильевич Соловьев и Михаил Николаевич Каракаш. Первым председателем был избран И. И. Слатин, а позднее - В. И. Вельский, занимавший этот пост до 1941 года. Помимо упомянутых, деятельными членами общества были: братья Александр и Владимир Слатины, София Николаевна Давыдова-Слатина, Нина Дмитриевна Мисочко-Егорова, Раиса Леонидовна Караводина, Феофан Венедиктович Павловский и Иван Александрович Персиани.

У САЛИ МУЗИЧКЕ ШКОЛЕ „СТАВКОВИЋ“
УЛИЦА МИЛОША ВЕЛИКОГ 1.

У НЕДЕЉУ 17. АПРИЛА 1921. ГОДИНЕ

ДРУГИ
КОНЦЕРАТ
РУСКЕ МУЗИКЕ

ПРОГРАМ:

I.

- 1) **Аренски:** кuartет оп. 11.
а) ALLEGRO. б) ANDANTE SOSTENUTO. в) ME-
NUETTO. д) FINALE VARIATIONS SUR UN
THÈME RUSSE.
Кuartет: проф. В. Слатин, Г. Јелачић,
С. Феодоров, А. Слатин.

- 2) **Римски-Норсаков:**
а) АРИЈА ИЗ ОПЕРЕ „САДКО“.
Чајковски:
б) ЗАБОРАВИО СИ ТАКО БРЗО.

А. Свечинскаја.

II.

- 3) **Давидов:**
3-ћи КОНЦЕРТ (I. део).
А. Слатин.
- 4) **Мусорски:**
а) БАЛАДА. б) ПЕСМА „ХИВРИ“ ИЗ ОПЕРЕ
„СОРОЧИНСКИ ЈАРМАРКА“.
А. Ростовцева.

III.

- 5) **Скрябин:**
а) ETUDE.
Танеев:
б) САУОТТЕ (TIKÉE DE LA SUITE DE
CONCERT).
Кјуи:
в) ORIENTALE. д) PERPETUUM MOBILE.
В. Слатин.
- 6) **Рубинштајн:**
„АНГЕО“.
дует: А. Свечинскаја и А. Ростовцева.
На клавиру прати В. КАМИНСКИ.

ПОЧЕТАК ТАЧНО У 8¼ ЧАС. У ВЕЧЕ.

За време извођења појединих комада врата од сале
биће затворена.

Анонс! У СРЕДУ, 4. МАЈА ТРЕЋИ
КОНЦЕРТ РУСКЕ МУЗИКЕ.



■ Илья Ильич Слатин, први председатель Русского музыкального общества в Белграде. Фото 1925 г.

В общество входило около сотни человек и содержалось оно на редкие пожертвования и от членских взносов. Общество имело собственную библиотеку нот и книг по музыке.

Кроме публичного исполнения музыкальных произведений, общество заботилось о музыкальном просвещении его членов и русской молодежи.

Как отмечал В. И. Вельский, вначале оно занималось исключительно устройством концертов - вокальных, камерных, симфонических и хоровых. Из-за отсутствия постоянного зала для выступлений, некоторое время преобладало



устройство камерных вечеров (в здании Сербской Академии наук), - для узкого круга, т. н. еженедельные „воскресники”. На них выступали музыканты и поэты, члены общества и гости, русские и сербы - певцы, инструменталисты, маленькие ансамбли.

Общество заботилось об организации чтений о русском искусстве. Во время своего временно-го пребывания в Белграде проф. И. И. Лапшин прочитал 12 лекций „Силуэты русских композиторов”, А. В. Соловьев и Е. А. Елачич читали цикл лекций о русских операх.

Педагогическая деятельность общества проявлялась в чтении курсов теории и истории му-

зыки для регентов церковных хоров. Практическую гармонию читал И. А. Персиани (ученик А. К. Лядова) и Ю. Н. Ковалевский (ученик Р. М. Глиэра), историю музыки - А. В. Соловьев, историю русского церковного пения - протоиерей Петр Беловидов. С 1930 года проводились занятия по игре на духовых инструментах, в целях образования собственного оркестра. Под руководством Н. Д. Мисочко-Егоровой ежемесячно давались концерты с участием русских преподавателей музыки и их учеников, а при приезде европейских исполнителей (Н. А. Орлов, Н. Н. Черепнин и др.), общество не упускало случая дать русским преподавателям возможность

проверить свои педагогические приемы, познать со своими достижениями. С осени 1931 года общество собирало пожертвования для выдачи двух стипендий талантливым ученикам.

С открытием „Русского дома” в 1933 году, Русское музыкальное общество получило возможность чаще устраивать публичные концерты во вместительном театральном-концертном зале на 450 мест. Силами членов общества, в 1933 году там была исполнена опера „Майская ночь” Н. А. Римского-Корсакова, а в 1934 году состоялось концертное исполнение оперы „Жизнь за царя” М. И. Глинки.

В дни германской оккупации Белграда Русское музыкальное общество прекратило свое существование (как почти все другие русские общества и организации), но в Русском доме продолжалась концертно-театральная деятельность, в которой принимали участие оставшиеся в Белграде бывшие его члены.

А. Б. Арсеньев

Белградские русские газеты 1920-1944 гг.

Минувший XX век в Белграде не оскудевал от русских периодических изданий. Русские беженцы-эмигранты „первой волны”, оказавшиеся в гостеприимном славянском королевстве, за 25 лет только лишь в одной столице выпускали примерно 230 русских периодических изданий

- газет, журналов, бюллетеней. В них соблюдались правила старой орфографии, игнорировалась „советская” реформа правописания. По тематике, преобладали политика, военное дело, скаутизм-разведчество и религия.

Остановимся на десяти белградских ежедневных и еженедельных газетах. По нашим подсчетам, с 14 января 1920 по 15 сентября 1944 г. было выпущено 4.616 экземпляров изданий. Не излагая политическую направленность этих газет, отобрав из них цитаты и любопытные факты, постараемся представить себе облик „русского Белграда” тех лет. В 1921 г. в нем проживало 114.000 жителей, из которых около 7.000 были русские (в 1929 г. в столице проживало 8.374 русских).

„Бюллетень”. Русско-сербское ежедневное периодическое издание. Издатель: „Русаген” (Русское телеграфное агентство), Кралице Наталие, 33. №№ 1-90, 14 января - 18 мая 1920 г.

Первое белградское русское издание не было эмигрантским. Бюллетень извещал о событиях на фронтах гражданской войны в России, новостях европейской политики, но и о русских беженцах, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

„Русская газета”. Орган независимой мысли. Ежедневная газета. Утреннее издание. Издатель: А. Г. Иоль-де-Монклар и А. А. фон Гоерц. Редакция и контора: Краля Милана, 69. №№ 1-147, 6 мая - 16 ноября 1920 г.

Типография, видимо, была привезена из России. В разгар советско-польской и гражданской войны в России, своими обзорами и комментариями редактор А. Г. Иоль-де-Монклар навлек недовольство европейских дипломатов и генерала П. Н. Врангеля. Приведем пару цитат из этой газеты - о „русском Белграде” в 1920 году:

Белградские ежедневные и еженедельные русские газеты, 1920-1944 гг.

УТВЕРЖДЕНО
ИЗДАНИЕ
ЦЕНА 1 руб.
Получено заказом от
И. Иванова

РУССКАЯ ГАЗЕТА

Органъ независимой мысли.

С. ПЕТЕРБУРГ 18 января 1920 года.

РЕДАКЦИЯ
ИЗДАНИЕ
Иванова Иванова
Иванова Иванова
Иванова Иванова
Иванова Иванова

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Выходит по понедельникамъ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. К. СЮНИНА И Н. Е. СГОРОВА

№ 1

С. ПЕТЕРБУРГ, Понедѣльникъ, 21 января 1920 г.

Органъ Русской Национально-Государственной Мысли.



Ваша задача...
Ваша задача...
Ваша задача...

Сколько лет прошло...
Сколько лет прошло...
Сколько лет прошло...

Иванъ Вукичъ.

Иванъ Вукичъ.
Иванъ Вукичъ.
Иванъ Вукичъ.

Ваша задача...
Ваша задача...
Ваша задача...

НОВОЕ ВРЕМЯ

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ М. А. СУВОРИНЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ, Суббота, 18 февраля 1920 года.

ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ
23 ФЕВРАЛЯ 1876 г. С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 28 ФЕВРАЛЯ 1926 г. БЕЛГРАДЪ.

А. С. СУВОРИНЪ И „НОВОЕ ВРЕМЯ“

Ваша задача...
Ваша задача...
Ваша задача...

ЦАРСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ОРГАНЪ НАРОДНАГО ДВИЖЕНІЯ.

За восстановление Престола Православнаго Царя-Самодержца.

Редакторъ - издатель М. П. РЯЖИЦКІЙ.

№ 25
Воскресенье, 3 февраля (21 января ст. ст.) 1920 г.

Неоправдавшаяся надежды.

Въ ноябѣ 1920 года за-
рочники между русскихъ эмигранцевъ;
Они не верятъ, надеются, хотятъ
разрѣшить между собой въ будущемъ
идею, быть провозглашены независимымъ
государствомъ, члѣнствомъ въ Союзъ
Россій, включеніемъ въ составъ
Россій, участіемъ въ самоуправленіи
и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. и т. д. и т. д.

РУССКИЙ ГОЛОСЪ

БЕЛГРАДСКАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ И НОВАЯ ПЕЧАТНИЦА ГИЛТА.

№ 400
Выходитъ 28 января 1940 г.

ВѢДОМОСТИ

Nachrichten für die Werkschutz-Gruppe des Generalbevollmächtigten für die Wirtschaft in Serbien.
23 декабря 1941 г. № 1



РУССКОЕ ДѢЛО

№ 20. Годъ 1941 г.
Изданіе 5-е.
Среда 3 мая 1944 г.

Памяти генерала Кутузова



Выходитъ 5 мая 1944 г.

Первая русско-сербская фабрика кинематографических картин ищет помещение. Василий Иванов. (№ 3);

В Белграде созданы следующие русские общества: О-во русских ученых (Таковска, 57), О-во русских юристов, Русский отдел О-ва „Славянской взаимности”, Русское о-во взаимопомощи, „Руссосерб” О-во для содействия торговле и промышленности в славянских землях. (№ 5);

Вышла из печати „Краткая сербская грамматика для русских”. Составитель С. В. Лавров. Издание В. А. Лебедева, цена 3 р. 50 коп. Продается во „Всеславянском книжном магазине”, ул. Пуенкаре, 36. (№ 7);

Создан *Кружок русских журналистов в Белграде*. (№ 10);

В театре состоится первый спектакль русских артистов п/у режиссера А. А. Верещагина. (№ 12);

Русское информационное бюро открывает деятельность в Белграде. (№ 45);

Открыта *Библиотека Всероссийского союза городов*, Ресавска, 14. (№ 46).

В газете печатались корреспонденции из провинциальных городов страны, фельетоны. Приводим отрывок шуточного стихотворения анонимного автора:

Герои нашего времени

Был я правоведем,	Раньше в Петрограде
После бюрократом.	Я писал законы,
И карьеру делал	А теперь в Белграде
Настоящим хватом.	Нарушаю они...

Издание этой первой ежедневной газеты в Белграде прекратилось, как только иссякли средства А. Г. Иоль-де-Монклара.

„Возрождение”. Орган национального возрождения. Еженедельная газета. Выходит по понедельникам. Издательство „Национальное возрождение”. Под редакцией А. И. Ксюнина и Н. Е. Егорова. Редакция: Ивковичева, 18. №№ 1-10, 31 октября 1921-2 января 1922 г.

Алексей Иванович Ксюнин (1882-1938), журналист, сотрудник петербургской и белградской газеты „Новое время”, вскоре в Белграде стал видным общественным деятелем, был одним из основателей *Союза русских писателей и журналистов в Белграде* и сотрудником сербской газеты „Политика”.

„Новое время”. Ежедневная газета. Редактор-издатель М. А. Суворин. Адрес редакции: Битольска, 72, позднее: Кралице Наталие, 21. №№ 1-2853, 22 апреля 1921-26 октября 1930 г.

Одна из самых известных и влиятельных ежедневных консервативных газет русских беженцев-эмигрантов в Европе. Газета „возродилась” на капиталы Г. К. Сапожкова, бывшего суконного фабриканта, владельца белградского ресторана „Русская семья”. Михаил Алексеевич Суворин (1860-1936) собрал в Белграде многих журналистов, бывших сотрудников петербургской газеты „Новое время” (1868-1917), основателем которой был его отец. Это первая из трех белградских газет, регулярно выходившая более десяти лет. Издание прекратилось из-за банкротства издателя. Приводим несколько любопытных фактов из жизни русских в 1921-1922 гг.:

Донской атаман генерал А. П. Богаевский 26 апреля выехал из Белграда в район г. Нового Сада для посещения живущих там донских казаков. (№ 3);

В понедельник, 3 мая в г. Панчево состоялось большое церковное торжество. Была привезена епископом Курским Феофаном чудотворная икона Курской Божией Матери. Обедню в соборе служил митрополит Киевский и Галицкий Антоний. (№ 10);

Приводится список русских профессоров Белградского университета. В 1921 г. их было 38 (включая троих на факультете в Скопле и двух в Суботице). (№ 22);

Правительством Королевства СХС разрешен и в ближайшее время ожидается приезд в страну чинов Штаба Главнокомандующего Русской Армией, членов Русского Совета в Константинополе и их семей. Всего прибудет более 200 человек. (№ 28);

В Сербии проживает 7 членов Государственного Совета и 27 членов Госдумы, всех четырех созывов. (№ 51);

1-го июля с. г. Е. В. Престолонаследнику Александру был поднесен проект моста через реку Саву в Белграде. Проект составлен князем Л. И. Дондруковым-Изыядиновым, инженерами А. И. Верблунером и К. П. Мелиоранским в славянском духе, считаясь с символическим значением моста, соединяющего Белград с Земуном, как памятника объединения южных славян в единое государство. (№ 59).

„Старое время”. Орган русской национально-государственной мысли. Еженедельная газе-

та. Выходит каждый понедельник. (С № 58 - два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, а с № 79 - 1-го и 15-го числа каждого месяца). Ответственный редактор: Дж. Станкович. Редакция: Косовска, 41, позднее: Курсулина, 34. №№ 1-82, 25 сентября/8 октября 1923-15/28 сентября 1924 г. Второе, одновременное, издание выходило ежедневно, кроме понедельников и дней после праздничных. №№ 1-55, 21 января - 30 марта 1924 г.

Русских эта газета привлекала тем, что почти в каждом выпуске имелось бесплатное приложение: ноты русских народных и цыганских песен, романсов, оперных арий и хоров, военных маршей. „Старое время” тоже подробно знакомило читателей о русской жизни:

В Королевстве СХС проживает 449 полковников Ивановых, 83 из них живут в Белграде. (№ 5);

Ген.-майор Свиты ЕИВ Петр Петрович Орлов, три года избиравшийся председателем Белградской русской колонии, уезжает в Париж. (№13);

Описано погребение председателя Госдумы М. В. Родзянко на „Новом кладбище” в Белграде (№ 38), а в № 54 - похороны графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, ученого и общественного деятеля, председательницы *Московского Археологического общества*, доктора Пражского университета.

Последний номер первого издания вышел с загадочным предупреждением: „Расстаемся - это последний номер. Мы начинаем наше новое издание, специально для России”.

„Царский вестник”. Орган народного движения. За восстановление Престола Православного Царя-Самодержца. „За Веру, Царя и Отечество”. Выходит по воскресеньям. (С № 135 - два раза в неделю, с № 149 - ежедневно, кроме понедельников, с № 243 - по воскресеньям). Редактор-издатель Н. П. Рклицкий. Редакция: Балканска, 21. №№ 1-720, 19 августа 1928 - 28 июля 1940 г.

Монархическая газета, выходила как продолжение газеты „Русский военный вестник” (1925—1928), а после 13-ти лет продолжившая существование под названием „Русский народный вестник” (№№ 1-30, 2/15 сентябрь 1940-6 апреля 1941 г.). Все три издания редактировал Николай Павлович Рклицкий (1892-1972), юрист, окончивший и Богословский факультет в Белграде, член-основатель *Белградского православного молодежного кружка*. В 1940 г. принял монашеский постриг, позднее в США стал архиепископом Никоном.

„Русский голос”. Национальная, общественная и военная еженедельная газета. Редактор: В. М. Пронин. Представитель издательской группы: В. Н. Полтавцев. Редакция и контора: Кралице Наталие, 88. №№ 1-522, 12 апреля 1931-6 апреля 1941 г. (последний номер вышел в день германской бомбардировки Белграда).

Полковник Генштаба Василий Михайлович Пронин (1882-1965) еще в Крыму редактировал газету „Военный голос”. В Белграде служил в *Державной комиссии по делам русских беженцев*, был основателем *Общества ревнителей военных знаний*, редактор „Военного сборника” (1921-1930), член-учредитель *Русского военно-научного института в Белграде*. После войны жил в Сан-Паулу (Бразилия).

За десять лет своего существования, „Русский голос” издавался на средства Державной комиссии и отражал многостороннюю общественную деятельность русских. Приводим несколько фактов 1939-1941 годов:

Лекции *Русского научного института*: 7 марта 1939 г.: Курс П. Б. Струве „История общественных движений в России XIX и XX вв.”; 8 марта: Б. А. Велихов. „Вклад Л. И. Петражицкого в общее учение о праве”. (№ 413); Русский биоскоп „Дрина”, ул. Князя Павла, 70. (№ 453);

В субботу, 1-го июня 1940 г. в Русском доме закрытие театрального сезона: „Горе от ума в Белграде”. Пародия-сатира Грибоедова-внука. Режиссер Ю. Л. Ракитин. Участвует 25 артистов Русского театра. (№ 478);

Югославия и СССР: Югославия признала советское правительство. Посланником в Москву назначен сенатор Гаврилович, председатель Земледельческой партии; советским посланником в Белграде - Плотников, перемещенный из Норвегии. (№ 482, 30 июня 1940);

1-го июля 1940 г. исполнилось 20 лет, как существует русская основная школа в Белграде. (№ 483);

Во Франции скончались две большие русские газеты: „Последние новости” и „Возрождение”. П. Н. Милоков из Парижа бежал в Америку к А. Ф. Керенскому, недавно очень выгодно женившемуся на богатой американке. На всю русскую эмиграцию в Европе - две еженедельные газеты в Белграде и только одна в Берлине. (№ 487);

Гибель русского летчика Владимира Ивановича Стрижевского, пионера югославской гражданской авиации, в прошлом - героя Мировой войны. (№ 491);

Музей русской эмиграции в Королевстве Югославии находится в Русском доме Императора Николая II. Цель: собирание сведений о деятельности и жизни русской эмиграции в Югославии и хранение произведений их творчества (экспонаты русских школ, отчеты русских обществ, фотографии, собрания русских книг, изданных в Югославии, собрание картин и скульптур). (№ 506);

В театральном зале Русского дома 2 февраля 1941 г. состоится первый спектакль Злободневного юмористического театра „Белая ворона”. В программе: Предсказания Нострадамуса на 1941 год, скетчи, пародия-буффонада. (№ 512);

Литературная комиссия Союза русских писателей и журналистов 7 февраля 1941 г. устраивает в студии Русского дома Интимный литературный вечер (доклад, рассказ, эссе, стихи, музыкальное отделение). (№ 513).

Германская оккупация Сербии и расчленение Югославии соседними пронацистскими странами лишь временно приостановили выпуск русских газет в Белграде. Военная суматоха и скорое нападение Германии на СССР вызвали размежевание в рядах русской эмиграции, многие русские организации прекратили свое существование. Материальное положение и юридический статус русских осложнились. В Белграде было открыто *Бюро по делам русских бе-*

женцев. Его начальником оказался честный, но своенравный и политически недалекovidный генерал М. Ф. Скородумов. Не получив поддержки от сербской комендатуры, он обратился к германским военным властям. В сентябре 1941 г. в Белграде был сформирован *Русский охранный корпус*, подчиненный германскому хозяйственному управлению в Сербии, и, как вскоре оказалось - с целью охранять коммуникации, заводы, склады. Позднее, он принимал участие в боях с сербскими воинскими группировками: партизанами (коммунистами) и „четниками” (монархистами).

В годы оккупации в Белграде издавались три русские газеты:

„Ведомости охранной группы”. Выходит еженедельно. Ответственный редактор: В. К. Иванов-Гордовский. Главный редактор: Е. Э. Месснер. Редакция: Кралице Наталие, 33. Ж№ 1-75, 23 декабря 1941-26 мая 1943 г.

Евгений Эдуардович Месснер (1891-1974), полковник Генштаба, военный журналист, последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии. Сотрудник журнала „Часовой”, преподаватель *Высших военно-научных курсов в Белграде*. После войны жил в Буэнос-Айресе.

Приводим пару цитат из этого издания:

С сегодняшнего номера газеты отказываемся от буквы „Ъ” в конце слов, в целях экономии места. (№ 14, 26 марта 1942 г.);

Состоится шестая лекция генерала Глаголева о национал-социализме. (№ 19);

Выставка русских художников откроется 2-го августа в павильоне „Цвиета Зузориц”. Бу-

дут представлены работы 24-х художников. (№ 32);

Общество русских сценических деятелей устраивает свой очередной, седьмой спектакль: фарс „Княгиня Капучидзе”, режиссер О. П. Миклашевский. (№ 35).

„Новый путь”. Еженедельный информативный орган Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии. Редактор: Б. К. Ганусовский. Редакция: Краля Милана, 12 (здание бывшей Российской миссии в Белграде). №№ 1-47; 1(48)-21(68), 8 февраля 1942-30 мая 1943 г.

Борис Казимирович Ганусовский (1906-1993), выпускник Крымского кадетского корпуса в Югославии, работал шофером, агентом по продаже автомобилей и электроприборов. Издатель юмористического журнала „Бух” (1930-1936), журналист.

Газета сообщала важные статистические данные:

С 11 по 31 декабря (1941 г.) русские в Белграде являлись в Бюро для проверки документов. Их оказалось около 6.000, пока как во время регистрации, летом 1941 г., явилось около 11.000 человек. (№ 1);

С октября 1941 г. на территории Сербии работают следующие школы: основная школа в Русском доме в Белграде (313 детей) и Детский сад, Панчевская начальная школа (50 детей), начальная школа на Руднике Бор (30 детей), Русская гимназия в Русском доме в Белграде - мужская (237 учеников) и женская (256 учениц), Кадетский корпус в Белой Церкви (270 кадет), всего 1.156 учеников и учениц. (№ 2);

Список русских колоний в Сербии, с указанием

количества проживающих в них русских: Белград (6.500), Ниш (710), Панчево (425), Петровград (ныне: Зренянин, 302), Белая Церковь (294), Бор (185), Вел. Кикинда (207), Вршац (164), Заечар (128), Косовска-Митровица (218), Крагуевац (170), Крушевац (135), Лесковац (103), Пожаревац (124), Смедерево (163), Шабац (116) и т. д. (№ 3);

Немного статистики: Русских в Королевстве СХС в 1921 г. было около 45.000, до 1940 г. выехало и умерло 13.500; в 1940 г. в Югославии проживало 31.500 русских. После начала войны на территории Сербии осталось 21.650 русских. В течение 1941 г. и первых трех месяцев 1942 г. выехало на работу в Германию около 2.500. В апреле 1942 г. в Сербии 19.150 русских (в Белграде их 7.913). (№ 8-9);

Согласно приказу № 334, в Белграде организована обязательная трудовая сельскохозяйственная повинность для всех русских эмигрантов обоого пола - отработать минимум шесть дней. Лица, отбывшие повинность личной работой приобретают право на получение продуктов из продовольственных распределителей, в первую очередь и по себестоимости. (№ 14);

Русское трудовое поле стало приносить плоды. (№ 29, 23 августа 1942 г.);

В столовой Русского бюро выдают в день почти 1.500 обедов (в здании бывшей Российской миссии). (№ 33);

Русская публичная библиотека в 1942 г. хранит примерно 100.000 книг. (№ 36);

Приводится список 18-ти русских организаций в оккупированном Белграде: школы,

библиотека, столовая, Общество сценических деятелей, общежития (старческие, студенческие, духовенства), редакция газеты, мастерская игрушек... (№ 44);

В номере от 9 мая 1943 г. газета отмечает:

„Белград за последний год заметно растаял и сильно переменялся персонально... Белградский период эмиграции явно клонится к своему завершению и становится материалом для исторических изысканий”.

В последнем № 21(68) от 30 мая 1943 г. отмечалось, что газета сливается с газетой „Ведомости Русского охранного корпуса”. Таким образом, в Белграде стала выходить последняя „эмигрантская газета”:

„Русское дело”. Еженедельная русская газета. (С № 17/18 за 1944 г. - два раза в неделю). Редактор-издатель: К. К. Миллер. Редакция: Краля Милана, 12. №№ 1-30; 1/2 (31/32)-70, 6 июня 1943-15 сентября 1944 г.

Предвидя скорый исход войны, большинство сотрудников этой газеты свои статьи подписывали инициалами и псевдонимами.

Хотелось бы отметить любопытный феномен: после Второй мировой войны большинство русских, которым Югославия была „второй родиной”, после мытарств по лагерям перемещенных лиц, обосновалось на более гостеприимных континентах, чем тогдашняя Европа, опустошенная и морально приниженная. В своих „третьих родинах” именно они, эти „сербские”, „белградские” русские были основателями и редакторами многих русских газет.

А. Б. Арсеньев

Русское кладбище, Иверская часовня и Памятник русской славы

Подобно русскому кладбищу в Сен-Женевьеве-де-Буа под Парижем, кладбищам „Тегель” в Берлине и „Ольгиани” в Праге, - и в Белграде имеется городское „Новое кладбище”, на котором с 1920-х годов хоронят русских. В основном - на прилегающих друг к другу участках („парцеллах”) №№ 80, 80А, 90 и 90А. Русские захоронения встречаются и на других участках этого кладбища. Можно предположить, что русских эмигрантов и их потомков здесь похоронено 3-4 тысячи. В пригороде столицы - Земуне и в промышленном городе Панчево, вниз по течению Дуная (в котором в 1921-1944 годы находился Русский хирургический госпиталь) скончалось и похоронено несколько сот белградских русских. С другой стороны, на „Новом кладбище” похоронены и русские, умершие не в Белграде, среди которых: Верховный главнокомандующий Вооруженными силами России, основатель Добровольческой армии, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев (1857-1918), последний председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко (1859-1924), первоиерарх Русской православной церкви за рубежом, митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий; 1863-1936), председательница Московского археологического общества графиня Прасковья Сергеевна Уварова, урожд. Щербатова (1840-1924), тайный советник, инженер путей сообщения, профессор Александр Андреевич Брандт (1855-1933).

Однако знаменитостями русского кладбища в Белграде являются два уникальных памятника эпохи, расположенные рядом, между



■ Освящение Иверской часовни Иконы Божией Матери на русском участке „Нового кладбища” в Белграде, 22 июня/5 июля 1931 г.

упомянутыми четырьмя участками - Часовня во имя Иверской Божией Матери и Памятник русской славы.

Иверская часовня Божией Матери.

В ночь с 29 по 30 июля 1929 года в Москве была снесена Иверская часовня у Вознесенских ворот стен Китай-города. Исчез и список с чудотворной иконы Иверской Божией Матери (именуемой и „Благая Вратарница,»), привезен-

ный в 1648 году с Афона, прославившийся множеством чудес и исцелений. Редко кто, проживая или побывав в Москве, не поклонился этой народной святыне - „Заступнице Усердной”. Изображенная на полотне Мст. Добужинским, воспетая в стихах О. Мандельштама, М. Цветаевой и Влад. Ходасевича, - в 1931 году Иверская часовня „воскресла” в Белграде!

У русских людей на чужбине, несущих свой тяжкий крест изгнания, лишений и бедствий, зародилась трогательная мечта - восстановить раз-

рушенную святыню во всей ее исторической точности и водрузить в ней новонаписанную икону Иверской Божией Матери. На пожертвования русских в рассеянии, трудами белградцев - попечительницы княгини Марии Александровны Святополк-Мирской и военного инженера, архитектора Валерия Владимировича Шашевского - верная копия московской часовни была построена и освящена 22/5 июля 1931 года. Афонские иноки доставили в Белград список чудотворного образа.

С наружной стороны часовни, в особых нишах, находятся два больших образа: Святителя Николая - в память императора Николая II и Святителя Алексея - в память наследника цесаревича (оба сооружены на Афоне). В самой часовне собраны святыни главнейших русских церковно-исторических центров: в память Москвы - икона Иверской Богоматери; в память Киева - икона Успения Божией Матери (привезенная из Иерусалима); в память Петербурга - список с иконы Нерукотворного Спаса, что был в Домике Петра Великого. Живописное изображение Плащаницы получено в дар от монахинь обители на Елеоне.

В крипте часовни покоятся останки митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) и его келейника (позднее - архимандрита сербского монастыря Високи-Дечани) Феодосия Мельника (1890-1957), а в стенах часовни - останки первого настоятеля Русского храма Св. Троицы в Белграде, протопресвитера Петра Беловидова (1869-1940) и епископа Лондонского, викария Западно-Европейской епархии, Николая (Карпова; 1891-1932).

Памятник русской славы.

Военный инженер В. В. Шашевский соорудил и вторую достопримечательность русского кладбища в Белграде - величественный памятник русским воинам Великой войны 1914-1918 годов. Он был воздвигнут по замыслу и стараниями полковника Михаила Федотовича Скородумова, по проекту архитектора и скульптора Романа Николаевича Верховского, которому принадлежат все скульптурные работы этого комплекса.

Памятник из серого камня имеет форму артиллерийского снаряда, наверху которого стоит ангел с устремленными вверх крыльями. У подножия снаряда полулежит на знамени, в шинели, фуражке и во всем снаряжении русский офицер, замахвающийся шашкой, как бы защищая знамя. Посреди снаряда располагается барельеф - двуглавый орел и дата - 1914 г. На левой стороне памятника выгравировано под крестом: „Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русскихъ воиновъ Великой войны”. На задней стороне памятника надпись по-сербски: „Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте 1914-1918 г.”. К памятнику ведут несколько ступенек, а под ними находится часовенка-склеп, над железной дверью которого написано: „Спите, орлы боевые”.

В склепе похоронены останки солдцев и других русских героев, погибших на территории Сербии. Из более шести тысяч русских, погибших на Салоникском фронте, в склеп перевезено только 387 офицеров и солдат, так как после войны крестьяне перепахали часть могил, а часть Салоникского фронта и тыловые госпитали оказались на греческой территории. В



■ „Памятник Русской славы” в Белграде.

склепе также покоятся останки 136 офицеров и солдат двух русских батарей, погибших при защите Белграда; четырех русских военнопленных, расстрелянных австрийцами за отказ грузить снаряды на сербский фронт; два русских моряка со сторожевика „Тирасполь”, погибших у дунайского порта Кладово; около ста русских солдат, умерших от ран по госпиталям на территории Сербии, оккупированной австрийскими войсками. В часовню памятника также перевезен большой крест, сделанный сербами из железнодорожных рельсов с надписью: „Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии”, установленный ранее на одной из братских могил.

Этот едва ли не единственный памятник русским воинам, павшим в Первой мировой войне, построен и освящен в 1935 году. В день прибытия в Белград ящиков с прахом русских воинов, пропитавших поля и горы южной Сербии своей кровью, сербский патриарх Варнава, после панихиды, произнес речь, в которой прозвучали слова:

„Мы много пережили в Белграде горьких и радостных событий и давно, давно ожидали этого благословенного дня, когда из глубины своего сердца можем вознести горячие молитвы об упокоении наших братьев, русских воинов, которые поднялись как один человек за свободу маленькой Сербии в наиболее тяжелый момент ее истории, и которые пали за эту свободу”.

В памятной книге, в которой расписывались посетители усыпальницы, имеются подписи советских офицеров и солдат, приходивших сюда в 1944-1945 годах поклониться праху своих братьев по крови. Капитан Павел Вий написал 14

февраля 1945 года: „Я - офицер Красной армии, но духом воспитанный в православии и любви к русскому человеку...”. Капитан Г. Розанов написал 8 июля 1945 года: „Слава русским воинам, погибшим за освобождение славянских народов”. В другом месте книги подписи 30 советских солдат, а под ними стоит: „И я - Танечка Чупкова, санитар”.

А. Б. Арсеньев

Русская эмиграция в Воеводине

Русская эмиграция в Сремских Карловцах

Про Сремские Карловцы (Сремски Карловци), сербский духовный центр, знали в XVIII в. российские императоры, архиереи, монахи, дипломаты, ректоры Московской и Киевской духовных академий. В XIX веке этот культурный центр посещали историки и слависты Казанского и Петербургского университетов, политики, плеяда знаменитых имен - А. С. Кайсаров, А. И. Тургенев, И. С. Ястребов, А. А. Александров, Н. Ф. Павлов, Т. Д. Флоринский, М. П. Погодин, О. М. Бодянский, Л. Н. Майков, В. И. Ровиньский, В. Н. Перетц и др. Некоторые из них черпали материал из богатых архивов и библиотек Карловацкой митрополии. Следы о пребывании русских ученых можно найти на обложках подаренных ими книг, или в текстах их трудов, хранящихся сегодня на полках старой библиотеки Карловацкой гимназии.

Русская колония в Сремских Карловцах

Военные и революционные ветры XX века развеяли россиян по многим странам мира, в том числе и в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Для некоторых из них здесь была временная остановка, для других - постоянное прибежище.

Сремские Карловцы, живописный городок расположен между двумя холмами Фрушка-Горы, на правом берегу Дуная, вдоль автомобильной дороги Будапешт-Белград в 11-ти км от Нови-Сада, второго по величине города Сербии. Городок, в котором проживает около 10 тыс. жителей (в основном - сербы) выглядит красивее всего в июне, когда цветут липовые деревья, и в начале октября, в пору сбора винограда.

По численности „русская колония” в Карловцах была небольшой. До февраля 1921 года здесь осело 16 россиян т. н. *Сербской эвакуации* из Одессы (весна 1919 года) и 20 человек *крымской (французской) эвакуации* (ноябрь 1920 года). Согласно официальной переписи населения Королевства СХС, проведенной в 1921 году, в Карловцах тогда проживало 5.907 жителей, из которых 50 человек - русские. Весной 1921 года в городке была открыта Русско-сербская швейная мастерская, возник и Кубанский казачий хутор, возглавляемый есаулом Александром Тимофеевичем Ступниковым. Председателем „русской колонии” был избран Иван Павлович Федорович.

В соответствии с решениями Правительства и Священного Синода Сербской православной церкви, в Сремских Карловцах поселились и три

группы беженцев с Юга России. Благодаря ним, этот городок занял особое место среди колоний русских эмигрантов в стране. Из примерно двух сотен новых прибывших тут оказалось несколько десятков лиц, которые играли видную роль в церковной и военно-политической жизни всей русской диаспоры.

Первую группу составляли иерархи Русской православной церкви. Среди русских епископов, которые еще в феврале 1920 года были рассредоточены по фрушкогорским монастырям близ Карловцев, был архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский). По его ходатайству в адрес Сербской Патриархии, в марте 1921 года из Константинополя в Карловцы прибыло *Высшее временное русское церковное управление за границей* (созданное в ноябре 1920 году на территории Константинопольской Патриархии). Возглавлял его митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). Русским иерархам и церковным администраторам Патриарх Сербский Димитрий уступил помещения в правом корпусе своего монументального Патриаршего дворца в Карловцах. Секретарями Управления были юрист Эксакустодиан Иванович Махароблидзе (в конце 20-х годов стал председателем карловацкой русской колонии) и полковник Тихон Александрович Аметистов. Вторую группу составляли бывшие военнослужащие Русской армии.

Главнокомандующий Русской армией

В середине июля 1921 года в Карловцы была направлена и основная часть Штаба Главнокомандующего Русской армией генерала П. Н.



■ Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель. Рисунок художника И. Козмина. Крым, 1920 г.

Врангеля. Первым сюда прибыл начальник Штаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский. За ним последовало около 30-ти чинов офицерского состава с семьями, в том числе и помощник Главнокомандующего, генерал от кавалерии Павел Николаевич Шатилов, с семьей. После некоторой задержки в Белграде, в середине марта 1922 года в Карловцы перебрался и сам генерал



■ Пятилетняя годовщина вступления ген. П. Н. Врангеля в должность Главнокомандующего ВСЮР в Крыму. Ср. Карловцы, 4 апреля 1925 г.

П. Н. Врангель, позднее из Дрездена - его родители, а из Парижа - супруга, трое детей и няня (сын Алексей родился в 1922 году в Белграде).

Генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель (1878-1928), потомок прибалтийского рода баронов, рыцарей Тевтонского ордена, упоминание о которых можно найти в письменных источниках 1277 года. Окончил два высших учебных заведения в Петербурге - Горный институт (1901 год) и Николаевскую академию Генерального штаба (1910 год). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Будучи капитаном лейб-гвардии конного полка 6 августа 1914 года нанес молниеносный удар по батарее противника и за одержанную победу первым в войну был

награжден орденом Святого Георгия 4 степени.

Весной 1919 года, уже в чине генерала, барон Врангель командовал Кавказской добровольческой армией, а под конец гражданской войны, в апреле 1920 года возглавил *Вооруженные силы Юга России* (ВСЮР). После поражения Русской армии генерала Врангеля (чему способствовали мир Советской России с Польшей и прекращение военной помощи белому движению со стороны держав-союзниц), генерал Врангель энергичными действиями и отлично проведенной эвакуацией с Крыма спас около 150.000 людей - бойцов Русской армии, раненных, инвалидов, гражданских лиц, интеллигенцию, вдов, сирот от „красного террора”.

Офицеры Штаба и конвой Главнокомандующего, состоящий из 10-ти казаков и коменданта. Все они были расквартированы в здании бывшего городского госпиталя, в актовом зале Магистрата, по частным домам карловчан. Генералу Врангелю с семьей была отведена квартира в солидном двухэтажном доме (сегодня: ул. Митрополита Стратимировича, д. 19-21). Личным секретарем генерала был Н. М. Котляревский. При Штабе Главнокомандующего также числились: ген.-лейт. Г. Л. Пономарев, ген.-лейт. П. А. Кусонский, ген.-лейт. Е. К. Климович, ген.-лейт. Е. П. Миллер, ген.-майор. С. М. Трухачев, ген.-май. Л. А. Артифексов, полковники: Л. Н. Трескин, А. А. Подчертков, А. В. Алатырцев, К. Ф. Зерщиков, В. В. Бабенчиков, С. И. Сергеев, М. М. Покровский, А. В. Станиславский, капитан 1-го ранга Д. Г. Андросов, штабс-капитаны Н. А. Клименко и Н. В. Соколов, ротмистр Ю. В. Асмолов, священник отец Василий Виноградов, бывшие члены Госдумы: князь Н. Н. Львов и В. В. Шульгин, финансовый советник барон А. Тизенгаузен, чиновники Шаповалов, Исаев и др. Несколько офицеров Штаба проживало в Белграде и в других городах, но и про некоторых русских карловчан можно предположить, что они числились в штате Штаба. Например, бывший адъютант Императора Николая II ген.-лейт. В. А. Брендель, ген.-майор. М. А. Хрущев, полковник В. С. Пряслов.

Местное население об эмигрантах из России

В мемуарах и в литературных произведениях сербов встречаются высказывания карловацких обывателей о русских. Их описания красочны, иногда ироничны и основываются лишь на вне-

шних наблюдениях. Сегодня они нам больше говорят о местных нравах и культуре того времени.

В первом томе своей семейной хроники „Эфемерис” сербский академик Деян Медакович цитирует карловчан, тетюшку Паву и дядюшку Раде:

„А эти русские люди действительно всколыхнули наше местечко, только-только пережившее Мировую войну. В один прекрасный день в Карловцах оказались части пораженной армии Врангеля. Нам, свидетелям развала австрийских войск и прибытия сюда их истомившихся сербских преследователей, русские показались случайными пришельцами на маневры, готовыми также внезапно возвратиться домой.

Штаб барона Врангеля расположился в старом доме „Благодеяния”, во дворе которого был установлен столб с императорским российским знаменем. Ежедневно, утром и вечером, исполнялся торжественный церемониал отдания чести флагу, а казачья музыка гремела над городком, исполняя громкие марши. Сопровождаемый свитой, представительный барон Врангель ежедневно совершал утреннюю прогулку, верхом на белом коне, пока солдаты его прилежно „экзерцировали” по окрестным холмам. Создавалось впечатление, что триумфальное возвращение войска зависит единственно от этого молчаливого долговязого человека, который, вместе со своими офицерами, не пропускал ни одной воскресной литургии в Соборном храме.

Одновременно с этим воинством появились и священники, монахи. Карловчан особенно тронул пожилой, почти неподвижный митрополит Антоний. В стуле, его толкал могучий, бородастый казак, вооруженный кинжалами.

Сербское церковное пение вмиг превзошли мощные военные и монашеские хоры, возвращая самым непримиримым скептикам - карловчанам утраченную веру в несокрушимую силу Православия.

Щеголеватые офицеры были расквартированы по лучшим домам, а балы навевали дурман на всё местечко, за одну ночь превратившееся в шумный военный табор.

Первые долги господ погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством не способных скрыть свою ошеломленность и восторг.

Единственно ценным, что осталось после этой буйственной русской солдатчины - несколько профессоров, и сегодня трудящихся в Семинарии. Все твердят, что это очень образованные люди. Пусть хоть наши поповские недотепы имеют какую - никакую пользу от русской революции! Действительно, это славные люди, только женщины у них - дрянь. По целым дням вылеживаются на кроватях и диванах, жалуясь на мигрень. Врач Обрад посмеивается - сплошная истерия, говорит. Однако мужья терпят и воркуют возле этих ипохондрических привередниц.

Русские редко ходили в дома местных жителей. Даже и в сербских храмах они чувствовали себя неловко, твердо настаивая, чтобы им дали помещение для их, русской молельни. Им пошли на встречу - отвели погреб старого дворца, плесневый и влажный, в котором патриаршие экономы хранили картофель. Очень скоро русские его пре-

вратили в храм, а многочисленные лампочки и свечи осветили его особой одухотворенной красотой. Наподобие гонимой религиозной секты, русские регулярно собирались в этом митрополичьем погребе, наполняя его мистикой, а, прежде всего - печалью по утраченной родине.

- Вот тебе и история, - не унимался дядюшка Раде, - русские сошли в старый митрополичий подвал, а рядом красуется первая резиденция карловацких митрополитов, тех, которые некогда обращались к Московскому синоду, испрашивая помощь. Из России к нам прибыли первые учителя - Суворов и Козачинский, а вот, сегодня, образованные русские богословы опускаются в этот погреб, чтобы печься о себе и о России. Такова история - внезапно всё становится эфемерным. Да, именно призрачным”.

Преподавательница гимназии Теодора Петрович более сдержана и объективна:

„Самого Врангеля как сейчас вижу. Очень высокий, необычайно тонкая талия. По карловацким улочкам шагал быстрой, мелкой походкой, в длинном казачьем кафтане (*так в оригинале!*), черного или коричневого цвета, настолько стянутым в талии, что казалось, вот-вот человек тут и сломается. Лицо его не отличалось выразительностью. Он будто бы скрывал свой взгляд от всех. На голове папаха, вроде камилавки, в верхней части более широкая, удлинённая. На ногах длинные черные сапоги из тонкой кожи, туго примыкавшие к ногам, без каблуков. Не помню, был ли при нем пояс, но перед глазами мерещится какой-то короткий, кривой меч в черных ножнах.

По Карловцам он шагал лишь в окружении членов своей семьи, шаг-два ступая впереди них. Его отец, Николай, редко появлялся в этом об-

шестве. И сам высокий, но полный, с одутловатым лицом, он тяжело передвигался. Создавалось впечатление, что с ним недавно произошел удар. И не пожил он долго. Скончался в Карловцах в 1923 году, похоронен на „Черате”, почти у самого верхнего плато кладбища, где хоронили всех скончавшихся здесь русских. Стоит упомянуть его мать, высокую, крупную женщину в летах, которая на прогулках непрерывно говорила, стараясь как можно ближе подойти к сыну, обращалась к нему одному и не переставала - будто бы всегда у нее было сообщить нечто необычайно важное. Казалось, что Врангель на ее слова не обращал внимание. Он хмурился и всё более убежал вперед. Проходя мимо врангелевской группы, карловчане останавливались, но не верю, что на них обращали внимание”.

Помимо офицеров и духовенства третью значительную группу русских в Карловцах составляла интеллигенция - преподаватели Семинарии и знаменитой Карловацкой гимназии (была открыта в 1790 году):

Преподаватели Семинарии им. Св. Саввы

Николай Акаемов (преподавал греческий и латинский языки);

Федор Федорович Балабанов (Священное Писание, патрология, философия, церковнославянский язык);

о. Василий Виноградов (Ветхий Завет);

о. Борис Волобуев (история Христианской церкви, общая история, нотное и церковное пение);

Николай Георгиевич Дориомедов (греческий, латинский язык);

о. Нил Малахов (моральное богословие, апо-

логетика, философия, логика с психологией, педагогика, церковнославянский язык);

Сергей Матвеевич Муратов (церковное пение, теория музыки);

Владимир Александрович Розов (общая история);

о. Борис Селивановский (Священное Писание, библейская история, церковно-славянский язык);

о. Иоанн Сокаль (моральное богословие);

Владимир Николаевич Халаев (русский, французский язык).

Преподаватели Сербской православной гимназии

Николай Дмитриевич Волков (рисование);

Родион Родионович Колчин (математика, география, чистописание);

Митрофан Петрович Косенко (рисование);

Владимир Семенович Курочкин (рисование);

Марианна Ниловна Малахова (рисование);

Вера Александровна Михайлова (русский язык);

Сергей Матвеевич Муратов (теория музыки, хоровое пение);

Дмитрий Сергеевич Перегордиев (история, география);

Борис Федорович Соколов (история, география);

Николай Васильевич Соколов (математика, русский язык).

Эти педагоги публиковали свои статьи и исследования в русской и сербской периодике, служили в храмах. Ф. Ф. Балабанов состоял чи-

новником Священного Синода Сербской православной церкви, В. Н. Халаев был одним из основателей Русского археологического общества в Югославии, В. А. Розов - членом Института изучения России в Белграде, художники В. С. Курочкин, М. П. Косенко, Н. Д. Волков, М. Н. Малахова создали ряд художественных произведений.

Жизнь русских в Карловцах

По свидетельству Теодоры Петрович:

„Здесь русские не общались с местным населением. У них был свой „клуб“. Собирались они в старом здании „Благодеяния“, некоторые там и жили. Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины. Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привести эту уйму книг. Не только книги, но и иконы, самовары, части мебели и множество драгоценностей, от продажи которых большая часть и жила. В те годы в Карловцах были в ходу золотые кольца, браслеты, ожерелья, кулоны, ручные часы. Всё это можно было дешево приобрести.

В среде русских не было труженников, а, помимо, осело и малое число дворян. По совести говоря, помню одну только княгиню Туманову, внешность которой сразу выдавала ее происхождение. Прожила она тут короткое время, вместе со своей компаньонкой, похожей на нее. Обе одевались роскошно, ходили в больших шляпах и с белыми кружевными зонтиками. Жили в доме покойного профессора Глиши Лазича.

В своем клубе эмигранты создали „кружки“. Там они музицировали, пели, декламировали, ставили спектакли. Среди них были талантливые и разносторонние люди. Выделялся некий полковник Чижов, всегда ходил в штатском. Пока он здесь жил вокруг него протекала и вся культурно-увеселительная жизнь Карловцев. Библиотека Русского клуба и культурная жизнь русских, в особенности хоровая песня, постепенно втянули в их круг некоторых местных жителей, которые, состоя благотворительными членами этого клуба, могли брать на прочтение книги и принимать участие в деятельности любительских кружков. В этом и состоялись единственные контакты карловчан с русскими, продолжавшиеся пока эмиграция была в сборе и содержала свой клуб, значит - всего несколько первых лет. С теми же эмигрантами, которые осели здесь надолго, контакты поддерживались как с частными лицами, но всегда оставались сдержанными. Насколько помню, здешние русские не женились и не выходили замуж. Молодых вроде бы и не было, а тех, что были можно пересчитать по пальцам. Некоторые приехали с детьми, но те учились в русских школах, вне Карловцев.

Русские царские офицеры, за исключением полковника Чижова, ходили в форме, пока она не износилась - один так и ходил до конца своей жизни, умер он года два тому назад. Пожилые женщины летом предпочитали ходить в белом - у нас это не принято.

Большая часть любила подчеркивать свое дворянское происхождение, в особенности те, кто кроме русского другого языка не знал, но наши не всё принимали на веру. Были и такие,



■ Русская молодежь в Ср. Карловцах. Фото 1925 г.

которые владели французским в совершенстве. Благодаря этим дамам, дававшим частные уроки, много карловацкой молодежи овладело французским языком, за малое денежное вознаграждение.

Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужей они видели под башмаком своих жен, а тех - ленивыми. Говорили: „те” отлеживаются, читают, командуют, а „эти” готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой”.

Русская колония в Карловцах уже с 1923 года постепенно редела. Указами генерала Врангеля высшие чины его Штаба переезжали в европейские центры русского рассеяния. В последних числах октября 1926 года Врангель окончательно покинул Сремские Карловцы и с семьей обосновался в Брюсселе, в котором неожиданно скончался 25 апреля 1928 года. По воле покойного, в октябре 1929 года его останки были перевезены в Белград и с военными почестями перезахоронены в русском храме Св. Троицы на Ташмайдане.

Князь В. А. Оболенский так описывал генерала Врангеля:

„Его высокая, стройная и гибкая фигура „джигита” в черной черкеске, его странное, удлиненное лицо с живыми, несколько волчьими глазами, произвели на меня большое впечатление. Во всем, в манере говорить, в нервных, повелительных жестах, во взгляде и голосе чувствовался сильный и волевой, решительный человек, созданный быть вождем. Неприятно поражала несуразно длинная шея, без всякого утолщения переходящая в затылок и как будто кончающаяся только на макушке. Эта шея с плоским затылком совершенно не гармонировала с умными, пронизательными глазами, придавая его облику какой-то отпечаток легкомыслия. Врангель старался с жадностью подчеркнуть не в идеях, а в самой жизни руководящие нити своей политики. Он производил впечатление и на фронте и в тылу, и к каждому своему собеседнику относился с живейшим интересом.

В трудную и ответственную минуту, когда по сделанному тогда же им признанию, у него было не более одного шанса из ста на победу над боль-

шевиками, он подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей и без определенной программы, с верой в свою интуицию и умение делать практические выводы из опыта жизни. Он ставил себе определенную цель, а средства готов был выбирать любые”.

В. В. Шульгин о генерале писал:

„Мы с ним гуляли. Мне приходилось плохо, трудно. Очень высокий, он делал гигантские шаги, я должен был поспешить, но беседовали мы довольно интересно. Всё это происходило в Сремских Карловцах. Он говорил, между прочим, что есть только два интересных занятия: война и охота. Впрочем, я знал, что когда он стал диктатором в Крыму, то его интересовала и политика. Он был подготовлен к войне потому, что был европеец и держался на равной ноге с французами и англичанами.

К своим „Запискам” Врангель относился довольно странно. Как бы в извинение их несовершенства, он мне сказал:

- Я не умею описывать природу.

Зачем было ему уметь ее описывать! Вряд ли он ее даже замечал, эту самую природу”.

Семья генерала П. Н. Врангеля

Отец генерала, барон Николай Егорович Врангель, родился в 1847 году в Петербурге, скончался в Сремских Карловцах 4 июля 1923 года и похоронен на кладбище „Черат”. Был он необычным человеком. После сурового обращения с ним отца и неудавшейся попытки лишить себя жизни, ему была предоставлена полная свобода действий. Он учился в Швейцарии, доктором философии стал в Германии, знал

с русскими марксистами, нигилистами и анархистами (М. Бакуниным), встречался с Александром Дюма, дружил и кутил с принцем Уэльским (будущим королем Эдвардом VII), отбывал воинскую повинность в лейб-гвардии Конном полку, служил в Министерстве внутренних дел, пробовался как судья, как „бизнесмен“, как директор промышленных компаний и страхового общества, перевел „Фауста“ Гете, писал драмы, был страстным коллекционером произведений искусства.

В Карловцах барон Николай Егорович Врангель окончил писать свои воспоминания („От крепостного права до большевиков,“). Они были опубликованы посмертно в Берлине, в 1924 году, а вскоре переведены на английский, французский, финский, шведский языки. Барон не питал иллюзий относительно восстановления монархии в России, но и не проявлял симпатии к социализму. Свои воспоминания он завершает на скептической ноте: „Жизнь окончена. Впереди одна смерть избавительница. Остается подвести итоги. России больше нет“.

Его супруга, баронесса Мария Дмитриевна, урожд. Дементьева-Майкова (1858-1944, Брюссель) много сил и любви отдала на ниве народного просвещения, интересовалась историей искусства. Во Вторую мировую войну работала в Красном Кресте. Воспоминания „Моя жизнь в коммунистическом раю“ охватывают период ее одинокой жизни в Петрограде в 1918-1920 годы и побег в Финляндию. Эти свидетельства пережитого рисуют истинную картину происходящего в северной столице. Воспоминания вышли в Берлине в 1922 году, опубликованы на английском, французском и немецком языках.

В 1933 году она передала в библиотеку-архив Гуверовского института в Стэнфорде (Калифорния) уникальные материалы, о которых писала так:

„После внезапной кончины мужа мне пришла мысль заняться составлением Архива о Русской Эмиграции после революции 1917 года. Цель работы: закрепить по свежим следам для будущего дела, деятелей, родные таланты, пережитое ими. Не теряю надежды, что мой маленький труд, который я делала по мере сил и умения, в который вложила всю душу, который явился моим спасителем в дни моего горестного одиночества, дал смысл моей жизни, окажется не бесцельным при возрождении нашей дорогой Родины и, быть может, принесет будущему историку злосчастной эпохи хоть маленькую пользу“.

Супруга генерала П. Н. Врангеля, Ольга Михайловна, урожд. Иваненко (1882-1968, Нью-Йорк) происходила из богатой семьи с Юга России. В военный и межвоенный периоды тоже занималась благотворительностью. В 1918 году она совершила подвиг - спасла генерала П. Н. Врангеля от расстрела в Крыму, во время расправ над офицерами бывшей императорской армии.

Прибыв в Королевство СХС, Ольга Михайловна стала почетной председателем *Комитета помощи русским воинам и их семьям на Балканах*. В особняке в районе Топчидерско Брдо в Белграде в 1922 году открыла „Здравницу“ - санаторий для лечения русских беженцев с Крыма. Материальные средства ей удавалось обеспечивать из пожертвований организаций и частных лиц из США.

В архиве карловацкого городского управления хранится заявление от 15 июня 1923 года,

согласно которому „г-жа Ольга Врангель жертвует наличными 200 динар нуждающимся сербам”. Решением короля Александра I Карагеоргиевича, после смерти генерала ей была назначена скромная пенсия.

У П. Н. Врангеля было четверо детей: Елена, Наталья, Петр и Алексей. В. В. Шульгин отмечает:

„Старшая дочь вышла замуж за какого-то богатого американца, вторая, если не ошибаюсь, стала художницей. Старший мальчик на каком-то модном пляже спас двух погибавших, мужа и жену. Никто не шевельнулся, чтобы оказать им помощь. Король Бельгийский наградил его золотой медалью”.

Трое детей генерала учились в Бельгии и в Карловцы приезжали на каникулы, дружили с детьми из русских семейств - институтками, гимназистами, кадетами русских учебных заведений в Сербии.

Блаженнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий

Для русской диаспоры Сремские Карловцы являлись одним из самых значительных церковных центров. При постоянно проявляемом внимании и уважении сестринской Сербской православной церкви, здесь нашел приют митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий; 1863-1936), первоиерарх Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ).

Н. М. Зёрнов, видный представитель экуменического направления РПЦЗ (движения, к которому митрополит Антоний относился с недоверием), представляет его так:



■ Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). Фото 1935 г.

„Невысокого роста, монументален, почти квадратен. Большая умная голова, окладистая борода, серые добрые глаза. Напоминает допетровского боярина, крепко врос корнями в русскую землю. Говорит с нарочитой откровенностью и употребляет выражения и слова, неожиданные в устах церковного иерарха.

Прирожденный лидер, он производил впечатление цельности и силы, но в действительности он находился часто на поводу окружавших его лиц. Эта двойственность его поведения происходила из-за исключительных противоречий его богатой, выдающейся личности.

Крайний консерватор в политике, он был смелый новатор в богословии.

Большой умница - он не умел разбираться в людях.

Очень добрый человек - он был несдержан на язык и резок в своих отзывах.

Проповедник больше от головы, чем от сердца, он часто прерывал свои проповеди слезами.

Ректор нескольких академий, он воспитал целое поколение ученых монахов, в то же время будучи сам дворянин старого рода, свысока смотрел на „поповичей” и часто возвращался к недостаткам русского духовенства”.

Русский всезаграничный церковный собор
1921 года

Самым значительным событием в Сремских Карловцах, связанным с историей русской эмиграции, является *Русский всезаграничный церковный собор*, состоявшийся в ноябре-декабре 1921 года. В его работе приняли участие 109 делегатов - духовенство и миряне. Работа Собора проводилась на пленарных заседаниях и по секциям. Тут были представлены все течения, образовавшиеся в РПЦЗ, но пока еще между ними не были проведены четкие границы. Некоторые из участников позднее сменили свои позиции.

Присутствующий на Соборе, Н. М. Зёрнов вспоминает:

„Идея обще-эмигрантского церковного совещания возникла у епископа Севастопольского Вениамина, человека горевшего желанием продолжить роль духовного вдохновителя Белого Движения, которую он с успехом выполнил в Крыму. Там он провозглашал генерала Врангеля спасителем России, веря, что темные силы, завладевшие Родиной, расточатся перед героическим порывом Добровольческой Армии, возрожденной духовно и нашедшей в церкви силы для своего подвига.

Противники епископа Вениамина на Соборе свою ставку делали не на разбитой Белой Армии, а на восстановлении на всероссийском престоле царя из дома Романовых. Они с недоверием относились к Главнокомандующему, опасаясь бонапартизма и либерального конституционного монархизма.

Третья же партия, которая видела будущее Церкви в ее полном отходе от идеи крестового похода для освобождения Родины и в создании своей, независимой от политических партий организации, еще не имела собственного лица в Карловцах. Своих идеологов она нашла уже позже, главным образом в среде тех религиозных мыслителей, как Булгаков, Бердяев и Федотов. На Соборе эта партия поддерживала епископа Вениамина, так как он защищал независимость церкви от желания подчинить ее всецело Высшему Монархическому Совету. Впоследствии в лице митрополита Евлогия они нашли сочувствующего им.

Победа крайних монархистов была достигнута при явном попустительстве митрополита Антония. Члены Высшего Монархического Совета прибыли на Собор хорошо сплоченной группой, с готовой программой”.



■ Участники Архиерейского Собора РПЦЗ. Ср. Карловцы, 1931 г.

Собор принял ряд постановлений, из которых самое значительное было - Призыв Собора объединиться вокруг законного представителя дома Романовых.

На первое официальное постановление Русской православной церкви во главе с Патриархом Московским и Всея Руси - Тихоном, связанное с деятельностью иерархов в зарубежье, карловац-

кий Архиерейский Собор РПЦЗ в сентябре 1922 года упразднил *Высшее русское церковное управление за границей* и в декабре 1922 года создал *Русский всезаграничный церковный собор*, а также и *Временный духовный Архиерейский Синод РПЦЗ*, ежегодно заседавший в Сремских Карловцах.

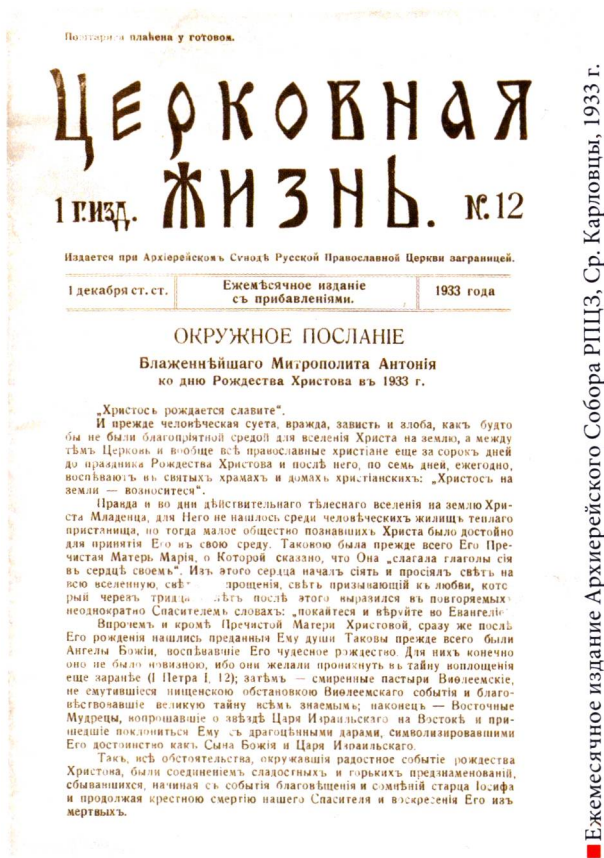
Эти заседания породили период трагической истории „Карловацкого раскола” РПЦЗ, как

и многочисленные недоразумения в сношениях с Московской Патриархией в Советской России. Митрополит Евлогий (Георгиевский) не подчинялся „Синодальной” церкви с центром в Карловцах и его Западноевропейскому экзархату, с центром в Париже (позднее под юрисдикцией Константинопольской Патриархии), и стал своеобразным центром православного духовного возрождения. С „Евлогианской церковью” связано создание в Париже известного *Сергиевского подворья* и *Богословского института*.

Церковная жизнь в Сремских Карловцах

Все те годы Канцелярия Синода РПЦЗ в Карловцах размещалась в темном помещении, в одном из углов которого сидел один прилежный администратор - Василий Иванович Огородников. Тут же размещалась и малочисленная редакция периодического официоза Русской церкви - двухнедельного журнала „Церковные Ведомости” (1922-1930; редактор Е. И. Махароблидзе), а позднее - ежемесячника „Церковная Жизнь” (1933—1939, Белград, 1940-1944; редактор граф Юрий Павлович Граббе). Постоянным сотрудником обоих изданий был Петр Сергеевич Лопухин.

С 1921 по 1937 годы в *Карловацкой монастырской типографии* на русском языке было напечатано около 20-ти книг и брошюр духовного содержания: труды митрополитов Антония и Анастасия, архиепископов курского Феофана и челябинского Гавриила, переводы трудов епископа охридского Николая (Велимировича), исследования историков С. В. Троицкого, Г. С. Лопухина, Вл. А. Маевского, врача-миссионера М. Аркадьева (М. А. Сопочко-Сырокомля).



В Сремских Карловцах, Нови-Саде и Белграде вышло много трудов митрополита Антония (собрание сочинений и его подробная биография опубликованы в США, в 17-ти томах). Этот выдающийся богослов и философ упокоился 10 августа 1936 году в Патриаршем дворце в Сремских Карловцах. Последняя панихида и погребение были совершены в склепе Иверской часовни на русском участке „Нового кладбища” в Белграде.

Все годы эмиграции помощником и келейником митрополита Антония был, по свидетельству Владислава Маевского: „простой монах Киево-Печерской лавры, без образования, но грамотный, с природным умом и дарованиями, верующий, но с хитрецей, - Феодосий (Мельник, 1890-1957), возведенный в сан архимандрита. Большого роста, крепкого сложения, весь обросший волосами, с седеющей огромной бородой и нависшими бровями, с приветливой улыбкой и остроумный, - он являл собою тип русского талантливому самородка. Искренно преданный великому авве, он во время болезни митрополита Антония был его нянькой и опорой; проявляя массу терпения, но иногда с любовью покрикивая на владыку. Митрополит не знал цены ни деньгам, ни вещам, охотно всё раздавал - и на этой почве бывали печальные недоразумения. Преданный слуга, архимандрит Феодосий, был заведующим его несложного хозяйства и оберегал интересы старца от чрезмерных покушений слишком настойчивых просителей”.

Вместе со святыми отцами Василием Виноградовым, Нилом Софинским и Борисом Волобуевым, архимандрит Феодосий служил в карловацком русском храме Рождества Пресвятой Богородицы одно время, состояя настоятелем этого храма. Скончался он в должности игумена сербского монастыря Високи-Дечани, а погребен в Белграде рядом с митрополитом Антонием.

Старейший владыка в зарубежье, митрополит Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский, 1873-1965) в 1936 году занял место первоиерарха РПЦЗ. Н. М. Зернов его описывает так:

„Худой, с аскетическим лицом и слегка выпуклыми глазами. Держит себя с большим тактом и достоинством, очень осторожен и замкнут в себе”.

Под его предводительством с 14 по 24 августа 1938 года в Карловцах был проведен Второй Всезарубежный Собор РПЦЗ с участием представителей клира и мирян (торжественное открытие состоялось в Русском доме им. императора Николая II в Белграде). В его работе приняло участие 13 архиереев, 26 священников и 58 гражданских лиц. Согласно Вл. Маевскому: „Перед Собором стояли две задачи: создать национально-духовный центр эмиграции, за невозможностью создания политического центра, и найти пути к душе русского народа, пересмотрев свои отношения к митрополиту Сергию в Советской России. Однако главная задача митрополита Анастасия сводилась к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности существующее положение вещей”.

Как и ожидалось, и на этом соборе не произошло примирение русских иерархов. После переселения Патриаршего трона и канцелярии Сербской православной церкви из Карловцев в Белград, административная жизнь Русской церкви больше была связана со столицей Королевства Югославии. В 1939 году Синод РПЦЗ тоже перебрался в Белград. Перед самым освобождением Белграда от немецких оккупантов Управление РПЦЗ (16 членов, во главе с митрополитом Анастасием) покинуло пределы страны. В последующем Центр „Карловацкой”, или „Синодальной” Русской церкви находился в Нью-Йорке.

Метрические книги о крещении, венчании и отпевании прихожан русского храма в Карловцах сохранились частично. Перед началом Вто-



■ Русский храм Рождества Пресв. Богородицы. Ср. Карловцы, 1940 г.

рой мировой войны в Карловцах проживало 32 русских. Почти все они погребены на верхнем православном кладбище „Черат”.

Статистические данные подтверждают отличительную особенность русской колонии в Карловцах. В основном это были образованные люди в годах, пережившие многие горести и невзгоды, немощные и утомленные, чтобы приняться за труд и вписаться в новую среду.

Однако были и такие, как: бывший офицер при Штабе генерала Врангеля Николай Васильевич Соколов - директор предприятия „Стражилово” А. Д. (кирпичный завод, угольные шахты, производство кислорода), был и секретарем барона Й. Раячича. Константин Александрович Политанский - собственник фотографического кабинета „Фото-ген”, Павел Николаевич Чижов - служащий управления кадастра, Михаил Васильевич



■ Свадьба П. Ф. Косоротова и Н. Н. М. Хрущевой. Ср. Карловцы, 2 июля 1929 г.

Соковнин - чиновник муниципалитета, Александр Тимофеевич Ступников и Дмитрий Федорович Ляшкевич - чиновники городской канцелярии. Николай Ильин - геодезист, Константин Владимирович Киряков и Василий Фомич Дорофеев - занимались торговлей; Анна Степановна Логинова - врачевным делом; Василий Измай-

лов - виноделием; Иван Соболевский - столярничал в мастерской „Даница”. Излюбленным местом отдыха русских в Карловцах был Дунай: купание, рыбная ловля, прогулки на лодках. Ежегодно Н. В. Соколов устраивал охоту на уток и бекасов, когда из Нови-Сада съезжалась группа русских офицеров - охотников.

Лидия Петровна Соколова

Карловчане и сегодня хорошо помнят всегда бодрую вдову Николая Васильевича Соколова, „госпожу Лидию”, которая и на своем седьмом десятке лет переплывала Дунай. Она была последней из дворянского рода Кикиных, предок которой в XVIII веке занимал высшие государственные посты и дружил с императором Петром Великим (был у него шафером на свадьбе). Мало кому известно, что в начале XX века во время проживания Кикиных в Лозанне, уроки математики Лидочке давал политический эмигрант Владимир Ильич Ульянов, их земляк из Симбирска. Брат Владимира, Дмитрий Ульянов, учился в гимназии вместе с отцом Лидии Петровны. Лишь в ноябре 1918 года, оказавшись на митинге на Красной площади в Москве, она сообразила, что Ленин был ее преподавателем. На площади они обменялись парой слов. Лидию Петровну удивило, что Владимир Ильич обратился к ней на французском языке.

А когда она жила в Крыму, недалеко от Ливадийского дворца Императора Николая II, имела удовольствие встречаться с великими князьями. Позднее, в Севастополе, познакомилась с генералом Врангелем и членами его семьи. В Карловцах, в домике, построенном Соколовыми, после Второй мировой войны хранились остатки библиотеки Штаба Главнокомандующего и библиотеки карловацкой „русской колонии”.

Василий Витальевич Шульгин

Галерея интересных жителей этого городка, связанных с политической, церковной и культур-

ной историей России XX века не была бы полной без упоминания еще одного эмигранта. Юрист по образованию, Василий Витальевич Шульгин себе и своей молодой супруге, Марии Дмитриевне, урожд. Седельниковой избрал Карловцы как тихую гавань. В России он был видным политическим деятелем: депутат Госдумы трех созывов, лидер ее правого крыла, публицист и издатель ежедневной газеты „Киевлянин”. Состоя членом Временного комитета Думы, 2 марта 1917 г. он и А. И. Гучков ездили в Псков и уговаривали Императора Николая II подписать составленный ими Акт отречения от престола в пользу брата - Великого князя Михаила Александровича. Вскоре, В. В. Шульгин принял участие в формировании Добровольческой армии на Юге России, а будучи в эмиграции объездил ряд европейских стран. В 1925-1926 г. г. он нелегально побывал в Советской России и об этом путешествии написал книгу, которая вызвала сенсацию в рядах эмиграции, в особенности после того, как стало известно, что В. В. Шульгин был под постоянным наблюдением советских органов безопасности.

В Карловцах и в течение своего проживания в Далмации, Василий Витальевич писал свои воспоминания, политические полемики и приключенческие романы. В одном из них он описал красоты природы этого края и высокое качество карловацких вин.

Здесь он с супругой прожил все годы хорватской оккупации и дождался освобождения Карловцев. В морозное утро 24 декабря 1944 года его арестовал советский солдат и препроводил в здание Ратуши - в советскую комендатуру, сдав органам СМЕРШ-а. Лояльный к любимой им Югославии, Василий Витальевич не сотрудничал с

окупантами и отказался уехать на Запад. Волею судьбы, он оказался единственным русским, вывезенным из Карловцев в СССР. Тюремный срок он отбывал во Владимире, который запрещено было покидать и после амнистии. Туда же в 1956 году к нему приехала супруга Мария Дмитриевна, жившая до того времени в Венгрии.

Жизнерадостный, в доброй памяти, он продолжал писать. Под конец жизни Василий Витальевич выступал с трибун, писал обращения к эмиграции. Его снимали в кинохрониках и в художественных картинах, он присутствовал на съездах КПСС.

На замечания историков, что ранее говорил совсем другое, старик соглашался: „Говорил, не отрекаюсь... Но вы как будто бы в данном случае отрицаете течение времени. Что же вы думаете? Долголетие... Разве оно дается для того, чтобы старик повторял слова молодого? Дожить почти до ста лет и ничему не научиться? Разве я могу сейчас, имея белую бороду, говорить, как тот Шульгин, с усиками?,,

Скончался он 15 февраля 1976 году на 99 году жизни. Будучи в эмиграции и впоследствии живя в Советском Союзе, написал около 15-ти книг, некоторые из них многократно переиздавались.

А. Б. Арсеньев

Русская колония в Нови-Саде

По численности населения (свыше 300 тыс. жителей) и как культурный центр, Нови-Сад сегодня занимает второе место в Сербии. Город был заложен в 1694 году, на левом, пологом берегу Дуная, напротив строившейся на холме

противоположного берега Петроварадинской крепости, мощного австрийского укрепления. Первыми его жителями были славяне - рыбаки, крестьяне и ремесленники, обслуживавшие гарнизон и строителей. Современное название городу было присвоено в 1748 году. За всю свою сравнительно короткую историю в Нови-Саде преобладает сербское население, но город отличается этническим и конфессиональным разнообразием. Добровольно или вследствие проводимой колонизации, на освобожденные от турок территории прибыли и обосновались немцы, венгры, евреи, словаки, греки, армяне, чехи, русины, украинцы, румыны.

Благодаря своему стратегическому положению, на торговых сухопутных и водных путях из Средней Европы в Малую Азию, Нови-Сад бурно развивается и в середине XIX века становится городом крупных землевладельцев, ремесленников, влиятельных политических деятелей и сербской прессы, учащейся молодежи и богемы - поэтов, художников, публицистов. За городом утверждается слава культурного центра сербов в Австро-Венгрии, его стали называть „сербскими Афинами”.

Сербская интеллигенция в Австро-Венгрии проявляла живой интерес к общественной и культурной жизни России. Об этом наглядно свидетельствуют сношения просветительного заведения „Матицы сербской” с петербургской Императорской Академией наук, а также публикации в „Летописи Матицы сербской” произведений Крылова, Пушкина. Видные новисадцы принимали участие в известном Славянском съезде в Москве (1867 г.). На сербских студентов сильное влияние оказывали демок-

ратические движения в России. Первый перевод на иностранный язык романа „Дым” И. С. Тургенева сделал новисадец, Илья Вучетич, переводы произведений Л. Н. Толстого публикуются здесь с 1868 года, а также первые переводы ряда сочинений А. П. Чехова и других русских классиков. (Сегодня в городе есть улицы Невского, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Островского, Чернышевского, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чайковского, Чехова, Есенина, Горького, Мичурина, Гагарина.)

Окончание Первой мировой войны и вхождение (в 1918 году) южнославянских народов в Королевство сербов, хорватов и словенцев, сопровождаемое присоединением к нему обломков южных территорий развалившейся Австро-Венгерской империи, - оставили неизгладимый след в истории Нови-Сада, насчитывавшего в то время всего 30 тыс. жителей.

Среди многочисленных русских колоний в Югославии одной из самых значительных была новисадская. Она внесла новую культурную ноту, обогатившую западнический дух этого города. Уютная жизнь в многонациональной среде, близость столицы и соседство со Сремски-Карловцами (в этом городке на Дунае разместились чины Штаба Главнокомандующего Русской армией ген. П. Н. Врангеля и Святой Синод с канцелярией Русской православной церкви за границей), - способствовали тому, что Нови-Сад оказался привлекательным местом для временного проживания русских беженцев. Корреспондент белградской русской газеты в мае 1920 года о Нови-Саде писал: „Вообще, район в котором находится „купатило” (ванные минеральные воды) особенно привлекательный. Вся эта часть



■ Поздравительная грамота колонии русских беженцев Нови-Сада купцу Владимиру Стефановичу, по случаю его семейного праздника, 1922 г.

города напоминает не то небольшой немецкий курортный город, не то наше Царское Село”.

В Нови-Саде и его окрестностях поселилось около 2-х тыс. беженцев из России. Весной 1920 года в Нови-Саде был создан *Комитет по оказанию помощи русским беженцам*. Его возглавил сербский адвокат Коста Хаджи. Деятельными членами этого комитета были: владелец продуктового магазина Влада Стефанович, управляющий Городским госпиталем, врач Джура

Трифкович и семья типографа и книготорговца Ивковича. В мае 1921 года местная газета „Застава” отмечала: „Условия жизни русских в Нови-Саде весьма затруднительны, если учесть, что в большинстве это высокообразованные люди, которые не могут найти себе службу, соответствующую их профессии и интересам”.

Прибывшие русские ожидали падения большевиков и лелеяли надежду на свое скорое возвращение на родину. Однако, положение Советской России в мире укрепилось, признанием ее со стороны великих держав.

В Нови-Саде свое пристанище нашли казаки (преимущественно кубанские), военные инвалиды, офицеры, интеллигенция и дворяне. Тут оказались графы Толстые, Воронцовы, Бобринские, Канкрины, Уваровы, князья Волконские, Гагарины, Голицыны, Коморовские, Трубецкие, известные дворянские роды - Апухтины, Бибиковы, Васильчиковы, Гончаровы, Державины, Дашковы, Елагины, Игнатевы, Куракины, Ковалевские, Кикины, Миловидовы, Новосильцевы, Оленины, Орловы, Раевские, Родзянко, Румянцевы, Савельевы, Соловьевы, Сперанские, Таракановы, Третьяковы, Хитровы, Чернышевы, Шишкины.

Первым председателем новисадской русской колонией стал юрист Геронтий Гаврилович Харченко (бывший крупный владелец сахарных и конных заводов на юге России), вслед за ним - генерал-майор Диодор Николаевич Черноярков (воспитатель сербского королевича Александра Карагеоргиевича в Пажемском корпусе в Петербурге), затем действительный статский советник Аркадий Ипполитович Келеповский (бывший чиновник особых поручений при вел. кн. Сер-

гее Александровиче в Москве), гвардии полковник Владимир Юстинович Чаплиц и ген.-май. Кубанского казачьего войска Федор Владимирович Данилов.

В феврале 1922 года в городе был создан *Русский православный церковный приход*. Богослужения проводились в сербском Николаевском храме и в часовне Св. Василия Великого (на втором этаже Епархиального дома). Настоятелями прихода состояли протоиереи Федор Синькевич, Нил Малахов, Сергей Самсониевский. Служили при храме и священники Борис Селивановский, Иоанн Сокаль, Владимир Родзянко, Василий Колубаев и др. В период с 1922 по 1955 годы церковными старостами были д-р Г. Г. Харченко, полковник М. М. Бузинов, инженер Г. Б. Броневский и адвокат С. П. Метельский. Многолетнее стремление построить в городе русский храм не осуществилось, хотя перед самой Второй мировой войной городом был выделены земельный участок и средства, разработан проект храма.

Любопытные данные приведены в сохранившихся метрических книгах этого прихода. В период между войнами было крещено 124 ребенка, зарегистрировано 226 церковных браков (их них - 40 % смешанных), похоронено 225 россиян, преимущественно на „Русском участке” Успенского кладбища (всего в Нови-Саде скончалось около 850 русских).

Вскоре после прибытия первых русских в городе было создано *Русско-сербское благотворительное общество*, при почетном председательстве сербского епископа Иринея Чирича. Председательницей общества состояла г-жа Зорка, супруга врача М. Продановича, а членами - г-жи Юлка

Попович, София Француски, София Хаджи, графини Уварова и Коморовская, княгиня Волконская, Ю.И. Мариюшкина, Л. Г. Курочкина, Е. П. Тихомирова и др. *Русско-сербский дамский комитет* устраивал благотворительные чаепития. В городе открылись шестимесячные строительные курсы, русские комиссионные магазины и столовые. В 1921 году возникли курсы кройки и шитья, руководительницей которых была графиня София Николаевна Толстая (урожд. Философова). В середине 1922 года создано *Русское общество распространения национальной и патриотической литературы*, а в ноябре 1922 года - *Русский национальный кружок*. Кроме этого в Нови-Саде существовали еще *Русский кружок любителей искусств*, *Русский Красный крест*, *Русское певческое общество* Василия Григорьева, *Балалаечный оркестр* Владимира Черноярова, *Хор трубачей и джигиты Новисадской кубанской станицы*, великолепный церковный хор. Спортивное общество национальной ориентации „Русский сокол” устраивало различные мероприятия - лекции, концерты, спектакли, балы.

В Нови-Саде и его окрестностях проживало около 30-ти генералов и 120 полковников Царской армии. Они создали свои объединения и кружки, имеющие политическую окраску, прежде всего монархической, правой ориентации: *Новисадский национально-монархический союз* (граф В. А. Бобринский), *Русский освободительный комитет* (С. Ф. Шульгин), *Новисадское русское правление верноподанных престолу*, *Общество офицеров Генштаба* (полковник А. Л. Мариюшкин), *Новисадский отдел общества русских офицеров в Королевстве СХС* (ген.-лейт. А. Н. Розеншильд фон Паулин), *Новисадский отдел Об-*

щества галлиполищцев (полковник Д. М. Краснописцев), филиалы: *Объединения русских военных инвалидов* (полковник А. Н. Сорочинский), *Корпуса Императорской Армии и Флота* (ген.-лейт. К. В. Апухтин), *РОВОС-а* (ген.-май. А. Н. Черепов), *Лиги Теодора Обера по борьбе с Третьим Интернационалом* (бывший член Госдумы Н. И. Антонов), *Русского военно-научного института* (ген.-май. М. М. Георгиевич) и т. д. Со временем, эти организации распались.

В 20-е годы XX века Нови-Сад являлся важнейшим авиационным центром страны. В военную и гражданскую авиацию было принято свыше 30-ти русских летчиков, инструкторов, авиамехаников, радиотехников, авиаинструкторов. Своей службой гостеприимной стране особо выделялись военные летчики К. Н. Антонов, А. А. Кованько, Н. А. Кутейников, С. М. Урвачев, инженер А. Н. Веденяпин. Широкая деятельность развило *Общество офицеров русского военно-воздушного флота в Королевстве СХС*, центром которого был Нови-Сад. Бессменным его председателем являлся генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев, бывший начальник авиации при Главнокомандующем Русской армией. Общество имело библиотеку иностранной периодики, внимательно следило за мировыми достижениями в авиастроении, издавало свой журнал „Наша стихия” и сотрудничало с югославскими журналами по авиации.

В городе существовал *Русский детский сад* (под руководством О. И. Бунаковой), а в период с 1921 по 1938 гг. - *Русское реальное училище Союза городов*, директорами которого были Вера Федоровна Шкинская, а некоторое время - Сергей Рудольфович Минцлов, известный писатель



■ Русская начальная школа в Нови-Саде. Фото 1934 г.

исторических романов, этнограф и библиофил. Некоторые из русских детей поступали в сербские государственные школы. Для них Правление русской колонии ввело двухлетние воскресные курсы по национальным предметам - русской словесности и истории. Большинство юношей и девушек учились в русских кадетских корпусах, девичьих институтах и русских гимназиях, действующих в других городах страны.

Сплоченные в своих объединениях, новисадские русские оставили заметный след в общественной и культурной жизни города. Благодаря инициативам русских, здесь возникают шахматные и теннисные клубы, дамские косметические салоны, курсы верховой езды, устраиваются выставки. Шахматист Николай Степанович Кулжинский в течение ряда лет был чемпионом Нови-Сада. Концертные выступления русских

оперных певцов сыграли определяющую роль в создании местной оперной труппы. Основу ее составляли бывшие солисты оперных театров Москвы, Петербурга, Одессы, Киева, Варшавы и Тифлиса. Оперный хор состоял из рус-

нова. Е. Е. Боден-Боден являлся дирижером местного духового оркестра „Сокольские фанфары”, а регентом прославленного хора „Невен” - П. А. Фигуровский. Прибывшие после Второй мировой войны из Белграда, в новисадском театре



■ Поликлиника в Нови-Саде. Архитектор Ю. Н. Шретер, 1923-1925 гг.

ских певцов. Дирижерами были Петр Иванович Колпиков и Федор Петрович Селинский. Музыкальные и драматические спектакли в местном театре ставили Е. С. Марьяшеч, Я. О. Шувалов, Н. Н. Архипова, А. А. Верещагин, А. Лескова-Верещагина, Л. В. Мансветова, А. Д. Сибиряков и др. Супруги Н. Н. Архипова и Н. С. Баранов основали частную школу вокала. Музыкальными педагогами были и Е. С. Марьяшеч, О. К. Молча-

работали Марина Михайловна Оленина (основатель Новисадского балета, в 1950 г.) и режиссер Юрий Львович Ракитин (актер МХТ-а, ассистент Вс. Мейерхольда в Петербурге).

В новисадских гимназиях преподавало около двух десятков русских преподавателей. Частные уроки иностранных языков и игры на фортепьяно давали княгиня Волконская, княгиня Долгорукая, Черноярва, Хитрово, Миревич,



■ Офицерский дом в Нови-Саде. Архитектор Ю.Н. Шретер, 1923-1926 гг.

Тельнова, Чеснокова и др. Художник Владимир Семенович Курочкин, выпускник Московской Академии художеств, вел курсы рисования и технического черчения. По его эскизам были выполнены витражи на окнах Николаевского храма. Им написаны и ряд икон для часовни в Епархиальном доме.

В 1920-е годы особое место среди русских инженеров и техников в новисадском Управлении строительными работами занимали два выпускника архитектурного отделения Инсти-

тута гражданских инженеров императора Николая I в Петербурге - Константин Петрович Паризо де ла Валетт (1877-1940) и Юрий Николаевич Шретер (1888-1976). Работая вместе или отдельно, по их проектам в Нови-Саде были реализованы первые послевоенные объекты гражданского строительства. Своим парадным видом они ознаменовали эпоху формирования нового государства. Это были годы становления муниципального строительства, градостроительных разработок и поисков эстетических

критериев комплексной застройки новых городских кварталов. Основные работы этих архитекторов: Здание Управления строительными работами, Поликлиника, Офицерский дом, Палата семьи Джукич, „Дом с львиными головами”, ряд жилых домов и вилл. Классическая „русская нота”, прозвучавшая в Нови-Саде после отмирания пышного венгерского модерна и еще не набравшего силу громкого „марша” конструктивизма и холодного функционализма, представляла собой оригинальный лирический этап. Русские люди, осевшие в этом городе, воспринимали творчество архитекторов Паризо де ла Валетта и Шретера как ностальгическое напоминание о величии императорской России. Представительный Офицерский дом на набережной Дуная напоминал им дворцы в пригородах Петербурга. Неудивительно, что в этом особняке русские любили устраивать свои балы, концерты, литературные вечера, ставить театральные спектакли.

Под руководством известного профессора Дмитрия Федоровича Конева в Нови-Саде был построен бактериологический „Институт Пастера”.

Между двумя мировыми войнами Нови-Сад был видным издательским центром русской диаспоры в Европе. Уже в 1920 году здесь возникло Издательство братьев Георгия и Сергея Грузинцевых. Помимо книг на русском языке, оно выпустило свыше 70-ти брошюр „Библиотеки русской литературы” - переводы повестей и рассказов русских классиков. С 1922 года в городе действовала Русская типография и книгоиздательство „Святослав” Михаила Григорьевича Ковалева, а в период с 1924 по 1943 гг. - Русская

+
Репертоар певачице Руске Опере А. Дорџан.

РУСКЕ ПЕСМЕ

Песма „Угар Купец”



Ана Дорџан

ИЗДАЊЕ:
БРАЋЕ ГРУЗИНЦЕВИХ,
БЕОГРАД 1920. НОВИ САД

ЦЕНА: 2 ДИН. ЦЕНА: 8 КР.

Ана Дорџан

■ Нотное издание Книгоиздательства братьев Грузинцевых. Нови-Сад, 1920 г.

типография Сергея Фомича Филонова. Из этой типографии во все страны российского рассеяния рассылалась духовная и художественная литература, газеты, журналы, учебники, мемуары, юбилейные памятки. Эта типография занимала первое место по количеству напечатанных русских книг в Королевстве Югославии.



■ Русская интеллигенция в Нови-Саде: М. А. Соловьев, Д. М. Ротов, М. М. Сердюков, В. Ф. Григорьев, М. С. Чернцов. Сидят: М. С. Хитрово, А. А. Сердюкова, отец Сергей Самсониевский, Д. В. Скрынченко. Фото 1932 г.

Новисадское отделение „Русской матицы” было основано в апреле 1925 года и являлось одним из самых деятельных отделений этой культурно-просветительной организации („Русская матица” создана в 1924 году в Любляне). Оно устраивало курсы обучения русскому языку, проводило торжественные заседания, приуроченные к юбилейным датам, организовывало публичные лекции (и

на сербском языке), ставило спектакли, соорудило памятники-склепы на могилах скончавшихся здесь российских военнопленных 1915-1918 годов. Библиотека „Русской матицы” в Нови-Саде к 1941 году насчитывала более 7 тыс. книг, выписывала периодику из ряда стран Европы. Новисадское отделение выпустило в свет несколько публикаций: сборник „Благовест”, книги для детей и юношес-

тва, сборник стихотворений, финансировало издание на сербском языке воспоминаний бывшего австро-венгерского пленного, возвратившегося из Советской России в 30-е годы. Председателями „Русской матицы” в Нови-Саде были публицисты и литераторы, преподаватели сербских гимназий - Александра Анатольевна Розеншильд фон Паулин и Дмитрий Васильевич Скрынченко.

В межвоенный период свыше 20-ти русских эмигрантов, проживавших в Югославии, являлись сотрудниками новисадского журнала „Летопис Матице српске”. Они опубликовали около двух сотен очерков, рецензий, статей и воспоминаний, преимущественно по вопросам славянских культур, литературоведению, социологии, праву.

Новисадская русская колония жила сплоченно. Непримиемые между собой идеологические и политические течения первых лет не оставили длительный и заметный след. Оказавшись на периферии европейских событий, враждебная к Советскому Союзу, она прежде всего была ориентирована на идеализацию прошлого и сохранение традиций.

С оккупацией Нови-Сада со стороны фашистской Венгрии, юридическое и материальное положение русских не изменилось. Их и далее считали русскими эмигрантами, несмотря на то, что за все эти годы сравнительно небольшое число русских приняло югославское подданство. В имевшем место геноциде со стороны венгерских оккупантов над новисадскими сербами и евреями, проводимом зимой 1942 года, пострадали и русские эмигранты.

Самый многочисленный отток русских из Нови-Сада последовал осенью 1944 года в пери-



■ Печати организаций русской колонии в Нови-Саде.

од наступления Красной армии и освобождения территории Югославии. Около 50 % русских оказалось в лагерях союзников „Ди-Пи” в Австрии и Германии, из которых они постепенно переезжали в другие страны. Часть русских, принявших советское гражданство в 1945-1947 гг., после ухудшения государственных отношений СССР и ФНРЮ были изгнаны в Венгрию и Болгарию. Позднее, редко кому из желающих удалось оттуда „возвратиться”, а те, кто сумел, уезжал не в Рос-

сию, а в отдаленные от Европы государства. Одновременно, вплоть до середины 50-х годов, продолжалось выселение русских семейств на Запад, уже людей, имевших югославское гражданство. Они уезжали по приглашению своих родственников и знакомых - сначала в лагерь „Сан-Сабо” в Триесте (Италия), а затем за океан.

К концу 50-х годов был упразднен *Русский православный приход св. Василия Великого*, последняя общественная организация русских в этом городе. К этому времени русских в Нови-Саде осталось совсем мало. Постепенно пустели дома, в которых некогда с песней и блинами отмечалась русская Масленица. На семейных вечеринках годами уже не слышно звуков балалайки и гитары, а сохранившиеся самовары утратили свое настоящее предназначение.

Молодое поколение, главным образом из смешанных браков, ныне полностью ассимилировалось, русским языком как родным практически не владеет. По переписи населения 2001 года, в городе проживало 156 русских, преимущественно второе и третье поколение эмигрантов из России. В это число входит и пара десятков поселившихся здесь граждан СССР-РФ. На сегодняшний день среди русских, кто родился до 1917 года в императорской России, в живых никого не осталось.

Л. Б. Арсеньев

Русская колония в Панчево

Панчево - промышленно развитый город, расположенный в 20-ти километрах от Белграда, в устье рек Тамиш и Дунай, уже с 1919 года становится значительным центром русской эмиг-

рации. По переписи населения, в 1920 году в этом городе проживало 11.045 сербов, 8.000 немцев, 1.300 русских, 300 венгров, 300 цыган и 60 словаков.

Первые русские прибыли в Панчево 20 июня 1919 года, большинство - офицерского звания. На следующий день появилось еще 12, а в феврале 1920 года - 750. Новая партия, 110 беженцев с Крыма, приехала 10 января 1921 года.

Таким образом, в городе возникла значительная „русская колония”, по устройству подобная многим в других городах страны, она имела свое Правление, председателя, секретаря, Ревизионную комиссию. Правление заботилось о сборе материальной помощи, вело учет членов колонии, распределяло месячные пособия, поддерживало связь с местными и центральными органами власти, предоставляло требуемые от него данные о беженцах. Колония имела свою библиотеку (сегодня она хранится в Городской библиотеке Панчева). Первым председателем панчевской колонии был генерал Чекмарев, с 1923 года - генерал Лехович. В первые же годы русские в Панчево открыли свою столовую, пекарню, продуктовую лавку и „Русский дом”.

Вопросами русских беженцев в городе занимался ряд обществ.

Городской комитет („Месни одбор,“) *помощи русским беженцам* был основан в первые дни прибытия русских в Панчево. Его председательницей была сербка Елизавета Теодорович.

Русско-сербский комитет, созданный в январе 1921 года, в основном занимался устройством беженцев по квартирам, устраивал лекции и благотворительные вечеринки, пополняя *Фонд помощи русским*.



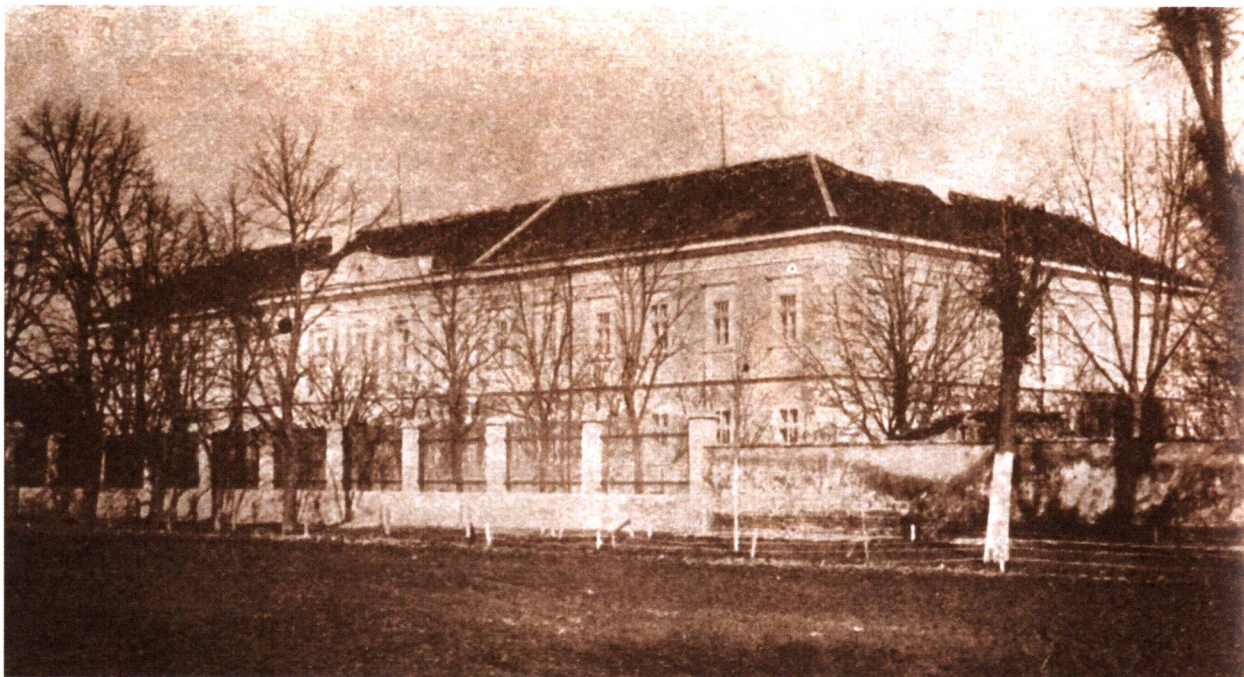
■ Первый год жизни русских беженцев в Панчево. Фото 1921 г.

Общество русских военных инвалидов было создано в ноябре 1921 года. Председателем был полковник Трагер.

Общество русских офицеров, во главе с генералом Черныховым, в 1922 году имело 200 членов.

В октябре 1922 года русские женщины с благотворительными целями основали *Маршинское русское сестричество*. С 1922 года при русской колонии, под высоким покровительством

Ее Высочества княгини Елены Петровны Романовой, сестры короля Александра, основан *Детский фонд*. С августа 1920 года в городе функционировали *детский сад* (49 детей), *Начальная школа* (с подготовительными классами). В 20-е годы директором детского сада была Альма Павловна Сысовская. С 1921/22 учебного года в Панчево действовала и *Русская гимназия Всероссийского союза городов*, директором которой был Вячеслав Митрофанович Лященко.



■ Здание Русского санатория-госпиталя в Панчево. Фото 1920 г.

Короткое время в Панчево был расквартирован русский кадетский корпус (как сводный из Киевского и Полоцкого), эвакуировавшийся из Одессы. Два его эшелона прибыли в Панчево в феврале-марте 1920 года, всего 223 кадета с персоналом. Российский военный атташе в Белграде, генерал В. А. Артамонов директором этого корпуса назначил генерал-лейтенанта Бориса Викторовича Адамовича, в июне 1920 года корпус из Панчево был переведен в Сараево.

Русско-югославское объединение, было создано в Панчево в 1933 году, по предложению серба, Петра Баряктаревича, директора мужского реального училища. В 1934 году возникло *Русское общество взаимопомощи*. Его основателем

был Александр Расин, и. о. председателя - Сергей Мошин, а вторым председателем - Владимир Побиванец.

В городе были и две казачьи организации: *Панчевская казачья группа* (атаман - полковник Г Дьячевский) и *Панчевская вольно-казачья станция* (атаман - Р. Евсюков). Следует также упомянуть отделение *Союза русских офицеров участников Корниловского похода*, панчевский отдел *Русского сокола*, *Родительский комитет*, *Попечительский совет*, *Монархическое объединение*, *Союз трудящихся*, филиал *Российского общества Красного креста*, *Русский дом престарелых*.

Однако, самой значимой для „Русского Панчево”, и всей эмиграции в Сербии, была Русская

■ Икона Св.Николая Чудотворца и Св. Князя Александра Невского – в память убиенных монархов в 1918 и 1934 гг. Художник Г.М Семенов. Панчево, 1935 г.



больница - *Госпиталь-санаторий Российского общества Красного креста в Панчево.*

Под названием *Русский санаторий*, больница открылась 10 марта 1920 года, в связи с прибывшей с Крыма большой партии русских беженцев, среди которых были врачи и больные тифом. Местные власти предложили русской колонии пользоваться пустым зданием бывшей австро-венгерской больницы. На скромные средства, выделенные представителями российского правительства в Королевстве СХС, был проведен необходимый ремонт здания и обеспечены средства на пропитание больных. Первый персонал состоял из трех врачей (Белоусов, Смирнов, Рачковский) и четырех сестер милосердия. Вскоре больница стала содержаться на средства Российского Красного креста (присылаемые из его Центрального управления в Париже). В 30-е годы она стала именоваться так: *Русский санаторий Красного креста им. Короля-Рыцаря Александра I - Объединителя в Панчево.*

Весьма быстро этот госпиталь стал пополняться опытными кадрами - хирургами и медсестрами, а также современной аппаратурой, и уже в конце 20-х годов считался одним из самых престижных хирургических госпиталей в стране. Он оказывал медицинские услуги не только русским эмигрантам, но и местному населению.

Первым начальником госпиталя стал д-р Иван Афанасьевич Белоусов, затем его сменяли д-р Владимир Александрович Воронежский, д-р Владимир Александрович Левицкий (первый заведующий хирургическим отделением). Позднее, мужским хирургическим отделением заведовал д-р Федор Семенович Пельцер, а женским - д-р Александр Сергеевич Мандрусов, терапев-

тическим - д-р В. А. Воронежский, лабораторией - д-р Михаил Павлович Метальников.

В 30-е годы Панчевский госпиталь располагал 110 койками, более половины из которых были бесплатными. В нем имелись хирургическое, терапевтическое, гинекологическое и акушерское отделения, три операционных зала, перевязочная, родильная, лаборатория, аптека, амбулатория с рентгеновским, светолечебным, кабинетами.

При госпитале была домовая церковь Святого Николая Мирликийского Чудотворца, которую посещали и русские местной колонии. Настоятелем храма состоял протоиерей Петр Голубятников.

За первых десять лет, через госпиталь прошло около 10-ти тыс. больных, проведено около 6-ти тыс. сложных и 2,8 тыс. обычных операций, проведено свыше 24 тыс. лабораторных анализов, родилось 911 детей.

Госпиталь-санаторий работал во время Второй мировой войны, до октября 1944 года, когда был преобразован в больницу для легко раненных бойцов Красной армии. Ею заведовала майор медслужбы Красной армии д-р Елизавета Беркович-Матвеева (до лета 1945 года). Сама больница была расформирована в конце января 1946 года, а здание отдано под казарму.

В Русском госпитале лечились русские из всех районов страны; некоторые из них умирали, и здесь же были похоронены. В сохранившихся метрических книгах русского православного прихода в Панчево, с 1920 по 1957 год зарегистрировано 1.060 имен скончавшихся русских и похороненных на местном Православном кладбище. Упокоение тут нашли архиепископ Че-

лябинский и Новотроицкий Гавриил (Чепур; 1888-1933); комендант крепости Порт-Артур, генерал-лейтенант Константин Николаевич Смирнов (1854-1930); сенатор, генерал-лейтенант Евгений Константинович Климович (1872-1930); участники Сербско-турецкой войны - генерал от кавалерии Николай Иванович Лазарев (1856-1924) и генерал-майор Михаил Григорьевич Богушевский (1855-1936); Московский городской голова Михаил Васильевич Челноков (1863-1935); театральные режиссер Борис Владимирович Путья (1872-1925), журналист Борис Алексеевич Суворин (1897-1940); граф Владимир Владимирович Мусин-Пушкин (1870-1923); княгиня Валентина Павловна Шаховская, урожд. княжна Гагарина (1866-1933); баронесса Антонина Васильевна Фиркс (1878-1926); князь Григорий Григорьевич Гагарин (1866-1924); барон Александр Александрович Менгден (1878-1928) и др.

В Панчево некоторое время проживали: Михаил Владимирович Родзянко, председатель III и IV Государственной думы; Сергей Михайлович Немчинов, правый эсер, командир отряда, сопровождавшего из Царского Села в Тобольск отрекшегося от престола императора Николая II с семьей, а из младшего поколения - известные ученые, литераторы и поэты русского зарубежья: Юрий Викторович Офросимов, Владимир Алексеевич Мошин, Екатерина Леонидовна Таубер, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, Константин Константинович Халафов.

Видный вклад в культурную и хозяйственную жизнь города дали русские - местные и приезжавшие из Белграда - певцы, музыканты, художники, актеры, профессора-лекторы, миссионеры, духовенство. *Французскую школу* в Пан-

чево основала Елена Николаевна Спиридонова. Русские в Панчево были самыми деятельными членами *Французского клуба*. В сербских средних учебных заведениях преподавало около 20-ти русских, в городских учреждениях трудились русские юристы, инженеры.

Среди русских, в Панчево родились: белградская художница Ольга Васильевна Иваницкая, югославский политический „диссидент № 2”, публицист Михаил Николаевич Михайлов, актриса и литератор Екатерина Тимофеевна Сиденко-Попович, вице-президент Международного общества по изучению творчества Достоевского, проф. Алексей Николаевич Гедройц.

В 1948 году в Панчево проживало 30.516 жителей, среди них - 415 русских. В 1961 году в городе их было 212, в 1971 году - 148, в 1981 году - 77, в 1991 году - 67, в 2002 году - 48. Ныне проживаемые в городе Успенские, Орловы, Чернышевские, Паталовы, Мордвиновы, Стукало, Сусловы являются потомками русских беженцев-эмигрантов.

Н. Палибрк-Сукич

Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде, Зреняние)

Жизнь русских в банатском городе Великого Бечкерека (в 1934 году переименованного в Петровград, а в 1945 году - в Зреняние) подробно описал в своей книге Борис Леонидович Павлов, родившийся и скончавшийся в этом городе. Приведем пару фрагментов из его книги, отражающих быт русской колонии, насчитывавшей в 20-30-е годы 500-600 русских:



■ Группа русских беженцев. Элемир, 1921 г.

Первым местом, где еще в 1920 году в Великом Бечкереке собирались эмигранты, было здание „Регаты” - клуба гребного спорта. В тенистом парке вокруг дома были поставлены столики, за которыми встречались первые беженцы. Главным образом, это были временные обитатели дворца помещика Бобора в деревне Элемир. Первый русский уголок не просуществовал долго: частые дожди и разлив реки Бегей помешали обосноваться на этом месте.

Позже центр русской колонии находился в помещении кофейни „Кригер”. Помещения оплачивались ежемесячно. Кроме канцелярии, при этом доме были кухня, столовая и церковь с подвижным алтарем. Первыми председателями колонии были Владимир Стороженко и полковник Угринович, а должность секретаря занимали Ильинский и Скоробогатов. Богослужения в одном из помещений кофейни совершал протоиерей Владимир Востоков, а русская частная

библиотека Климентовых являлась ростком будущей культурной деятельности колонии.

Помещения дома были открыты целый день. Особенно шумно и многолюдно было вечером, когда после ужина и вечернего чая члены колонии обсуждали события прошедшего дня и делились свежими впечатлениями. Это было время, когда в Сибири еще шла борьба с красными и скудные вести возбуждали настороженных людей. Многие тяжело переживали эмиграцию. Немало родных и близких осталось по ту сторону границы. Известия от них не доходили до беженцев. Некоторые неженатые покинули общежитие в Великом Бечкереке и подали заявления о возврате в Советскую Россию. Дальнейшая судьба этих людей неизвестна. Оставшихся ожидала новая жизнь. Совершались браки, рождались первые дети на чужбине, прибывали новые, а старые члены колонии переезжали в другие города. Постепенно жизнь входила в свою колею.

В Бечкереке нашли приют русские дворяне, врачи, инженеры, педагоги, юристы, художники, духовенство, торговцы, казаки, военные.

В 30-е годы город отвел русской колонии новое место для встреч, совсем близко от мэрии. Это были помещения бывшей турецкой тюрьмы „Мункач“. Солидная постройка возвышалась над подвалом, где была устроена церковь. С улицы вели ступеньки на верхний этаж с шестью комнатами: комнатка библиотеки, комната, где была сцена и школа, большая комната - столовая, входная комната (раздевалка), сокольская комната и квартира прислуги. Кроме того, там же располагался большой подвал для дров, чулан и др. Русскому дому принадлежал садик и теннисная площадка. За услуги пользования всеми эти-

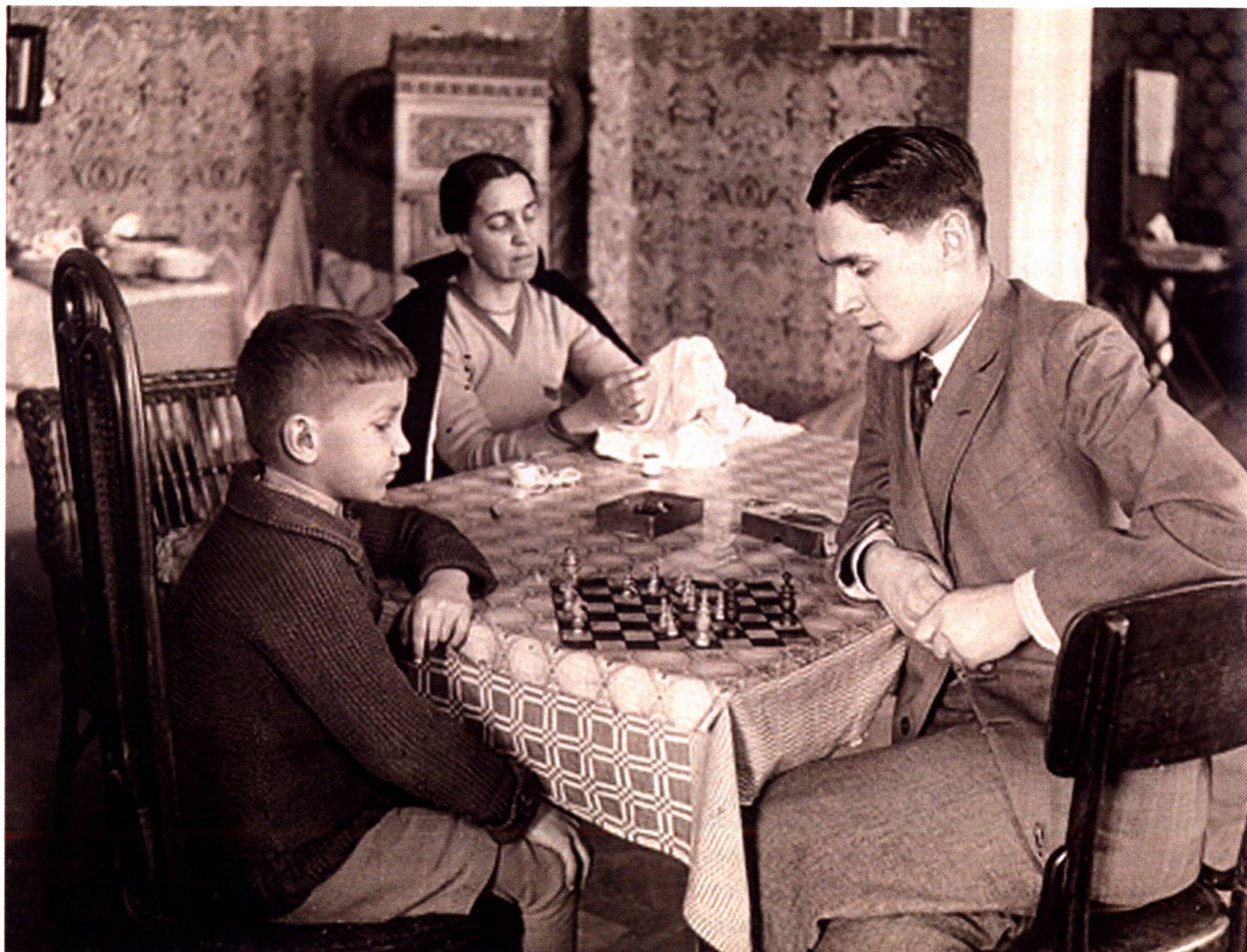
ми помещениями русская колония в Бечкереке-Петровграде платила всего один динар в год.

В большой комнате-приемной, кроме буфета, находились столики, за которыми велись беседы, читались газеты. Стены были увешаны фотографиями вождей белого движения, портретами Государя и югославского короля Александра. При необходимости открывались большие двери между этой комнатой и театральным помещением, и всё превращалось в большой зал. В углу комнаты стояло радио. Во входном помещении стоял стол для игры в пинг-понг, а на стенах висели доски для объявлений.

Под руководством церковного старосты Федоровского, в подвальном помещении проведены работы по переустройству под храм бывших казематов тюрьмы. В адаптационных работах приняли участие почти все члены колонии. Иконы на иконостасе писал Афанасий Иванович Шелоумов, полелей соорудил Сергей Иванович Шереметинский, „Тайная вечеря“ написана рукой генерала Алексея Шестакова.

Таким образом в сырых подвалах бывшей тюрьмы, где угасала жизнь многих узников и где стены были пропитаны людскими страданиями, возник русский православный храм Св. Архистратига Михаила. Первое богослужение в новом храме совершено 7 декабря 1929 года. Кроме церковных песнопений в храме, русский хор давал замечательные концерты, на которых исполнял и светскую музыку. В первой половине дня хор пел на литургии в местном храме, а вечером давал концерты, на которых хористы были одеты в русские народные костюмы.

Русский дом располагал небольшим садиком со столиками и скамейками, площадкой для де-



■ Александр Семенович Панчулидзе, Мария Александровна Беэр и Алеша Беэр. Элемир, 1929 г.

тских развлечений. Все эти скромные, но уютные помещения представляли собой уголок русской жизни.

Жизнь русских протекала в среде и среди представителей многих народов этого города (сербов, венгров, немцев, евреев...), но они не

забыли свой долг воспитания нового поколения в русском духе и своим долгом считали беречь русские обычаи и традиции.

Особенно ярко это выражалось в праздновании светлых праздников Рождества Христова и Святой Пасхи. Старожилы города на Бегее пом-

нят красочную картину шествия русских верующих с зажженными свечами по улицам после всенощной Великого Четверга. Помнят и крестный ход вокруг парка с песнопением „Христос воскрес из мертвых”. Величаво выглядели древние стены Русского дома с ярко горящими плашками. Никто из прихожан Русской церкви в Бечкереке не забудет заутреню, которую так торжественно и одухотворенно служил отец Владимир. Его выход из царских врат с возгласом „Христос воскрес!” вызывал восторг и слезы. Накануне Пасхи готовили куличи, сырные пасхи и красили яйца, а во время Масленицы - блины. На Рождество Дамский комитет и общество „Русский сокол” устраивали традиционную „Елку”. Украшался зал, строились киоски для разных развлечений, позднее начиналась программа для детей. Самые молодые входили в зал с разноцветными фонариками в руках. Свет в зале был потушен, а роскошная большая елка в середине горела свечами. Начинался хоровод вокруг елки с песней, после чего священник с детьми пел тропарь „Рождество Твое, Христе Боже наш”. Самым замечательным моментом было появление Деда Мороза. Он являлся в зал, таща за собой санки, а на спине нес большую корзину с подарками. Собранным вокруг малышам он задавал разные вопросы и раздавал подарки.

Вечером в зале появлялась молодежь и старшие. Кругом стояли столики, пили крушон, шла лотерея, веселая почта и начинались танцы до утра. Среди молодежи выделялись кадеты и гимназистки, приезжавшие домой на каникулы. Кроме этих празднований, члены бечкерекской колонии отмечали свои именины и детские дни рождения.

Квартиры русских эмигрантов были скромно обставлены, но уютные. Входя в комнату, прищельцу бросались в глаза образа в углу, картины местного художника Шелоумова, портреты Государя и, очень часто, семиструнная гитара или балалайка на стене. Во многих домах на столах стояли самовары, неразлучно связанные с судьбой их обладателей. В первые годы военные чины ходили в форме. Некоторые из них (генерал Шпаковский, Дубяго и Сперанский) не снимали ее почти до своих последних дней.

Отдельно можно говорить о русской театральной, музыкальной, литературной, спортивной деятельности в этом городе, о гастролях известных русских артистов, о русской школе в Бечкереке, о талантливых русских художниках-живописцах, о русских преподавателях в сербских учебных заведениях и о угасании русской колонии. Всё это, на русском языке, описано в книге Б. Л. Павлова „Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде - Зренянине)”, Зренянин, 1994 г.

А. Б. Арсеньев

Русская колония в Вршаце

На востоке от Белграда, у самой границы с Румынией, живописно под горой расположен город Вршац. В гербе его изображена средневековая башня - остатки крепости сербского деспота Джурджа Бранковича. Во время римского владычества над этой местностью, на холме был расположен военный наблюдательный пункт (specula), откуда следили за передвиже-

нием кочевых племен, спускавшихся с Карпатского горного массива в Панонию.

В средние века краем правили Византийская империя, Венгерское королевство, сербские деспоты (вассалы Венгрии), Османская империя. После побед австрийского войска над турками, Вршац становится уездным свободным городом, в который прибывает новый этнос - немцы. Жители в основном занимаются виноделием и земледелием. В австро-венгерский период развивается торговля и промышленность. В 1918 г. эта часть Баната вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. Благоустроенный город, с музеем, библиотекой, стильными административными и жилыми домами и храмами, тенистым городским парком, в 1921 г. имел 27 тыс. жителей (13 тыс. немцев, 10 тыс. сербов, 2 тыс. венгров, 600 евреев, 50 румын).

С XVI в. Вршац является центром Сербской православной Банатской епархии. Императорскую Россию с этим городом связывает судьба и карьера Георгия Арсеньевича Эммануэля (1775, Вршац - 1837, Елизаветград). Родился он во Вршаце и с группой сверстников 13-летним организовал защиту города от турок. На австрийской службе в 19-летнем возрасте получил золотую медаль „за храбрость”. Однако, юный герой отправляется в Россию и Павел I определяет его поручиком в Лейб-Гусарский полк. Позднее он был назначен шефом Киевского драгунского полка, участвовал в наполеоновских войнах, проявил себя в Бородинской битве и при взятии Парижа, находился во главе русских войск на кавказской линии. Г. А. Эммануэль организовал первую военно-научную экспедицию на Эльбрус, стал почетным членом Российской Академии наук и от-



■ Генерал от кавалерии Г. А. Эммануэль. Художник А. В. Евстигнеев, 2008 г. (вольная копия с оригинала художника Дж. Доу).

мечен многими наградами. В галерее героев 1812 г. в Зимнем дворце находится его портрет, писанный с натуры в 1821 г. Последние годы жизни он провел в Елизаветграде, где и похоронен в семейном склепе. В 2006 г. одной улице Вршаца присвоено название земляка - генерала Эммануэля.

Еще до личного знакомства с русскими - военнопленными с Галицийского фронта 1915-1916 гг., и беженцами с юга России 1919-1922 гг., - мешчане города имели возможность приобщиться к русской культуре. На своем первом историческом духовном концерте, состоявшемся в 1913 г.,



■ Персонал и больные Больницы Гербовецкой общины сестер милосердия Российского Красного креста. Вршац, 1921 г.

Вршацкое сербское церковное певческое общество исполняло хоровые сочинения В. П. Титова, А. Л. Ведея, Д. С. Бортнянского, П. И. Турчанинова и А. Ф. Львова.

В годы Первой мировой войны в город на работы привозили российских военнопленных с Галицийского фронта. Раненные, изголодавшиеся и больные пленные здесь умирали, а некоторые, не пожелав репатрироваться, женились и ассимилировались в новом государстве.

По всей вероятности, первыми русскими беженцами в Вршаце оказалась семья Шедевр, прибывшая в этот город по приглашению серба Миши Йорговича, который в Первую мировую войну подружился с ротмистром 8-го драгунского Астраханского полка Владимиром Константиновичем Шедевр (умер в Вршаце в 1960 г.).

Первая группа русских беженцев с юга России была направлена во дворец графа Бисингера в деревне Влайковац, близ Вршаца (семья

полковника гвардейской кавалерии Владимира Сергеевича Хитрово и др., позднее там оказалась семья офицера Николая Георгиевича Бек-Узарова).

С июля 1920 г. в здании переоборудованного городского Сиротского дома в Вршаце была открыта эвакуированная из Кишинева санитарная походная больница Гербовецкой общины сестер милосердия Российского Красного креста (в Кишиневе она работала до румынской оккупации Бессарабии). Прекрасно оснащенная, больница располагала отделениями

- хирургическим, гинекологическим, офтальмологическим, стоматологическим, по внутренним болезням, рентгеном, лабораторией и опытным персоналом. При ней работали доктора: Иван Сергеевич Жегалов (педиатр), Сергей Сергеевич Бархударов (офтальмолог), Амаяк Иоакимович Мурадян, Александр Степанович Рогаткин (оператор рентгена). Госпиталем руководил примариус-гинеколог Радован Саввич Клисич, по происхождению черногорец. В городе не было подобного медицинского пункта, больница обслуживала и местное население. По приказу Штаба Главнокомандующего Русской армией, генерала П. Н. Врангеля, ранней осенью часть больницы из Вршаца направлена в Крым, по пути - задержана в Болгарии. В середине 1921 г. была возвращена в Королевство СХС, но направлена во дворец Лобор близ Загреба. Оставшаяся ее часть, с медицинским персоналом, инвентарем и 180 койками, стала основой, на которой началось формирование Городской больницы в Вршаце.

Согласно первой переписи населения Королевства СХС, в 1921 г. в Вршаце проживало 142

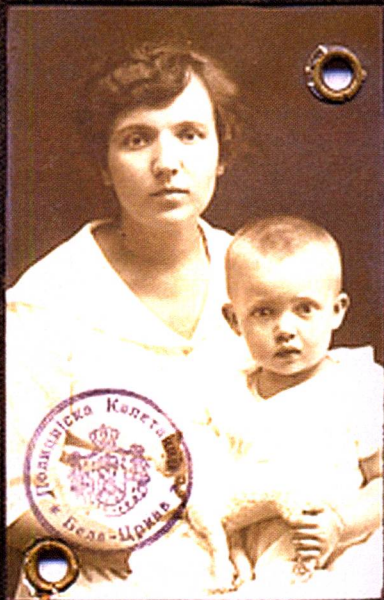
русских беженца, а в 1939 г. - 256. Председателями вршацкой русской колонии были: Михаил Михайлович Трифановский, генерал-майор Николай Петрович Савищев и инженер путей сообщения Владимир Владимирович Марков.

Общество русско-сербского знакомства возникло уже с прибытием первой группы беженцев - 20 июля 1920 г. Вскоре были созданы *Русско-сербский комитет помощи беженцам*, *Общество русских интеллектуальных и физических работников*, *Союз российских воинов-комбатантов*, *Вршацкое отделение Общества русских офицеров в Королевстве СХС*.

В самом начале 20-х гг. во Вршаце обосновался внук Л. Н. Толстого - молодой морской офицер Илья Ильич Толстой, с супругой Ольгой Михайловной. У них здесь родился единственный сын Никита (1923, Вршац-1996, Москва), в будущем известный славист, академик Российской Академии наук и член многих академий и научных обществ мира.

С 1921 по 1931 гг. русская домовая церковь св. Иоанна Златоуста располагалась на квартире полковника Михаила Степановича Стахова. Алтарные иконы писали Петр Александрович Самонов (известный уже в России скульптор и живописец), и сам М. С. Стахов, церковный староста. Вступив на новооснованную Банатскую кафедру Сербской церкви, епископ Георгий (Летич) уступил в пользование русскому церковному приходу старый храм во имя Всех Святых, находящийся внутри ограды Православного кладбища.

Настоятелями русских храмов были: отец Зосима Валяев, архимандрит Мелитон, игумен Никон (Ордовский-Танаевский) и протоиерей



Бр. 809.

1923.

Уверење.

Управник
Руске Војне Академије,
Руског Кадетског Корпуса
Руске Колоније
Маријински Доиски Институт
у Белој Цркви овим потврђује да је
Јејф. Рогаткина
Антонина И. и кћерка Люд-
мила 2 год. код ове управе
наместен као *руски избишци*

Бела Црква, 30/IV 1923 год.

Одговорни секретар,
Антонина И. Рогаткина
В. Славин

■ Удостоверение личности русской беженки А. И. Рогаткиной с дочерью Людмилой. Белая Церковь, 1923 г.

Владимир Востоков. Перед освобождением города, в сентябре 1944 г., отец Владимир покинул пределы Югославии и русские богослужения прекратились. На протяжении всего периода существования русской церкви в Вршаце постоянными членами церковного хора оставались Сергей Григорьевич и Глафира Ипполитовна Балицкие, Нина Александровна Лукина, Антони-

на Ивановна Рогаткина и Михаил Степанович Стахов. Метрические книги русского прихода в Вршаце не сохранились.

С мая 1921 г. Русско-украинская театральная труппа в Вршаце давала спектакли в зале гостиницы „Сербия”. Первой постановкой были пьесы „Темная ночь” и „Свадьба на танцах” (одноактная пьеса с пляской и пением).

При русской колонии был создан *Детский сад*, воспитательницей которого была Клавдия Лукашевич. Под ее руководством в 20-30-е гг. дети готовили выступления, представляли „живые картины” на сцене городского театра.

Летом 1926 г., по случаю 80-летия югославского премьер-министра Николы Пашича, колония русских беженцев Вршаца преподнесла юбиляру, „неизменному другу Русского народа”, Поздравительную грамоту, художественно оформленную П. А. Самоновым, содержащую подписи 113-ти членов колонии.

Вршацкое отделение Общества русских офицеров в Королевстве СХС создало библиотеку, которой пользовалась вся колония. Полный ее фонд в 1941 г. состоял из 1.774 томов. Последним библиотекарем был Сергей Сергеевич Лукин. Большая часть книг русской библиотеки уцелела (1.006 томов), и хранится сегодня в городской библиотеке.

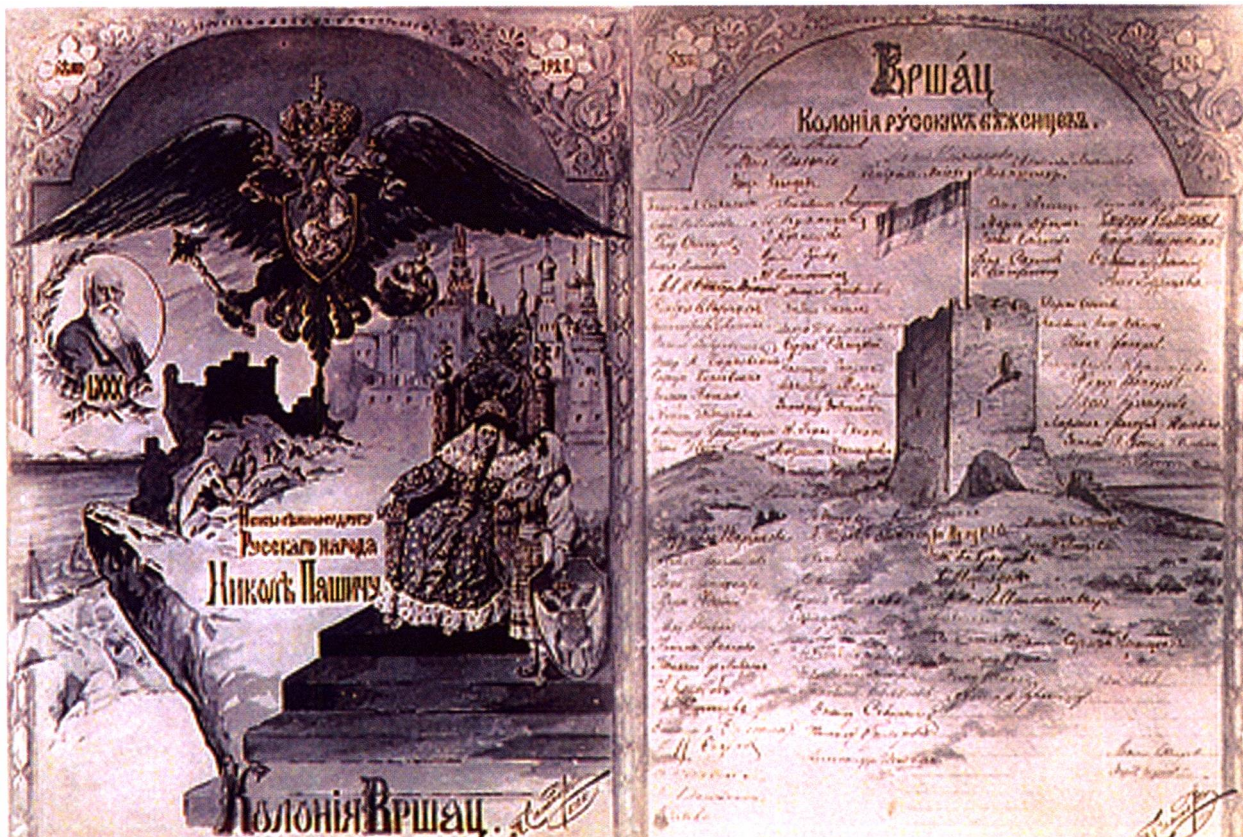
Помимо упомянутых организаций, в Вршаце действовали и филиалы *Русского трудового христианского движения* (председатель ген.-майор Вилламов) и *Союза русской национальной молодежи* (Виктор Васильев).

В 1927 г. Правление русской колонии соорудило мемориальный памятник-obelisk с Императорским гербом на его вершине. На передней из четырех граней обелиска высечена надпись: „Офицерам и солдатам Императорской Русской Армии и Русским людям погребенным здесь”. Позднее на трех гранях обелиска высекались имена и годы тех скончавшихся русских, могилы которых оставались без каменных надгробий. На памятнике не осталось достаточно места - всего там уместилось 51 имя.

Из видных военных Русской армии, которые жили и скончались в Вршаце необходимо упомянуть генерал-лейтенанта Генерального штаба Николая Александровича Зарубина (1856-1927), который добровольцем участвовал в Сербско-турецкой войне (1877-1878 гг.), а в Вршаце преподавал в училище и состоял членом *Общества офицеров Генштаба в Королевстве СХС*. Со своей супругой, Ольгой Константиновной, в городе проживал и генерал-лейтенант Генштаба, донской казак Виктор Захарович Савельев (1875—1943), участник Салоникской военной операции Первой мировой войны.

Культурную жизнь многонационального городка русские обогатили, устраивая концерты местного русского хора, или частые гастроли артистов из других городов. Выступал здесь и известный всему миру Хор донских казаков С. Жарова. В октябре 1923 г. в городском музее состоялась выставка живописи русских художников - двух друзей по Императорской Академии художеств, оказавшихся в Вршаце: П. А. Самонова и Н. Д. Кузнецова (1850-1929). На выставке экспонировались и работы знаменитых русских художников, из частного собрания Н. Д. Кузнецова - Репина, Крамского, Шишкина, Серова, Васнецова. Эти работы художнику удалось вывезти в эмиграцию. Скончался он в Сараево, но несколько портретов его кисти хранится в городском музее Вршаца.

По почину русских, в 1926 г. в городе возник *Югославно-французский клуб*, просуществовавший до самого начала Второй мировой войны. Деятельными его членами состояли французские и швейцарские гувернантки (m-lle Barbier и др.), прибывшие в Вршац с русскими семьями, а



■ Поздравительная грамота Н. Пашичу от русской колонии в Вршаце. Лето 1926 г.

также русские дамы, подрабатывающие на чужбине частными уроками иностранных языков - Мария Андреевна Яралова, Елена Анатольевна Гриппенберг, княгиня Людмила Николаевна Святополк-Мирская, Татьяна Андреевна де Ливрон, Вера Зарубина, Людмила Чекмарева, Мария Андреевна Хиршбрам, Евгения Ивановна Самонина, Клавдия Лукашевич, Авдотья Михайловна Медведева. Русские читали лекции в городском Народном университете.

До середины 30-х гг. хором в сербском Соборном храме св. Николая Чудотворца управлял Владимир Курагин; с 1936 по 1941 гг. протодьяконом и регентом этого храма состоял Иван Федорович Котов, обладавший тенором редкой красоты и выразительности.

Значительный вклад в культурное развитие города русские внесли в сфере просвещения. Наглядно об этом свидетельствует перечень русских преподавателей в местной гимназии,



■ Портреты Шандора и Маргит Цофманн. Художник Н .Д. Кузнецов, 1925 г.

техническом училище и сельскохозяйственной школе:

Алексопуло Александр Дмитриевич (социология, геология, экономия)

Балтузевич Дмитрий Сергеевич (география)

Богословский Владимир Федорович (математика, физика)

Верушкин Николай (пение)

Голунский Владимир Васильевич (Закон Божий)

Гурьянов Василий

Дивнич Георгий (сельскохозяйственные предметы)
Зарубин Николай Александрович
Зарубина Вера (немецкий, французский яз.)
Кабардинцев Василий (математика, физика)
Квачадзе Виктор (русский яз.)
Квачадзе София (химия, география, русский яз.)
Костюков Александр
Котов Иван Федорович (Закон Божий, пение)
Крат Андрей Алексеевич (технические предметы)
Де Ливрон Татьяна Андреевна (французский яз.)
Марков Петр Владимирович
Мурадян Амаяк Иоакимович (гигиена)
Никонов Михаил Павлович
Никонова Мария
Орлов Николай Павлович (техническое черчение, элементы машин)
Орлова Анастасия Васильевна (латынь)
Пушина Мария (русский яз.)
Плетнев Ростислав Владимирович (философия, латынь)
Рогаткин Александр Степанович (математика, физика)
Сафаревич Борис (рисование)
Смолянников Михаил Васильевич (сельское хозяйство)
Терещенко Владимир Павлович (гигиена)
Тюмина Нина (рисование, чистописание)
Фемелиди Николай Петрович (физика, химия, ботаника, лесоводство, виноградарство, фруктоводство, сельское хозяйство)
Фемелиди Ольга (русский яз.)
Чекмарева Людмила (немецкий, французский яз.)
Чечен Иван (сельскохозяйственные предметы)
Шталь Александр Григорьевич (музыка)

Шталь Нина Ивановна (русский яз.)
Щегловитова Анна
Яралова Мария Андреевна (рукоделие, русский яз.).

Русские - А. А. Крат и Н. П. Фемелиди были директорами Технического училища и Сельскохозяйственной школы. Учителями начальных школ в деревнях около Вршаца были: Петр Петрович Кондратов (Павлиш), Александр Иосифович Гейбург (Ульма), Павел Задер (Маргита), Георгий Звегинцев (Войводинци), Наталья Луговская (Велики-Гай), Александр Корчаков-Савицкий (Стари-Лец).

Врачами в деревнях работали: Ирина Петрова (Алибунар), Зинаида Павловна Сербинова-Дмитровская (Велико-Средиште), Арсений Арафелов (Банатско-Средиште), Гавриил Широкий (Войводинци), Михаил Федорович Архангельский (Владимиравац), Валентина Яковлевна Пожарская и Александр К. Садовский (Ясеново), Надежда Ивановна Пышкина (Ульма), Александра Шепелева-Грибова и Параскева Тихоновна Поляниченко (Иланджа), Христофор Васильевич Георгиу (Гудурица).

Вклад русских врачей в здравоохранение Вршаца тоже трудно переоценить. В городе трудились: Анаида Иоакимовна Аствацатарян (стоматолог), Сергей Сергеевич Бархударов (офтальмолог), Алексей Семенович Галенко, Иван Сергеевич Жегалов (педиатр), Леонид Иосифович Завадский, Петр Александрович Зурин, Амаяк Иоакимович Мурадян, Василий Александрович Проталинский, Владимир Терещенко, Николай Александрович Рогаткин, Гавриил Широкий.



■ Членский билет Сербско-русского общества им. Никиты Толстого в Вршаце.

Бухгалтером городской больницы был бывший кирасир Сергей Григорьевич Балицкий, агрономом Энологической испытательной станции - Петр Владимирович Марков. Бывшие офицеры Русской императорской армии работали геодезистами: Михаил Стахов, Всеволод Соколовский, Сергей Лукин. Полковник Александр Нидер-

миллер давал частные уроки математики. Полковник Аркадий Иоакимович Малый и инженер-строитель Владимир Николаевич Опоков трудились при Тамишско-бегейской водной компании; последний, вместе с инженером-строителем Александром Владимировичем Ростиславовым с 1948 г. строил сооружения водораздела

„Потпорань” гидросистемы „Дунай-Тисса-Дунай”. В 30-40-е гг. в городской театр приглашались ставить пьесы русские режиссеры, осевшие в других городах страны, среди которых были Александр Александрович Верещагин и Юрий Львович Раkitин.

Русская колония и церковный приход в Вршаце приостановили, а затем и полностью прекратили свое существование в военные и послевоенные годы. Судьбы и пути рассеивания его членов, как и ассимиляция, были подобны уделу всех русских, оставшихся в освобожденной от оккупантов стране.

В 2002 г. в городе проживало 19 русских.

Однако, память о русских в Вршаце жива. В 2002 г в городской библиотеке проведена перепись сохранившихся книг *Библиотеки вршацко-го отделения Общества русских офицеров*; в 2005 г. было создано *Общество сербско-русской дружбы им. Никиты Толстого*. В том же году одной из улиц было присвоено имя этого известного академика, а в 2006 г. другой улице было дано имя генерала Георгия Эммануэля. Сегодня Общество сербско-русской дружбы насчитывает более сотни членов, имеет свое помещение в центре города, принимает гостей из России, устраивает лекции и выставки (последняя подготовлена к 200-летнему юбилею Н. В. Гоголя).

А. А. Розаткин

Русские в Сомборе

Город Сомбор расположен в северо-западной части Воеводины, в 20-ти км от венгерской границы и 15-ти км от Дуная и хорватской границы. За этим уютным городом установилась сла-

ва самого зеленого города страны, с тенистыми прямыми улицами, скверами и парками. Жители Сомбора и пригородных сел временем национально смешивались, так что помимо сербов, в этих местах увеличивалось число венгров, немцев, хорватов и евреев. В 20-е годы в этом городе проживало около 35 тыс. жителей.

Эвакуация русских, происходящая после революции, с Крыма и юга России, занесла первых русских в Сомбор в 1919 году, а особенно они в город стали прибывать в 1920 и 1921 годах, но и позднее. Все они надеялись на временное пребывание, и в городе и в стране. Возвращение на Родину было темой их ежедневных разговоров и пересудов.

Прибывшие беженцы-эмигранты в значительной мере были образованными, закончившими не только средние учебные заведения, но и университеты. Конечно, было и определенное число с более низким уровнем образования, но они составляли меньшинство. Все прибывшие в Сомбор находили в городе работу, главным образом интеллектуальную, а другие с более низким образованием брались за физические работы.

Русские в Сомбор приезжали с семьями, реже одинокие, и в основном все останавливались в городе. В окрестностях их почти не было.

Появление русских эмигрантов повлияло и значительно подняло интеллектуальный уровень города. Эмигранты были всех профессий. Подавляющее число принадлежало техническим профессиям, но были и деятели искусства, юристы, профессора и другие.

Благодаря тому, что в этой части Воеводины существовала сеть каналов, в Сомборе была организована центральная Техническая служба управле-

ния ими, которую вел инженер Сергей Павлович Максимов, выпускник петербургского Института инженеров путей сообщения им. Императора Александра I, и даже одно время профессор этого знаменитого в России института. Максимовым был подобран инженерный состав по разным делам навигации, эксплуатации и поддержания в рабочем состоянии плотин и шлюзов, мостов, грузовых судов, зданий и коммуникаций вдоль каналов. Само Техническое управление стало культурным центром взаимного общения русских, так как штат его состоял из двух десятков русских инженеров, техников, юристов, чиновников, вплоть до шоферов. Двухэтажное, просторное здание управления находилось почти в центре города, а за ним находился большой сад (даже с теннисной площадкой), простирающийся до соседней параллельной улицы. В здании управления каналами размещалась Библиотека сомборской русской колонии и отделение „Русской матицы” - культурной организации русской эмиграции в стране, возникшей в 1925 году в Любляне и имеющей свои филиалы в разных городах.

В воскресные и праздничные дни русские ходили в церковь. И это было место их встреч. Однако, самые частые (и веселые) встречи происходили в городской гостинице, которая располагала несколькими залами. Русским жителям там всегда можно было побеседовать, поиграть в шахматы или шашки - любимое удовольствие мужчин. Интересно, что в 1932 году в Сомбор приезжал чемпион мира по шахматам, знаменитый гроссмейстер Алехин, и на симультанной игре разгромил партнеров. В гостинице и по домам любили играть и в карты, которые также укрепляли взаимные встречи.

Русские в Сомборе, работая, зарабатывали на жизнь, но, в общем, жили бедновато. Снимали квартиры, а те победнее - комнаты. Но все они не горевали, а надеялись, что это временно. С годами реальная жизнь начала их заставлять призадумываться о более прочном житье, и это вело к двум направлениям их дальнейших действий: одни начали покидать город и выезжать за границу, там искать приют, главным образом ехали во Францию и Германию. Другие стали перебираться в лучшие квартиры, это, прежде всего, относится к семьям с детьми, которые подрастали. Семьи Семеновых и Андреевых построили себе дома.

Русские жили во всех концах города. Они ходили по улицам и переулкам, встречались, и шумная русская речь была слышна повсюду. Это возбуждало местных жителей, которые с удовлетворением стали прислушиваться к русским словам и даже старались общаться с русскими на русском языке, правда, не особенно удачно.

До Второй мировой войны, айв военные годы, осевшие русские в Сомборе жили между собой складно и считали, что нашли свой приют. Всё же к концу войны, при наступлении Красной Армии, началась тревога и раздумье, покидать ли город или оставаться. Многие решили покинуть Сомбор и перебираться в направлении Запада, но многие считали, что за всё время пребывания в Сербии были лояльными к этой стране, ничего плохого не делали, скорее - наоборот, тем более, что речь шла уже о втором поколении, о русских детях в эмиграции, которые имели новое подданство, закончили обучение в этой стране и уже работали в разных учреждениях. Они со своими родителями спокойно, и даже с радостью, ожидали перемены и

окончание войны, при „русской победе” над Германией и ее сподвижниками.

Перемена оказалась плачевной: почти все мужчины-русские в Сомборе в начале ноября 1944 года были арестованы, и им простыл всякий след. До сегодняшнего дня их судьба неизвестна. С этими арестами число русских в Сомборе резко понизилось, в городе продолжали жить жены арестованных со своими детьми. Жизнь этих семей в послевоенной пустой Сербии, была на границе с полным бедствием. Но, ни одна из них не сдавалась, шла борьба за каждую возможность уцелеть. Некоторые, оставшиеся в Сомборе в 1944 году, постепенно тоже стали выезжать из страны. Сначала попадали в лагерь в Триесте, а потом ехали в разные западные страны, в США, даже в Южную Америку и Австралию.

С 20-х годов прошедшего века русские жители Сомбора стали заполнять самый конец православного кладбища. Постепенно там образовался их участок, отличающийся от остальных. Он всё еще находится в сравнительно хорошей сохранности. После Второй мировой войны захоронения проводились всё реже. Последние похороны состоялись в 2004 году, когда на русском участке была похоронена Ольга Борисовна Панчулидзева.

Сегодня в Сомборе из потомков „белых русских” проживают лишь дочь Ольги Борисовны, Мария Александровна, и инженер на пенсии Никита Николаевич Андреев. Живут здесь и малочисленные жители, в жилах которых течет лишь доля русской крови, дети из смешанных браков. Они почти не говорят по-русски.

А. А. Панчулидзева

Русская эмиграция в Косово и Метохии

Области Косова и Метохия (называются еще и Старой Сербией), в средние века были населены преимущественно сербами, так как на этих территориях распространялись их княжества. Роковым событием всей сербской истории оказалась печальная битва на Косово-поле, в 1389 году, между сербским и турецким войском. В ней пали оба полководца - князь Лазарь и султан Мурат. В неравном бою (35.000 сербов, 100.000 бойцов противника), сербы потерпели поражение, потеряли свою независимость, а турки продолжили свое продвижение на север Балканского полуострова. На этом поле и позднее велись бои с турками, - с ними воевали венгры (1448), австрийцы (1689), боснийские повстанцы (1831). Оказывая военную помощь австрийцам, при их отступлениях сербы были вынуждены покидать свои исконные земли и переселяться на север, по ту сторону Савы и Дуная, тогда как в Косове и Метохии турки благосклонно относились к албанскому населению, ассимилируя его. Тем не менее, сербский народ оставался жить на этих землях и защищал свои очаги и многочисленные православные храмы (Богородица Левишка в Призрене), монастыри Високи-Дечани, Грачаница, Баньска, свой духовный центр - Печскую Патриархию.

В решительной Сербско-турецкой войне 1877—78 годов, Сербская армия впервые пробилась в Косово, а в 1912 году, в Первой балканской войне, без особого сопротивления Турции, овладела и возвратила свои исконные земли.

О притеснениях сербов со стороны Турции, Греческой православной церкви, об экспансии Австро-Венгрии на Балканы, а также зверствах, чинимых спускающимися с албанских гор арнаутов, писали российские путешественники, слависты и дипломаты: Виктор Иванович Григорович (1815-1876), Александр Федорович Гильфердинг (1831-1872), Александр Александрович Башмаков (1839-1894), консулы Иван Степанович Ястребов (1839-1894) и Григорий Степанович Щербина (?-1903), убитый на своем посту арнаутами в городке Косовска-Митровица, подобно им же убитому в том же 1903 году Александру Аркадьевичу Ростковскому, российскому консулу в Битоле (Македония).

Россия на территории Косова и Метохии открыла свои консульства - в 1886 году в Призрене и в 1892 году в Косовска-Митровице. По просьбе правительства Королевства Сербии, с 1896 года в сербском монастыре Високи-Дечани пребывали русские монахи с Афона, охраняя его от арнаутских банд. Этому монастырю Россия оказывала и материальную помощь. Российские консулы Ястребов, Лисевич, Беляев, Ачимович и Тухолка дарили книги и целые библиотеки православной Духовной семинарии в Призрене.

После балканских и Первой мировой войн, в новообразованном государстве сербов, хорватов и словенцев, юго-западная область Сербии была самой отсталой в сфере просвещения, здравоохранения и экономики. Доминировал традиционный патриархальный крестьянский уклад жизни, при 80-90 % неграмотного населения. Край, хотя и обладал значительными природными ресурсами - залежами угля, цветных и редких металлов, плодородной почвой, леса-

ми, пастбищами и реками, нуждался в притоке интеллигенции и специалистов всех профилей и специальностей. С 1921 года в городах Приштина, Печ, Косовска Митровица, Джаковица, Призрен, Урошевац возникли „русские колонии” беженцев-эмигрантов, прибывшие с юга России. С первых месяцев Державная комиссия по устройству русских беженцев направляла их в Косово и Метохию. Позднее, русские специалисты из других городов страны направлялись на юг Сербии по распоряжению соответствующих министерств - просвещения, вероисповедания, здравоохранения, сельского, водного, лесного, горного хозяйств, строительства и проч.

Так, на строительство дороги Косовска-Митровица - Рашка министерство строительства направило эшелоны из состава прибывших в Королевство СХС трех технических полков Первого армейского корпуса Донского и Кубанского корпуса Русской армии генерала П. Н. Врангеля (в июне 1921 года они прибыли по железной дороге из Салоник). А в сентябре 1921 года военное министерство направило части кавалерийской дивизии Первого армейского корпуса в пограничную стражу, вдоль неустойчивой и опасной границы с Албанией, - на участок Дебар - Призрен - Джаковица.

Трудно представить себе, какой вклад в развитие этого веками отсталого региона внесли русские, в особенности в период между двумя мировыми войнами, с какими препятствиями и лишениями им приходилось бороться...

В первую очередь в Косове и Метохии поселились технические кадры (инженеры путей сообщения, горные инженеры, электрики, геодезисты, механики), медицинский персонал,

преподаватели и административные кадры на государственной службе, а также казаки, крестьяне, занятые на строительстве коммуникаций, промышленных объектов, административных и жилых зданий, прокладке водопровода, работах в рудниках.

Русские проектировали и строили дороги Печ - Андриевица (через гору Чакор), железные дороги Косовска-Митровица - Рашка, Косовополе - Печ, Куршумлия - Приштина, участки дороги Доганович - Тетово (через гору Шара). Русские были не только квалифицированными врачами, стоматологами, ветеринарами, медсестрами, но и управляющими и руководителями городских госпиталей, единственными хирургами, борющимися с распространением серьезных заболеваний, малярией.

В Косове и Метохии не было ни одного среднего учебного заведения, в котором бы русские не преподавали естественные и гуманитарные предметы, иностранные языки, музыку, гимнастику. В православной Духовной семинарии в Призрене русские преподавали основные церковные предметы: старославянский, латынь, греческий, русский языки; церковное пение.

Русские женщины тоже находили себе занятия. Многие из них были врачами, преподавателями, но особенно они отличались своей благотворительной деятельностью, как члены гуманитарных женских комитетов („Коло српских сестара”, „Друштво кнегинье Любице” и др.), устраивали и принимали участие в благотворительных концертах, „Рождественских елках”, открывали детские сады, площадки для спортивных игр.

Память о консулах Российской империи на еще не освобожденной от турков территории,

как и о русских эмигрантах, проживавших до и после Второй мировой войны в Косове и Метохии, сохраняется среди сербов и по сей день. В военные и послевоенные годы большинство их переехало в другие части страны или выехало за границу. Благодаря данным из опубликованных и неопубликованных работ А. Кецич и Е. Матияшевич, Р. Радоевича и Д. А. Тяпкина, упомянем лишь некоторые имена русских, оставивших о себе добрую память.

Гнилане

Антохин - геодезист

Слунин Андрей - преподаватель, директор гимназии, композитор, регент хора

Джаковица

Гребенников Степан - врач-стоматолог (работал и в Печи, Призрене)

Гребенников Федор - врач-стоматолог (работал и в Печи, Призрене)

Знаменский Владимир - адвокат, судебный следователь Военного трибунала Косовской военной области

Музалевский Василий Иванович - ветеринарный врач (работал и в Печи, Прешево)

Попов Владимир - геодезист

Хоменко Лев - агроном

Драгаш

Чубаровский Василий - юрист, судья

Звечан

Бирюков Михаил - геодезист

Исток

Чистов Владимир Сергеевич - врач, содействовал постройке Народного дома, по проекту сына - Олега (работал и в Печи, Гнилане)
Чистова Александра Алексеевна - медсестра (работала и в Печи)

Косовска-Митровица

Андросов Василий Михайлович - архитектор (проектировал 60 храмов, среди которых храмы в Джаковице, Истоке, Помазатине, Подуеве, Обиличе)
Баранов Александр - инженер
Баранова Евгения - врач-педиатр
Баранова Ольга - врач-гинеколог
Баршевский Петр - преподаватель в гимназии
Бухалов Андрей - техник-строитель
Геринг-Евдоченко Ольга - преподавательница в гимназии
Денисенко Николай Федорович - инженер-строитель, проектировал и строил железную дорогу Куршумлия - Приштина, Косово-поле - Печ, железнодорожный вокзал в Косово-поле, восстанавливал разрушенные мосты. После войны - технический директор строительной фирмы „Рамиз Садику”, основатель предприятия „Ситница”, реставратор древних храмов и монастырей (Високи-Дечани, Богородица Левишка), Царской мечети, зданий учебных заведений, принимал участие в проектировании почти всего центрального района Приштины, преподаватель строительных предметов в Техническом училище, проектировал промышленные объекты в Зрзе, Гнилане, Клине. Кавалер „Ордена труда”.

Денисенко Феодосий - преподаватель музыки в гимназии, регент хора
Дрозд - инженер-химик
Захарьин Василий - инженер, председатель русской колонии
Захаров Алексей - инженер-строитель
Лаврова Антонина Васильевна - военный врач
Лебедева Елена - учительница
Лобков Дмитрий - чиновник, руководитель культурной деятельностью русской колонии
Матусевич Борис - преподаватель в гимназии (преподавал и в Приштине)
Медов - преподаватель в гимназии
Медова Мария - преподавательница в гимназии
Мельникова Татьяна - актриса, занималась культурной деятельностью в городе
Муромцев Петр - чиновник
Неумытый Петр - бухгалтер, занимался фруководством, птицеводством, держал цветочные оранжереи
Попович Владимир - врач, первый микробиолог в Косове
Постников Алексей Иванович - инженер-строитель
Прудков Евгений - художник-живописец, преподаватель в гимназии
Прудкова Ольга - преподавательница в гимназии
Ракитин Николай Семенович - преподаватель в гимназии
Рамасюков Всеволод - врач
Решевский Борис - геодезист
Рубцова Ольга - преподавательница в гимназии

Сахаров Борис Александрович
- инженер-строитель
Серебрякова Татьяна - чиновница
Таптиков Сергей - преподаватель в гимназии,
председатель русской колонии
Тарановский Михаил - бухгалтер рудника
„Трепча,,
Усенко - инженер-технолог
Хвостинский Виталий - преподаватель в
гимназии
Хихин Сергей - инженер, деятельный член
русской колонии
Черносердов Петр - преподаватель в гимназии
Шестаков Николай - инженер
Шестоперов Владимир - геодезист
Шириянов Георгий - чиновник
Широкий Сергей Карпович
- инженер-строитель
Штейн Василий Федорович - врач
Щедрин Лев - преподаватель в гимназии

Обилич
Затворницкий Владимир Пантеллеймо-
нович - инженер-электрик, работал на
Термоэлектростанции
Ясевич Юрий - инженер-строитель, работал на
ТЭС
Манохин Всеволод - горный инженер, строил
Горный комбинат „Обилич,,
Русиян Владимир Леонидович - горный инже-
нер, технический директор ТЭС „Обилич”
(работал и в Приштине)
Соколов Петр Николаевич - геодезист (рабо-
тал и в Печи, Джаковице, Призрене)
Суслов Петр Сергеевич - инженер-элект-
рик, один из первых инженеров Комбина-
та „Обилич”

Успенский Борис Павлович - инженер-строи-
тель, работал на ТЭС

Ораховац

Сиренко Николай - агроном
Шкинев Антоний - чиновник (служил и в
Печка-бане, Велика-Хоче, на цементном за-
воде „Шара” в Генерал-Янковиче)

Печ

Бойко Аркадий Андреевич - ветеринарный
врач
Васецкий Николай Сильвестрович - техник
Васецкий Сильвестр Данилович - владелец
пяти мельниц в Метохии
Васильев Петр - инженер-лесовод, директор
Управления по лесоводству
Викентьев Александр - геодезист
Виноградов Анатолий Алексеевич - плотник
Войшвилова Мария - преподавательница в
гимназии
Гладилин Николай Федорович - врач
Гладилина Александра Оскаровна
- врач-педиатр
Глазунов - врач
Головин Владимир Владимирович - агроном,
представитель фирмы „Улярица,,
Грабовский Станислав - преподаватель в
гимназии
Гребников Федор - преподаватель в гимназии
Гришко Николай - чиновник в Налоговом
управлении
Гусаков Павел - переплетчик и
техник-чертежник
Гусев Петр - служащий на строительстве до-
роги Печ - Андриевица

Домоховский Казимир - инженер-электрик,
директор ГЭС

Европин Александр Кузьмич - врач (работал и
в Призрене)

Ермаков Андрей - техник-строитель

Калмыков Александр Павлович - преподава-
тель в гимназии

Калмыкова Мария Федоровна - преподава-
тельница в гимназии

Коберидзе Михаил Спиридонович - врач

Козлов Леонид Павлович - инженер-стро-
итель, строитель железной дороги Печ
- Косово-поле

Кравченко Алексей Пантеллеймонович - пре-
подаватель в гимназии

Кравченко Михаил Иванович - геодезист (ра-
ботал и в Звечане, Стари-Трге)

Кригер Роберт Васильевич - инженер путей
сообщения, главный инженер при строи-
тельстве дороги Печ - Андриевца

Лауданский Валентин - преподаватель в
гимназии

Ломейко Сергей - агроном

Ломейко Мария - преподавательница в
гимназии

Лопырев Павел Павлович - инженер-стро-
итель, строил железную дорогу Печ
- Косово-поле

Макеев - техник

Мамонтов Андрей Всеволодович - чинов-
ник на стройке железной дороги Печ
- Косово-поле

Мамонтов Владимир - инженер-лесник

Маслов Николай Гаврилович - бухгалтер (ра-
ботал и в Косовска-Митровице, Приштине)

Меркулов Георгий - чиновник

Мотренко Евгений Петрович - горный
инженер

Мусников Василий - инженер-строитель,
строил дорогу Печ - Андриевца

Неронов - инженер-строитель, строил дорогу
Печ - Андриевца

Нескубин Георгий - чиновник

Нечаев Андрей - учитель, преподаватель в
гимназии

Никольский Николай Иванович
- техник-строитель

Никольский Павел - преподаватель в
гимназии

Новицкий Илья Викторович - инженер-стро-
итель, строил дорогу Печ - Андриевца

Новицкий Семен Александрович - врач в го-
родском госпитале, преподаватель в гим-
назии (работал и в Косовска-Митровице,
Призрене)

Омелиянович-Павленко Борис Васильевич -
чиновник на строительстве железной доро-
ги Печ - Косово-поле

Острогорский - чиновник

Педанов Георгий - врач-хирург, управляющий
городским госпиталем

Петренко Георгий - финансовый чиновник

Проценко Евгений Павлович - инженер-стро-
итель, строил дорогу Печ - Андриевца

Ребров - инженер путей сообщения, строил
железную дорогу Печ - Косово-поле

Рубцов Вениамин Михайлович - геоде-
зист в Управлении кадастром (работал и в
Косовска-Митровице)

Рутковский Борис Петрович - техник, работал
на строительстве дороги Печ - Андриевца

Сальников Никита Васильевич - генерал, ис-
торик, преподаватель, директор гимназии,

организатор культурной жизни города. Кавалер орденов Св. Саввы, Белого орла и Югославской короны.

Сатаров Николай Александрович - инженер-строитель, строил Южно-печский мелиорационный канал

Серебряков Павел Иванович - ветеринарный врач(работал и в Истоке)

Симонов Сергей Иванович - врач (работал и в Вучитрне)

Собриевский Алексей Севирович - педагог, основатель Ботанической коллекции и русской библиотеки

Соколов Петр - служащий

Соломка Лука - делопроизводитель на лесопильне „Озрен„

Соляник Иван - инженер-лесовод, директор Института по лесоводству, доктор наук, основатель рассадника, автор учебников, видный специалист по лесопосадкам оголенных гористых местностей

Сысов Игорь Николаевич - инженер-строитель, строил железную дорогу Печ - Косово-поле

Тарчинский Николай - инженер-механик

Тимченко - техник

Торнаго Иван - инженер-строитель, строил дорогу Печ - Андриевица

Тяпкин Аркадий Николаевич - инженер-строитель, работал на строительстве дороги Печ - Андриевица. Оставил по себе видный след в Косове: проложил водопровод с пункта Црне-Воде (над Патриархией), соорудил парк „Карагач” с теннисными площадками, был инициатором постройки ГЭС у истока р. Црни-Дрим, основатель футбольного клуба „Дукаджин”.

Тяпкин Николай Александрович
- инженер-механик

Федоров Степан Харитонович - преподаватель в гимназии (работал и в Стари-Трге)

Царенко - инженер-строитель, строил дорогу Печ - Андриевица

Чернявский Сергей Владимирович - художественный фотограф, открыл первое фотографическое ателье в Косове

Чистов Олег Владимирович - инженер-строитель, строил Южно-печский мелиорационный канал

Чистосердов Петр - преподаватель в гимназии

Шепченко Семен - преподаватель в гимназии (преподавал и в Приштине)

Шилов Евгений Петрович - преподаватель в гимназии

Шмидт Николай - техник, работал на строительстве дороги Печ - Косово-поле

Юницкий Глеб - преподаватель в гимназии

Юриков Викентий - техник, подрядчик

Подуево

Махаев Алексей - преподаватель в гимназии (и в Призрене)

Призрен

Анисенко Василий - преподаватель музыки в духовной семинарии

Атальянц Враншапук - врач

Балабанов Федор Федорович - преподаватель в духовной семинарии

Бистрин - геодезист

Гребенников Алексей - врач-стоматолог (работал и в Печи, Джаковице)

Гридин - преподаватель в духовной семинарии

Гущин Степан Георгиевич - преподаватель музыки в духовной семинарии, регент любительского хора „Царь Урош,,
Долганов Иван - дирижер городского оркестра
Иванов - ветеринарный врач
Калмыков Александр Павлович - преподаватель в гимназии (и в Печи)
Калмыкова Мария Федоровна - преподавательница в гимназии (и в Печи)
Калмыкова Анна Александровна - преподавательница в гимназии
Касаткин - геодезист
Касаткина - активистка культурной жизни города
Ковгасков - преподаватель в гимназии
Козлов Иван - геодезист
Короткий Николай - преподаватель в гимназии
Круликовский Василий - эконоом в духовной семинарии
Круликовская Елена - занималась благотворительной деятельностью
Кухтин Иван - преподаватель духовной семинарии
Марков - врач
Маркова Вера - медсестра
Муринов Василий - преподаватель гимназии
Педи Николай, „Брат Педи” - преподаватель гимнастики в гимназии, основатель гимнастического общества „Сокол”, видный деятель спорта всего края Косово, руководитель и хореограф фольклорного ансамбля
Пузанова Виктория - художница, преподавательница в гимназии (преподавала и в Косовска-Митровице)

Румянцев Анатолий - врач
Самов Иван - преподаватель духовной семинарии
Сергеевич Даниил - врач
Скрынников Дмитрий - ветеринарный врач
Стороженко Яков Андреевич - юрист, коммерческий директор строительной фирмы „Рамиз Садику” (позднее работал в Урошеваце)
Тарасов - геодезист
Троицкий Тихон - преподаватель в духовной семинарии
Хапланов Пантеллеймон - преподаватель в духовной семинарии
Царевский Виктор - преподаватель в духовной семинарии и в гимназии
Чернявский Иван - преподаватель в гимназии, театральный деятель при русской колонии
Шелест Владимир - инженер-лесовод
Шестоперов Лев Львович - геодезист, начальник Геодезического управления (работал и в Приштине, на ТЭС „Обилич”, проектировал плотины на Батлавском водохранилище)
Шплет Дмитрий - преподаватель в духовной семинарии
Якубов Иван - преподаватель в духовной семинарии

Приштина

Базилевич Леонида - преподавательница в гимназии
Белоцерковец Николай - преподаватель в гимназии
Бунин - преподаватель музыки, основал оркестр мандолин

Волков Николай - архитектор и живописец, проектировщик многих зданий в Приштине, построил первую теннисную площадку в Косове

Волкова Наталия Родионовна - одна из главных организаторниц культурных и благотворительных мероприятий в Приштине

Гапонов Владимир Васильевич
- инженер-лесовод

Денисенко Михаил - преподаватель в гимназии

Дьяков Леонид - врач (одно время работал в Подуево, Косовска-Митровице и Джаковице)

Дьякова Анна Марковна - врач-интернист, управляющая городским госпиталем

Кожин Михаил - ветеринарный врач, один из основателей Института по скотоводству

Кривошей Георгий - геодезист, начальник Геодезического управления

Кумановский Михаил - преподаватель в гимназии

Лозовой Юрий Максимович
- инженер-электрик

Луговский - геодезист

Малюга Святослав - агроном, главный агроном и советник-агроном Косова, специалист по виноградарству. Кавалер „Ордена труда с золотым венком”.

Малюга Наталия Борисовна - преподавательница в гимназии

Маслова Мария Романовна - преподавательница в сельскохозяйственном училище

Масюкевич Виктор - преподаватель в гимназии

Наумов Владимир Сергеевич - инженер-лесовод при Институте лесоводства, кавалер „Ордена труда с золотым венком,,

Нелепа - геодезист

Оглобин Александр Антонович - агроном в Институте по скотоводству и ветеринарии (работал и в Призрене)

Окорочков Николай - чиновник

Позняков Борис Александрович - инженер-строитель, главный инженер строительной фирмы „Рамиз Садику”. Под его руководством велось строительство современных районов города, здания театра, кинотеатра, школ, гостиниц, прядильной фабрики. Он проектировал жилые здания, надзирал за строительством Философского факультета и др. Кавалер „Ордена труда,,

Позднякова Татьяна Борисовна
- художница-живописец

Позднякова Ирина Александровна - преподавательница в гимназии

Светов Иван - педагог в Молодежном образовательном центре. Организовал первые в мире Детские объединенные нации (зарегистрированы при ООН в Нью-Йорке).

Симонов Иван Иванович - геодезист, автор первых топографических карт многих районов Косова.

Сухоруков Сергей - экономист, регент городских любительских хоров

Сухорукова Екатерина - служащая в строительной фирме „Рамиз Садику,,

Сухотин Петр - преподаватель в гимназии

Татаринов Всеволод - архитектор, проектировал первые современные жилищные блочные застройки города

Уманец Константин - преподаватель в гимназии
Успенская Юлия - бухгалтер
Франк Екатерина Семеновна - финансовая чиновница
Шкляренко Федор - техник, работал на реконструкции железной дороги Косовска-Митровица - Рашка

Србца

Собриевский Илья Алексеевич - финансовый чиновник

Урошевац

Дашевский Александр - геодезист
Калинин Николай - инженер-технолог
Ментов Сергей - геодезист
Мигалевский Владимир - преподаватель в гимназии
Сенкин Александр - инженер-строитель, строил православный храм
Стукалов Василий - инженер-лесовод, директор Института по лесоводству
Стукалова Анастасия - преподавательница в гимназии
Федоров - геодезист.

Из официальной переписи населения социалистического периода Югославии приводим статистические данные о числе русских, проживавших в Сербии и в Косове и Метохии:

г.	1948	1953	1961	1971	1981
Сербия	13.329	7.829	6.984	4.746	2.761
Косово и Метохия	362	273	239	174	112

А. Б. Арсеньев

Трудно установить точное число русских эмигрантов проживавших в 20-30-е годы в Косове и Метохии, так как большинство лишь временно работало на стройках и по окончании работ покидало край. Но, можно предположить, что постоянно осевших здесь было до 2-х тысяч человек.

Вклад русских эмигрантов в культуру, науку, экономику Сербии

Профессоры Белградского университета

Русские профессора, принятые на все факультеты Белградского университета, не только пополнили его кафедры дефицитными кадрами, но и качественно изменили университетское преподавание. Точные области знания, которые ранее преподавались как прикладные - лечебная практика, строительство и проч. - получили научно-исследовательское направление. Вклад русских профессоров в эту сферу несомненен и общепризнан.

В 1919 г. в Белграде основан Сельскохозяйственный факультет с отделением лесного хозяйства, где в основном преподавали профессора из Москвы, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, ставшие впоследствии основателями научно-исследовательских институтов в Белграде: энтомологического (Ю. Н. Вагнер), зоотехнического (И. П. Марков), сельскохозяйственных машин и механизмов (Т. В. Локоть), удобрений (Н. И. Васильев), почвоведения (А. И. Стебут), микробиологии (С. Н. Виноградский). Подобное положение было и на Техническом факультете (со своими отделами - машиностроения, электро-

техники, архитектуры, строительства). В начале двадцатых годов много русских преподавало и на Философском, Юридическом и Богословском факультетах.

Интересно отметить, что профессура гуманитарного профиля наук, оказавшаяся в эмиграции, чаще переезжала из одной страны или города, в другие университетские центры. Так, уже в середине двадцатых годов, многие русские профессора из Сербии перебрались в Прагу, Париж, Софию, или переехали в Люблян.

Между двумя мировыми войнами, на территории Сербии существовал один, Белградский университет, но в 1920 г. при нем были основаны Философский факультет в Скопле (как тогда говорили - в „Новой Сербии”), и Юридический факультет в Суботице. На этих факультетах тоже преподавали русские профессора (Е. В. Аничков, П. М. Бицилли, Н. Л. Окунев, В. А. Розов, Е. К. Елачич, М. П. Чубинский, Г. В. Демченко, П. Б. Струве, С. В. Троицкий), но и просто „лекторы”. Их вклад в развитие высшего образования этих районов страны оказался особенно весомым.



■ Леонид Макшеев. Дубровник. Акварель.

Среди русских ученых звания действительных членов Сербской академии наук и искусств удостоены: А. Д. Билимович, К. П. Воронец, И. Г. Грицкат, С. М. Кульбакин, В. Д. Ласкарев, Г. А. Острогорский, Н. Н. Салтыков, Ф. В. Тарановский, В. В. Фармаковский, Я. М. Хлытчиев, а членов-корреспондентов - Е. В. Спекторский (1934) и Н. А. Пушин (1947).

Агапов-Таганский Максим Владимирович (1890, Москва - 1973, Белград), психиатр. Профессор психометрии Юридического факультета в Белграде. Автор работ по патологическим свойствам характеров и темпераментов, по воспитанию преступников и психометрическим осмотрам.

Алексеев Николай Николаевич (1879, Москва - 1964, Женева), правовед, философ, публицист. Профессор Московского университета (до 1917 г.) и Русского юридического факультета в Праге (с 1922 г.). Работал в Русском научном институте в Берлине (1922-1931), в Страсбурге (1931-1940). Профессор философии права Юридического факультета в Белграде (1940-1948). Основная сфера его научных интересов - философия государства и права, проблемы евразийства.

Анагности Петр Дмитриевич (1909, Одесса - 1996, Белград), архитектор. Профессор начертательной геометрии, перспективы и конструкции кровель Архитектурного факультета в Белграде (преподавал и в Нови-Саде, Суботице, Сараево, Скопле). Автор многих проектов реконструкции исторических зданий в Сербии.

Аничков Евгений Васильевич (1866, Боровичи, Новгородская губ. - 1937, Белград), выдающийся историк литературы, фольклорист. Профессор сравнительной литературы Философского факультета в Белграде и Философского факультета в Скопле (при Белградском университете).

Афанасьев Георгий Емельянович (1848, Уфа - 1925, Белград), историк. Профессор Нового века и русской истории Философского факультета в Белграде.

Базилевич Владимир Владимирович (1904, Киев - 1989, Белград), геолог. Доктор технических наук. Профессор Горно-геологического факультета в Белграде.

Бек-Узаров Георгий Николаевич (1929, Влайковац, Банат), ядерный физик, доктор технических наук. На естественно-математическом, электротехническом и медицинском факультетах преподавал электронику, измерения ионизирующих излучений и гамма спектроскопию (1959-1972), а на Естественно-математическом и Машиностроительном факультетах Крагуевацкого университета - электротехнику, теорию и технику измерений, и общую физику

Билимович Антон Дмитриевич (1879, Житомир - 1970, Белград), математик, механик. Профессор прикладной математики Новороссийского университета в Одессе (1914—1920, ректор 1918-1920). Профессор теоретической механики в векторном изложении, рациональной механики и прикладной математики Философского (позднее переименованного в Естественно-математический) факультета и высшей математики на Сель-

- скохозяйственно-лесном факультете в Белграде. Академик Сербской академии наук (секретарь 1937-1939, председатель, с 1946), автор трудов по теории векторов, рациональной механике. Основатель белградского математического научного журнала на иностранных языках. Другими направлениями исследований ученого были небесная механика, механика твердого тела, геофизика, гидродинамика, неаналитические функции. Кавалер Ордена труда 1. ст.
- Бицилли Петр Михайлович (1879, Одесса - 1953, София), историк, филолог, историк русской литературы, литературный критик. Приват-доцент всеобщей истории Новороссийского университета в Одессе (1910-1920), до 1924 г. профессор всеобщей истории Философского факультета в Скопле (при Белградском университете). С 1924 г. переехал на жительство в Болгарию, где преподавал в Софийском университете.
- Брандт Александр Андреевич (1855, Санкт-Петербург - 1933, Блед, Словения). Профессор и директор Института путей сообщения в Петербурге. Профессор термодинамики Технического факультета в Белграде.
- Бубнов Николай Михайлович (1858-1943, Любляна), историк. Декан Исторического факультета Киевского университета. Профессор новой истории Философского факультета в Скопле (с декабря 1920 г.), позднее - профессор Люблянского университета (Словения).
- Буковский Павел Александрович, профессор начертательной геометрии Технического факультета в Белграде.
- Вагнер Юлий Николаевич (1865-1945, Вена), зоолог-энтомолог. Профессор общей энтомологии и науки о насекомых Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде (1920-1930).
- Васильев Николай Илларионович (1875, Полтава - 1930, Белград), агроном, агрохимик. Профессор агрономической химии Донского политехнического института в Ростове-на-Дону. Профессор агрохимии Сельскохозяйственного факультета в Белграде (1920-1929). Основатель Института агрохимии, член Русской академической группы и Союза русских агрономов в Королевстве СХС. Автор трудов по химии, физиологии растений, учения об удобрениях, плодородия почв.
- Вегнер Александр Юльевич (1880 - ?), экономист. Профессор Харьковского коммерческого института (1914-1916) и сельскохозяйственной статистики Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде.
- Виноградский Сергей Николаевич (1856, Киев - 1953, Париж), микробиолог. Директор Института экспериментальной медицины в Петербурге, учредитель Русского микробиологического общества. Профессор сельскохозяйственной бактериологии Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде (1921-1922). С марта 1923 г. жил во Франции, работал в Институте Пастера в Париже.
- Воронец Дмитрий Константинович (1936, Белград), инженер-механик, доктор технических наук. Профессор термодинамики и

- теплотехники Машиностроительного факультета. Член Сербской инженерной академии наук, иностранный член Российской академии строительных наук.
- Воронец Константин Петрович (1902, Киев - 1974, Белград), математик, механик. Профессор Технического факультета в Белграде, основатель Кафедры гидравлики и Кафедры механики жидкого тела. Автор учебников и научных трудов. Академик Сербской Академии наук и искусств.
- Георгиевский Михаил Александрович (1888, Бежецк, Брянская губ. - 1950, Москва), историк, лингвист, общественный деятель. Профессор древнееврейского языка на Богословском факультете в Белграде. Член-основатель Русского археологического общества в Белграде, исследователь памятников ассирийского законодательства и пионер в изучении т. н. „винчанского письма”. Генеральный секретарь Исполнительного бюро Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП).
- Глубоковский Николай Никанорович (1863—1937), Профессор Петроградской духовной академии, академик. Профессор Богословского факультета в Белграде. Позднее - профессор Софийского университета.
- Даманский Александр Филиппович (1899, Харьков - 1968, Белград), химик, доктор химических наук. Профессор Фармацевтического факультета.
- Демин Аркадий (1927, Чока, Банат - 1980, Белград), Доктор с/х наук (1964). Профессор технологии хлебопашеских продуктов Сельскохозяйственного факультета в Белграде.
- Демченко Григорий Васильевич (1869-1958, Суботица), историк права. Профессор Киевского университета Св. Владимира. Профессор энциклопедии права, криминального права и истории народного права Юридического факультета в Суботице (при Белградском университете, 1922-1941).
- Доброклонский Александр Павлович (1856, Павловский Посад, Московская губ. - 1937, Белград), историк церкви. Декан Историко-филологического факультета, ректор Новороссийского университета в Одессе. Профессор церковной истории и патрологии Богословского факультета в Белграде (1920—1937). Автор труда „История Русской церкви” (4 тома). Член Русского научного института в Белграде.
- Елачич Алексей Кириллович (1892, Киев - 1941, Белград), историк, педагог. Доцент Киевского университета (1917-1919), Доктор исторических наук (1924). Профессор Философского факультета в Скопле (при Белградском университете, 1925-1941). Автор трудов о русско-сербских культурных связях, книги „Россия и Балканы”, „История России” и др.
- Жардецкий Вячеслав Сигизмундович (1896, Одесса - 1962, Элькинс, шт. Зап. Виржиния, США), астрофизик, математик, геофизик. Доктор математических наук (1923). Профессор теоретической физики, теории векторов и гидромеханики Философского факультета Белградского университета, сотрудник Белградской обсерватории. После 1943 г. профессор в г. Грац (Австрия), а с 1949 г. - в Нью-Йорке. В Белграде вышли

его книги: „Гидромеханика” (1933), „Математические исследования эволюции Земли” (1935), „Теоретическая физика” (1940).

Житкевич Николай Александрович (1868 - ?), инженер-строитель. Профессор Николаевской инженерной академии в Петербурге, профессор железобетонных конструкций Технического факультета в Белграде.

Зайончковский Петр Эдуардович (1881, Саратов - 1952, Белград), математик. Профессор Киевского гидротехнического института. Профессор теории упругости Технического факультета в Белграде. Автор учебников и многих научных работ.

Зайцев Алексей Михайлович (1857-1939, Белград), профессор Варшавского и Белградского университетов.

Зеньковский Василий Васильевич (1881, Прокуроры - 1962, Париж), историк философии, психологии и русской культуры. Профессор психологии Киевского (1915-1919), затем профессор философии Богословского и экспериментальной психологии и Философского факультетов в Белграде (1920-1923). Позднее жил в Праге и Париже. Автор капитального труда „История русской философии” (1948-1950).

Игнатовский Александр Иосифович (1875, Смоленская губ. - 1955, Белград), хирург-интернист. Профессор Новороссийского, Варшавского и Белградского университетов (1921-1941). Основатель и руководитель Первой клиники по внутренним болезням в Белграде (1921). С 1947 г. занимал ответственные посты в госпиталях Скопле (Македония). Автор ценных трудов „Клини-

ческая семиотика” и „Основы клинической пропедевтики”.

Кишенский Дмитрий Павлович (1856, Тверская губ. - 1933, Прага), врач-бактериолог, патологоанатом, общественный деятель. Ректор Новороссийского университета в Одессе. В 1919-1923 гг. жил в Белграде. Проректор Державной больницы. Инициатор создания Общества русско-сербских врачей и Общества помощи русским учащимся.

Князева-Адамович Светлана Леонидовна (1931, Белая Церковь, Банат), философ, социолог, общественный деятель. Доктор философских наук. Профессор логики, теории познания, математической логики, метаэтики и философии Философского факультета в Белграде. Автор учебников и книг.

Конец Дмитрий Федорович (1868, ст. Каменская, Донская обл. - 1947, Белград), доктор ветеринарии, бактериолог. Профессор Высшей ветеринарной академии в Харькове. Профессор аграрной бактериологии и ветеринарии Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде (1923-1938).

Косицкий Александр Иванович (1881-1955, Белград), механик, доцент Киевского политехнического института. Профессор двигателей внутреннего сгорания, авиационных двигателей и паровых котлов Технического факультета в Белграде.

Краинский Николай Васильевич (1869-1951, Харьков), психолог, общественный деятель, публицист. Преподаватель Киевского университета Св. Владимира, профессор социальной и криминальной психологии и психопатологии Загребского и Белградского университетов (Юридического факультета)

Красенский Дмитрий Сергеевич (1879 - ?, США), профессор отопления и кондиционирования воздуха Технического факультета в Белграде.

Кульбакин Степан Михайлович (1873, Тифлис - 1941, Белград), филолог-славист, палеограф. Профессор старославянского языка Харьковского и Философского факультета в Белграде. Академик Сербской Академии наук (1925). Автор многих научных трудов по истории славянских языков, исследователь древних славянских рукописей.

Ласкарев Владимир Дмитриевич (1868, Бирюч - 1954, Белград), геолог, палеонтолог. Профессор Новороссийского университета в Одессе (1904-1920). Профессор геологии Технического, Естественно-математического и Философского факультетов в Белграде (1921-1954). Мировой ученый по неогене и квартере. Академик Сербской академии наук и искусств (1947), первый управляющий Геологическим институтом при САНУ.

Лебедев Алексей Александрович (1876, Санкт-Петербург - 1964, Сантьяго, Чили), один из основоположников науки об авиационных двигателях, с 1916 г. осуществлял научно-техническое руководство над строительством Военно-воздушного флота и авиационной промышленности России. По личному приглашению короля Александра I Карагеоргиевича, с 1921 г. поселился в Белграде и занял кафедру легких двигателей внутреннего сгорания на Техническом факультете в Белграде. Вел большую научную и преподавательскую работу, консультировал авиационные предприятия. Дейс-

твительный член Французской Академии наук (1939). С 1944 г. жил в Германии, был замдекана Технического факультета Мюнхенского университета. С 1951 г. жил и работал в США и Чили.

Локоть Тимофей Васильевич (1869, Чернигов - 1942, Земун), агроном-селекционер. Доктор с/х наук (1899). Профессор Новоалександрийского с/х института в Харькове. Профессор луговодства и культуры пастбищ Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде (1920-1938), основатель Института с/х машин и орудий, автор научных трудов и учебников. Кавалер многих орденов.

Марков Иван Павлович (? - 1962, США), агрохимик, зоолог, энтомолог. Профессор скотоводства, и зоогигиены Киевского политехнического института и энтомологии. Доктор с/х наук в Берлине. Профессор анатомии и физиологии домашних животных Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде. Основатель Института скотоводства в Белграде.

Марков Константин Васильевич (1883, Симбирск - 1952, Белград), военный инженер-строитель. Профессор технологии материалов Технического факультета в Белграде.

Маркович Валериан Владимирович (1904, Калишь, Польша - ?), профессор Политехнического факультета Белградского университета.

Мошин Владимир Алексеевич (1894, Санкт-Петербург - 1987, Скопле, Македония), палеограф, славист, византинист. Профессор истории Византии Белградского университета. Видный комментатор и издатель памятников древнеславянской письменности.

Никитин Борис Сергеевич (1898 - ?), инженер-строитель. Профессор Технического факультета в Белграде.

Окунев Николай Львович (1886, Халань - 1949, Прага), историк искусства, археолог. Профессор Новороссийского университета в Одессе (1917-1920), профессор истории древнего искусства Философского факультета в Скопле (1920-1923). Руководил комиссией копиистов фресок сербских средневековых монастырей для оформления храма-усыпальницы сербской династии Карагеоргиевичей на Опленце.

■ **Острогорский Георгий Александрович** (1902, Санкт-Петербург - 1976, Белград), историк-византолог. Доктор исторических наук Гейдельбергского университета. Профессор истории Византии Философского факультета в Белграде. Академик Сербской академии наук и искусств и других десяти мировых академий наук. Автор капитального труда „История Византии” (издана на десяти языках).

Пио-Ульский Георгий Николаевич (1864, Могилев - 1938, Белград), инженер-механик. Видный ученый по судовым котлам и турбинам, конструктор. Профессор термодинамики, кинематики машин и паровых турбин Технического факультета в Белграде, автор научных трудов, учебников, основатель музея машин и исследовательских лабораторий.

Погодин Александр Львович (1872, Витебск - 1947, Белград), литературовед, славист. Профессор Харьковского университета, профессор русской литературы Философского факультета в Белграде.



Пушин Николай Антонович (1875, Саратов - 1947, Белград), электрохимик, электрометаллург. Профессор электрохимии, электрометаллургии и физической химии Технического и Философского факультетов в Белграде. Учредитель Института по физической химии и электрохимии (1930). Член-корреспондент Сербской академии наук и искусств.

Рождественский Александр Петрович (1863—1930, Моравска-Тржебова, Чехословакия), доктор богословия. Профессор Петербургской духовной академии, бывший законоучитель дочерей императора Николая II. Профессор Ветхого Завета Богословского факультета в Белграде, затем - Софийского университета.

Розов Владимир Алексеевич (1876-1940), историк культуры, литературный критик, публицист. Преподаватель в Духовной семинарии в Сремски-Карловцах и на Философских факультетах в Скопле и Загребе. Исследователь русско-хорватских отношений.

Рудченко Петр Иванович (1873-1931, Белград), экономист, преподаватель Киевского коммерческого института, профессор Белградского университета.

Рыковский Илья Иванович (1900, Персианов - 1984, Белград), химик, биохимик. Доктор химических наук (1930). Профессор общей и аналитической химии (с 1933 г.) и заведующий кафедрой биохимии Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде.

Рышков Павел Никифорович (1875-1959, Белград), инженер путей сообщения. Профес-

сор Киевского политехнического института. Профессор железнодорожного проектирования Технического факультета в Белграде.

Салтыков Николай Николаевич (1872, Вышний Волочок - 1961, Белград), математик. Профессор Технологического института в Томске, Политехнического института в Киеве, Харьковского университета (1906-1919), Национального грузинского университета в Тифлисе (1919-1921). Эмигрировал в Королевство СХС. Профессор теоретической математики Философского факультета в Белграде. Академик Сербской академии наук и искусств (1946). Автор многих трудов и четырех монографий по теории парциальных дифференциальных уравнений.

Сальников Виктор Никитович (1927, Печь - 2006, Белград), доктор технических наук, видный специалист по гидро-аэромеханике. Профессор Машиностроительного факультета. Действительный член Европейской и Российской академий наук. Читал лекции в Германии и других странах.

Самойлов Григорий Иванович (1904, Таганрог - 1989, Белград), архитектор. Преподавал основы рисунка и живописи на Архитектурном факультете Белградского университета. Видный архитектор общественных и жилых зданий, храмов и вилл в сербско-византийском и современных стилях, выполнял реконструкции исторических зданий, проектировал интерьеры.

Свищев Иван Сергеевич (1875-1973, Лос-Анджелес), геодезист, генерал-майор Генерального штаба Русской армии. Профессор инженерно-строительного отделения Поли-

технического института в Петербурге. Начальник научного отдела Военно-географического института в Белграде, профессор геодезии Технического факультета в Белграде (1924-1944). Автор ценных учебников. Кавалер орденов. С 1938 г. жил в Германии, с 1949 г. - в США.

Серебряков Константин Дмитриевич (1871, Москва - 1930, Белград), инженер-механик. Профессор Харьковского технологического института. Профессор элементов машин и паровых котлов Технического факультета в Белграде.

Смирнов Константин Михайлович (1864-1942, Белград), юрист. Профессор и декан Юридического факультета Новороссийского университета в Одессе. Профессор римского права Юридического факультета в Белграде.

Соловьев Александр Васильевич (1870, Калиш, Польша - 1971, Женева), историк русского и славянского права, литературовед, музыковед, переводчик. Профессор сравнительного славянского права Юридического факультета в Белграде. Видный исследователь сербского памятника средневековья, „Законника короля Стефана Душана”. В 1947 г. назначен деканом Юридического факультета в Сараево. В 1951 г. вынужден был покинуть Югославию, обосновался в Швейцарии. Профессор славянских языков и литературы Женевского университета.

Спекторский Евгений Васильевич (1875, Острог, Волынской губ. - 1951, Нью-Йорк), юрист, социолог, философ. Профессор энциклопедии и истории философии права

Юридического факультета Киевского университета (декан, 1918-1919). Профессор истории общественных теорий и сравнительного конституционного права Юридического факультета в Белграде (1920-1924), затем профессор и декан Русского юридического факультета в Праге, и профессор социологии Университета в Любляне (1930—1945). С 1947 г. обосновался в Нью-Йорке, где состоял профессором Свято-Владимирской православной Духовной академии.

Стебут Александр Иванович (1877-1952, Белград), агроном-почвовед, селекционер растений. Управляющий экспериментальными с/х станциями в Саратове (1910-1915) и Москве (1916-1919), профессор почвоведения Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде (1920-1942, 1948-1952). Основоположник науки о почве в Сербии. Автор учебников „Наука о почвоведении” (1927), опубликованного и в Германии (1930), и трехтомника „Агропедология” (1949-1953). После Второй мировой войны сотрудник Министерства сельского хозяйства.

Струве Петр Бернгардович (1870, Пермь - 1944, Париж), историк, социолог, экономист, публицист, общественный деятель, издатель. В 1928-1941 гг. профессор социологии Юридического факультета Белградского университета (в Белграде, затем - в Суботице). Председатель Русского научного института в Белграде (1928).

Тарановский Кирилл Федорович (1911, Юрьев, ныне Тарту - 1993, Гарвард, США), филолог-славист, историк литературы, переводчик, поэт. Доктор филологических наук Карло-

- ва университета в Праге (1939). Профессор Филологического факультета в Белграде (1945-1958), профессор Гарвардского университета в США. Сотрудник многих сербских литературных журналов. Автор фундаментальных работ по теории литературы.
- Тарановский Федор Васильевич (1875, Плонск, Польша - 1936, Белград), историк славянского права. Профессор истории русского права Петроградского университета (1917), затем в Харькове, Екатеринославе и Симферополе, член Киевской академии наук. Профессор истории славянского права Юридического факультета в Белграде, академик Сербской АН (1933), член-корреспондент Болгарской академии наук, Славянского института в Праге. Автор ценных работ о средневековом сербском государстве, учебников „Энциклопедия права”, „Введение в историю славянского права”. Член и председатель (1931-1936) Русского научного института в Белграде.
- Титов Федор Иванович (1868-1935, Белград), историк Русской церкви, доктор богословия, митрофорный протоиерей. Профессор Киевской духовной академии, настоятель Андреевского собора. Профессор догматического богословия и библейской истории с библейской археологией Богословского факультета в Белграде (1920-1935). Сотрудник сербских газет и журналов.
- Тихомиров Дмитрий Митрофанович (1887, Борисоглебск - ?), врач-патологоанатом. Окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге (1912). Военно-морской врач в Севастополе и Одессе. Профессор патологической анатомии Медицинского факультета в Белграде, заведующий лабораторией патологической гистологии Поликлиники Русского Красного креста в Белграде. После 1945 г. проживал в США.
- Трегубое Сергей Николаевич (1866 - ?), юрист, криминалист. Профессор уголовного права Александровской военно-юридической академии и Училища правоведения в Петербурге. Профессор уголовной техники Юридического факультета в Белграде.
- Троицкий Сергей Викторович (1878, Томск - 1972, Белград), историк церковного права. Доцент канонического права Историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. Профессор Богословского факультета в Белграде (1920-1929; 1941-1945) и профессор церковного права Юридического факультета в Суботице (1929-1941). Автор многих научных трудов. Специалист по вопросам брачного права.
- Тяпкин Дмитрий Аркадьевич (1926, Печ), инженер-электротехник, доктор технических наук. Профессор и декан Электротехнического факультета Белградского университета, член-корреспондент Европейской академии наук, искусств и литературы, член Инженерной академии Югославии.
- Фармаковский Владимир Владимирович (1880, Симбирск - 1954, Белград), инженер-механик. Профессор прикладной механики Политехнического института в Киеве. С 1920 г. профессор паровых машин Технического факультета в Белграде. Академик Сербской академии наук и искусств (1948). Автор научных работ по паровозам, паровым машинам и турбинам.

Фетисов Петр Павлович (1877, Москва - 1926, Загреб), архитектор, историк архитектуры. Профессор истории архитектуры древнего мира Технического факультета в Белграде, позднее - профессор Загребского университета.

Хлытчиев Яков Матвеевич (1886, Нахичевань - 1963, Белград), инженер-кораблестроитель, механик. Конструктор Адмиралтейских и Балтийских заводов (1912-1918). Профессор технической механики, гидравлики, теории корабельных конструкций и сопротивления материалов Технического факультета в Белграде. Создал Судостроительный отдел при Университете, руководил Отделением прикладной механики Института механики при Сербской Академии наук и искусств, академик Сербской академии наук и искусств (1955), организатор первых трех международных конгрессов по теоретической и прикладной механике в Югославии.

Челинцев Александр Николаевич, агроном-экономист. Профессор аграрной политики Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде. В 1930-е годы покинул Сербию.

Чернозубов Никтополион (1890, Нижний Новгород - 1967, Белград), врач-эпидемиолог. Профессор эпидемиологии Медицинского факультета в Белграде (1946-1962). Автор учебника „Общая эпидемиология”.

Чернявский Павел Иванович (1892, Ростов-на-Дону - 1969, Волгоград, СССР), ботаник, палеонтолог. Профессор Естественно-математического, Сельскохозяйственного и Лесного факультетов в Белграде. Виднейший палеоботаник в Сербии, родоначальник палеопалинологии, фитогеографии,

фитоэкологии, геоботаники, эволюции растений. Видный музеолог, создатель гербариев. В 1950 г. был вынужден выехать в Болгарию, позднее переехал в СССР.

Чубинский Михаил Павлович (1871-1943, Белград), юрист, криминалист. Профессор уголовного права Петербургского и Белградского университетов (ректор Юридического факультета в Суботице), член Постоянного законодательного совета при югославском Министерстве юстиции, автор работ по уголовному праву. При его содействии в Белграде были открыты Институт и Музей криминалистики.

Шапшал Илья Федорович (1878, Санкт-Петербург - 1949, София), врач-хирург. Приват-доцент Новороссийского университета в Одессе. С 1921 г. профессор нормальной анатомии Медицинского факультета в Белграде, а в Русско-сербской гимназии преподавал гигиену. В 1923 г. переехал в Болгарию, где возглавлял кафедру при Софийском университете.

Шеншин Алексей Иванович (1892 - ?, Каир), ученый-лесовод. Профессор по оценке и статистике лесов Сельскохозяйственно-лесного факультета в Белграде (1920-1939). Перед Второй мировой войной переехал в Египет.

Шкурина Татьяна Петровна (1914, Санкт-Петербург - 2008, Белград), врач-гинеколог. Профессор гинекологии Медицинского факультета в Белграде (1972-1978). Изучала гинекологическую онтологию. Автор более 130 научных трудов. Кавалер орденов и медалей.

Щегловитов Вениамин Николаевич (1875,

Орел - 1955, Белград), инженер путей сообщения. Профессор Технического факультета Белградского университета.

Щербаков Алексей Иванович (1858, Москва -

1944, Белград), врач-интернист, бальнеолог. Профессор Варшавского, затем Новороссийского университета в Одессе (1908-1917). Советник-бальнеолог при Министерстве здравоохранения в Белграде (1921-1936), профессор бальнеологии Медицинского факультета Белградского университета (с 1924 г.). Видный исследователь сербских курортов и источников минеральных вод.

Ученые, литераторы, журналисты, педагоги, поэты

В своем выступлении на IV съезде русских академических организаций за границей профессор Е. В. Спекторский, председатель Русского научного института в Белграде, отметил: „Когда гонимые на родине английские пуритане уходили в заморские края, они уносили с собой самое священное и ценное для них, именно Библию. Когда Наполеон на коне, окруженный блестящей свитой, входил в одни ворота Иены, в другие пешком уходил Гегель, неся под мышкой рукопись „Феноменологии духа“. Подобным образом и русские ученые уходили в изгнание с пустыми руками, но с полным сердцем. Они уносили с собой не сундуки, наполненные хозяйственным добром, а священное пламя русского духа. И первой их заботой при водворении на чужбине было стремление не удушить этого

духа, сохранить пламя и передать его идущему на смену поколению”.

Русские гуманитарии (ученые, педагоги, литераторы), обосновавшиеся в Сербии продолжали свое служение русской науке и культуре, воспитывали второе поколение русских на чужбине, но и самоотверженно служили своей „второй родине“. В особенности они оказались нужными в отсталых районах Сербии и в северных территориях, Воеводине (до 1918 г. находившихся в составе Австро-Венгрии). Между мировыми войнами в средних учебных заведениях Воеводины преподавало более 350 русских преподавателей. Примерно столько их было и в центральной и южной Сербии.

Русские литераторы и журналисты становились сотрудниками и корреспондентами сербских и русских печатных органов, возникших на чужбине. Тысячи их работ, опубликованных в литературно-общественных журналах „Сербский литературный вестник“, „Мысль“, „Новая Европа“, „Эпоха“, „Политика“, „Время“ и др., не утратили свою актуальность. В одном только журнале „Летопись Матицы сербской“ в межвоенный период свыше 20 русских опубликовали более двух сотен очерков, рецензий и статей по общим вопросам славянских культур, литературоведению, социологии, экономике, законодательству.

В 1925 г. в Белграде был создан *Союз русских писателей и журналистов*, насчитывавший более 200 членов. В него вступали и молодые русские поэты „белградского круга“. Постепенно акклиматизируясь в Сербии, они интересовались югославской литературой и поэзией, становились первыми переводчиками сербских поэтов на иностранный (русский) язык.



Бек-Софиев Юрий Борисович (1889, Бела, Польша - 1975, Алма-Ата), поэт „русского белградского круга”.

Гальской Владимир Львович (1908, Золотарево, Орловская губ. - 1961, Касабланка, Марокко), поэт „русского белградского круга”.

Грицкат-Радулович Ирина Георгиевна (1922, Белград - 2009, Белград), филолог-славист, поэт, мемуарист. Академик Сербской Академии наук и искусств. Многолетний сотрудник при составлении академического „Словаря сербскохорватского литературного и народного языка”, начальник Археологического отделения Национальной библиотеки Сербии. Лауреат югославских орденов и наград.

Дураков Алексей Петрович (1898, имение Дураково, Пензенская губ. - 1944, Прогар, близ Белграда), поэт „русского белградского круга”, преподаватель гимназии в г. Вранье (Южная Сербия). Геройски погиб как воин Народно-освободительной армии, обороняя отступление своего батальона.

Жуков Евгений Андреевич (? - 1959, Белград), журналист, корреспондент русских и зарубежных европейских газет из Югославии. Один из основателей Союза русских писателей и журналистов в Югославии (1925), основатель и директор белградского концертного агентства „Югоконцерт”, благодаря которому в Югославии гастролировали выдающиеся мировые артисты, инструменталисты, хоры и оркестры.

■ Иванников Михаил Дмитриевич (1904, Георгиевск, Кавказ - 1968, Белград), писатель, кинооператор. Пионер и один из самых вы-

- дающихся кинооператоров в Сербии, довоенного и послевоенного кино и ветеран Белградского телевидения.
- Кискевич Евгений Михайлович (1891-1945, Белград), поэт. Член поэтических кружков „Русского Белграда”.
- Ксюнин Алексей Иванович (1882-1938, Белград), журналист, общественный деятель. Один из основателей Союза русских писателей и журналистов в Белграде, сотрудник многих сербских и русских газет и журналов.
- Музен Петр Владимирович (1912, Николаев - 1996, Ланхпам, шт. Мериленд, США), доктор математических наук (1937). Астроном при Белградской (1938-1942), Берлинской и американских обсерваториях (при НАСА).
- Неймирок Александр Николаевич (1911, Киев - 1973, Мюнхен), поэт, общественный деятель. Поэт „русского белградского круга”.
- Олейникова-Радошевич Наталья Дмитриевна (1903, Казанлык, Казахстан - 1980, Белград), филолог-славист, доктор филологических наук. Профессор Пединститута в Белграде. Автор учебников русского языка и пособий по методике обучения русскому языку.
- Орлов Георгий Витальевич (1893, Рига - 1968, Белград), педагог, историк, археолог, нумизмат. Преподаватель истории в гимназиях, лектор на кафедре славистики Филологического факультета Белградского университета.
- Пейхель Василий Александрович (1888, Вознесенск - 1964, Нови-Сад), педагог. Окончил Философский факультет Новороссийского университета в Одессе. С 1919 г. жил в Королевстве СХС. Преподаватель гимназий в городах Прокупле, Алексинац, Аранджеловац, Крагуевац. Сотрудничал с Министерством просвещения по вопросам реформы основного образования Королевства Югославии. Написал ряд книг по педагогике, переводил труды К. Ушинского, Н. Левитова, Б. Бехтерева. После Второй мировой войны был профессором русского языка Пединститута в Нови-Саде.
- Плетнев Владимир Дмитриевич (1879-1948, Касабланка, Марокко), педагог. Профессор Петербургского университета. Основатель и директор Русско-сербской гимназии в Белграде, секретарь Государственной комиссии по устройству русских беженцев в Королевстве СХС.
- Плетнев Ростислав Владимирович (1903, Санкт-Петербург - 1985, Монреаль, Канада), славист, историк русской литературы. Доктор филологических наук Карлова университета в Праге (1928). Преподаватель гимназий в сербских городах Вршац, Вальево, сотрудник сербских литературных журналов. С 1951 г. проживал в Канаде. Профессор русской литературы университетов в Монреале и Оттаве. Автор многих работ по русской литературе.
- Работин Владимир Иванович (1903, Москва - Франция), филолог-романист. Доктор филологических наук Страсбургского университета (1930). Преподаватель в гимназиях Нови-Сада и Белграда. Сотрудник сербских литературных журналов. После Второй мировой войны проживал во Франции. Профессор русского языка Реннского университета.

- Сердюкова Александра Анатольевна (1893, Омск - 1978, Нови-Сад), педагог, литературовед, поэт. Член и председатель Новисадского отделения „Русской матицы”, автор исследований по русской литературе, социологии, эстетике, философии.
- Скрынченко Дмитрий Васильевич (1874, Песковатки, Воронежская губ. - 1947, Нови-Сад), педагог, публицист. Окончил Казанскую духовную академию (1901), издатель журнала „Минские епархиальные ведомости”, „Минская старина” и др. На его инициативу в Минске были основаны Историко-археологический институт и Музей. В эмиграции с 1919 г. Член и председатель Новисадского отделения „Русской матицы”, преподаватель истории, географии и латинского яз. в Сербской женской гимназии в Нови-Саде, библиотекарь Общества по сотрудничеству Воеводины с СССР.
- Таубер Леонид Яковлевич (1872-1943, Белград), юрист, экономист. Профессор Харьковского коммерческого института, приват-доцент Юридического факультета в Харькове. Профессор Торговой академии в Белграде, автор учебника „Коммерческое право” (1933) и сотни статей по торговому законодательству.
- Шпаковский Анатолий Игнатьевич (1895, Санкт-Петербург - 1988, Хантсвилль, Алабама, США), педагог, социолог, доктор философских наук. Преподаватель философии, французского и немецкого языков в сербских гимназиях. Автор трудов по философии культуры и психологии.

Историки

Русским историкам в Сербии принадлежит почетное место в изучении истории, искусства и языка сербского средневековья, сербско-византийских и русско-сербских культурных связей и влияний. Имена ученых Г. А. Острогорского, А. В. Соловьева, Ф. В. Тарановского, С. М. Кульбакина, А. Л. Погодина, Н. Л. Окунева, И. Н. Голенищева-Кутузова, В. А. Мошина, А. К. Елачича, И. Г. Грицкат широко известны в научном мире.

К этой плеяде можно причислить еще ряд имен, много сделавших на плане составления сербских учебников по истории, собирания данных и публикации трудов о русской эмиграции в Сербии:

- Маевский Владислав Альбинович (1893, Полтавская губ. - 1975, близ Нью-Йорка), историк культуры и русско-сербских связей, библиотекарь Патриаршей библиотеки в Белграде. Автор многих книг, включая известный двухтомник „Взаимоотношения России и Сербии: Русские в Югославии”.
- Полчанинов Ростислав Владимирович (1919, Новочеркасск), юрист, журналист, педагог, общественный деятель, коллекционер. Видный деятель и историк русского скаутского движения, а также собиратель материалов и историк русской эмиграции в Югославии (детство и молодость прожил в Сараево и Белграде). Вносит существенный вклад в изучение малоизвестных страниц истории и культуры России и Русского зарубежья. После Второй мировой войны проживает в США.

Сухотин Лев Михайлович (1879, Москва - 1948, Белград), историк, литературовед. Автор учебников по истории древнего мира и России (на сербском и русском яз.), трудов об опричнине, боярской думе при Иване Грозном, брачных союзах потомков св. князя Владимира, исследований „Любовь в русской лирике XIX века” и „Фет и Елена Лазич”. Директор и преподаватель латыни и истории Русско-сербской женской гимназии в Белграде.

Хара-Даван Эренжен Даваевич (1883, Тундутово, Астраханская губ. - 1942, Белград), по профессии доктор медицинских наук, калмык, приверженец евразийского движения в эмиграции. В Белграде в 1929 г. был опубликован его ценный исторический труд „Чингисхан как полководец и его наследие”, основывающийся на данных из европейских архивов.

Смирнов Сергей Николаевич (1877-1958, Монтевидео, Уругвай), инженер путей сообщения, археолог, историк искусства. Управляющий императорским дворцом в Павловске под Петербургом, секретарь вел. кн. Иоанна Константиновича Романова и его вдовы кн. Елены Петровны Карагеоргиевич, с которой эвакуировался в Королевство СХС. Библиотекарь Королевской библиотеки в Белграде, руководитель работ по оформлению интерьеров Храма-усыпальницы Карагеоргиевичей на Опленце. Собирател документов о русской эмиграции в Югославии (хранятся в Рукописном отделении Национальной библиотеки Сербии). После Второй мировой войны проживал в Уругвае.

Переводчики художественной литературы

Между двумя мировыми войнами в югославской периодике русские опубликовали сотни статей о русской и советской художественной литературе. Согласно одной библиографии, Л. Г. Захаров опубликовал 240 статей, Н. Я. Федоров - 140, П. А. Митропан - 72, А. Л. Погодин - 67, А. К. Елачич - 64, А. А. Сердюкова - 42, Е. В. Спекторский - 30, И. Н. Голенищев-Кутузов - 30, К. Ф. Тарановский - 25.

Все они содействовали ознакомлению и переводам русской художественной литературы. В Сербии были выпущены собрания сочинений Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Горького, сборники и антологии поэзии русского „золотого” и „серебряного” века, произведения советских писателей и поэтов. С. Н. Сластиков переводил сочинения Тургенева, В. Г. Лидина, П. А. Митропан - Достоевского и Короленко, К. Ф. Тарановский - пьесы Островского, Чехова, Горького, стихи Есенина.

„Братья Грузинцевы” - одно из русских издательств в Нови-Саде (1920-1923), - опубликовало на сербском языке около восьмидесяти книжек популярной серии „Дешевая библиотека русской литературы”, три сборника рассказов русских классиков и десятков книжек серии „Детская радость”. Эти общедоступные издания многих сербских читателей впервые знакомили с произведениями русских писателей.

В 1926 г. Анатолий Иванович Прицкер в Белграде создал сербское книгоиздательство „Народное просвещение” („Народна просвета”, ныне „Просвета”), одно из самых значитель-

ных сербских издательств на протяжении десятилетий. Его редакторами и сотрудниками являлись самые известные сербские писатели, литературоведы. Издательство прославилось выпуском больших серий книг „Библиотека иностранной литературы” и „Библиотека сербских писателей”.

Три молодых поэта „белградского круга”, И. Н. Голенищев-Кутузов, А. П. Дураков и Е. Л. Таубер, совершили своеобразный подвиг - на русский язык перевели подборку стихотворений современных сербских поэтов. В издании Союза русских писателей и журналистов вышла их „Антология новой югославянской лирики” (Белград, 1933).

Период после Второй мировой войны был ознаменован интересом к советской культуре и интенсивными переводами популярных изданий, на темы общественных наук, литературы, техники. Русские, проживавшие в Сербии, часто выполняли заказы издательств, которые крайне редко указывали фамилии переводчиков.

В наши дни одним из самых выдающихся переводчиков русской художественной литературы в Сербии, „второго поколения”, является Лидия Владимировна Затворницкая-Суботина. Среди авторов ее переводов встречаем имена Гоголя, Кузмина, Бунина, Ремизова, Мережковского, Вяч. Иванова, Брюсова, Цветаевой, Ахматовой, Сологуба, Пастернака, Леонтьева, Розанова, Флоренского, Шкловского, Жирмунского, Эйхенбаума, Аверинцева, Лихачева, Меня, Солженицына, Набокова, Битова, Войновича, Т. Толстой, Пелевина и других.

■ Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904, Натальино, Саратовская губ. - 1969, Москва), доктор философских наук, педагог, историк литературы, фольклорист, поэт, переводчик. Доцент Философского факультета Белградского университета (преподаватель старофранцузского языка).

Грицкат-Радулович Ирина Георгиевна (1922, Белград - 2009, Белград), лингвист-сербист, академик Сербской академии наук и искусств, переводчик русской поэзии на сербский язык (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Кольцов, Фет, Некрасов, Бальмонт, З. Гиппиус, Гумилев).

Затворницкая-Суботина Лидия Владимировна (1930, Белград), видный переводчик русской художественной литературы на сербский язык.

Захаров Евгений (Захаров Лев Горевич; 1903, Одесса - 1975, Белград), литературный критик, переводчик русской литературы XX века, журналист.

Митропан Петр Алексеевич (1891, Орел - 1988, Белград), филолог-славист, переводчик, литературовед. Лектор по русскому языку Философского факультета в Скопле (1920—1931) и Философском факультете в Белграде (1945-1962).

Нейгебауэр Александр Викторович (1930, Белград - 1989, Нови-Сад), доктор филологических наук, германист, поэт. Переводчик английской и американской художественной литературы на сербский язык.

Сластиков Сергей Никифорович (1898, Калуга - 1970, Белград), переводчик, писатель для детей.



Тарановский Кирилл Федорович (1911, Юрьев, ныне Тарту - 1993, Гарвард, США), -филолог-славист, теоретик литературы, поэт, переводчик русской поэзии.

Таубер Екатерина Леонидовна (1903, Харьков - 1987, Мужен, Франция), поэт, переводчик, литературный критик. Видная поэтесса Русского зарубежья. Окончила группу романистики Философского факультета Белградского университета (1928), преподаватель французского языка в гимназии г. Панчево. Член белградских русских литературных кружков и Союза русских писателей и журналистов. Переводила на русский язык стихотворения сербских и югославских поэтов. С 1936 г. жила во Франции.

Федоров Николай Яковлевич (1892, Одесса - Аргентина), литературовед, переводчик русской литературы на сербскохорватский язык.

Театральные и музыкальные деятели

В передовой статье сербско-русского литературно-художественного журнала „Медуза” (1923) содержится своеобразный манифест русских деятелей культуры: „Белград - центр политической и художественной жизни страны и той части России, которая перекочевала сюда, - должен стать центром объединения славян. Здесь, далеко за пределами родины, живо творчество, живо искусство русское, не иссяк источник вдохновения и только обострился от боли, от горьких мучений. Мы познакомим сербов с лучшими образцами творчества тех, кто на своих плечах перенес всю скорбь, все страдания маетной России”.

Обещание выполнено. Русские поистине были вестниками русской и мировой культуры не только в Белграде, но и повсюду, где им пришлось распаковывать чемоданы изгнанников или гостить недолгое время. Меньшинство работало исключительно в рамках русских художественных объединений в Белграде или провинции. Большинство же было связано с существующими тогда сербскими культурными учреждениями.

Вклад русской эмиграции в обновление и развитие культурной жизни Белграда широ-

■ Балет *Охридская легенда*. Нина Кирсанова и Анатолий Жуковский. Белград, 1933 г.



ко известен (драма, опера, балет, музыкальное исполнительство, педагогика...). В провинциальных городах, на театральных сценах, в гостиницах, залах кинотеатров и репетиционных помещениях сокольских, певческих обществ, устраивались русские концерты с танцами, пением, плясками в народных костюмах, оперными ариями, балетными номерами, лихой казачьей джигитовкой, выступлениями оркестров балалаечников и хоров. Здесь выступали солисты бывших императорских оперных и драматических театров, выпускники консерваторий, балетных училищ, циркачи и певцы эстрады. Русские артисты способствовали выявлению и росту местных талантов в провинции, были их первыми учителями, влияли на формирование художественного вкуса, создавали представление о профессиональном уровне артиста.

Концертные выступления русских оперных исполнителей на сцене Сербского национального театра в Нови-Саде и теплый прием публикой этих выступлений сыграли решающую роль в создании собственного оперного ансамбля (1920). В его состав вошли солисты оперных театров Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Варшавы и Тифлиса, которые либо в Нови-Саде имели постоянный ангажемент либо приезжали на гастроли из Белграда. Новисадский оперный хор полностью состоял из русских певцов.

Драматический репертуар сербских театров включал русскую классику. Тон театральной жизни Сербии задавали русские режиссеры, работавшие в театрах Белграда, Нови-Сада, Сомбора, Вел. Бечкерека, Ниша, Крагуеваца, Вршаца, Вел. Кикинды, Панчево, Суботицы, Сремска-Митровицы.

Большие заслуги в ознакомлении сербской общественности с русской музыкой, а также европейской современной и сербской классикой, имела музыкальная семья Слатиных („Трио Слатин,“) - братья Илья Ильич (пианист, дирижер, композитор, педагог), Владимир Ильич (скрипка), Александр Ильич (виолончель) и члены их семейств - Людмила Васильевна, урожд. Троцкая (меццо-сопрано), Ольга Александровна, урожд. Цакони (пианистка) и София Николаевна, урожд. Давыдова (сопрано).

Русские внесли свой заметный вклад в искусство хорового пения в Сербии: основали и дирижировали любительскими и церковными хорами, устраивали духовные концерты, гармонизировали сербские духовные песнопения, преподавали пение в духовных семинариях и гимназиях, изучали православное пение.

Белградское концертное агентство „Югоконцерт“ возглавлял Е. А. Жуков, известный общественный деятель и журналист с большими международными связями, заслугами которого в Сербии гастролировали выдающиеся солисты и коллективы Европы.

Русские принимали участие и в зарождении кино-искусства, художественной фотографии, искусства комикса, эстрады, подготовке музыкальных радио-передач, становлении Белградского телевидения. Балетные, музыкальные и драматические педагоги, как К. Л. Исаченко, Е. Д. Полякова, Н. В. Кирсанова, Ю. Л. Раkitин, Л. Н. Курилова, З. Г. Грицкат, А. А. Бутаков, Н. Н. Архипова, Е. С. Марьящец, Н. Д. Мисочко, С. Г. Гушин, О. К. Молчанова, Т. К. Полонская, Н. Н. Петин и многие другие, вывели на профессиональный путь сотни сербских деятелей искусства.

Приводим имена некоторых:

Арбатский Юрий Михайлович (1911, Москва - 1963, Нью-Хартворд, шт. Нью-Йорк), музыковед, композитор, фольклорист, регент, органист. Учился в консерваториях Праги и Лейпцига. По прибытию в Югославию, в 1933 г. был регентом хоров в г. Лесковац и г. Сремска-Митровица, а с 1935 г. - знаменитого Первого белградского певческого общества и органистом католического костела в Белграде. Основной его деятельностью было собиране, фонографическая и нотная запись фольклора балканских народов. С 1942 г. переехал на жительство в Прагу, а с 1950 г. - в США. Автор симфонических и камерно-инструментальных сочинений. Его музыковедческие работы публиковались в сербской периодике. Автор книги „Этюды по истории русской музыки“.

Архипова Надежда Николаевна (1894, Москва - 1967, Шабац), оперная певица (сопрано), коррепетитор, дирижер, педагог. Солистка Оперной труппы в Нови-Саде, где со своим супругом основала частную школу вокала. Баранов Николай Сергеевич (1893, Москва - 1933, Панчево), оперный певец (баритон), педагог. Солист Оперной труппы в Нови-Саде (1920-1925), со своей супругой основал частную школу вокала.

Бутаков Алексей Алексеевич (1907, Санкт-Петербург - 1953, Белград), пианист, композитор, педагог. Преподаватель Музыкального училища „Мокрания“, музыкальный редактор Белградского радио.

Вальяни Евгения Дмитриевна (1901, Санкт-

Петербург - 1962, Италия), оперная певица (меццо-сопрано), солистка Белградской оперы (1921-1934, с перерывами).

Васильева Яня Владимировна (1912, Варшава - 1999, Менло-Парк, шт. Калифорния, США), балерина, хореограф, ученица Балетной школы Елены Поляковой. Прима-балерина Национального театра в Белграде (1930-1942). Танцевала в русских балетных труппах в Европе (1942-1950), а с 1950 г. переехала в США. В Калифорнии открыла свою балетную школу.

Верещагин Александр Александрович (1880, Москва - 1965, США), актер, режиссер театра, оперы и кино, педагог. Один из пионеров югославского художественного кино (снял кинокартину „Страсть к авантюрам,,). Ставил спектакли на сценах ряда югославских городов.

Волевач Неонила Григорьевна (1892 - после 1931), оперная певица (сопрано). Солистка Мариинского театра в Петербурге и Белградской оперы (1921-1931).

Греч Вера Мильтиадовна (1893-1974, Париж), актриса, режиссер театра, педагог. Часто выступала на белградских театральных сценах (сербских и русских), ставила спектакли, преподавала актерскую игру.

Гринков Алексей Васильевич (1893, Курская губ. - 1966, Земун, близ Белграда), регент, композитор, педагог, специалист по православному церковному пению. Учился в Московской консерватории. В 1925 г. прибыл в Королевство СХС, в Земуне преподавал теорию музыки, а позднее являлся регентом ряда известных белградских церковных хо-



■ Балет *Дон Кихот*. Нина Кирсанова и Анатолий Жуковский. Белград, 1931 г.

- ров. Считался одним из лучших русских регентов в Сербии.
- Грицкат Зинаида Григорьевна (1889, Керчь - 1963, Белград), музыкальный педагог по классу фортепьяно, музыковед. Окончила Петербургскую консерваторию. Преподаватель музыкальных училищ „Станкович” (1920-1948) и „Мокранияц” (1948-1954) в Белграде. Автор статей о русской музыке и технике фортепьяно.
- Гущин Степан Георгиевич (1888, Ахтырка, близ Харькова - 1970, Ниш), регент, педагог. Окончил Историко-филологический факультет и консерваторию в Киеве. С 1920 г. регент многих церковных и любительских хоров в городах Сербии (Панчево, Призрен, Белград, Ниш, Вранье). Преподавал пение в духовных семинариях и музыкальных училищах. Директор музыкального училища в Нише, почетный член Союза музыкальных деятелей Сербии.
- Драусаль София Рудольфовна (1893, Александровск - 1991, Белград), оперная певица (колоратурное сопрано). Солистка Одесской, Новисадской (1920-1928, с перерывами) и Белградской оперы (1928-1941).
- Жуковский Анатолий Михайлович (1905, Седлецкая губ. - 1998, Менло-Парк, шт. Калифорния, США), балетный танцор, балетмейстер, хореограф, режиссер. Шеф Балета Национального театра в Белграде. Помимо классического балета изучал балканский фольклор, ставил балеты, используя народные танцы балканских народов.
- Исаченко Клавдия Лукьяновна, балерина, хореограф, педагог. Основательница Балетной школы пластического танца при Национальном театре в Белграде (1920). В этом театре выступает как балерина и работает хореографом (1920-1923).
- Канукова-Краснопольская Евгения Александровна (1882-1946, Белград), вокальный педагог. Преподаватель музыкального училища „Станкович” в Белграде.
- Каракаш Михаил Николаевич (1887, Симферополь - 1937, Бухарест), оперный певец (баритон), актер, педагог. Солист Белградской оперы (1922-1935). Основатель частной школы киноискусства в Белграде.
- Кирсанова Нина Васильевна (1889, Москва - 1989, Белград), прима-балерина, хореограф, педагог, археолог. С 1923 г. солистка и хореограф Балета Национального театра в Белграде (1923-1950, с перерывами). Видный педагог. В 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию по археологии - изучала танцы древних народов.
- Конради Дмитрий Николаевич (1900 - ?, США), пианист, аккомпаниатор, корпетитор Национального театра в Белграде (1935-1941).
- Костина Людмила Михайловна (1908, Ростовна-Дону - 1974, Скрадин, Далмация, Хорватия), балерина, хореограф, актриса, поэт. Танцовщица и хореограф Национального театра в Белграде и Сербского национального театра в Нови-Саде.
- Курилова Любовь Николаевна (? - 1963, Белград), вокальный педагог. Многолетняя преподавательница музыкального училища „Станкович” в Белграде.
- Лескова-Верещагина Александра (1891, Москва - 1933, Белая Церковь, Банат), актриса,

- режиссер. В 1919 г. работала во многих театрах страны.
- Лукьянова Татьяна Львовна (1923, Белград - 2003, Белград), театральная и киноактриса. Окончила Русско-сербскую гимназию в Белграде. Училась драматическому искусству у актрисы МХТ-а Веры Греч. С 1928 г. до последних лет жизни состояла членом труппы Белградского драматического театра. После ее кончины этот театр учредил награду „Татьяна Лукьянова”.
- Мансветова Лидия Васильевна (1893, Санкт-Петербург - 1966, Сплит), актриса, режиссер, педагог. Работала во многих театрах страны.
- Марьяшеч Евгений Семенович (1883, Одесса - 1953, Титоград, Черногория), оперный певец (бас), театральный режиссер, педагог. Солист Белградской и Новисадской опер, преподаватель вокала в Нови-Саде и Титограде.
- Миклашевский Олег Сергеевич (1903, Ялта - 1992, Плэйнвью, близ Нью-Йорка), актер, режиссер. Актер в русских театральных труппах в Белграде, основатель и управляющий Обществом русских сценических деятелей в Сербии.
- Мисочко-Егорова Нина Дмитриевна (1888—1969, Белград), пианистка, музыкальный педагог. Выпускница Петроградской консерватории (1917). Преподавала фортепиано в музыкальном училище (1920-1939) и Музыкальной академии (1939-1949) в Белграде.
- Молчанова Ольга Константиновна (1879, Калуга - 1971, Нью-Йорк), вокальный педагог. Окончила Одесскую консерваторию. Преподаватель вокала в музыкальном училище в Нови-Саде (1920-1956).
- Монастри-Кулелли Ника (1898, Киев - 1969, Белград), оперная певица, педагог. Окончила Киевскую консерваторию. Преподавала вокал в Музыкальной академии в Белграде (1938-1942), в Скопле и Панчево.
- Нелидов Владимир Александрович (1887, Санкт-Петербург - 1978, Париж), композитор, пианист, дирижер, педагог. Концертмейстер, композитор и дирижер Национального театра в Белграде (1920-1927), автор оперы „Смерть матери Юговичей” по мотивам сербского средневекового эпоса. С 1928 г. жил во Франции.
- Оленина Марина Петровна (1907, Москва - 1963, Белград), балерина, хореограф, педагог. Солистка балета Национального театра в Белграде (с 1923 г.). После войны - руководитель и хореограф художественного коллектива Югославской народной армии, основатель Балетной труппы при Сербском национальном театре в Нови-Саде (1949).
- Павловский Феофан Венедиктович (1880, Павлоград, Екатеринославская губ. - 1936, Каунас, Литва), оперный певец, режиссер театра, педагог. Режиссер Драмы и Оперы Национального театра в Белграде (1921—1928), преподаватель Актерско-балетной школы, режиссер постановок русских театральных трупп в Белграде.
- Панаев Михаил Николаевич (ок. 1905, Нижний Новгород - 1982, Голливуд, США), артист балета, балетмейстер, педагог. Солист балета Национального театра в Белграде. После Второй мировой войны сделал карьеру в США.

Петин Николай Николаевич (1919, Екатеринодар - 2004, Нови-Сад), композитор, педагог, музыкальный критик. Профессор Музыкальной академии в Нови-Саде. Автор симфонических, вокально-инструментальных сочинений. Удостоен почетного диплома Музыкального центра в Кембридже (1977), медали Международного академического фонда „Альберт Эйнштейн” (1990), звания „honoris causa” доктора музыки этого фонда при ООН (1991).

Полонская Тамара Константиновна (1920, Севастополь - 1998, Белград), балерина, педагог. Ученица Балетной школы Елены Поляковой в Белграде. Солистка балета Национального театра в Белграде (с 1937 г.). После Второй мировой войны занималась педагогической деятельностью в городах Сербии и белградском Балетном училище и Академии искусств (Театр, кино, телевидение) в Белграде.

■ Полякова Елена Дмитриевна (1884, Санкт-Петербург - 1972, Сантьяго, Чили), балерина, режиссер, хореограф, педагог. Солистка парижской труппы С. Дягилева. Прима-балерина, хореограф и режиссер Национального театра в Белграде (1922-1927), педагог классического балета в Актерско-балетной школе. Под конец 20-х гг. открыла собственную Балетную школу, из которых вышли лучшие балетные кадры страны.

Попов Борис П. (1888, Новогеоргиевск - 1946, Любляна), оперный певец (бас-баритон). Солист Большого театра в Москве. Солист Белградской (1924-1939) и Люблянской опер (1939-1946).



Попова Елизавета Ивановна (1883, Астрахань - 1967, поселок Лазаревское, близ Сочи), оперная певица (сопрано), солистка Мариинского, Большого и Национального театра в Белграде (1922-1942). После Второй мировой войны выехала в СССР.

Раkitин Юрий Львович (1882, Харьков - 1952, Нови-Сад), театральный режиссер, педагог. Видный режиссер Национального театра в Белграде (1921-1945) и Сербского национального театра в Нови-Саде (1947-1952), преподаватель театральных училищ в Белграде и Нови-Саде.

■ Роговская-Христич Ксения Ефимовна (1896, Варшава - 1961, Белград), оперная певица (сопрано), солистка московской Оперы Зимины, Большого театра и Белградской оперы (1921-1943, с перерывами).

Селинский Федор Георгиевич (1874, Севастополь - 1957, Руссе, Болгария), скрипач и альтист, дирижер. Дирижер Новисадской оперы и оперетты (1920-1927), Симфонического и Эстрадного оркестров Белградского радио (1929-1949). Вынужден был покинуть Югославию, обосновался в Болгарии.

Соловьева Ольга Михайловна (1900, Одесса - 1974, Цавтат, близ Дубровника, Хорватия), балерина, киноактриса, скульптор, живописец. Как член русских балетных трупп объездила мир. Одна из первых сербских киноактрис (1932-1933).

Фортунатто Александр Константинович (1887 - ?), артист балета, хореограф. Первый танцор, хореограф и режиссер балета Национального театра в Белграде (1923-1927) и





первый директор балетной труппы (1924). С 1929 г. переехал во Францию. В Париже готовил эстрадно-кабаретные программы.

Фроман Максимилиан Петрович (1889, Москва - 1981, Вилимантик, США), артист балета. Солист балета Большого театра в Москве (1907-1917), а с 1919 г. труппы Дягилева. Танцевал в балетной труппе Национального театра в Загребе и Белграде (1927-1929). После Второй мировой войны основал свою балетную студию в США и был профессором балета Гарвардского университета.

■ **Фроман Маргарита Петровна** (1890, Москва - 1981, Бостон, США), балерина, хореограф, педагог. Солистка Большого театра и Труппы Дягилева. Прима-балерина и хореограф национальных театров в Загребе (1921-1950, с перерывами) и Белграде (1927-1931, 1937—1938). С 1950 г. жила и работала педагогом в США.

Холодков Павел Федорович (1888, Рязань - 1967, Белград), оперный певец (баритон), педагог. Солист Оперы Зимина в Москве, Одесской и Белградской опер (1921-1951).

Черепов Александр Филиппович (1892, Литва - 1946, Германия), актер, театральный и кинорежиссер. В 1931 г. в Белграде основал частную театральную школу, а в 1932 г. - Общество друзей кино. Снимал немые кинофильмы.

Юренев Георгий Матвеевич (1891, Москва - 1963, Брюссель), оперный певец (баритон), педагог. Солист Белградской оперы (1921—1928). Гастролировал в Европе. После Второй мировой войны обосновался в Бельгии где занимался педагогической работой.

Янчевецкая Ольга Петровна (1890, Брест-Литовск - 1978, Белград), известная певица и композитор, исполнительница русских и цыганских песен (меццо-сопрано). С 1920 г. жила в Югославии, до 1935 г. в Загребе, а затем - в Белграде, где выступала во многих ресторанах и по Белградскому радио.

Художники

Большинство русских художников в Сербии устроилось на работу преподавателями рисования в средних учебных заведениях провинциальных городов. Бывало, там на эти посты принимались просто образованные, талантливые русские (художники-дилетанты), оказавшиеся в этих городах.

Художники, учившиеся в академиях и училищах России, предпочитали поселиться на побережье Адриатики или в живописной местности, вдохновляющей их на творчество. Обосновавшиеся в Белграде и городах зарабатывали работой в театре, писали портреты местного населения или выполняли заказы - Двора, министерств, Сербской церкви, музеев. Художники-графики становились иллюстраторами в книгоиздательствах, карикатуристами в редакциях газет и журналов.

Имеются сведения, что в межвоенный период в одном Белграде проживало около 30 русских художников-живописцев и 5 скульпторов. Популярность в салонах столицы приобрели импрессионистские портреты Б. И. Пастухова, ре-

алистические жанр-сцены и лирические пейзажи С. Ф. Колесникова и А. И. Лажечникова, сентиментально-романтические сцены из русской и казачьей жизни баталиста А. И. Шелоумова, монументальные, красочные полотна мариниста А. П. Сосновского. Выдающимися скульпторами были Р. Н. Верховской и В. П. Загороднюк.

Русские очень много дали на плане фрескописи, иконописи, многих видов прикладного и театрального искусства. В одном Национальном театре в Белграде трудились сценографы и художники костюма Л. М. и Р. Н. Браиловские, А. А. Вербицкий, В. И. Жедринский, скульптор В. П. Загороднюк.

Вклад русских художников в сербскую культуру сказался и в популяризации искусства. Этому способствовали их персональные и групповые выставки (группа „Круг” и др.), а в особенности международная *Большая выставка русского искусства* (400 работ), проведенная в 1930 г. в Белграде.

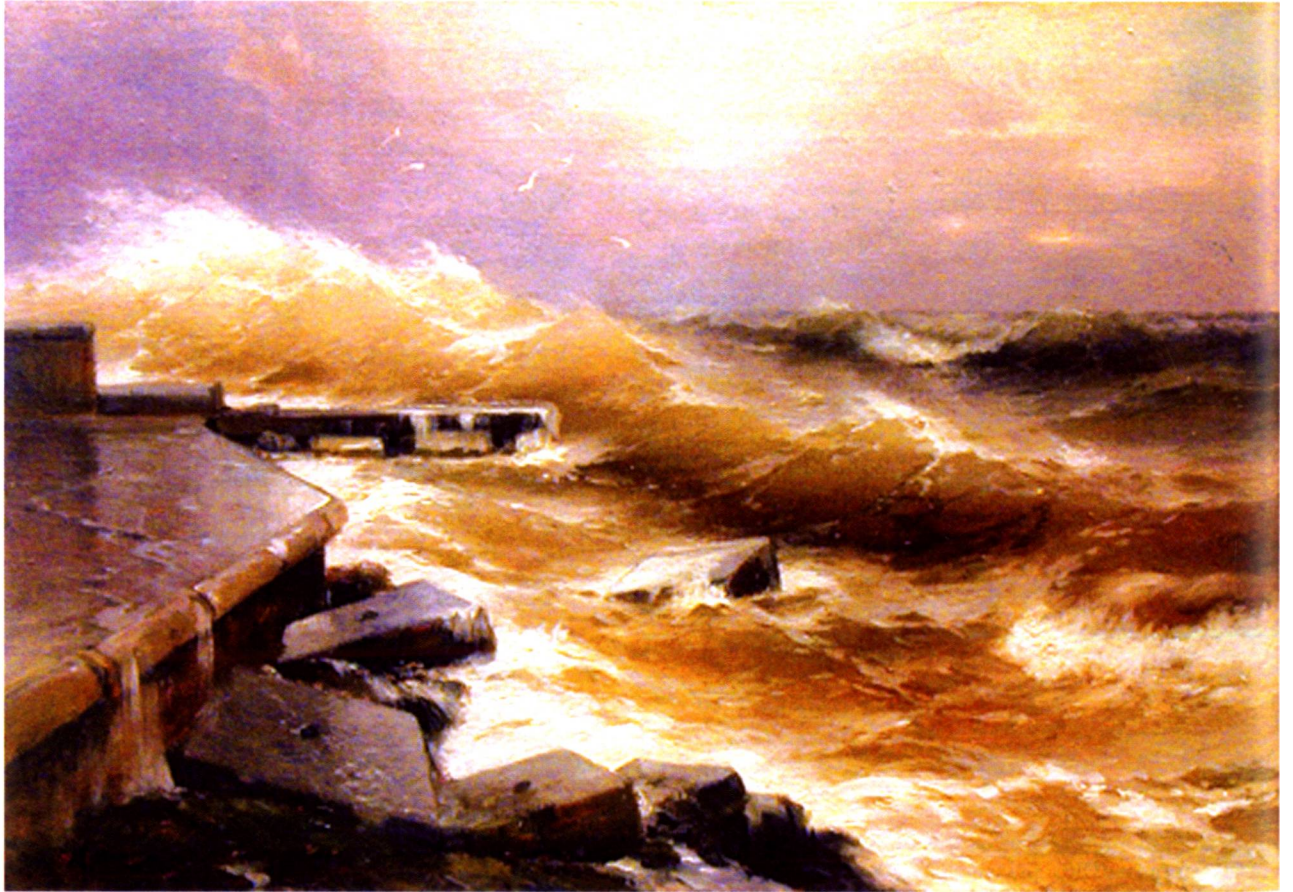
Следует выделить группу талантливых молодых графиков - родоначальников искусства комикса, „белградского круга комиксов” (1934-1941): Г. П. Лобачева, С. Соловьева, К. К. Кузнецова, Н. П. Навоева, И. И. Шеншина, А. Б. Ранхнера.

Несколько русских выдвинулись в жанре художественной фотографии, особенно всесторонне талантливый Г. В. Скрыгин.

Из среды молодых, уже родившиеся в Сербии и окончивших художественное образование после Второй мировой войны, обвенчаны славой три художника: Леонид Шейка, Оля Иващенко и Игорь Васильев.



■ Алексей Ганзен. Дождливый день. Акварель.



■ Алексей Ганзен. Шторм. Масло.



■ Борис Литвинов-Масальский. Мусульманское кладбище в Скопье. Темпера, 1931 г.

Баев Антоний Павлович (1862, Вологда - 1938, Заечар), живописец, педагог. Преподавал и работал в Восточной Сербии (Княжевац, Заечар). Писал в академической манере натюрморты, пейзажи Сербии и Югославии, картины из быта цыган, религиозные сюжеты, иконы.

Биценко Андрей Васильевич (1886, Курск - 1985, США), живописец, иконописец. Автор фресок и икон во многих храмах Сербии. Писал и портреты. В конце 1920-х гг. поселился в Париже, а с 1951 г. жил в США.

Браиловская Римена Никитична (1877, Дерпт - 1959, Рим), художник сцены (декорации и костюмы) при Национальном театре в Белграде (1921-1924).

Браиловский Леонид Михайлович (1868, Харьков - 1937, Рим), художник, сценограф. Основатель в Белграде художественной мастерской при Национальном театре, где состоял главным художником сцены (1921-1924). С 1924 г. жил в Риме, где работал в Ватикане.

Вандровская Елена Владимировна (1909, Санкт-Петербург - 2004, Белград), художник, консерватор, копиист фресок и икон, педагог. Сотрудница Воеводинского музея в Нови-Саде. Реставрировала и вскрывала фрески в монастырях Фрушка-горы, Македонии. Усовершенствовалась в мировых реставрационных центрах.

Васильев Игорь Алексеевич (1928, Белград - 1954, близ г. Чуприя, Сербия), живописец. Один из самых выдающихся представителей сербской живописи 1950-х гг. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

■ Вербицкий Ананий Алексеевич (1895, Лебедин, Харьковская губ. - 1974, Герцегнови, Черногория), художник, сценограф Национального театра в Белграде (1922—1946) и в Драматическом театре в Белграде (1952-1963), а также в театрах ряда городов Сербии.

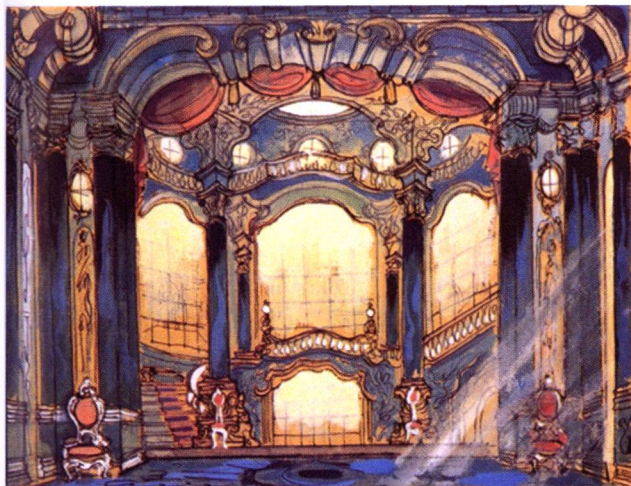


■ Ананий Вербицкий. Театральный эскиз. Темпера

Гулевич Всеволод Константинович (1903, Варшава - 1963, Нью-Йорк), живописец, график, художник комиксов. По заказу белградского Военного музея исполнил 60 акварелей, иллюстрирующих историю сербской военной формы и вооружения. Автор портретов сербских полководцев и монархов, батальных сцен.

Дикой Иван Петрович (1896, Луганск - 1990, Санкт-Петербург, шт. Флорида, США), иконописец, копиист фресок, педагог. Работал над мозаичной отделкой Храма-усыпальницы Королевского дома Карагеоргиевичей на

Опленаце, участвовал в росписи королевской часовни и дворца Короля Александра I на Дединье (Белград), а также многих храмов в Сербии. После Второй войны проживал и работал в Австрии, Венесуэле, Канаде и США.



■ Владимир Жедринский. Театральный эскиз. Темпера, гушь.

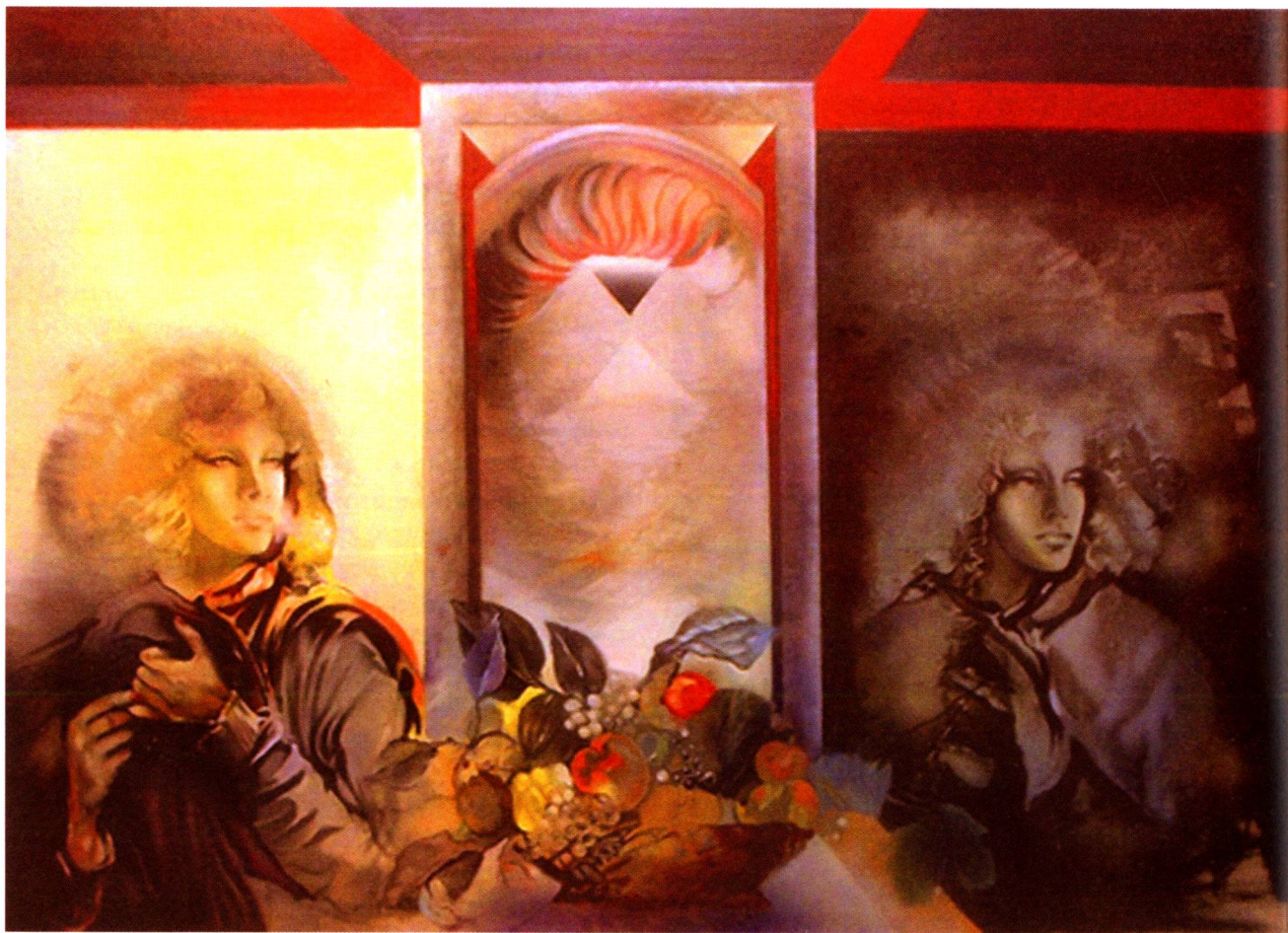


■ Ателье художника В. П. Загороднюка. Белград, 1920-е гг.

■ Жедринский Владимир Иванович (1899, Москва - 1974, Париж), художник театра, иллюстратор, карикатурист. Выдающийся театральный художник Национального театра в Белграде (1922-1941), на сцене которого оформил свыше 150 спектаклей. Сотрудник-иллюстратор многих газет, книг, альбомов. После войны жил и работал в Хорватии, Словении, Марокко, Франции.

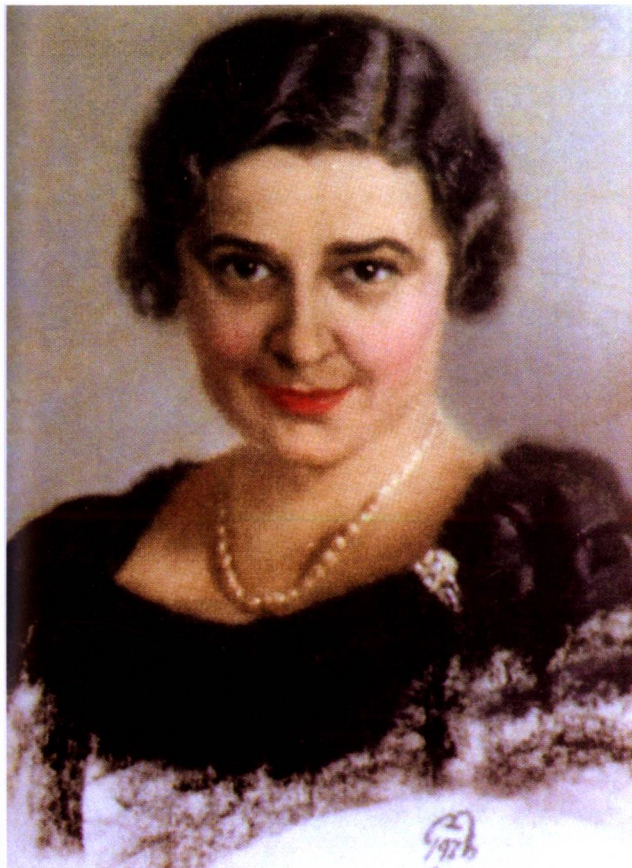
■ Загороднюк Владимир Павлович (1889, Одесса - 1976, Сидней), скульптор, художник театра. Видный художник Национального театра в Белграде (1922-1944). После Второй мировой войны проживал в Австралии.

■ **Иваницкая Ольга Васильевна** (1931, Панчево - 2009, Белград), художник, скульптор. Видная представительница современного югославского искусства послевоенного периода. Член-учредитель художественной группы „Медиала”.



■ Оля Иваницкая. День и ночь. Масло, 1981-1982 гг.

■ Киселева-Билимович Елена Андреевна (1878, Воронеж - 1974, Белград), живописец. Ученица И. Репина в Петербурге. В Сербии писала портреты, пейзажи, декоративные панно, иконы. В 1974 г., к 95-летию со дня рождения художницы, в Воронежском областном музее был организован отдельный зал, в котором представлено 30 ее работ.



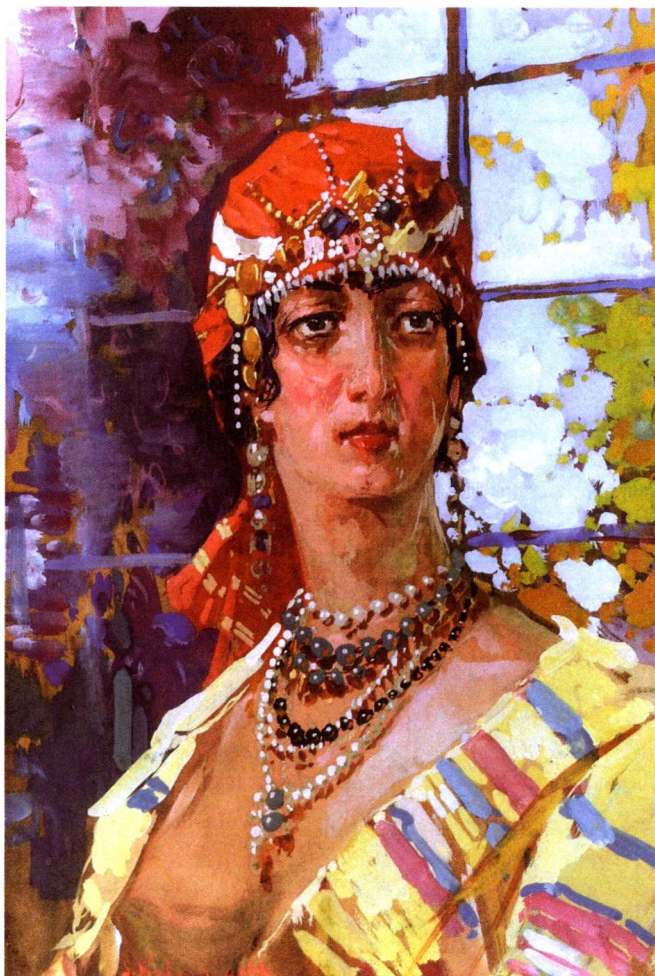
■ Елена Киселева-Билимович. Женский портрет. Масло.

■ Ковалевская-Рык Людмила Николаевна (1893, Киев - 1977, Буэнос-Айрес), художник-живописец, иллюстратор книг, дизайнер. После Второй мировой войны проживала в Аргентине.



■ Художница Л.Н. Ковалевская-Рык и архитектор И. А Рык. Белград, 1930-е гг.

■ **Колесников Степан Федорович** (1879, Адрианополь, Екатеринославская губ. - 1955, Белград), живописец. Академик живописи, ученик И. Репина. С 1919 г. проживал в Королевстве СХС. Один из самых известных русских художников в Югославии. Художник Национального театра в Белграде (1921-1926).



■ Степан Колесников. Портрет супруги Ирины. Темпера.



■ Митрофан Косенко. Танец. Масло.



■ **Косенко Митрофан Петрович (1884-1956,** Сан-Пауло), живописец, педагог. Писал пейзажи Сербии, картины философского и религиозного содержания, исполнял фрески и иконы. Преподавал рисование в сербских и русских средних учебных заведениях в Сербии. После Второй мировой войны жил в Марокко и Бразилии.

Кузнецов Константин Константинович (1895, Воронеж - **1980,** Лос-Анджелес), художник комиксов, иллюстратор, график. Один из пионеров „Белградского круга комиксов” довоенного периода.

Кузнецов Николай Дмитриевич (1852, Херсонская губ. - **1929,** Сараево), художник-живописец, педагог. Окончил Императорскую Академию художеств в Петербурге. С **1920** г. жил и работал в Королевстве СХС.

Куручкин Владимир Семенович (1883, Санкт-Петербург - **1943,** Нови-Сад), художник, иконописец, педагог. Сотрудник Городского музея в Одессе. С **1920** г. проживал в Нови-Саде. Преподаватель рисования, писал иконы и эскизы к витражам.

Кучинский Сергей Иванович (1886, Екатеринослав - **1969,** Риека, Хорватия), живописец, график, художник театра, педагог. Преподавал рисование в белградской Русско-сербской гимназии (**1924-1944**), оформлял спектакли Русского театра, Национального театра, театра Русского дома. Писал пейзажи, натюрморты, портреты. С **1947** г. жил и работал в г. Риека (Хорватия).

Лажечников Александр Иванович (1870, Москва - **1944,** Петровград, ныне: Зренянин), живописец, педагог. Примыкал к группе „Передвижников”. Один из самых известных русских живописцев в Югославии. С **1923** по **1941** г. преподавал рисование в гимназии г. Велики-Бечкерек. Большая коллекция его работ в **1962** г. была отправлена в Москву.

Лобачев Георгий (Юрий) Павлович (1909, Скадар, Албания - **2002,** Санкт-Петербург), художник комиксов, иллюстратор книг, кари-

катурист. Самый известный представитель „Белградского круга комикса”. Создал свыше 30-ти комиксов, некоторые из них на русские темы.

фон Мейндорф Николай Богданович, барон (1887, Вильно - 1969, Зальцбург), живописец, иконописец, мозаичист. Расписывал православные храмы в Сербии (Храм-мавзолей Карагеоргиевичей на Опленце), в Гамбурге, Австрии, США, Брюсселе (Храм-памятник в память Императору Николаю II).

Навоев Николай Павлович (1913, Санкт-Петербург - 1940, Белград), художник комиксов. Один из самых выдающихся представителей „Белградского круга комиксов”. Некоторые его комиксы созданы по произведениям русских писателей („Тарас Бульба”, „Великий комбинатор Бендер,,).

Пастухов Борис Иванович (1894, Рига или Киев - 1974, Лондон), живописец. Видный портретист. Исполнил портреты короля Александра I Карагеоргиевича и членов его семьи. С 1937 г. поселился в Париже, а в 1960-е гг. переехал в Лондон.

Предаевич (Предоевич) Владимир Яковлевич (1890, Одесса - ?, Чили), живописец, иконописец. Писал иконы для многих храмов в Сербии. Член группы русских художников „Круг” в Югославии. После Второй мировой войны проживал в Чили.

Ранхнер Алексей Борисович (1897, Одесса - 1942, Белград), график, художник комиксов, иллюстратор книг. Служил в должности иллюстратора в Министерстве армии и флота. Один из пионеров „Белградского круга комикса”. Автор около 20-ти комик-

сов, в том числе по мотивам произведений Пушкина и Гоголя.

Рудановский Василий (1874, Балахна, Нижегородская губ. - 1957, Австралия), живописец, график, иконописец, реставратор фресок в храмах Сербии. Член-учредитель Объединения художников Моравской области в г. Ниш и один из основателей Городского музея в Нише.

■ **Саркис-Бек Григорий** (1893, Армавир - 1931, Пирот, Сербия), живописец, педагог. Преподавал рисование в гимназиях г. Заечар, г. Неготин (Восточная Сербия) и Пирот (Южная Сербия), вел собственные курсы живописи.

Скрыгин Георгий (Жорж) Владимирович (1910, Одесса - 1997, Белград), мастер художественной фотографии, танцор-балетмейстер, кинооператор, кинорежиссер. Один из самых видных фотографов в Югославии 1930—1970-х гг., лауреат международных призов. Сотрудник при съемках советского кинофильма „В горах Югославии” А. М. Рома (1946), кинооператор первой послевоенной югославской художественной кинокартины „Славица” (1947). Снял и поставил 19 документальных и художественных кинокартин. Кавалер многих орденов и наград.

Соловьев Сергей (1901, Курск - 1973, Масса, Италия), художник комиксов, график. Один из представителей „Белградского круга комикса”. Автор более 30-ти комиксов, преимущественно по мотивам литературных произведений и приключенческих кинокартин. После Второй мировой войны проживал в Италии.

■ Георгий Саркис-Бек. Портрет Веры Силаевой. Масло, 1927 г.





■ Константин Чубков. Дом Радул-бега в Заечаре. Акварель.

■ **Чубков Константин Ефимиевич** (1897, Екатеринодар - 1988, Заечар, Сербия), живописец. Писал акварелью и темперой пейзажи старого г. Заечар (Восточная Сербия). Его произведения представляют культурно-историческую ценность для Заечарского края. Устраивал групповые выставки художников, читал доклады по истории искусства. На его квартире собирались художники и любители искусства.

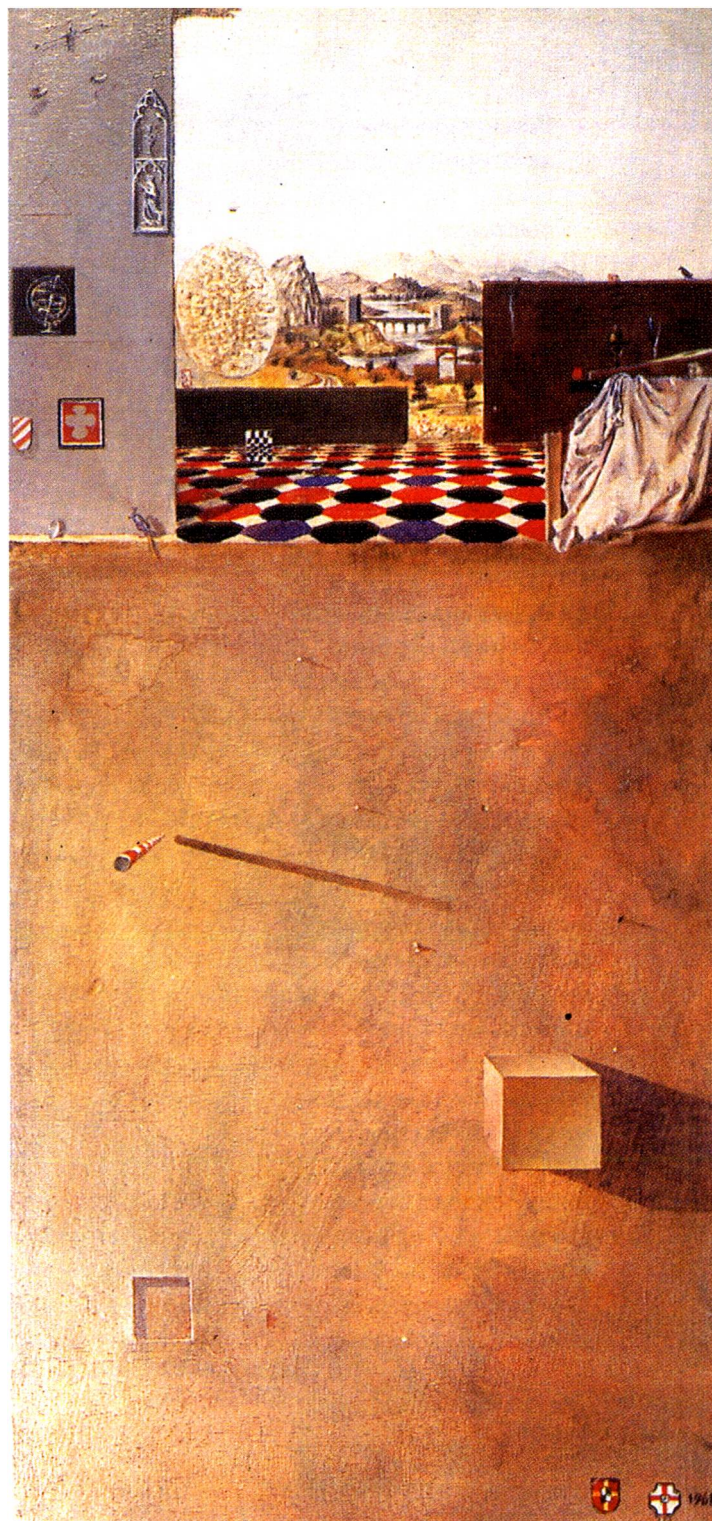
Сосновский Арсений Петрович (1895, Киев - 1967, Люсечиль, Швеция), живописец-маринист, педагог. Жил и преподавал в г. Цетинье (Черногория), а в конце 1930-х гг. поселился в Белграде. Писал в основном морские пейзажи, которые имели успех на персональных выставках в Белграде, Загребе, Праге, Париже, Брюсселе. После Второй мировой войны жил в Швеции.

Софронов Пимен Максимович (1898, Тихотка, Псковской губ., ныне Эстония - 1973, Мелвилл, Лонг-Айленд, США), иконописец. Происходил из семьи крестьян-старообрядцев. Работал в Риге, Париже, Бельгии, Праге. По приглашению короля Александра I в 1934 г. приехал в Югославию для росписи дворцового храма. Возглавил созданную при содействии Синода Сербской церкви трехгодичную иконописную школу в монастыре Раковица (под Белградом).

Фроман Павел Петрович (1894, Москва - 1940, Брестовац, близ Загреба, Хорватия), живописец, художник театра. Работал художником при Национальном театре в Белграде (1924-1927), участвовал в выставках Объединения русских художников в Королевстве СХС.

■ **Шейка Леонид Трофимович** (1932, Белград - 1970, Белград), живописец, график. Один из самых видных представителей современного искусства Югославии 1960-х гг. Член-учредитель художественной группы „Медиала”.

Шелоумов Афанасий Иванович (1892, Балта, Херсонская губ. - 1983, Штарнберг, близ Мюнхена), живописец-баталист. Жил в г.



Велики-Бечкерек (ныне Зренянин). После Второй мировой войны проживал в Германии, где устраивал свои персональные выставки.

Шеншин Иван Иванович (1897, Пенза - 1944, Белград), художник комиксов, график.

Один из представителей „Белградского круга комиксов”. Создал около 20-ти комиксов, иллюстрировал книги, рисовал рекламу, сотрудничал в белградских газетах.

Архитекторы

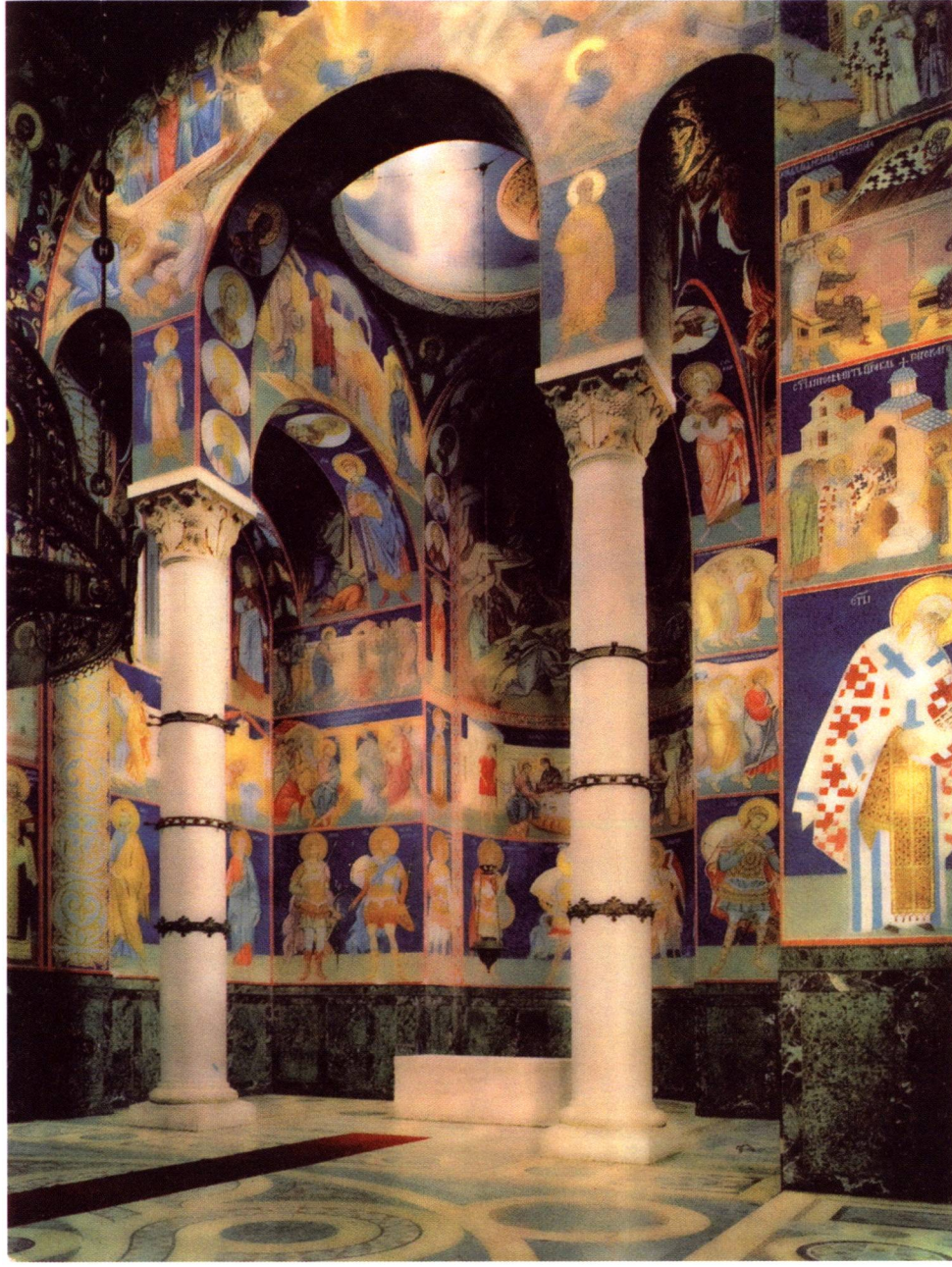
Творческое наследие русских архитекторов на просторах бывшей Югославии и сегодняшней Сербии огромно. Если в начале XX века известно всего несколько объектов, построенных по проектам архитекторов из Российской империи, то в период между двумя мировыми войнами работ русских архитекторов, беженцев с юга России, насчитываются тысячи. В фондах одного Исторического архива Белграда хранится примерно 2 тыс. проектов около 50 русских архитекторов, творивших в Белграде. Русские проектировали храмы, банки, дворцы, посольства, архивы, театры, промышленные и военные комплексы, мемориальные военные кладбища, студенческие общежития, больницы, поликлиники, школы, почтамты, доходные жилые дома, особняки и загородные виллы.

Условно, около 150 русских архитекторов на просторах страны можно разделить на три группы: уже в России приобретшие имя (Краснов, Андросов, Фетисов, Баумгартен, Амосов), успевшие получить образование в России (Веховской, Лукомский, Ковалевский), и тех, кото-

рые продолжили или получили образование в Белграде или Загребе (Рык, Макшеев, Медведев, Самойлов, Крат, Анагности).

Архитекторы старшего поколения оставались верны классицизму и эклектике, удачно уживавшимся с господствующими в Сербии национально окрашенным романтизмом („сербско-византийский стиль”), наднациональным академизмом и модерном начала века. Среднее поколение, представители которого быстро завоевали себе имя, постепенно склонялись к современной архитектуре, к эстетике функционализма. Молодые, талантливые и дерзающие, приняли новые течения времени, одновременно сохраняя собственное творческое лицо.

В 1998 г. в Белграде, Москве и Петербурге была показана выставка „Русские архитекторы в Белграде”. Отклик одного из рецензентов об этой выставке гласил: „С полным правом можно сказать, что архитектурный облик Белграда между мировыми войнами формировали именно русские градостроители, архитекторы и строители”.



■ Храм Св.Георгия на Опленце – усыпальница династии Карагеоргиевичей. Русские художники оформляли интерьеры.

Приводим имена самых выдающихся архитекторов:

- Андросов Василий Михайлович (1873, Одесса - 1944, Белград), архитектор при Министерстве строительства в Белграде.



■ Храм св. Параскевы в Кумарево. Архитектор В. М. Андросов.

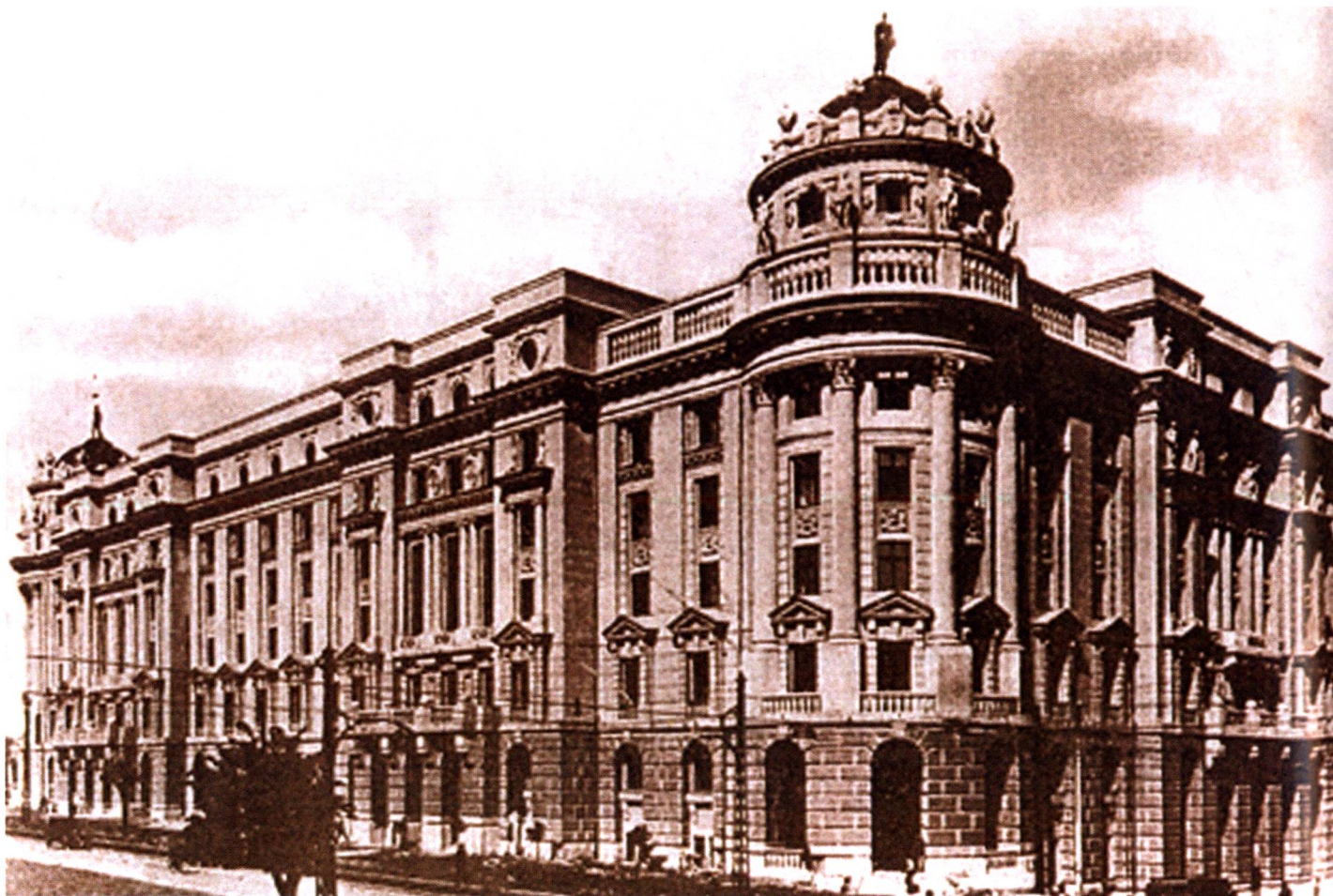
■ **Баумгартен Василий Федорович** (1879, Санкт-Петербург - 1962, Буэнос-Айрес), военный инженер, архитектор. На службе при Министерстве строительства в Белграде. Автор монументальных зданий в Белграде, Скоп-ле, Панчево и др.

■ *Старое здание Генерального штаба. Архитектор В.Ф. Баумгартен.*



Верховский Роман Николаевич (1881, Вильно - 1968, Нью-Йорк), архитектор и скульптор. Работал в Дворцовом ведомстве при Министерстве строительства в Белграде. Автор проектов ряда зданий, монументальных памятников Первой мировой войны и скульптур на фасадах административных зданий столицы.

Ковалевский Георгий Павлович (1888, Елизаветград, Херсонская губ. - ?), архитектор-градостроитель. Автор призаванного в Париже (1925) проекта реконструкции и развития Белграда. Автор проекта „Калемегданской террасы” и монументального Студенческого общежития в Белграде.



■ **Краснов Николай Петрович** (1864, Ханятино, Московская губ. - 1939, Белград), архитектор. Городской архитектор Ялты, строил и реставрировал дворцы в Ливадии. С 1922 г. жил в Белграде. При Министерстве строительства возглавлял группу инженеров по монументальному строительству, автор проектов репрезентабельных зданий столицы 1920-1930-х гг. - дворцов, министерств, Госархива, театра „Манеж”, занимался реконструкцией и оформлением интерьеров зданий.



■ Зал шепотов в Белом дворце на Дединье. Архитектор Н. П. Краснов.

Крат Павел Васильевич (1907, Саратов - 1969, Киев), архитектор, литератор. Автор монументальных проектов и реконструкций старых зданий в Белграде.

■ **Лукомский Виктор Викторович** (1884, Санкт-Петербург - 1947, Белград), архитектор. С 1920 г. работал в Министерстве строительства, где занимался проектированием комплекса королевских вилл, дворцов, храмов, здания Сербской Патриархии - преимущественно в стиле сербского средневекового зодчества и русского академизма.



■ Здание Сербской Патриархии. Архитектор В. В. Лукомский.

Медведев Александр Иванович (1900, Мариуполь - 1984, Ниш), архитектор. Ведущий архитектор г. Ниш, основатель и директор Института градостроительства в Нише. Одному бульвару в этом городе присвоено имя арх. А. Медведева.

Мессарош Николай Владимирович (1892, Киев - 1963, Буэнос-Айрес), архитектор. В Белграде проектировал монументальные здания, работая вместе с архитекторами В. Ф. Баумгартеном и И. А. Рыком.

Папков Андрей Васильевич (1890, Голубое, близ Феодосии - 1972, Буэнос-Айрес), архитектор, автор многих зданий в Белграде, проектированных в неоклассическом и современном стилях.

Рык Иван Афанасьевич (1888, Полтава - 1961, Буэнос-Айрес), архитектор. Близкий сотрудник архитектора В. Ф. Баумгартена, с которым проектировал ряд монументальных зданий в Белграде и городах Сербии. После Второй мировой войны обосновался в Аргентине.

Сташевский Валерий Владимирович (1882, Санкт-Петербург - 1945, СССР, или ок. 1950, Марокко).

Инженеры

Среди гражданской эмиграции россиян в Королевство СХС прибыло 836 инженеров, не считая неизвестного количества военных инженеров. Большинству из них не удавалось сразу найти работу по специальности. Для улучшения своего положения, уже в июне 1920 г. в Белграде был создан *Союз русских инженеров*. Назначение его заключалось в оказании помощи членам в наиболее целесообразном использовании их специальных знаний и опыта в области науки, техники и практики.

На руководящие посты союза выбирались лица полезные русской и местной среде - опытные специалисты, ученые, известные еще в России инженеры: Э. Б. Войновский-Крюгер, Г. Н. Пио-Ульский, П. П. Юренев, Б. М. Орешков, К. Д. Серебряков, Л. А. Баскаков, Б. Ф. Баумгартен, С. П. Максимов, С. Н. Смирнов, Ф. Ф. Фармаковский, В. Н. Щегловитов. Союз сотрудничал с подобными себе объединениями в стране и министерствами. В 20-е гг. в союзе значилось более 400 членов. Постепенно при нем оформились секции: горных инженеров, путей сообщения, военных инженеров, архитекторов, геодезистов, гидротехников, строителей, профессоров Технического факультета.

Членами этого союза становились и молодые соотечественники, получившие образование в приютившей их стране (за 1919-1938 гг. из 1.777 студентов, окончивших Технический факультет в Белграде, русских было 451 - более 25 %).

Невозможно коротко представить деятельность и вклад русских инженеров в хозяйство и экономику Сербии. Они строили дороги, мос-

ты, гидроэлектростанции, занимали самые ответственные посты на горных шахтах, в Военно-техническом заводе в Крагуеваце и Крушеваце. По одному подсчету, в Югославии жило 1.787 русских инженеров, большинство их работало в Сербии. Приведем имена нескольких, вклад которых оказался вещественным после Второй мировой войны.

Вандровский Петр Иванович (1897, Елизаветград - 1971, Нови-Сад), гидроинженер. Выдающийся проектировщик гидросистемы „Дунай-Тисса-Дунай” в Воеводине.

Воробьев Георгий Аполлонович (1906, Варшава - 1987, Белград), инженер-строитель. Руководитель работ при строительстве Канала Дунай-Тисса-Дунай в Воеводине. Технический директор строительного предприятия „Иван Милутинович” в Белграде.

Горячковский Владимир Васильевич (1914, Санкт-Петербург - 1993, Белград), строительный инженер. Один из ведущих инженеров при строительстве Гидросистемы „Дунай-Тисса-Дунай” в Нови-Саде.

Грицкат Георгий Георгиевич (1887, Санкт-Петербург - 1957, Белград), инженер путей сообщения. Проектировщик главных водопроводных сооружений и технический директор Белградского водопровода (1921-1955).

Готуа Георгий Георгиевич (1905, Красноводск - 1971, Белград), строительный инженер. Руководитель строительными работами Гидросистемы „Дунай-Тисса-Дунай”, ГЭС „Баина-Башта” и др.

Дашков Игорь Александрович (1904, Крон-

штадт - 1975, Нови-Сад), гидроинженер.

Один из ведущих проектировщиков Гидросистемы „Дунай-Тисса-Дунай” в Воеводине. Максимов Сергей Павлович (1872, Санкт-Петербург - 1944?), гидроинженер. Начальник в Министерстве сельского хозяйства и водных ресурсов в Белграде (1920-1929), директор Технического управления системы каналов им. Короля Петра I в Сомборе (1929-1941).

Агрономы

Помимо профессоров, преподавателей Сельскохозяйственного факультета в Белграде, к старшему поколению русских агрономов в Сербии принадлежали Сергей Агапитович Виноградов, выпускник Московской Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, главный агроном г. Стари-Бечей, сотрудник Аграрного комитета (г. Петровград-Зренянин), а также Иван Евдокимович Анненков - главный агроном г. Бачка-Топола.

Молодые русские агрономы, окончившие образование в Сербии, внесли видный вклад в развитие страны (на Сельскохозяйственном факультете в Белграде с 1926 по 1932 год из 96 дипломов русским выдано 56). Они разъехались по малоразвитым областям или поступили на работу к частным хозяевам. Десяток из них были оставлены на факультетских кафедрах, а большинство нашло работу на опытных и санитарно-эпидемиологических станциях. Приняв гражданство страны, многие стали районными агрономами или преподавали в сельскохозяйственных училищах хлебородной Воеводины (А.

А. Ротов, Е. А. Деркачёв, М. Н. Максименко, Н. П. Фемелиди, В. И. Толстой и др.).

Особые заслуги на поле развития сельского хозяйства страны принадлежат почвоведу Виктору Карловичу Нейгебауэру (1897, Двинск - 1988, Нови-Сад), первому доктору агрономических наук в Сербии, ученику А. И. Стебута. Более пяти десятилетий научной деятельности он отдал изучению „живого слоя земли”. Эксперт мировых организаций, он прославил югославскую науку. Как почво-картолог В. К. Нейгебауэр был основателем картографической школы в Югославии. Под его руководством впервые проведено картографирование почв Воеводины в масштабе 1:50.000. Как почвовед он заложил основы классификации почв страны, а как почво-генетик занимался теоретическими вопросами генезиса почв и черноземов. Им был открыт новый тип почв в Воеводине. В. К. Нейгебауэр всесторонне изучил воеводинский чернозем - наиболее плодородный тип почвы в Европе, дающий возможность получать рекордные урожаи, занимался и мелиоративным почвоведением, изучил критический уровень подземных вод, представил классификацию поверхностных и подземных вод Воеводины. Профессор Сельскохозяйственного факультета в Нови-Саде, В. К. Нейгебауэр был выдающимся педагогом. Кавалер высоких орденов и знаков отличий.

Большой вклад в развитие сельского хозяйства страны оказали русские агрономы, сотрудники Института сельскохозяйственных исследований в Нови-Саде, коллектива достигнувшего завидных успехов в создании новых сортов сельскохозяйственных растений:

Гибшман Евгений Владимирович (1898, Прилуки, Полтавская губ. - 1984, Нови-Сад), агроном-селекционер. Директор Института земледелия Сельскохозяйственного факультета Новисадского университета. Занимался выделением новых сортов кукурузы, подсолнуха и кормовых трав. Является одним из основоположников югославской генетики и агрокультуры.

Кисловский Сергей Андреевич (1899, Прилуки, Полтавская губ. - 1995, Нови-Сад), агроном-селекционер. Научный сотрудник института, в течение сорокалетней работы создал десятки сортов злаковых культур, высокоурожайные озимо-яровые сорта пшеницы, овса, ячменя, вики и кормового гороха.

Полинский Николай Николаевич (1897, Петрикеевка, Полтавская губ. - 1961, Нови-Сад), агроном-селекционер. Старший научный сотрудник, управляющий всеми семью опытными полями института, приспособивший их к исследовательским работам. Начальник отделения по семеноводству института. Внес большой вклад в развитие фруктового хозяйства, в частности сливоводства. Совместно с С. А. Кисловским опубликовал ценные труды, среди которых „Карта и проект перспективного плана районирования сортов пшеницы на территории Воеводины” и „Предложения по организации семенной службы в Воеводине”.

Летчики

По окончании Первой мировой войны авиация в Королевстве СХС находилась на весьма скромном уровне и не могла развиваться без иностранной помощи. Своими успехами и выходом на мировую арену она во многом обязана русским эмигрантам.

В 20-е гг. Нови-Сад был наиболее значительным авиационным центром страны. Здесь находился один воздухоплавательный полк, аэродром, летная школа, „Икарус” - Первый сербский завод аэропланов, автомобилей и двигателей. Сюда в военную авиацию было принято более 30 русских летчиков, летных инструкторов, авиамехаников, радиотехников, конструкторов самолетов, метеорологов. Работая потом и в Земуне, Панчево, Белграде, русские авиаторы и конструкторы отдавали авиации приютившей их страны свои знания и опыт, особенно в период создания первого югославского военного самолета. Конструктор Н. И. Лобач-Жученко создал гражданский самолет „Ресава”, летчик полковник К. Н. Антонов занимался планеризмом, опубликовал два капитальных труда. Техническим инспектором по приему импортных военных самолетов был опытный инженер А. Н. Веденяпин, выпускник Петербургского политехнического института. Имя летчика-истребителя С. М. Урвачева вошло в историю сербской авиации. Среди российских авиаторов, оказавшихся в 1918 г. во Франции, он выдвинул идею всем им вступить добровольцами в Сербскую армию и отправиться на Салоникский фронт. Эти русские летчики были приписаны к Первой сербской эскадрильи в Вертекопе и приняли участие в воздушных боях.

С основанием в стране первой компании гражданской авиации („Аэропут”, 1927 г.) все три первых летчика там были русскими: В. И. Стрижевский, В. М. Никитин и М. С. Ярошенко. Несколько русских летчиков югославской военной авиации геройски погибло в воздушных боях в первый день Второй мировой войны в Сербии. Приводим имена некоторых русских летчиков, двух поколений:

- Акрит Михаил Митрофанович (1904, Мариуполь - 1973, Земун), военный летчик Югославской авиации (1929-1948). До 1941 г. начальник аэропорта в Мостаре.
- Александров Евгений (1931, Сараево - 1981, Белград), летчик-инженер, инспектор, дважды брал кубок „Лучший летчик-спортсмен Югославии”.
- Антонов Константин Николаевич (1888, Тамбов - 1965, Нью-Йорк), военный летчик Югославской авиации (1921-1941), подполковник, конструктор планеров, инструктор полетов.
- Байдак Леонид Иванович (1880-1970, Сан-Франциско, шт. Калифорния, США), военный летчик, полковник. В 1927 году осуществил удачный полет из Белграда в Бомбей и обратно.
- Буссов Константин Николаевич (1904, Малая Чернавка, Киевская губ. - 1971, Нови-Сад), военный летчик Югославской авиации.
- Воинов Сергей (1907, Миргород, Украина - 1941, близ г. Сегедин, Венгрия), военный летчик, капитан 1. класса. Летчик Военной авиации Королевства Югославии. Погиб 7 апреля 1941 года при бомбардировке немецких самолетов.

■ Русские летчики, пионеры Югославской гражданской авиации:
Михаил Ярошенко, Владимир Стрижевский, Виктор Никитин. Белград, 1930 г.



- Ермаков Константин А. (1909, ст. Константиновская, Донская обл. - 1941, Куманово), военный летчик. Геройски погиб в воздушном бою у г. Куманово, 6 апреля 1941 г.
- Климович Борис Евгеньевич (1907, Вильно - 1992, Лос-Анжелес), военный летчик Югославской авиации.
- Кованько Александр Александрович (1889, Санкт-Петербург - 1926, Нови-Сад), военный летчик, подполковник Югославской авиации, конструктор. Погиб.
- Курганский Олег Павлович, военный летчик Югославской авиации.
- Кутейников Николай Анатольевич (1888-1927, Нови-Сад), военный летчик, полковник Югославской авиации. Погиб.
- Лавровский Николай Григорьевич (1897 - ?), военный летчик Югославской авиации.
- Легат Борис Васильевич (1892, Санкт-Петербург - 1959, Париж), военный летчик Югославской авиации.
- Лещенко Дмитрий Львович (1903, Гадяч, Полтавская губ. - 1980, Дерби, Англия), военный летчик Югославской авиации.
- Личёв Анатолий Петрович (1913-1940, близ Вальево), военный летчик Югославской авиации. Погиб.
- Лобач-Жученко Николай Иванович (1888, Полтава - Австралия), военный летчик, инженер-авиаконструктор. Конструировал югославский самолет „Ресава”.
- Михайлов Георгий Александрович (1905 - ?), военный летчик Югославской авиации.
- Никитин Виктор Михайлович (1893, Лозановка, Киевская губ. - 1933, близ Любляны, Словения), военный летчик, один из первых летчиков югославской гражданской авиации. Погиб.
- Попов Аркадий Иванович (1906-1944, близ Дубровника), военный летчик, погиб в воздушном бою.
- Стрельников Иван Степанович (1886, Тамбовская губ. - 1926, Сараево), военный летчик, генерал-майор. Ветеран Первой мировой и гражданской войн. После эвакуации Крыма был принят в военную авиацию Югославской армии. Служил на авиабазе Райловац близ Сараево.
- Стрижевский Владимир Иванович (1894, Могилев - 1940, близ Гламоча, Босния), военный летчик, один из первых летчиков югославской гражданской авиации. Погиб.
- Тихомиров Владимир Александрович (ок. 1890 - ?), военный летчик Югославской авиации. Инструктор летной школы в Нови-Саде (1923-1936). Комендант летной школы в Нише (1940-1941). Занимался и авиационным спортом.
- Ткачев Вячеслав Матвеевич (1885-1965, Краснодар), военный летчик, генерал-майор и ветеран Русских военно-воздушных сил. В эмиграции служил в Управлении Военно-воздушного флота Королевства Югославии. Сотрудник сербских военных журналов, председатель Общества офицеров русского военно-воздушного флота в Югославии. После Второй мировой войны узник ГУЛАГа, а после освобождения поселился в Краснодаре. Писал ценные труды по истории русской авиации. Посмертно реабилитирован.
- Урвачёв Сергей Матвеевич (1893, Москва -

1973, Сплит, Хорватия), летчик-доброволец Сербской армии на Салоникском фронте (1918). Капитан 1. класса Югославской военной авиации. Инструктор и начальник летной школы в Нови-Саде

Феофилов Николай Николаевич (1904, Ковно - 1941, близ г. Ягодина, Сербия), военный летчик Югославской авиации. Геройски погиб.

Шебалин Сергей Константинович (1890-1964, Сан-Франциско), военный летчик, полковник. Служил в Югославской армии. Командир авиационного полка и помощник командующего авиацией (1941).

Янковский Георгий Викторович (1888-1943, Сараево), военный летчик, бывший командир воздушного корабля „Илья Муромец-3” И. И. Сикорского. Инструктор полетов Югославской авиации. Погиб.

Ярошенко Михаил Сергеевич (1893, Белгород, Харьковская губ. - 1936, близ Любляны, Словения), военный летчик, один из первых летчиков Югославской гражданской авиации. Погиб.

Врачи

Согласно переписи населения 1921 г., в Сербии (2,8 мил. жителей) проживало 593 врача (Белград - 158, Воеводина - 301, Косово - 10). Гибель большого количества врачей в войнах отразилась на состоянии защиты здоровья, особенно сельского населения. При таких условиях в Сербию и Черногорию прибывает около 440 врачей из России. Большинство из них было с мест недавних военных действий и располагало богатой практикой. Вскоре 390 врачей нашло работу

в гражданском здравоохранении, остальные по военно-санитарной части. Территориально они приблизительно были размещены так: Сербия, всего - 350 (Белград - 98, Воеводина - 83, Косово - 22). Цифры показывают, что с прибытием врачей из России, количество гражданских врачей в Косове выросло в три раза, а на территориях Сербии, южнее Савы и Дуная, число врачей удвоилось.

Размещение русских врачей в Сербии было равномерным. С общей практикой их было около 67 %, специалистов - около 27 % (24 хирурга, 19 дерматовенерологов, 18 врачей по внутренним болезням, 13 гинекологов...).

Особо значительный след оставили русские врачи общей практики, своей работой в „здравоохранительных станциях” и амбулаториях в небольших местах и селах. Списки врачей в Сербии из 30-х гг. свидетельствуют о том, что в этих станциях еще преобладали русские врачи, хотя до того времени на Медицинском факультете в Белграде дипломы уже были выданы более 700 врачам.

В Сербии оказалось 16 профессоров медицинских факультетов из Одессы, Киева, Саратова, Томска, Варшавы и из Военно-медицинской академии в Петербурге. К сожалению, общий уровень развития приютившей их страны, не дал им возможность продолжить свою деятельность в желаемом объеме и некоторые из превосходных специалистов принимали приглашения и уезжали в Париж, Прагу, Берлин, Софию.

С другой стороны, благоприятные условия создались для открытия русских амбулаторий в городах с большей концентрацией беженцев, а также двух здравоохранительных учреждений Российского общества Красного креста - *Русской поликлиники* в Белграде и *Русского госпиталя-са-*

натория в г. Панчево. Поликлиника и госпиталь оказывали медицинские услуги и местному населению. Во время боев за освобождение Белграда, и в 1945 г., они принимали раненных советских воинов, а в 1946 г. были расформированы. Содействие в улучшении состояния здравоохранения и развитии медицинской науки в Сербии оказали и русские врачи в частях военно-санитарного управления страны, а также русская молодежь, окончившая Медицинский факультет в Белграде. За 1926-1941 гг. на этом факультете дипломы выданы 166 русским, что составляет около 10 % из числа врачей, окончивших этот факультет в указанный период. Ниже приводим имена выдающихся врачей в Сербии:

Акацатов Николай Епифанович (1860-1933, Белград), интернист. Врач-инспектор Военно-морского края на Дальнем Востоке. Врач по внутренним болезням Русской поликлиники в Белграде (1927-1933).

Белоусов Иван Афанасьевич (1880, Одесса - 1940, Белград), гинеколог. Один из основателей Русской больницы в Панчево, врач Русской поликлиники в Белграде (1927-1931)

Бенцелевич Анатолий Александрович (1882—1931, Белград), интернист. Основатель и первый управляющий Русской поликлиникой в Белграде (1920-1931).

Брянская Мария Алексеевна (1877, Москва - 1967, Белград), хирург. Начальник отделения по женским болезням Русской поликлиники в Белграде.

Вербицкий Федор Васильевич (1881, Борзна, Черниговская губ. - 1971, Буэнос-Айрес), врач по внутренним болезням. Профессор медицинских институтов в Саратове и Киеве. С 1920 г. поселил-

ся в Королевстве СХС, врач Городской больницы в Белграде (1920-1941). Личный врач короля Александра I Карагеоргиевича (1929-1934). Кавалер сербского ордена Милосердия.

Воронецкий Владимир Александрович (1872, Гельсингфорс, ныне Хельсинки - ?), врач по внутренним болезням. Начальник отделения по внутренним болезням Русской больницы в Панчево (1920-1930), одно время - управляющий этой больницей. Врач Русской поликлиники в Белграде (1931-1941).

Гарнич-Гарницкий Евгений Федорович (1859, Харьков - 1936, Белград), дерматовенеролог. Заведующий отделением в Русской поликлинике в Белграде.

Гладилин Николай Федорович (1889-1965, Ровинь, Словения). Врач и начальник Гигиенического института в г. Печ (Косово, 1921-1959).

Зибольд Мария Федоровна (1847, Рига - 1939, Белград). Будучи студентом медицины в Цюрихе, отправляется в Сербию и как помощник врача принимает участие в Сербско-турецкой войне 1876-1877 гг., а также принимает участие в балканских и мировой войнах в Сербии (1912-1918). Кавалер многих высоких сербских и югославских орденов.

Левитский Владимир Александрович (1884—1953, США), хирург. Управляющий Русского госпиталя в Панчево (1927-1944). Кавалер сербского ордена св. Саввы.

Мандрусов Александр Сергеевич (1887-1986, Сан-Франциско), хирург-гинеколог. Начальник гинекологического отделения Русского госпиталя в Панчево (1920-1940). Кавалер сербского ордена св. Саввы.

Мокин Николай Степанович (1885, Казань -

- 1953, Германия), хирург. Начальник хирургического отделения Больницы в г. Ужице (1922-1926), врач-хирург Поликлиники Русского красного креста в Белграде.
- Педанов Георгий Иванович (1890, Полтава - 1960, Обреновац, близ Белграда)
- Пельтцер Федор Семенович (? - 1948, Берлин), хирург. Начальник хирургического отделения Русской больницы в Панчево (1920-1930).
- Передельский Александр Георгиевич (1876, ст. Ладожская - 1940, Нови-Сад), дерматовенеролог, военный врач в Королевстве Югославии. Начальник кожно-венерического отделения Военного госпиталя в Нови-Саде.
- Поздняков Александр Николаевич (1870-1942, Белград), гинеколог. Врач Русской поликлиники в Белграде.
- Попов Семен Иосифович (1883, Курск - 1975, Нью-Йорк), оториноларинголог. Врач Военного госпиталя в Киеве (1912-1918), врач Русской больницы в Панчево и Русской поликлиники в Белграде (1925-1941).
- Попов Сергей Артемьевич (1882-1949, Белград), дерматовенеролог. Врач Русской поликлиники в Белграде (1920-1931).
- Рамзин Сергей Константинович (1892, Сосновка, Тамбовская губ. - 1881, Белград), бактериолог, эпидемиолог. Профессор гигиены Военно-медицинской академии в Белграде, начальник отделения коммунальной гигиены Гигиенического института Сербии.
- Солонский Александр Александрович (1882, Боровичи, Новгородская губ. - 1976, Женева), педиатр. Третий (после проф. М. Лапинского) управляющий Русской поликлиникой в Белграде (1934-1946).
- Софотеров Сергей Квинтилианович (1879, Самара - 1949, Белград), военный врач, хирург. В течение балканских и Первой мировой войн (1912-1918) организовал русские санитарные миссии Красного креста в Сербию. Хирург в Сараево и Белграде. Кавалер многих сербских и югославских орденов.
- Сычев Николай Иванович (1878, Харьков - 1954, Белград), военный врач, хирург. Начальник русской хирургической миссии в Сербии (1914-1915) и на Салоникском фронте (1916-1918), начальник хирургических отделений военных больниц на Цетинье и в Которе (с 1930 г. начальник этой больницы), с 1940 г. начальник прозектуры Главной военной больницы в Белграде. Кавалер многих русских, сербских, черногорских, персидских, французских орденов.
- Теребинский Владимир Ипполитович (1879, Симферополь - 1950, Париж), дерматовенеролог. Начальник кафедры по кожным заболеваниям Киевского университета. Эмигрировал в Королевство СХС. Военный врач Первого армейского округа в Белграде (1920-1927). Автор многих научных работ. С 1927 г. жил во Франции.
- Терещенко Николай Александрович (1863—1954, Франция), военный врач. Начальник здравницы-санатория для подкрепления здоровья русских беженцев в Топчидере (район Белграда).
- Трегубов Сергей Семенович (1888-1957, США), интернист. Врач в Поликлинике Российского Красного креста в Белграде (1926-1941), врач в г. Бор (1941-1945), а затем снова в Белграде.

Русская эмиграция в годы Второй мировой войны

Весна 1941 года принесла в атмосферу королевской Югославии ощущение неминуемой военной грозы.

После нападения Германии и ее союзников на Югославию, русские эмигранты в Югославии выразили устами своих представителей - митрополита Анастасия [Грибановского] (1873-1965.) и главы Делегации по защите интересов русских беженцев Василия Николаевича Штрандмана (1877-1963), - уверения в „безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам ...предков”. Намеренно суровая бомбардировка Белграда 6 апреля 1941 года была воспринята русскими, да и остальным населением Сербии, как „жестокая и бессмысленная”. Белградская колония являлась одной из самых крупных в стране, поэтому эмигранты сполна заплатили свой долг смерти. Бомбовые удары уничтожали не только человеческие жизни. Военнообязанные эмигранты без колебаний явились в свои части, 12% русских участников апрельской войны погибли на поле боя. Однако уже 17 апреля Югославия, не выдержав деятельности внутренних подрывных элементов (подавляющее большинство хорватских военнослужащих) и напряжения круговой обороны (на Югославию напали практически все соседние страны), капитулировала, а

173 русских эмигранта, участвовавших в защите Югославии от нападения держав оси, оказались в немецком лагере для военнопленных. Большинство из них (строевые офицеры, военспецы, инженеры, пилоты, зенитчики) попали в печально известный замок Колдитц между Лейпцигом и Дрезденом.

Отношение русских эмигрантов к немцам было двояким. С одной стороны, немцы, несомненно, представлялись завоевателями, нарушившими размеренный ток жизни русской эмиграции в Югославии. С другой стороны, у значительной части русской эмиграции в Югославии существовала устойчивая неприязнь к бывшим союзникам по первой мировой войне: Англии и Франции. Талантливый русский ученый, профессор Н. В. Краинский так писал об этом в своей обширной полемической книге, привлекая одобрительное внимание значительной части русской эмиграции в 1940 году: „Преступления по отношению к России бывших союзников по Великой войне неисчислимы...”

Понятно, что такие воззрения не могли вызвать понимания у большинства представителей сербской общественности. Последствия Версальского мирного договора, вмешательство в балканские дела Франции и Англии ещё расценивались ими абсолютно позитивно. Да и сам

Советский Союз, заключивший в ночь перед бомбардировкой Белграда договор о взаимопомощи с Югославией, воспринимался как „мать Россия”.

Русские эмигранты сразу же начали новый процесс (само)организации, причем тут же выявились и первые противоречия. Так, уже 10 апреля 1941 года в здании Русского дома состоялось заседание Комитета первой помощи пострадавшим от бомбардировки. В составе его организаторов были С. Н. Латышев, Н. И. Голощапов, Д. А. Персиянов, Р. А. Фолькерт. В том же здании при содействии В. Н. Штрандмана на американские средства 13 апреля была открыта бесплатная кухня, украшенная плакатами: „Американский Красный крест выдает бесплатные обеды”, что вызвало бурю протестов со стороны Комитета. В письменной форме заявление о протесте было вывешено в Русском доме, а 15 мая 1941 года члены Комитета проинформировали об этом представителей немецких оккупационных войск. Впрочем, это было не единственным обвинением, которое выдвигалось отдельными представителями эмиграции в отношении Василия Николаевича Штрандмана, работавшего в посольстве в Белграде еще до Первой мировой войны и назначенного на пост российского посла Омским правительством адмирала Колчака в апреле 1919 года. Поэтому немцы приняли абсолютно четкое решение: Штрандман - неподходящая фигура на роль главы русской эмиграции в Сербии. Русская эмиграция должна была получить новую организационную структуру и новое руководство.

Учреждение новой организации, которая занималась бы устройством жизни и защитой

русских эмигрантов, связано с деятельностью генерал-майора Михаила Федоровича Скородумова (1892-1963). По признанию современников, именно М. Ф. Скородумову принадлежит особая роль в возведении на месте братской могилы перезахороненных воинов величественного памятника Славы русским воинам на Новом кладбище в Белграде.

Надо отметить, что в то время проживавшая в Югославии часть русской эмиграции, как и вся русская эмиграция в целом, фактически поделилась на две части - „оборонцев” и „пораженцев”. Первые считали, что гитлеровская Германия стремится уничтожить Россию, вторые - что гитлеровская Германия стремится уничтожить лишь большевизм в России. На основании этого, одни утверждали, что следует помогать Сталину в обороне России, другие считали, что целесообразно желать поражения СССР, т. е. победы А. Гитлеру. Объективности ради стоит отметить, что в тот период такие колебания были вполне понятны, т. к. гитлеровцы еще не проявили своего истинного отношения к России и русским вообще. Наивность русских эмигрантских кругов доходила до удивительной степени: например, обратившийся 24 мая 1941 года в Белградское отделение гестапо и СД журналист Сергей Завалишин в качестве подтверждения своей верности идеалам нацизма сообщил о том, что он был сотрудником, издателем и совладельцем газет „Всеславянский клич” и „Всеславянская трибуна”, которые, по его мнению, стояли на позициях стран оси. Подобные воззрения расходились с поступившими вскоре инструкциями. Не только панславизм и „всеславянство”, но даже и само слово „русский” должны были

вызывать подозрительность у бдительных сотрудников СД. Показательно, например, как 10 марта 1942 года (когда немцы еще не дошли до безысходной полосы поражений, но уже успели полностью сформулировать свои взгляды на практическую политику на Востоке) немецкий цензор исправил статью Г. П. Граббе, „секретаря РПЦЗ в Сербии” (так названа его должность в его личном деле в гестапо). В этой статье, под заголовком „Сербская церковь против коммунизма”, помещенной в сербском официозе - газете „Наша борба”, Г. П. Граббе достаточно объективно и, в то же время, лояльно по отношению к немецкой политике анализировал взаимоотношения Сербской и Русской церкви в новое время. Немецкий цензор вычеркнул из статьи несколько слов, очевидно, показавшихся ему вредными и опасными - „Югославия” и „вечная, великая, славянская Россия”.

В конце весны 1941 года (22 мая) приказом Командующего немецкими вооруженными силами в Сербии была создана единая организация русских эмигрантов - „Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии”, начальником Бюро был назначен М. Ф. Скородумов. Постоянное местопребывание Бюро было определено в Белграде в Русском доме имени Императора Николая II, в помещении бывшей Государственной Комиссии. После нападения Германии на СССР русская эмиграция активизировала свою деятельность. В это время появляется любопытный документ - обращение „к русскому народу и русской эмиграции”, которое подписали русские журналисты в Сербии, представители правых политических течений: А. В. Ланин, В. М. Пронин, Е. Месснер, М. Соламахин, В. К. Гор-

довский, Н. Тальберг, Н. П. Рклицкий, Е. Шелль, Д. Персиянов, Н. Чухнов, Вл. Гриненко. В своем обращении они призвали русскую эмиграцию „быть готовой к скорому возвращению на родную землю для ... участия в построении Русского Будущего в союзе двух величайших Империй: Российской и Германской”.

Дальнейшим следствием подобной политической позиции стало стремление создать воинское формирование из русских эмигрантов для участия в борьбе против большевизма. Идея об этом появилась, по-видимому, еще в конце июня, поскольку уже в июле М. Ф. Скородумов начал переговоры с сотрудником СС в Загребе графом фон Хейдек-Корвином о вывозе русских эмигрантов с территории получившей „независимость” Хорватии. Причем последним была даже сформирована группа в 200 русских эмигрантов, готовая к отправке в Белград. Впрочем, руководство не только не похвалило Хейдек-Корвина за проявленную инициативу, но даже приказало его арестовать.

Тем временем, события развивались с пугающей быстротой. Сдавшаяся почти без боя в результате перехода на немецкую сторону значительной части хорватских офицеров и солдат Сербия готовилась к восстанию против немецких оккупантов. Уязвленное национальное сознание народных масс разогревалось двумя группами Сопротивления, возникшими из двух различных источников. Первые - четники, называвшие себя „Югославской армией в Отечестве”, были организованы проанглийски настроенными офицерами из Сербии, которые стремились смыть позор за молниеносное поражение в апрельской войне и не признава-

ли капитуляции югославской армии. Четники ориентировались на модель сопротивления, характерную для Западной Европы, пытались избежать жертв среди мирного населения и готовились (согласно утвержденным еще до войны планам действий четнического командования) организовать базу для восстания, которое должно было вспыхнуть при подходе основных сил союзников к территории Сербии.

Второй группой стало боевое крыло Коммунистической партии Югославии, поднявшее после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года знамя партизанской войны за освобождение Югославии против врагов первого социалистического государства. Руководители партизанского движения прошли подготовку на партизанско-диверсионных курсах в СССР и республиканской Испании, они не боялись ради достижения цели пролить кровь своих сограждан, рассматривая восстание как основу для построения нового социалистического общества. Поднятое партизанами восстание, поддержанное ради сохранения своей репутации и примкнувшими к ним четниками, началось в июле 1941 года и стало неожиданностью для немцев, сконцентрировавших большинство войск для использования на Восточном фронте. Замешательство противника окрылило восставших и подвигло их на расширение зоны восстания. Озлобленные немцы начали массовые расстрелы заложников, чтобы отомстить восставшим и запугать их, но такие репрессивные методы еще более воспламеняли народный гнев и приводили к всеобщему ожесточению.

Взаимопонимание между русскими эмигрантами и сербским населением становилось с

каждым днем все более призрачным. Белые русские воспринимались как кровные враги „Батюшки Сталина“, по стране прокатилась волна убийств русских эмигрантов, не говоря уже о простых ссорах и избиениях на улицах. Убить вооруженного немецкого солдата, за которым стояла мощь вермахта, или даже сотрудника сербской полиции, обладавшего многочисленными друзьями и родственниками, желавшими отомстить, было намного сложнее, чем вырезать беззащитную русскую семью, волей судьбы брошенную в балканскую глушь. В своей послевоенной статье М. Ф. Скородумов пишет, что до конца лета „от рук сербских коммунистов ... погибло около трехсот русских людей“. Невозможно проверить точность этой цифры, однако ряд убийств, избиений и грабежей русских эмигрантов действительно зафиксирован в материалах СД, причем стоит отметить, что до СД такие дела доходили только тогда, когда пострадавшие имели протекцию. В противном случае, даже местные полицейские власти отказывались вести расследование, списывая дело на криминал, т. к. не желали привлекать к своему участку острый взгляд гестапо и сербской специальной полиции. Примером может служить трагический эпизод, о котором рассказала Нина Белавина, дочь священника отца Сергея Белавина, студентка Юридического факультета, приехавшая к отцу в деревеньку Кула близ города Пожаревац. Ее отцу было 49 лет, и 18 из них он проработал священником в разных сербских сельских приходах. „В девять вечера в канцелярию общины вошли три вооруженных человека и заставили казначея общины отвести их в квартиру отца Сергея. Под дулом винтовок казначей крикнул:



■ Штаб Русского охранного корпуса. Белград, 1942 г.

„Отец Сергей!” - „Кто это?” - „Я, Бора”. - „Входи, дверь открыта”. Двое из нападавших вошли в дом и оставались там один час... Через час они снова вышли... священника ударами прикладов они принуждали идти с ними. Один из них нёс большой сверток с вещами, замотанными в простыню. ... В переулке священник попытался убежать, но был схвачен третьим нападавшим, который жестоко избил его прикладом... Вскоре

собравшиеся крестьяне услышали оттуда, куда увели священника, выстрел... На теле покойного были обнаружены: прострельная рана, шея перерезана на глубину 5-6 см. Несколько проникающих ножевых ран в области груди... Отца Сергея похоронили ... без священника, поскольку он был единственным священником поблизости”. Дело дошло до того, что проживавшие в Шабаче казаки, после убийства коммунистами

пяти казаков с семьями сами взяли за оружие и, сформировав две сотни, под командой сотника Иконникова, отбивались вместе с немецкими частями от наступающих и окружавших их коммунистов. Под влиянием таких обстоятельств, М. Ф. Скородумов решился, имея предварительное согласие начальника штаба немецкого главнокомандующего на Юго-Востоке полковника Кевиша, организовать Русский корпус, который после ликвидации коммунизма в Сербии ...[должен был быть переброшен - А. Т] на Восточный фронт. Однако вскоре М. Ф. Скородумова и назначенных им руководителей отделов Бюро сместили с их постов. М. Ф. Скородумов был на некоторое время арестован, а после освобождения почти до самого конца войны содержал себя сапожным промыслом. В 1944 году М. Ф. Скородумов вновь вступил в корпус рядовым и вместе с его частями покинул страну.

После смещения М. Ф. Скородумова и его окружения немцы вместо них назначили более лояльных людей - генерал Владимир Владимирович Крейтер (1888-1950) стал руководителем Бюро, а Борис Александрович Штейфон (1881—1945) возглавил Русский корпус. Немцы в этом случае придерживались общей тактики - опираться на лиц, имевших немецкую кровь, которых в партийной терминологии обозначали как „фольксдойчеров”. Стоит отметить, что оба новоназначенных руководителя эмиграции скорее ощущали себя русскими офицерами, нежели чем представителями „второсортных” немцев. Доказательством может послужить хотя бы то, что В. В. Крейтер в переписке с немецкими властями писал черновики на русском, а затем переводил их у официального переводчика

бюро, не решаясь демонстрировать свои знания „родного языка”. А Б. А. Штейфон и вовсе был сыном мастерового, крестившегося, чтобы преодолеть позорную черту оседлости. При этом и один, и второй относили себя (в довоенное время - официально, в военное - неофициально) к категории убежденных монархистов-легитимистов (защитников идеи о возрождении Российской империи), что отражалось на выборе ими в помощники легитимистов по духу и настроениям, даже вопреки требованиям „военного времени”.

Хотя большинство русской эмиграции в Югославии было сконцентрировано именно в Сербии, в других краях Королевства Югославии также имелось несколько русских колоний, которых после оккупации ожидала судьба, похожая на ситуацию в Сербии. В Хорватии, а также Боснии и Герцеговине, включенной в ее состав, хорватскими националистами было провозглашено Независимое Государство Хорватия. Последовавшая вслед за провозглашением независимости жестокая резня сербов затронула и несколько русских эмигрантов. Большая часть зверски убитых хорватскими погромщиками („дикими усташами”, якобы неподконтрольными Загребу) русских относилась к духовному сану. После стабилизации ситуации было сформировано Особое представительство русской эмиграции при правительстве НГХ. Начальником представительства стал бывший царский консул в Вене и Загребе Георгий Фермин, а его заместителем начальник русской колонии в Загребе д-р Энгельгардт. Военными делами (учетом и подбором кандидатур для вступления на немецкую службу) ведали известные участники

ВѢДОМОСТИ ОХРАНОЙ ГРУППЫ

Nachrichten für die Werkschutz-Gruppe des Generalbevollmächtigten für die Wirtschaft in Serbien 23 декабря 1941 г. № 1

23 декабря 1941 г.

Перестройка на зимнее положение.

В течение 20 летъ изгнанія лучшая часть русской эмиграции всегда мечтала снова начать борьбу съ большевиками, этими растлителями вѣры, морали, духа, семьи и всѣхъ иныхъ христіанскихъ цѣнностей. Эта мечта нынѣ осуществляется. Благородная германская нація вступила въ вооруженную борьбу съ коммунизмомъ. Охранная Группа получила возможность, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ войскомъ, бороться съ коммунизмомъ. Такимъ образомъ осуществляются теперь наши двадцатилѣтнія желанія, тѣ желанія, какія оправдывали наше нахождение въ эмиграции.

Къ сожалѣнію, въ русской средѣ обнаружилось очень грустное и нездоровое явленіе. Въ Вѣлградѣ распространяются самыя невѣроятныя и лживыя слухи. Создается атмосфера обиды, прежде всего для русскаго имени и русской церкви. Одни по эгоистическимъ мотивамъ, другіе по чрезвычайной нервности, третьи несомнѣнно по злонамѣреннымъ побужденіямъ, направленнымъ противъ великобѣицкой идеи, ведутъ разлагающую агитацию противъ Охранной Группы.

Заявляемъ всѣмъ, что Охранная Группа съ полнымъ спокойствіемъ и твердостью выполняетъ свой долгъ и никакія

Англосаксонская пропаганда всѣми силами старается доказать наступленіе перелома въ стратегической обстановкѣ на Восточномъ фронтѣ, якобы главнымъ театръ Второй Мировой войны. Лондонъ утверждаетъ, что кризисъ миновалъ и что красная армія не только остановила нѣмцевъ, но и заставила начать отступление.

„Любовь къ истинѣ“ англосаксонской пропаганды извѣстна всѣмъ. Поэтому, не слушая ея воплей, взглянемъ на событія серьезно — безпристрастно.

Дѣйствительно, германская армія прекратила свое изуми-

тельное по быстротѣ движеніе на востокъ. Но сдѣлала это не потому что бездарное совѣтское командованіе съумѣло остановить ее, а по собственной волѣ.

Вспомнимъ сообщенныя Адольфомъ Хитлеромъ данныя о потеряхъ на Восточномъ фронтѣ. По сравненію съ грандіозностью операций и съ числомъ жертвъ на красной сторонѣ потери германцевъ ничтожны. Это объясняется тѣмъ, что германское командованіе исключительно бережно относится къ войскамъ. Каждая операція продумана до мельчайшихъ подробностей и въ каждой операціи доведено до предѣла участіе военной техники, подготавливающей живому тѣлу движеніе впередъ.

Наступившая ранняя въ этомъ году зима уменьшила эффектъ дѣйствія военной техники: при такихъ условіяхъ наступленіе стоило бы нѣмцамъ большой крови, нежели до сего времени. Германское командованіе можетъ себѣ позволить роскошь остановки потому, что имѣетъ средства для сохраненія стратегической инициативы и дальше въ своихъ рукахъ.

Для проведенія въ жизнь этой остановки на зимнемъ фронтѣ необходимы были нѣкоторыя оперативныя и тактическія поправки въ боевомъ расположеніи германскихъ дивизій. Это выравниваніе фронта дало возможность англосаксонской пропагандѣ подыгать шумъ, извращая событія. Въ сущности,

Отъ Мурманска до Солу-ма, отъ Нарвика до Санъ-Себастьяна стоитъ несокрушимый фронтъ германской арміи и ея союзниковъ, борющійся противъ коммунизма, еврейства и плутократіи. Мы, Охранная Группа изъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, составляющая одно изъ звеньевъ этого фронта, шлемъ побѣдоноснымъ соратникамъ, воннамъ германской вооруженной силы, поздравленія къ правднику Рождества Христового.

злонамѣренныя агитациі не свернуть насъ съ пути чести, мужества и непримиримой вражды къ красному злу.

Гражданской войны в России генералы Даниил Павлович Драценко (1876-194?) и Иван Алексеевич Поляков (1886-1969). Результатом деятельности представительства стал возврат уволенных с государственной службы эмигрантов на их рабочие места, дававшие русским эмигрантским семьям единственный источник к существованию. В Хорватии возникло и единственное новое официальное политическое объединение русской эмиграции в Югославии в годы Второй мировой войны - Русское национал-социалистическое движение. Это движение отличалось малочисленностью и радикальностью взглядов, но имело свой значок, бюллетень и отделения в русских колониях в Осиеке, Славонском Броде, Мостаре и Сараево. Основателем движения был Михаил Александрович Семенов (1894-1965), в дальнейшем организовавший и возглавивший вспомогательный полицейский полк „Варяг”.

Менее многочисленные русские диаспоры существовали в частях Югославии, включенных в свой состав государствами-агрессорами - Германией, Италией, Болгарией и Венгрией. Там русская эмиграция попала под контроль эмигрантских организаций в столицах государств, захвативших части югославской территории. Так, русские эмигранты на территории оккупированной Италией части Словении были объединены в Люблянскую колонию и включены в состав объединения русских колоний в Италии, которое возглавлял князь Сергей Георгиевич Романовский (1890—1974), герцог Лейхтенбергский. Имеются данные о попытках некоторых русских эмигрантов (среди них были и представители русской интеллектуальной элиты в Югославии, работавшие в Люблянском универ-

ситете, - проф. Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951) и проф. Александр Дмитриевич Билимович (1876-1963) вернуться в Россию и оказать помощь в ее возрождении. Похожая ситуация сложилась и в Македонии, захваченной Болгарией, где было сформировано подчинявшееся Софии руководство русской колонией во главе с полковником Георгием Эвертом и генералом Борисом Ковалевским. Аналогичные процессы наблюдались и в Воеводине, оккупированной Венгрией, в Черногории, попавшей под протекторат Италии.

Необходимо отметить, что не все русские эмигранты встретили немецкую оккупацию со столь широко распространенными обьятиями. Немцы сами, немедленно по приходу в Белград стали выискивать своих противников, в том числе и в рядах эмигрантов из России. В первую очередь, пострадали эмигранты из России еврейского происхождения (вместе с остальными евреями Сербии). Уже 16 апреля 1941 года на стенах Белграда появились плакаты, в которых под угрозой расстрела было приказано всем лицам еврейского происхождения собраться 19 апреля перед зданием городской полиции. Страдания и смерть в Баничском лагере стали судьбой большинства этих людей. В дальнейшем гестапо (опираясь на сеть доносчиков) выискивало скрытых евреев в рядах русской эмиграции. Судьбы заподозренных в еврейском происхождении складывались по-разному. Более состоятельные откупались. Например, занимавшийся скупкой золота Г. И. Флексер был владельцем ювелирного магазина, в открытии которого ему в середине двадцатых годов помогла местная еврейская община. В его личном деле сначала поя-

вилось свидетельство о крайне тяжелой болезни, затем свидетельство от Бюро русской эмиграции об его „арийском происхождении”, а потом и вовсе свидетельство о шведском гражданстве, причем последнее повергло сотрудников гестапо в шок, т. к. они не могли понять, как он вообще так быстро и, не выезжая из Белграда, стал счастливым обладателем абсолютно настоящего шведского паспорта. К сожалению, такие финансовые возможности были скорее исключением в рядах русской эмиграции еврейского происхождения. Показательна судьба Самуила Иосифовича Ровинского, работавшего доктором в местечке Лазаревац вблизи Белграда. Женатый на сербской медсестре, трудившейся вместе с ним, он был полностью интегрирован в местную жизнь и пользовался заслуженным авторитетом, т. к. был не только образованным специалистом (окончил Харьковский императорский университет), но и добрым человеком, готовым помочь бедным пациентам даже бесплатно. После его ареста более сотни сербов, его друзей, соседей и пациентов, подписали петицию Министру внутренних дел Сербии с прошением убедить председателя Правительства Милана Недича лично обратиться к гестапо с просьбой об освобождении доктора Ровинского. Ровинский был выпущен на свободу, но вскоре немцы передумали и решили снова арестовать Ровинского. Когда он попытался бежать, в заложники были взяты все люди, подписавшие петицию об его освобождении. Пришедший в отчаяние доктор простился с семьей и детьми и повесился на пороге собственного дома.

Каток немецкого „правосудия” прошелся и по судьбе масонов в Сербии, в том числе их не-

многочисленных представителей среди русской эмиграции. Немцы подвергали аресту тех эмигрантов, которые переоценивали прошлое и с симпатией относились к СССР как к России в ее коммунистической ипостаси. Даже лица, просто хотя бы раз в жизни посетившие посольство СССР (например, с целью получить адрес родственников в СССР, интересовавшиеся технической литературой и просто любопытные) арестовывались гестапо. После достаточно детальной проверки, сопровождавшейся физическим воздействием на заключенных, их, как правило, выпускали, заставив подписать обязательство не говорить о допросе, дав таким образом подпись о неразглашении.

С приходом немцев неосторожный разговор, даже с самыми близкими друзьями, мог стать причиной ареста и водворения в лагерь. В частных беседах некоторые „свободомыслящие” эмигранты иногда впадали в заблуждение, полностью противоположное тому, которое разделяли лидеры „ультранационалистов”. Эти „свободомыслящие” считали, что „в России больше нет коммунизма, там живут славяне-националисты, которые борются за славянскую идею и единство всех славян”. Вызывали подозрения даже просто регулярные встречи одних и тех же лиц, которые собирались просто выпить и поиграть в карты. Устав от ежедневно рождавшихся самых невероятных сплетен, эмигранты пытались получить хоть сколько-нибудь объективную информацию, сравнивая бравурную немецкую пропаганду с доносившимися из-за рубежа радиопередачами из Москвы и Лондона, несмотря на приказ немецкого командования в Сербии от 27 мая 1941 года о запрете при-

ема передач всех радиостанций, кроме немецких, под страхом тюрьмы или даже смертной казни. Некоторые осмеливались даже организовывать групповые прослушивания или пересказывали услышанное коллегам на работу

После прихода немцев многие из этих устоявшихся навыков русской эмиграции пришлось изменить, причем делалось это насильственно и достаточно болезненно. Значительная часть эмиграции по образованию (или даже скорее по настроению) относилась к интеллигенции, видовой особенностью которой является склонность к дискуссиям и свободному выражению критического мнения о текущих социально-политических событиях. Кроме того, эмигранты в большинстве своем были участниками Гражданской войны (или хотя бы членами их семей) в России, т. е. людьми, готовыми пожертвовать (или хотя бы рискнуть) жизнью ради отстаивания своих общественно-политических воззрений. Поэтому предвоенная русская эмиграция в Югославии изобиловала периодическими изданиями, отражавшими богатый спектр представлений эмигрантов о текущем политическом моменте и перспективах его развития.

После прихода немцев насильственно утвердилось полное единообразие. Сначала в результате цензурных запретов издательская жизнь эмигрантов полностью замерла. Лишь 13 июня 1941 года появился „Русский бюллетень”, „еженедельное информационное издание русской эмиграции” под редакцией Александра В. Ланина. Всего вышло 10 номеров бюллетеня, который прекратил свое существование после того, как немцы, вдохновленные победами на Восточном фронте, решили, что они не нуждаются в актив-

ной помощи эмигрантов и разогнали команду М. Ф. Скородумова, закрыв делавший шумные обещания и многозначительные намеки „Русский бюллетень”. Спустя некоторое время после создания Русского корпуса начали выходить еженедельные „Ведомости Охранной группы” (с 23 декабря 1941) под редакцией одного из офицеров - полковника Генерального Штаба императорской армии Евгения Эдуардовича Месснера (1891—1974). Газета помещала не только пропагандистские заметки, но и зарисовки, касавшиеся жизни гражданских лиц - членов семей служивших в корпусе лиц. Так как потребность в гражданском издании все-таки присутствовала, 8 февраля 1942 года появился и „Новый путь” - еженедельный информационный орган Бюро по защите интересов русской эмиграции - под редакцией Бориса Казимировича Ганусовского (1908-1993). Вышел 21 номер газеты, а с июня 1943 года было принято решение о слиянии изданий „Новый путь” и „Ведомости” в единое еженедельное издание „Русское дело”, выходившее до 15 ноября 1944 года. Это последнее издание выходило под редакцией К. К. Миллера, который так же, как и Е. Э. Месснер, считался немцами „фольксдойчером”, т. е. заслуживающим доверия. Кроме того, весной 1944 года существовавшая в Сербии небольшая группа казаков-самостийников попыталась выпускать в нескольких экземплярах свое издание „Речь”, которое скорострительно скончалось как из-за недостаточности финансирования, так и из-за того, что большинство казаков в Сербии с подозрением относилось к идеям суверенной Казакии.

В Независимом Государстве Хорватии при отсутствии формального запрета на издатель-

скую деятельность русских эмигрантов (в отличие от оккупированной Сербии), появлялись отпечатанные кустарным способом издания-однодневки с экзотическими названиями: номер „Летописи Временных лет 1642-1942 гг. Бутырского лейб-Эриванского полка”, напечатанный в 1942 году в Сараево. А также несколько номеров издания молодежи Русской колонии в Загребе „Ярославна” за 1942-1943 гг. Несмотря на то, что Особое представительство русской эмиграции при правительстве НГХ, не имело своего издания, немногочисленные и дисперсно расселенные (по сравнению с Сербией) русские эмигранты в Хорватии имели свое „еженедельное издание русских военных организаций на территории НДХ”. Оно называлось „Сводка” и распечатывалось небольшим тиражом на шاپирографе под редакцией генерала Даниила Павловича Драценко (1876-194?), а с 1942 года - генерала Ивана Алексеевича Полякова (1886-1969). Численность русских колоний в других частях расчлененной Югославии была еще менее значительна, поэтому лишь в Воеводине появился „Бюллетень Представительства Высокопреосвященного Серафима, Митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского округа для православных русских приходов в Королевстве Венгрии”, несколько номеров которого вышло в Нови-Саде.

Кроме того, в Сербии параллельно печаталось два церковных издания. Интересно, что это были единственные периодические издания, которые продолжили выходить после оккупации. Первое - официальное издание РПЦЗ - „Церковная жизнь” (1933-1944), выходившее под редакцией секретаря Архиерейского Сино-

да РПЦЗ Юрия Павловича Граббе (1902-1995), а второе - ультраправое - „Церковное обозрение” (1932-1944), занимавшее критическую позицию по отношению к сотрудникам канцелярии Синода РПЦЗ, не позволяя себе, однако, критических замечаний в адрес владык, которое редактировал Ексакустодиан Иванович Махараблidge (?-1960). Кроме Е. И. Махараблidge с „Церковным обозрением” активно сотрудничали известный публицист и проповедник протопресвитер Владимир Игнатьевич Востоков (1868-1957) и последний протопресвитер Российской императорской армии и военно-морского флота Георгий Иванович Шавельский (1871-1951).

В русской периодике, выходившей в Сербии в годы войны, отражались, „как солнце в малой капле воды”, большинство тенденций журналистики Третьего рейха. Нацистские менторы, боровшиеся в Германии с готикой, в русских изданиях приказным путем решили вопрос „реформы правописания” и перехода на новую орфографию. Лишь недолго существовавший в июне-сентябре „Русский бюллетень”, в соответствии с традициями жесткого легитимизма, придерживался всех дореволюционных орфографических норм. Кроме того, этой политике языкового пуризма удалось до конца 1944 года следовать и „Церковной жизни” - официальному изданию РПЦЗ. Переходную позицию заняло издание „церковной оппозиции” - „Церковное обозрение”, которое отказалось от использования буквы „ять” и твердого знака в сентябре 1943 года, при этом сохраняя „старое правописание”. Редакция обещала в дальнейшем вернуть потерянный „твердый знак” и „ять”, мотивируя изменения ... отсутствием этих знаков



№ 20. Год. № 31.

Цена 5 ден.
Среда 3 мая 1944 г.

Издательство «Лабиринт» г. Москва
Выходит два раза в неделю

РУССКОЕ ДЕЛО

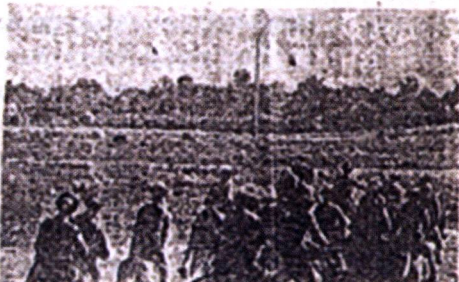
Издательство «Лабиринт» г. Москва. Адрес редакции: Москва, М-111, Пушкинское шоссе, д. 17, стр. 18, поч. ящик 1234.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ

„Он звал нас, звал на рать, и встал с рати встать“, говорит русский поэт-певец. Руки его, подняв дружно Алмашера в сторону Абура ради торжества в Египте, сели, и Лопатка шло! Поблизь предвещая в историю человечества! А что вышло? Вспомните! Конфуций сидим в области Пин-гала в еще более счастливом состоянии в Китае.

Точно так же вспоминаю и американцы с их угрозой, что они не будут „ходить на Тунис“, ведь восторг себя они начали ощущать еще до того, как вылезли в 6.000 км. от Японии и доплыли до берегов Лопатки.

Лопатка шло, Лопатка, но в это время...



Праздник труда

1-го мая во всей нашей стране был торжественно проведен праздник труда. Большинство людей празднует 1-го мая, но все празднует лавочкой бурды и лавочкой, чтобы они прошли мимо.

Николай Егорова в этот день проводил работу и свободной деятельностью не только на работу людей и государства.

В этот день большинство выступило в 1 мая 50 летнему.

В нашей стране в этот день 50 миллионов людей устроили один „Мир труда и труд“.

КТО ПОБЕДИТ

Восточные государства или просто война, СССР, Англия и другие — вот что мы слышали и видели в том, что „малокольтурности“ и „недостатке русскости“ и в „подложности яду красной пропаганды“. Еще несколько раз возвращалось „Русское дело“ к теме, взбудоражившей широкие массы эмигрантов. Было опубликовано подробное научное объяснение выдающегося историка и филолога

■ Русская газета военных лет. Белград, 1944 г.

в „используемой для печати лнотипной матрице болгарской газеты“. С другой стороны, газета Русского корпуса уже в начале весны 1942 года отказалась от использования твердого знака в конце слов „в целях экономии места“, сохраняя при этом до конца существования „Ведомостей“ верность старому правописанию, „ять“ и „і“. Подобной же политики сбережения места, на протяжении всего своего существования, придерживался и „Новый путь“, сохранивший старые орфографические правила и буквы.

Наиболее остро вопрос правописания встал после появления объединенного издания Русского корпуса, русских отрядов ХиПо и Русского бюро по защите интересов эмиграции - „Русское дело“. В первом же номере редакция „Русского дела“ сообщила о полном переходе на

новую орфографию, „с целью устранить этим те, хотя бы незначительные по существу, помехи, которые могли бы возникнуть в обмене мыслями Русского Зарубежья с десятками новых русских поколений, которые ныне ведут с большевизмом борьбу во имя России и которые частью влились в наши ряды“. Вследствие этого редакция оказалась переполнена как научными обоснованиями ошибочности новой орфографии, так и гневными и ругательными письмами протеста, в которых редакцию обвиняли „в недостатке русскости“, в „малокультурности“ и в „подложности яду красной пропаганды“. Еще несколько раз возвращалось „Русское дело“ к теме, взбудоражившей широкие массы эмигрантов. Было опубликовано подробное научное объяснение выдающегося историка и филолога

Александра Львовича Погодина (1872-1947), а также краткое изложение „сути и основ нового правописания” литературоведа, а в эмиграции преподавателя русского языка и литературы в кадетском корпусе и русско-сербской белградской гимназии Владимира Викентьевича Топор-Рабчинского (?-1944).

При этом проблема экономии бумаги, достигаемая при использовании новой орфографии, очевидно, была исключительно важной, что видно на примере постоянного сокращения размеров изданий (в 1941 году „Русский бюллетень” выходил на 10 страницах, „Новый путь” на 4, а „Ведомости Русского корпуса” на 6, что опять в сумме давало 10 страниц). „Русское дело” сначала выходило на 6 страницах, а с №9 и вовсе сократилось до 4 страниц.

При этом периодические издания служили оружием пропаганды для сплочения рядов эмиграции, поддержания ее духа и направления общественных настроений в нужное русло. Журналист „Нового времени” с русским православным именем Василий и звучной немецкой фамилией Розенберг в издании, посвященном годовщине газеты, с гордостью констатировал, что русское периодическое издание представляет собой „тип идейной газеты обновляемой Европы, оно творит общественное мнение, защищая и объясняя те духовные ценности, которые считает необходимыми для культурного, морального и материального развития народа и нации”. Словом, военные издания русских эмигрантов в смысле ежедневной политики (глобальной и локальной) были рупором немецкой пропаганды, дословно переписывая или пересказывая сообщения из немецких или местных сербских газет.

Подобное положение дел просто не укладывалось в голове многих эмигрантов, традиционно привыкших видеть в печатных изданиях рупор общественной мысли. „Сидя на белградских мансардах или в горном бункере”, они нередко писали глобальные политические статьи, которые, вероятно, были отзвуками ожесточенных дискуссий и уединенных, но не менее напряженных, размышлений о судьбах России и ее будущем. Увы, эти „политические” статьи, как и статьи „гиперкритические”, сразу же попадали в мусорную корзину редактора. Столкнувшись с этим потоком советов „Риббентропу, Розенбергу и Власову”, редакция была вынуждена призвать читателей не писать „передовиц”, а присылать „корреспонденции с мест осведомительного характера..., о культурной работе..., бытовые картинки, литературные наброски, штрихи и заметки”, не забывая, что от „критики Россия пропала”. Таким образом, газета (как пропагандистское издание военного времени) пыталась защитить стратегический ресурс информационного пространства - „бодрость”. Этот подход приводил к тому, что остро нуждавшиеся в прорыве пропагандистской блокады читатели пытались (порой не слишком успешно) читать издания „между строк”, усматривая зловещие предзнаменования даже в том, что к постановке готовится пьеса Л. Н. Толстого „Живой труп”.

Ощущение недостатка средств массовой информации на родном языке среди военнослужащих провинциальных гарнизонов и отдаленных бункеров Русского Корпуса, а также гражданских лиц русской эмиграции в Сербии в конце лета 1943 года попытались восполнить пу-

тем проведения еженедельных радиопередач на волнах „Радио-Белград”. Первая радиопередача состоялась 17 августа 1943 года, длилась 30 минут, была открыта исполнением „Верую” хором Русского корпуса и состояла из приветственной речи генерала Штейфона, зарисовки из жизни Корпуса и политического обзора за неделю, перемежавшихся русскими царскими маршами, декламацией стихов и русской народной песней „Вскормили меня и вспоили...” Эти передачи проводились по вторникам сначала в 14, а позже были перенесены на 18 часов, причем была увеличена их продолжительность, а содержание расширено. Основной проблемой этого перехода к „электронным” средствам массовой информации было, конечно, недостаточное количество радиоприемников. При этом для нужд эмигрантов, служивших в Русском корпусе, использовались не только штатные радиостанции и имевшиеся в казармах радиоприемники, но и пропагандистские машины с установленными на них громкоговорителями. Для гражданских лиц в помещении колоний устраивались бесплатные массовые „радиопрослушивания”, как, например, в театральном зале Русского дома. Собравшиеся перед динамиками громкоговорителей эмигранты могли услышать не только политические обзоры, но и радиопостановки (от Островского до Аверченко), симфонический оркестр, арии из классических русских опер („Русалка”, „Князь Игорь”, „Садко” и др.), романсы, кубанский и донской казачий хор, русские и украинские народные песни и даже частушки. Причем художественная программа являлась комбинацией граммофонных записей из коллекции Белградского радио и жи-

вых выступлений популярных в эмиграции певцов и актеров.

Вдохновленные этим примером эмигранты попытались создавать и т. н. местные „устные газеты”, причем имелись подобные газеты нескольких видов - воинские, церковные и „колониальные”. Конечно, существовала опасность их превращения в политинформацию или развернутую проповедь, но на деле, скорее „устные газеты” становились причиной для совместных встреч и способом проведения досуга нуждавшихся в общении эмигрантов ”...в монотонной жизни среди горных высот и диких лесов в уединенных маленьких местечках, раз в неделю имевших возможность собраться на 1-2 часа, чтобы отдохнуть от тягот службы, развлечься и выслушать ... доклады”, перемежавшиеся декламацией стихов, попури на аккордеоне и граммофонными записями. Сложно сказать, насколько восприимчивыми были эмигранты к этому, граничившему с эстрадными и театральными представлениями виду информационно-пропагандистской работы.

Куда менее идеологически окрашенными и проходившими в неформальной и „подогретой” обстановке были „чай” как форма общения. Традиционно существовали чай двух видов. Первые были своего рода корпоративной вечеринкой членов одного общества, учебного заведения или группы лиц, связанных общими воспоминаниями (например, встречи выпускниц слушательниц Педагогических курсов профессора Штумфа, слушателей Зарубежных Высших военно-научных курсов профессора Головина, участников Первого Кубанского похода под руководством генерала Корнилова, выпускников

Павловского училища) и проводились в форме обычных банкетов, средства на которые собирались с участников мероприятия. Вторые имели благотворительный характер и имели форму „чая-концерта”. Средства на благотворительные нужды (зимняя помощь нуждающимся, пожилым и инвалидам из рядов русской эмиграции, развитие русских учебных заведений, улучшение питания и обновление одежды и обуви детей в русских интернатах и сиротском приюте) собирались Союзом русских женщин или Родительскими комитетами гимназии и кадетского корпуса. В этом случае принять участие приглашались все желающие, в зале у сцены устанавливались столики и обычные ряды стульев, к услугам посетителей был постоянно действующий буфет, а развлечение гарантировали приглашенные артисты, аттракционы и павильонные гадалки. Доходы давала продажа мест за столиками, буфет (где напитки и продукты продавались по ценам значительно выше оптовых покупных), пожертвования при входе и по подписным листам, а также лотерея и аттракционы.

Классические театральные и эстрадные представления были неотъемлемой стороной жизни Белградской колонии русских эмигрантов. На подмостках театрального зала Русско-го дома в 1941-1944 годах постоянно ставились драматические пьесы, а также отдельные балетные партии, оперные арии и эстрадные номера. Во втором военном и последнем русском эмигрантском театральном сезоне в Сербии (1943-1944) зрители могли увидеть даже целые балетные и услышать некоторые полные оперные

РУССКІЙ ТЕАТРЪ



А. А. ДОРИАНЪ

ПРОГРАММА

Въ воскресенье 3-го октября 1943 г.
состоится 11-ой очередной спектакль О-ва сценич. дѣятелей.

Представлено будетъ:

» ПРИВИДѢНІА «

Драма въ 3-хъ дѣйств. Генрика Ибсена.

Дѣйствующія лица:

Фру Елена Альвингъ, вдова камергера	А. А. Доріанъ
Альвинга	О. П. Миклашевскій
Освальдъ Альвингъ, ея сынъ, художникъ	О. С. Гребенщиковъ
Пасторъ Мандерсъ	С. А. Семьиниъ
Столяръ Энгстрандъ	Л. Г. Съдова
Регина Энгстрандъ	

Дѣйствие происходитъ въ усадьбѣ Фру Альвингъ
въ западной Норвегіи

Режиссеръ: О. П. Миклашевскій.
Художникъ: С. И. Кучинскій.
Пом. реж.: К. В. Талинъ.

Начало спектакля ровно въ 16 час.

Послѣ поднятія занавѣса входъ въ зрительный залъ
безусловно воспрещенъ.

Программа спектакля Общества сценических деятелей. Белград, 3 октября 1943 г.

произведения из русской классики. Заслуженную гордость вызывали поставленные при участии Сербского народного театра с большим размахом, несмотря на материальные затруднения, „Евгений Онегин” и „Царская невеста”. Представления эти не были бесплатными, и доходы от них покрывали расходы русской труппы, которая платила с них налоги в сербский бюджет, от которых освобождались только лишь благотворительные и ученические выступления. Выступавшие на подмостках Русского дома драматические актеры вели свою творческую „родословную” от выехавшей из России в 1919 году труппы Московского Художественного театра, причем накладываемые военными условиями ограничения на костюмы и сценографию не мешали полету фантазии репертуарной комиссии, работавшей в широком спектре от Ибсена до Островского, от Гамсуна до забытых любимцев русского дореволюционного театра Льва Николаевича Урванцова (1865-1929) и Александра Ивановича Косоротова (1868-1912). Руководил труппой Общества русских сценических деятелей в Сербии талантливый актер и режиссер Олег Петрович Миклашевский (1903-1992). Деятельность Общества была столь успешна, что в июле 1943 года был объявлен конкурс для расширения труппы и привлечения „молодых сил обоего пола”. Кроме Общества русских сценических деятелей в Сербии, а также русских актеров оперы и балета из труппы Сербского народного театра с концертами (причем не только для военнослужащих, но и для гражданских членов русских колоний в провинции) с музыкальными номерами и юмористическими зарисовками выступал эстрадный ансамбль Рус-



■ Олег Петрович Миклашевский, актер и режиссер. Белград, 1935 г.

ского корпуса „Веселый бункер” и его звезда Сергей Николаевич Франк. Публичные драматические представления регулярно организовывали и учащиеся русско-сербской белградской гимназии при поддержке Родительских комитетов, с благотворительными целями помощи „недостаточным ученицам и ученикам”.

Еще одной формой творческого самовыражения русской эмиграции в годы войны оставались, как и в довоенные годы, художествен-

Удружење чланова Руских позоришта у Србији.
 Verein der Russischen Theatermitglieder in Serbien.
 Общество русских сценических деятелей въ Сербіи.

ЛЕГИТИМАЦИЈА
 AUSWEIS } № 131
 УДОСТОВЉЕЊЕ

Име и презиме *Татјана Холодович*
 Name und Vorname *Tatjana Cholodowitsch*
 Имя и фамилія *Татьяна Холодовичъ.*

Година рођења и место } *Београд.*
 Gebrurstag und Ort } *1923. Belgrad*
 Годъ рођења и мѣсто } *Београдъ*

је *Сарадни* члан Удружења.
 ist *Mitarbeiter* Mitglied der Vereins.

состоји *Соревноват*, членомъ Общества.

Начелник Удру- жења чланова русских позори- шта у Србији	Leiter des Ve- reins der russi- schen Theater- mitglieder in Serbien	Началникъ русскихъ сце- ническихъ дѣ- телей въ Сербіи
---	--	--

С. М. Рашић



Својеручни потпис

Ergenhandige Unterschrift

Собственоручњая подпись

Струка: *Драмск*
глумица
 Fach: *Schauspieler*

Специјалност: *Дра-
матическа глумица*

Београд

Belgrad

Београдъ

1. IV. 1943

■ Удостоверение артистки Татьяны Викторовны Холодович, выданное Обществом сценических деятелей в Сербии. Белград, 1943 г.

ные выставки. Крупные ежегодные выставки проводились летом 1942 и 1943 годов в павильоне „Цвета Зузорић“ на Калемегдане. Организатором их был популярный в эмигрантской среде Югославии художник Сергей Иванович Кучинский (1886-1969). В проведении выставок активно участвовали талантливый художник русской эмиграции Степан Федорович Колесников (1879-1955), сценограф и костюмер Ананий Алексеевич Вербицкий (1895-1974), скульптор Загороднюк,

художники, архитекторы и декораторы И. Рык и Л. Рык-Ковалевская, художник В. Резников, художник-маринист А. Сосновский и др.

На первой выставке, открывшейся 2 августа 1942, было представлено 300 работ 24 авторов (С. Алисов, К. Антонова, О. Бенсон, А. Быковский, Г. Бояджиева, А. Вербицкий, О. Данилевич, В. Загороднюк, А. Золотарев, С. Колесников, О. Колб-Селецкая, С. Кучинский, С. Латышев, Б. Линевић, М. Орбельяни, Б. Резников, И. Рык, Л.

Рык-Ковалевская, А. Сосновский, М. Хрисогонов, П. Челнокова, Б. Шаповалов, И. Шрамченко и Б. Юзепчук). Техника письма отличалась исключительным разнообразием: масло, гуашь, акварель, перо, карандаш, выжигание по дереву, мраморная и гипсовая скульптура. Хотя темы картин были достаточно нейтральны: пейзажи Сербии и Далматинского побережья (в основном Белград и Дубровник), натюрморты, бытовые зарисовки, сюжеты из русской жизни, русские сказки, выставка имела поддержку местных и оккупационных властей. На открытии среди прочих присутствовали министр просвещения в правительстве Милана Недича Велибор Йонич, военный комендант Белграда генерал-майор Адальберт Лончар, а открывал выставку начальник Русского бюро генерал В. В. Крейтер. В день закрытия на выставку прибыл шеф Исполнительного штаба военного коменданта Сербии бригаденфюрер СС Харальд Турнер, который „тепло общался” и „подробно разговаривал с каждым участвовавшим в выставке художником”. Несмотря на стоявшую жаркую погоду, выставка была продлена на неделю и вместо двух недель действовала три недели до 23 августа 1942 года. Ее посетили свыше 3.000 человек (сербы, русские эмигранты, офицеры и солдаты оккупационных войск), которые не только платили за входные билеты, но и купили несколько картин.

Столь очевидный успех русских художников привел к тому, что было решено провести полугодовую выставку, не дожидаясь выставки 1944 года (которая, по понятным причинам, не состоялась). Ведущие русские художники в Сербии - Бояджиева, Вербицкий, Загороднюк,

Золотарев, Ковалевская, Колесников, Колб-Селецкая, Кучинский, Рык, Сосновский, Хрисогонов и Шрамченко предоставили свои картины для проведения 15 декабря 1943 года вечера художников, в ходе которого был организован аукцион и концерт русской музыки. Доход от выставки был потрачен на зимнюю помощь нуждающимся, больным и престарелым русского эмигрантского сообщества. Интересно сравнить, что доходы на благотворительность от выставки 1942 года составляли 6000 динаров, а от одного вечера русских художников 15 декабря 1943 года только чистых отчислений на благотворительность было 202.000 динаров. Вдохновленные успехом художники провели также и Новогоднюю выставку-продажу с 19 по 29 декабря 1943 года, которой было суждено стать последней в Белграде выставкой „живых” русских художников-эмигрантов.

Способом сохранения и умножения собственного (само)сознания русской эмиграции как единой социальной группы, безусловно, были и такие учреждения культуры, как библиотеки. Хотя большинство русских колоний в Югославии имело свои библиотеки, настоящим кладом русской книги за рубежом была Русская публичная библиотека, хранившаяся в Русском доме Императора Николая II. Отрицавшие в своем политическом экстремизме русское наследие в советской культуре эмигранты называли эту библиотеку „крупнейшим русским национальным книгохранилищем”. Мы же, безусловно, можем назвать ее крупнейшим собранием русской книги в эмиграции. Расширение фонда и содержание библиотеки находилось на самофинансировании от абонементной платы. В

годы войны в результате ликвидации ряда общественных организаций (Земгор, Союз русских писателей и др.), а также отъезда из Сербии на заработки в Германию ряда эмигрантских семей, оставлявших свои книги библиотеке, ее фонд еще более увеличился и превысил в 1942 году 100.000 книг. В Русской публичной библиотеке трудились 15 сотрудников, ежемесячный оборот в 1942 году составлял 26.000 динаров, а в среднем в день библиотеку посещали 600 человек. Абонентская плата за книгу в довоенное время составляла 16 динаров, а в 1942 году возросла до 25 динаров. При этом число постоянных читателей составляло около 2.500 человек. К лету 1944 года фонд Русской публичной библиотеки в Белграде составил свыше 130.000 книг.

Русские эмигранты, проживавшие в Югославии и особенно в Сербии оказались активно вовлечены в события оккупации и гражданской войны 1941-1945 гг.

При этом стоит отметить, что лишь считанные единицы русских эмигрантов имели желание выступить с оружием в руках (или без такового) против немцев. Создание единственной эмигрантской подпольной организации „Союза Советских Патриотов” относится к середине 1941 года, однако деятельность „Союза”, была минимальна. Характерно, что вплоть до 1944 года в материалах гестапо нет ни одного свидетельства о заметной активности со стороны этой организации, хотя в них встречаются имена лидеров организации Ф. Висторопского, В. Лебедева, И. Одиселидзе. Стоит отметить и тот факт, что в секретной информационной справке „Деятельность советских спецслужб в Югославии 1941-1948 гг.”, составленной Управлени-

ем контрразведки Югославской армии в конце 40-х - начале 50-х годов для нужд высшего руководства, упоминания о первых контактах партизанских формирований „Союза Советских Патриотов” относятся ко второй половине 1944 года. Примеры полномасштабного сотрудничества отдельных русских эмигрантов с партизанским движением (Ф. Махин, В. Смирнов и др.) были практически единичны. Отдельные эмигранты, примкнувшие к партизанам или помогавшие деятельности партизанского или реже четнического подполья скорее могли выразить собственные взгляды, нежели изменить общую картину поведения русской диаспоры в Югославии в годы Второй мировой войны.

Молчаливое большинство эмигрантов было равнодушно настроено по отношению к движению сопротивления. Более того, куда больше русских, которых Вторая мировая война застала в Югославии, в той или иной мере встали на сторону антикоммунистов в гражданской войне, разгоревшейся в 1941 году в Сербии.

Одним из наиболее наглядных форм этого русского участия в гражданской войне стало создание оккупантами нескольких воинских частей, сформированных из эмигрантов для борьбы с партизанами. Самым крупным из них был Русский корпус, которому немцы с момента его основания 12 сентября 1941 года определили предельно узкую функцию - антипартизанская деятельность на территории Сербии. Поэтому формально провозглашенный М. Ф. Скородумовым независимый корпус получил официальное немецкое название „Русской охранной группы” и был подчинен Верховному уполномоченному по экономике Сербии Ф. Нойхаузену.



■ Молодое пополнение русского охранного корпуса.

До конца 1941 года корпус, вместе со сформированными в то же время частями сербских радикальных националистов из Сербского добровольческого корпуса, использовался для подавления восстания, масштабы которого все возрастали. Партизаны продемонстрировали, что их целью является не только освобождение Югославии от немцев, но и установление своей власти, чем испугали даже их недавних союзников - четников. Лишь к зиме 1941-1942 гг. немцам удалось разгромить партизан при помощи Сербского добровольческого корпуса, Русского охранного корпуса и части пере-

шедших на их сторону четников. Печальным последствием всех этих событий стал раскол сербского общества на три неравные части и начало гражданской войны. Впрочем, полномасштабные боевые действия на территории Сербии прекратились вплоть до прихода советских войск, что не исключало активных локальных операций против отдельных попыток партизан перебраться на территорию Сербии. В это время Русский корпус был увеличен за счет русских добровольцев из других балканских стран: Болгарии, Хорватии, Греции и Румынии, в том числе из захваченных Бессарабии, Буковины и



■ Офицеры русского охранного корпуса.

Одесской области. В 1942 году охранная группа была включена в состав немецкой армии и получила название „Русского охранного корпуса“. В момент наибольшего расцвета в корпусе было пять полков, причем первый, находившийся под

командованием генерала Зборовского, в основном состоял из казаков. Корпус не действовал как единое воинское соединение, его полки и более мелкие части были приданы немецким и болгарским оккупационным дивизиям в качес-



■ Солдаты и офицеры Русского корпуса охраняют коммуникации в Сербии.

тве вспомогательных частей. Основная деятельность Корпуса сводилась к охране мостов и туннелей вдоль железной дороги, в особенности в долине реки Ибар, к обеспечению безопасности рудников и фабрик Бора, Трепчи, Майданпека, Крупня, а также защите от прорыва партизан вместе с частями Сербского добровольческого корпуса границ Сербии вдоль рек Дуная и Дрины. Согласно мнению авторов меморандума о

русской эмиграции в Югославии, "...корпус имел очень важное стратегическое значение охраны самых чувствительных мест в экономическом механизме оккупированной Сербии".

В октябре 1944 года осуществилось давнее стремление организаторов корпуса опробовать силы не в сражениях с партизанами, а в столкновении с самой Красной армией. К этому времени в составе корпуса было 11.197 человек. Имен-

но тогда из названия корпуса было исключено слово охранный, не соответствовавшее боевым действиям, в которых активно участвовали части корпуса. Корпус понес большие потери в тяжелых арьергардных боях, а также в ходе зимнего отступления через гористые районы Боснии в Словению. После скоростной смерти генерала Штейфона командование корпусом 30 апреля 1945 года принял полковник Анатолий Иванович Рогожин (1893-1972). В последние дни войны большая часть Корпуса успешно покинула территорию Югославии и сдалась в плен англичанам. На момент сдачи в плен англичанам в нем числилось 5584 человека. Всего за неполных 4 года существования в рядах корпуса служили 17.090 человек, общее число потерь (убитые, раненые и пропавшие без вести) составило 6709 человек (без учета выбывших по болезни и дезертировавших).

Вторым значительным военным соединением, которое было основано русскими эмигрантами в Югославии в годы Второй мировой войны, был батальон, а позднее полк „Варяг”. Его организацией занимался вышеупомянутый М. А. Семенов. В отличие от Русского корпуса, попавшего в состав вермахта в 1942 году, эта воинская часть с самого начала (с марта 1942 года) создавалась под протекторатом СС. К тому времени М. А. Семенов получил звание капитана (гауптштурмфюрера СС) и подготовил в казармах Русского корпуса на Банице пехотную часть численностью в 600 человек, состоящую в основном из эмигрантской молодежи. Сам М. А. Семенов расположился вместе со своими единомышленниками (Н. Чухнов, Гринев, Остерман и Э.П. Лавров) в „Палас-отеле” в Белграде,

разместив там штаб своего батальона. Батальон состоял на довольствии в Главном управлении СС, а в оперативном отношении подчинялся командованию вермахта. К этому времени М. А. Семенов уже получил немецкое гражданство. Хотя предложением для формирования части и была отправка на Восточный фронт (называли даже точную операцию - десант в районе Новороссийска), батальон получил статус вспомогательной полицейской части и был оставлен для антипартизанских действий в Югославии. Части вспомогательной полиции (ХиПо - Hilfe Polizei), сформированные М. А. Семеновым и состоявшие из русских эмигрантов, были размещены в Смедерево и Пожаревце. Набранный из эмигрантской молодежи в начале 1943 года конный эскадрон под командованием поручика Михаила Шидловского был размещен в Гроцке и Белой Церкви. Большинство русских эмигрантов, служивших в полиции (300-500 человек), состояли во II добровольческом полку СС.

В 1943 году гауптштурмфюрер М. А. Семенов отбыл в Германию, откуда возвратился лишь в конце 1944 года, когда немецкое командование приняло решение развернуть в Словении на базе этого батальона полк, который впоследствии получил название „Варяг”. Так как ресурсы русской эмиграции на Балканах были уже в значительной степени истощены, значительную роль в комплектовании „Варяга” сыграли добровольцы из числа советских военнопленных. В период максимального расцвета в полку насчитывалось около 2,5 тысяч человек. Полк формировался в Любляне, которая к тому времени (после капитуляции Италии в 1943) оказалась под немецкой оккупацией. Командиром

полка был назначен дослужившийся уже до звания полковника М. А. Семенов, его заместителем - майор М. Г. Гринева. Полк „Варяг” охранял Любляну и ее дальние пригороды от партизан. Весной 1945 г. „Варяг” вместе с Русским корпусом покинул югославскую территорию в арьергарде вермахта и так же, как и Русский корпус, сдался англичанам.

Куда менее успешной оказалась боевая активность казацких и украинских самостийников из состава российской эмиграции, пытавшихся сформировать собственные воинские части. Небольшой группке казаков-самостийников не удалось создать массовую организацию и, вследствие этого, максимумом их достижений было распространение пропагандистских материалов среди казаков 1 полка Русского корпуса, не имевшее особых результатов. Полный пессимизма атаман Казачьего национального округа в Сербии Иван Алексеевич Поляков (1886-1969) писал из Белграда руководителю Казачьего национального движения инженеру Василию Глазкову: „Оглядываясь назад, на двухлетнюю работу Союза, могу сказать откровенно - все было толчением воды в ступе. Наша линия, видимо, неприемлема, о национальных формированиях говорить не приходится. Все военное дело находится в руках русских легитимистов. Немецкие военные круги нас серьезно не воспринимают. Вообще казачий вопрос на задворках. Выделение казаков в Русском корпусе прошло лишь номинально, масса казаков осталась в русских полках. На казаков смотрят как на род оружия, но не как на народ”. Соратник Полякова из Хорватии С. К. Фастунов вторил: „Казаков националистов... пока лишь на всю Хорватию 4 человека

(Полковников, Попов Василий, В. Куртин и я)”

Украинским самостийникам повезло больше, т. к. в Хорватии они натолкнулись на более живое сочувствие хорватских националистов, видевших в русско-украинских взаимоотношениях схожесть с сербско-хорватским противостоянием. Особую активность проявлял глава украинского представительства при правительстве НГХ В. Войтановский, являвшийся миссионером ОУН (фракция Андрея Мельника). Вскоре после создания НГХ, весной 1941 года появился приказ генерала Марича, начальника Главного штаба Хорватии, о формировании особого Украинского батальона в составе IV дивизии, размещенной в Бихаче. Инструктором батальона по пропаганде был назначен инженер Владимир Панков. Старшие офицеры были хорватами, а значительную часть рядового состава составляли местные украинцы и русины, поселившиеся в Боснии и Славонии еще во времена Австрийской империи. Как бы то ни было, уже к концу 1941 года батальон понес серьезные потери от партизан, „...а личный состав утратил мораль и боевой дух”, вследствие чего батальон был реорганизован и превратился в смешанную часть, что в значительной мере лишило ее украинского духа.

Следует добавить также, что некоторое количество русских эмигрантов служили непосредственно в частях марионеточных режимов, возникших после оккупации Югославии. Свыше 50 бывших офицеров Королевской Югославии, из числа русских эмигрантов, продолжили свою службу в составе вооруженных сил НГХ. В отличие от Хорватии, в Сербии русских эмигрантов на государственной военной (как, впрочем, и на гражданской) службе не было.

Причиной тому был указ премьер-министра Сербии - генерала Милана Недича от мая 1942 года об увольнении с государственной службы всех русских, вне зависимости от того, являются ли они гражданами Сербии или нет. Этот приказ объяснялся стремлением обеспечить работой прибывавших из оккупированных районов многочисленных сербских беженцев. Редким исключением (из-за массового увольнения русских эмигрантов) стал случай Николая Дмитриевича Губарева (1905-1949), который был принят на работу в югославскую полицию еще в 1928 году, а с 1941 года перешел в Специальную полицию и возглавлял там отдел по борьбе с коммунистами, а позднее отдел по борьбе с повстанцами Дражи Михайловича.

Стоит отметить относительно высокую вовлеченность русской эмиграции в военные формации, возникшие на оккупированной территории Югославии в годы Второй мировой войны. В этом контексте интересно сравнить количество „балканских” русских эмигрантов (Югославия - около 30 тыс. и в Болгарии - свыше 15 тысяч человек), давших большинство кадров Русского корпуса и несколько полицейских частей, и численность других крупных русских эмигрантских диаспор, не принявших такого организованного участия в событиях 1941-1945 гг. По сведениям Нансеновского комитета, во Франции проживало около 100 тыс., в Польше - 80 тыс., в Германии - 40 тыс., в Чехословакии - около 9 тыс., в Бельгии около 8 тысяч человек. Уместно будет напомнить и то, что начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер считал, что: „... исходя из имеющегося опыта... на каждый миллион жи-

телей можно сформировать две дивизии...” т. е. задействовать около 3-4% населения, исходя из штатной численности пехотной дивизии вермахта по предвоенному мобилизационному плану равной 17734 солдата и офицера. Этот средний процент мобилизационных ресурсов был намного превзойден русской эмиграцией, даже с учетом того, что одинокие мужчины в ее составе были более многочисленны, чем в обычных демографических условиях.

Попытаемся реконструировать мотивы столь чрезвычайной активности. В первую очередь, бросается в глаза непосредственная материальная заинтересованность. Для сравнения отметим, что в то время рядовой в восточных легионах и батальонах вермахта (из граждан СССР) - получал от 30 до 42 марок (54 марки для семейных). В то же время служба в рядах Русского корпуса была более выгодна: в 1942 году рядовой и сержантский состав получал от 60 (90) до 75 (105), унтер-офицерский состав от 105 (145) до 145 (210), обер-офицерский от 210 (270) до 340 (430), штаб-офицерский от 400 (520) до 800 (920) рейхсмарок в месяц, причем для семейных лиц оклад увеличивался (до суммы, указанной в скобках). Учитывая завышенный курс рейхсмарки (20 недичевских динаров за 1 марку), эти выплаты были значительными. Еще более высокие выплаты были у рядового и офицерского состава немецкой вспомогательной полиции, куда, пользуясь этим, активно переманивали военно-служащих из Русского корпуса.

С другой стороны, стоит отметить, что к 1941 году минуло уже почти 20 лет с момента окончания Гражданской войны, и эпоха ландскнехтства из рядов русской эмиграции отош-

ла в прошлое. Хотя большинство попавших в Королевство СХС/Югославию русских эмигрантов и были участниками Первой мировой и Гражданской войн (62% от общего числа прибывших), лишь небольшая их часть относилась к кадровым военным (28,6% от общего числа прибывших). Представители среднего и молодого поколений эмиграции тем более были интегрированы в мирную жизнь. В том случае, если кто-то и терял работу в результате военных невзгод, у большинства эмигрантов существовала возможность реэмиграции в Германию, которая активно вербовала работников во всевозможные отрасли экономики на места, освободившиеся вследствие мобилизации. Служба по контракту в рядах боевых подразделений, активно борющихся с многочисленными и решительными повстанцами, защищающими свободу своих гор и спаянными крепкой тоталитарной идеологией, вряд ли может быть признана популярным способом заработка для большей части эмигрантской массы. Желавшие обеспечить себя материально быстро покидали ряды корпуса (если и попадали в него), причем вызывали этим исключительную неприязнь у патриотической части русских эмигрантов. Подобный случай описывает в своих мемуарах Анатолий Максимов, разочаровавшийся в службе в Корпусе и благополучно бежавший из него в Германию на заработки. Вместо финансовых причин, стоит обратить внимание на другие (более важные) мотивы, приводившие русских эмигрантов в Топчидерские казармы. Сами участники этих формирований отмечали другие мотивы. Целью вступления русской эмиграции в антикоммунистические (антипартизанские) фор-

мирования в Югославии они считали защиту от партизанского и коммунистического террора. Случаи убийств русских эмигрантов действительно случались, но еще более часты были случаи физических и вербальных нападений, сделавших жизнь русских эмигрантов крайне сложной. Ну, а самым важным мотивом мемуаристы называли желание и возможность вернуться на Родину, причем не повинившимися страдальцами, а победителями на белом коне. Поэтому события 1941-1945 гг. в коллективном восприятии эмигрантов были долгожданным продолжением не закончившейся Гражданской войны. Воспоминания о событиях двадцатилетней давности и общая ненависть к засевавшим в Кремле правителям России была важным (а может быть, и важнейшим) когерентным фактором существования русской эмиграции как социальной группы. Насколько сильным было воздействие этого фактора видно по письму, которое отчаявшийся попасть на Родину Андрей Григорьевич Шкуро написал летом 1941 года украинским националистам в Загребе, бывшим в фаворе у немецких оккупационных войск. В этом письме, которое ему (не знавшему западенского диалекта уроженцу Екатеринодара) помогли перевести на украинский язык, А. Г. Шкуро говорит о своем стремлении попасть на Родину и еще послужить ей в деле освобождения от коммунизма. После формирования Русского корпуса, а затем и прибытия на Балканы 15-ой Казацкой дивизии в таких ухищрениях для стосковавшегося по оружию основателя легендарных „волчьих сотен” больше не было необходимости, и его краткий мезальянс с „галичанами” не имел продолжений.

■ Боец русского корпуса с добровольческим крестом на шлеме и знаком Николаевской военной академии.



Партизаны в этих условиях воспринимались как носители враждебной идеологии, а сам Русский корпус как кузница кадров для будущей „освободительной армии”. Недаром первыми бойцами Русского корпуса в сентябре 1941 года стали не безработные или неквалифицированные рабочие, не имевшие других источников существования (что является типичным для контрактников), а добровольно посещавшая военные курсы еще в довоенное время молодежь. В рамках этой подготовки бывшие гимназисты и кадеты за несколько лет до войны уже объединились в т. н. „роту допризывной подготовки молодежи”, созданную при 4-ом Отделе Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) полковником Михаилом Тимофеевичем Гордеевым-Зарецким. Командный состав роты также состоял из молодых эмигрантов, закончивших трехлетние Военно-училищные курсы при РОВС, которые организовал тот же М. Т. Гордеев-Зарецкий. Сами столкновения с партизанами эмигранты пытались осмыслить и рассмотреть в глобальном контексте. Примером этого, несомненно, являются написанные в послевоенное время работы одного из офицеров корпуса, Евгения Эдуардовича Месснера (1891-1974), посвященные антиповстанческим операциям и представляющие реальный интерес и по сей день.

Вовлеченность русской эмиграции в антикоммунистические мероприятия видна и на примере активного участия русских эмигрантов в антикоммунистических пропагандистских акциях в годы гражданской войны и оккупации в Югославии.

Участие в визуальной борьбе против коммунистической идеологии принимали и русские

художники, корифеи „Золотого века югославского комикса”, много сделавшие для развития этого направления прикладного искусства в предвоенной Югославии. Оформлял недичевские издания один из основателей сербского комикса талантливый художник Юрий Павлович Лобачев (1909-2002), популярный в Сербии карикатурист под псевдонимом „Джордже Стрип”. Активно участвовал в антикоммунистической пропаганде и другой талантливый художник - Константин Константинович Кузнецов (1895-1980), который рисовал карикатуры в юмористических журналах „Бодликово прасе” („Дикобраз”), „Мали забавник” („Маленький весельчак”), создавал плакаты-комиксы „Притча без слов”, „Ложь востока” и „Предупреждение”, оформлял пропагандистские брошюры для немецкого агентства „Юго-восток”. Именно он стал автором популярного комикса 1943-1944 гг. „Притча о несчастном короле”. В ней в аллегорической форме были представлены: Старый король, Молодой король, Сановник злобного короля, Северный кровожадный тиран и Разбойник, под масками которых скрывались Александр Карагеоргиевич, его сын Петр, Черчилль, Сталин и Тито. Столь же плодотворно работал и Всеволод Константинович Гулевич (1903-1964), создавший в годы войны яркую череду „национально-идеальных” героев германского эпоса („Нибелунги”) и сербского средневековья („Меч судьбы”). Помимо вышеперечисленных, и менее известные художники из среды русской эмиграции поставляли антикоммунистическую изобразительную продукцию для агентства „Юго-восток”, для Отделения пропаганды при правительстве Милана Недича.

ча и для периодических изданий, выходивших на территории Сербии. Русские художники внесли свой вклад и в оформление Антимасонской выставки, организованной осенью 1941 года муниципалитетом города Белграда с целью „разоблачения козней мировой закулисы”.

Отдельные русские эмигранты участвовали в вышеупомянутой кампании антикоммунистической пропаганды, используя свои публицистические и журналистские дарования. Например, вышеупомянутый Евгений Месснер, имевший качественное военное образование (Михайловское артиллерийское училище и Академия Генштаба) работал военным обозревателем в сербских („Време”, „Время”, „Општинске новине”/ „Муниципальная газета”) и русских („Сегодня”) эмигрантских газетах и в предвоенное время. В годы войны он не только предпринял активное участие в деятельности Русского корпуса, но и был некоторое время редактором сербской газеты „Обнова” / „Обновление” и сотрудником ведущей газеты „Ново Време”/ „Новое Время”, в которых он пространно писал о происходившем на востоке Европы.

Эмигранты, трудившиеся до войны на ниве сербского просвещения, выступали с пропагандистскими антикоммунистическими лекциями в провинциальных городах. Например, Федор Федорович Балабанов (1897-1972), выпускник Богословского факультета Белградского университета, работал до войны преподавателем Священного Писания, психологии, церковно-славянского языка, патрологии и философии в духовной семинарии в Призрене и в Сремских Карловцах. Летом 1941 года он обратился к оккупационным властям с просьбой

о направлении его на Родину для ведения там разъяснительной работы. После получения отказа, Ф. Ф. Балабанов стал ездить по территории Баната с антикоммунистическими лекциями на темы красного террора, коллективизации, колхозов, репрессий, общей деградации, причем подходил к вопросу творчески, даже разработал общий план и рекомендации активистам агитационной деятельности, переданные им белградскому отделению СД. В Валеvском округе с различными пропагандистскими лекциями выступали: преподаватель истории гимназии города Валево д-р Ростислав Владимирович Плетнев (1903-1985), а также преподаватель музыки той же гимназии Василий Иванович Альтов, богослов по образованию. Их коллегами по лекционной работе были Михайло Олчан и Боривое Карапанджич, звезды сербской пропаганды и видные члены праворадикального сербского движения „Збор”.

Наконец, еще одним элементом влияния русской эмиграции на события в Югославии и на рост антикоммунистических настроений были неформальные контакты с окружавшей их местной средой. Значительная часть этого воздействия, несомненно, относится к более раннему периоду. Однако стоит отметить, что традиционно близкие взаимоотношения императорской России и Королевства СХС способствовали тому, что идея об опасности коммунизма как воинствующей атеистической, антinationальной идеологии, склонной к насилию над личностью, проникала в образованные круги сербского общества во многом благодаря контактам с русскими эмигрантами. Наиболее ярким примером взаимовлияния были контакты русских

эмигрантов с членами движения „Збор”. Проявлением этих контактов стали не только положительные высказывания русских и сербских мемуаристов друг о друге, но и следы в музыкальном наследии вооруженного формирования „Збора” - Сербского добровольческого корпуса. Походные песни СДК своей мелодикой свидетельствуют о большом влиянии русской воинской песенной культуры, что, в общем-то, не типично для сербских воинских песен, в которых доминируют балканские черты. Одна из популярных песен сербских добровольцев-антикоммунистов „На сунцу оружје нам блиста...” представляет собой наиболее яркий пример этого феномена. Не только музыка, но и слова песни являются результатом вольной обработки русской популярной гусарской песни „Оружьем на солнце сверкая...”, написанной в начале двадцатого века Владимиром Александровичем Сабининым (1888-1930), автором многих романсов, в том числе общеизвестной аранжировки „Гори, гори, моя звезда...”

Уровень интегрированности русского антикоммунизма в гражданскую войну в Югославии стал наиболее заметен на заключительном этапе войны с осени 1944 года до весны 1945 года. В то время у союзников терпящей поражение Германии возникали различные идеи о возможностях избежать его. В поисках спасения усиливались контакты сербских и словенских антикоммунистических формирований и русских частей на службе вермахта. Генеральное направление отступления в Словению объединило словенские части генерала Льва Рупника и полковника Прегеля, Сербского добровольческого корпуса и воевод далматинских четников (Момчило

Джуича и др.), которые активно устанавливали контакты немцев с русскими союзниками, цепляясь за последнюю соломинку. Хотя этим попыткам не было суждено принести реальные плоды, стоит отметить, что сам факт их существования является еще одним свидетельством вовлеченности русских в события гражданской войны в Югославии.

Такая вовлеченность стала следствием определенного взаимопроникновения русской эмиграции и окружающей их среды. Наиболее яркой формой этого были достаточно частые смешанные браки. Следствием этого взаимопроникновения было возникшее в русской эмигрантской среде особое мировосприятие, для которого были характерны следующие черты: чувство долга перед приютившей их второй родиной, стремление защитить ее от губительной коммунистической идеологии, ощущение близости к местному населению (той части, которая также боролась с коммунистами) и, наконец, неприязнь по отношению к сторонникам победы партизан, верящим в „батьюшку Сталина”. На все это накладывалось все более ясное понимание того факта, что служба в Вермахте и СС, „полная опасности и трудов живота... ведется неизвестно, для чего и для кого”; что эмигранты, взявшие в руки оружие „попали в омут, хотя и имели добрые намерения и желания”, и, в результате, им не оставалось ничего, кроме как „ждать развития ситуации и надеяться на лучшее”. С течением времени часть эмигрантов поняла и то, что немцы использовали их антикоммунистические настроения и разгоревшееся в Сербии и Югославии противостояние между коммунистами и антикоммунистами ради разжигания гражданс-

кой войны и ослабления давления на оккупационную машину. За 20 лет проживания на чужбине русская эмиграция срослась с далекими и чужими Балканами, многие, хотя формально и избегали принятия югославского подданства, тем не менее, все более привыкали к местным реалиям, становились „балканскими” русскими и частью местного общества, отчуждаясь от сильно изменившегося общества родной страны. Это делало еще более трагичной роль эмигрантов в событиях гражданской войны, после ее окончания, в последний период их существования на Балканах, завершившийся массовым и окончательным отъездом с Балкан или полной ассимиляцией русской эмиграции.

С приходом на территорию Сербии советских войск и партизан И. Б. Тито, русские эмигранты в Югославии исчезают как социальная группа, как источник политических воззрений и как когерентный культурный фактор. Число русских эмигрантов, оставшихся в Сербии после вступления на ее территорию советских войск и партизан остается неясным. Определение относительного (от довоенной численности) и абсолютного числа оставшихся косвенно может помочь оценить политическую ориентацию эмигрантов в годы Второй мировой войны, а также уровень их поддержки различным сторонам в конфликте. Так, например, В. И. Косик, опираясь на имеющуюся у него запись воспоминаний профессора Белградского университета и иподиакона Андрея Витальевича Тарасьева, считает, что „вместе с немецко-фашистскими войсками страну покинула треть русских эмигрантов”. Вероятно, это мнение А. В. Тарасьева основывается на результатах переписи 1948 года,

согласно которым только в Сербии в начале 1948 года оставалось 13.329 русских эмигрантов.

С этими данными не совсем совпадает русская церковная статистика, согласно которой „русская церковь (на освобожденной до конца 1944 года территории Югославии, т. е. вся территория Сербии, где было сконцентрировано большинство русских эмигрантов, оставшихся в Югославии после окончания Второй мировой войны - А. Т.) имела два прихода, два монастыря, 20 священников, 15 монахов, 32 монахини и около 3.000 верующих”. Согласно приведенным В. И. Косиком воспоминаниям протоиерея Владимира Алексеевича Мошина (1894-1987), в 1941 году в Сербии было около 80 русских священников, к осени 1944 года число их сократилось до 20. Другой исследователь этой темы - серб Тома Миленкович, исходя из ряда устных и письменных воспоминаний, считает, что „к середине сентября 1944 года Сербию покинуло большинство русских эмигрантов”.

Данные, которые в своих воспоминаниях приводят „уехавшие” русские эмигранты (в частности, ветераны РОК-а), куда более осторожны: хотя „уехать могли все”, уезжали далеко не все, хотя немцы предоставили им такую возможность. Большинство оставшихся вскоре пожалели об этом, оказавшись в руках НКВД. Показательна судьба проживавшей на квартире у о. Василия Тарасьева семьи генерала Бориса Ниловича Литвинова (1872-1951), исследователя Туркестана, талантливого живописца и иконописца. На предложение офицеров РОК эвакуироваться Б. Н. Литвинов ответил, „что приход красных будет временным, что они никого не тронут, так как прошлое забыто, что вслед за ними придут

англичане и король Петр”. Старик был вывезен в СССР и умер в лагерях, а его дочь-гимназистка оказалась в печально известной белградской Главняче. Дожил до амнистии в лагере, а позже умер в нищете в СССР первый русский генерал авиации Вячеслав Матвеевич Ткачев (1885—1965). Погиб в СССР прославленный русский архитектор, успешно работавший в Югославии, Валерий Владимирович Шашевский (? - 1945). Скончался в мордовских лагерях полковник Генерального штаба Роман Константинович Дрейлинг (1880-1945). Стоит отметить, что ни один из них не принимал активного участия в политической жизни.

События военных и послевоенных лет, казалось, полностью уничтожили следы общественной, культурной и политической жизнедеятельности русской эмигрантской колонии 1921-1944 гг. в Сербии и Югославии. Были разграблены и уничтожены книги и имущество размещенных в Русском доме гимназий, русского научного общества, русского театра и художественного ателье, других русских учреждений: начальных школ в Боре и Панчево, госпитале в Панчево, кадетского корпуса и девичьего института в Белой церкви, домов престарелых и интерната для гимназисток. Были уничтожены и разграблены фонды Русской публичной библиотеки и других русских библиотек, насчитывавшие десятки тысяч уникальных изданий. Следам этим было суждено обновиться лишь спустя полвека, после трагического крушения самой Югославии и ее распада.

***Справочно:** Общая численность эмигрантов в Королевстве Югославии в 1937 году составляла 27150 человек. Согласно результатам регистрации русских эмигрантов, проведенной в мае-июне 1941, в Белграде проживало 7.020 взрослых русских эмигрантов (в это число не входили лица, получившие югославское или иное нероссийское гражданство), а всего в Сербии (т. е. в той ее части, которая была включена в единую немецкую оккупационную зону, без Воеводины, Косова, Санджака, юго-восточных частей Сербии) проживало около 20 тысяч русских эмигрантов.*

А. Ю. Тимофеев

Россияне в Сербии - последних 60 лет и сегодня

Общества русских в Сербии (1942-1948 гг.)

Союз русских патриотов

Среди русских эмигрантов, в первую очередь молодых людей „второго поколения”, далеко не все враждебно относились к Советскому Союзу, а радовались его достижениям в сфере подъема народного хозяйства, успехам на дипломатическом поприще. С германской оккупацией Сербии и вторжением вражеских армий на территорию СССР, часть русской эмиграции в Югославии встала на сторону Советского Союза, твердо веря в его победу и возможность своего возвращения на Родину. Соппротивление агрессору в Сербии проявлялось в формировании „партизанских” и „четничких” вооруженных отрядов, а также в проведении диверсий подпольными ячейками патриотов.

В конце 1942 - начале 1943 года группа русских эмигрантов в Белграде создала *Союз советских патриотов*, действовавший в сотрудничестве с местными ячейками патриотов. В Союз

вступили: архитектор Павел Васильевич Крат, архитектор Борис Сергеевич Марков, будущая актриса Татьяна Львовна Лукьянова, бывший подполковник Русской императорской армии, книготорговец Федор Иванович Лепёхин и другие. Членами Союза становились и целые семьи. Так, примеру Бориса Маркова последовали его братья Сергей и Константин, в подполье вошли также братья Олег и Борис Рябовы.

О деятельности этой русской организации, в военный и послевоенный период, имеются скудные данные. По свидетельству некоторых членов, Союз прошел три стадии. Первая: с 1943 по 20 октября 1944 г. - „подпольный”, при руководстве доктора филологических наук Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова; вторая: с 20 октября 1944 г. (освобождения Белграда) по 9 мая 1945 г. - под руководством профессора Петра Тумина, и третья: до 5 марта 1946 г. - „ликвидационный”, под председательством Резникова.



■ Освобождение Белграда 1944 г.

Культурно-просветительное общество граждан происходивших из Советского Союза (1946-1947 гг.)

После окончания Второй мировой войны, 9 мая 1945 г. („День победы”), *Союз советских патриотов* не мог существовать под этим названием.

Члены упраздненного Союза советских патриотов стали инициаторами создания „Культурно-просветительного общества граждан происходивших из Советского Союза”.

Общество возникло в Белграде в марте 1946 года, и объединило часть русской диаспоры, ожидавшей репатриации на Родину.

14 июня 1946 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, согласно которому все лица, которые до 7 ноября 1917 года состояли подданными Российской империи, как и их дети, проживающие на территории Югославии, мо-



■ Советские войска на улицах освобожденного Белграда, 1944 г.

гут восстановить советское гражданство. В связи с этим Указом, 18 июля 1946 года в Белграде состоялась встреча российских граждан, на которой выступили и представители Посольства СССР в Белграде. В сравнительно короткий

срок, из 13.057 русских эмигрантов, оставшихся жить в Югославии, 5.874 (45 %) приняло советское гражданство (по принуждению югославских органов, или по личному желанию), надеясь на свое скорое возвращение на Родину.

Председателями Общества являлись Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, Борис Павлович Рябов и Николай Алексеевич Шубин. Канцелярия общества находилась на квартире Анастасия Михайловича Израилова. Секретарем Правления был архитектор Георгий Сергеевич Бискупский. Активными членами организации были: Кир Васильевич Белозёров, Алексей Алексеевич Арсеньев, профессор Николай Николаевич Алексеев, горный инженер Владимир Васильевич Крат, Федор Иванович Лепёхин, Татьяна Львовна Лукьянова, Александр Владимирович Лебедев, Петр Тумин, Любовь Михайловна Дуракова-Лещук, Наташа и Игорь Черневские.

Общество взаимопомощи советских граждан в Белграде (1946-1948 гг.)

Параллельно с существованием „Культурно-просветительного общества граждан происходивших из Советского Союза” существовало и „Общество взаимопомощи советских граждан в Белграде”. Секретарем Правления был Сергей Сергеевич Марков, а деятельным членом Правления - Елизавета Жерардовна Гильотен-Хоменко. При этом обществе существовал *Кружок изучения истории КПСС*, где свои лекции на эту тему читал историк-эмигрант Всеволод Георгиевич Прокофьев. Общество просуществовало до осени 1948 года, до т. н. „Резолюции Информбюро” - акта стран „народных демократий”, осудивших правительство и КП Югославии в ревизионизме, отходе от социалистического пути.

А. Б. Арсеньев

Общества югославно-советской дружбы (1945-1948 гг.)

В июле 1940 года, пару недель после восстановления дипломатических отношений Королевства Югославии с СССР, группа белградских общественных деятелей во главе с Иваном Рибаром, директором ежедневной газеты „Политика”, попыталась создать Общество дружбы с СССР, но на него не было дано официальное разрешение.

Однако, в разгар войны на Балканах, 14 января 1945 года в Белграде уже было создано *Общество по культурному сотрудничеству с СССР*. Вскоре после окончания войны, в дни, когда на просторах, освобожденных от германских, болгарских, венгерских и итальянских захватчиков, еще находились военные подразделения Второго и Третьего фронтов Красной армии, - в Демократической Федеративной Югославии возникли республиканские общества югославно-советской дружбы и сотрудничества, популярно называемые „сербско-русской”, „македонско-русской” или „словенско-русской” дружбы. Филиалы обществ создавались и вне республиканских центров страны, даже в деревнях.

В радостные дни после победы над оккупантами, сознавая вклад и объем понесенных жертв народов Советского Союза, - югославским партийным, военным, государственным и общественным деятелям не было трудно возобновить и укреплять традиционные связи между славянскими народами.

Одним из самых распространенных печатных органов тех лет в Югославии стал белградский ежемесячный иллюстрированный журнал „Югославия - СССР”, выпускавшийся с 1 ноября 1945 года. Очень похожий на советский журнал „Огонек” тех лет, он содержал исчерпывающую летопись взаимоотношений двух стран и общественной жизни Югославии четырех послевоенных лет. В нем зафиксированы открытия памятников на братских могилах бойцов Красной армии, празднования юбилейных дат, визиты представителей ВОКС-а (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) и советских делегаций, фольклорных ансамблей, писателей, артистов, показы советских кинокартин, прочитанные лекции, проведенные выставки промышленных и сельскохозяйственных достижений СССР, а также путевые заметки югославских писателей и делегатов, посетивших Советский Союз.

Из этого журнала узнаем, что 5 октября 1946 года члены советской военной миссии в Югославии, во главе с генерал-майором Киселевым, покинули пределы Югославии, а в декабре 1946 года в Белграде состоялся *Славянский конгресс*, - новое славянское движение, „по сути различное от панславизма в XIX веке”, и прежних съездов, состоявшихся в Праге (1848), Москве (1867), Петербурге, Праге, Софии. В конгрессе приняли участие делегации СССР, Югославии, Польши, Чехословакии и Болгарии. На открытии выступил маршал Тито, а секретарь Всеславянского комитета, полковник Мочалов, заявил о переводе постоянной главной квартиры Всеславянского комитета из Москвы в Белград. С февраля 1947 года в Белграде стал выпускаться журнал

„Славянское братство”, орган Югославского славянского комитета.

Вид и объем деятельности обществ в провинции наглядно можно представить на примере *Общества по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР*. Оно было основано в Нови-Саде, 28 апреля 1945 года, в здании Промышленно-торговой палаты (по улице Красной армии, дом 3 - позднее: здание Районного комитета партии). Председателем общества единогласно был избран историк и маститый общественный деятель Васа Стаич, тогдашний председатель „Матицы сербской”.

Основные цели общества были: создание курсов обучения русскому языку, перевод советских книг (по марксизму-ленинизму, советскому хозяйству, истории, советской художественной литературы), устройство выставок об Отечественной войне, показ советских кинокартин, лекции, прием советских делегаций и одиночек (ученых, выступления артистов). Общество располагало своей библиотекой, в которую поступали книги и журналы из СССР, пока как в Москву отправлялась полная печатная продукция Воеводины.

В 1945-1946 годы это общество посетили писатели Илья Эренбург и Николай Тихонов, ректор Ленинградского университета Александр Вознесенский, замминистра сельского хозяйства Николай Цицин, скульптор Вера Мухина, редактор „Правды” Борис Полевой, ансамбль песни и пляски Игоря Моисеева, состоялись гастроли Московского государственного театра Ленинского комсомола.

С 1 февраля 1946 по май 1947 года общество выпустило четыре номера своего иллюстрированного „Бюллетеня”. Редакция на страницах

бюллетеня печатала призывы к членам общества: „Стремясь упрочнить и углубить культурные связи с Советским Союзом, Общество по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР ставит себе задачу приступить к исследованию культурных связей и влияний между сербским и братским русским народом, как наших дней так и в прошлом. Эту свою цель общество не сможет реализовать без сотрудничества и помощи наших писателей, ученых и деятелей культуры. Труды по культурным связям сербов в Воеводине и русским народом, просим присылать нашему обществу”.

С мая по август 1945 года комитеты-филиалы воеводинского общества были созданы в городах Петровград (Зренянин), Панчево, Вршац, Сомбор, Сента, Суботица, Стари-Бечей, Нови-Бечей, Сремска-Митровица, Велика-Кикинда, Бела-Црква, и в деревнях Српска-Црня, Ульма, Алибунар, Влайковац, Лаудановац, Меленци, Павлиш, Велика-Греда, Марковац, Маргита, Загаица... Посол СССР в Белграде, Анатолий Иосифович Лаврентьев, а также управляющий Домом советской дружбы в Белграде, начальник отдела ВОКС-а по Балканам, А. Н. Калинин, неоднократно присутствовали пленарным заседаниям общества в Нови-Саде, и открытиям домов-центров филиалов этого общества в провинциальных городах Воеводины. В одном Нови-Саде с 1945 по апрель 1947 годы было прочитано 1864 лекций, проведено 35 академий и 5 митингов, на которых присутствовало 270 тыс. человек..

В эти годы в Югославии было переведено 1912 советских книг и брошюр, общим тиражом 17,84 миллиона экземпляров (85 % всех переведенных

в стране книг). В 1948 году 76 % импортных книг было из СССР (488 тыс. экз.).

Неожиданное и непонятное народам Югославии ухудшение партийно-государственных отношений между Югославией и СССР, вернее - всеми странами „народных демократий” (поводом послужила т. н. „Резолюция Информбюро”, принятая осенью 1948 года в Бухаресте), привело к прекращению всякой деятельности обществ дружбы с Советским Союзом.

А. Б. Арсеньев

Дом советской культуры - Российский центр науки и культуры „Русский Дом” в Белграде

По окончании Второй мировой войны правительство Югославии передало здание „Русского Дома” во владение СССР.

Первоначально здание использовалось как клуб работников совзагранучреждений, а с конца 1947 года в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР на его базе был открыт Дом культуры ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей).

„Дом” строил свою работу в тесном контакте с Обществом культурного сотрудничества Югославии с СССР, созданным в январе 1945 года. Билеты на мероприятия, проводимые в ДК (демонстрация кинофильмов, лекции, вечера и т. п.), распространялись только через Общество. С января 1949 года, в связи с бойкотом деятельности ДК со стороны руководства Общества, он



■ Русский Дом в Белграде.

начал работать самостоятельно с расчетом на привлечение жителей Белграда. Однако вскоре вынужден был прекратить деятельность и до 1955 года являлся клубом советских граждан, работающих в Югославии.

С 1956 года Дом советской культуры (ДСК) постепенно активизирует свою работу среди населения Белграда. Основными формами его деятельности являлись демонстрация советс-

ких кинофильмов, экспонирование выставок, проведение вечеров, посвященных юбилейным и памятным датам русских и советских деятелей культуры.

Несмотря на чередование периодов охлаждения, и оттепелей в межгосударственных отношениях между СССР и Югославией, а также на соответствующую духу времени пропагандистскую направленность деятельности, ДСК нема-

ло сделал для культурного сближения братских народов. В его библиотеке (утратившей, к сожалению, почти все довоенные фонды) в тот период насчитывалось свыше 70 тыс. наименований книг и многочисленные периодические издания СССР. Плодотворно влияли на развитие отношений между нашими странами и обогащали культурную жизнь Белграда выступления советских мастеров искусств и самодеятельных артистов, различные тематические литературные и музыкальные вечера, кинофестивали, художественные и научно-технические выставки, которые проводились в стенах ДСК.

Распад СССР, сложности внутренней жизни в России в 90-е годы не смогли не сказаться на работе бывшего ДСК. На некоторое время само существование „Дома” как русского культурного центра оказалось под угрозой. Возникла опасность передачи здания под Посольство одной из стран СНГ. Обеспокоенные судьбой „Русского Дома”, многие люди в России и Югославии приложили максимальные усилия для сохранения очага русской культуры. „Дом” был спасен и, несмотря на все материальные и организационные трудности, продолжил, хотя и в ограниченном объеме, свою работу в качестве Российского культурно-информационного центра, одного из заграничных учреждений Российского агентства международного сотрудничества и развития.

Отдавая дань полезной и многогранной деятельности Российского культурного центра, учитывая его значение в общественной жизни Югославии, в 1992 г. Ассоциация друзей Югославии в Москве, по инициативе ее президента В. П. Гудкова, выступила с предложением отметить

60-летие существования „Русского Дома” в Белграде. Призыв был с одобрением воспринят руководством общества сербско-русской дружбы, поддержан министерствами культуры и информации Югославии и Сербии, рядом учреждений науки и культуры, в частности Белградским университетом. Для подготовки и проведения юбилейных торжеств были сформированы Почетный и организационный комитеты, в которые вошли видные деятели сербской науки и культуры, а также Томислав Карагеоргиевич, сын короля Александра, настоятель подворья русской православной церкви в Белграде о. Василий (Тарасьев), представители трех поколений русской эмиграции. Почетный комитет возглавил академик Павле Ивич, а организационный - известный исследователь русского культурного наследия в Сербии проф. Остоя Джурич.

Российский центр науки и культуры (РЦНК) - так с середины 90-х годов стал официально называться „Русский Дом” в Белграде - являлся государственным учреждением, входящим в структуру Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел РФ.

В 1998 году „Русский Дом” отметил свой 65-летний юбилей. В праздновании этой даты принимали участие представительная делегация из Москвы и директора российских культурных центров из стран Восточной и Центральной Европы. На торжественном собрании 9 апреля присутствовали Патриарх сербской православной церкви Павел, принц Томислав Карагеоргиевич, послы ряда государств, аккредитованных в Югославии, руководители государственных, политических, административных органов стра-

ны, представители объединения российского кадетского собрания в Югославии и общественных, творческих, научных организаций.

В ходе юбилейных мероприятий много говорилось о наметившейся тенденции к активизации в работе „Русского Дома”, в котором регулярно проводятся политологические акции и концерты, презентации новых книг и литературно-музыкальные салоны, на выставках науки и техники пропагандируются достижения России в этой области, каждые две недели в Выставочном зале сменяются художественные выставки, демонстрируются российские фильмы или мультфильмы для детей и т. д.

Традиция торжественно отмечать юбилейные даты в жизни Русского Дома была продолжена и в последующие годы.

По общему признанию, цели, которые ставили перед собой организационные юбилейные комитеты, созданные по случаю 70- и 75-летия Русского Дома, а именно: достойно отметить огромный вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры и в рамках юбилеев „Русского Дома” подчеркнуть его роль в общественно-культурной жизни страны и его деятельность по укреплению братских связей двух славянских народов - сербского и русского - общими усилиями были выполнены.

В процессе юбилейных акций, в которых участвовали делегации из Москвы, возглавляемые руководителями Росзарубежцентра МИД РФ - первой в мире женщиной - космонавтом В. В. Терешковой (70-летие) и Э. В. Митрофановой (75-летие), были проведены научные и пресс-конференции, торжественные собрания, многочисленные концерты с участием российских и

сербских артистов, было развернуто несколько художественных и фотовыставок, осуществлены премьерные показы документальных фильмов, в помещении „Русского Дома” были открыты музей его истории и мемориальная мраморная доска, посвященная 75-летию РД. Для руководителей делегаций были организованы визиты на высшем уровне и многочисленные встречи и беседы с представителями общественных, культурных кругов, активистами обществ дружбы Сербии, в ходе которых обсуждались актуальные вопросы внешней и внутренней стратегии России, вопросы культурной политики, давалась оценка деятельности „Русского Дома” в Белграде.

С сентября 2008 года РЦНК „Русский Дом” в Белграде является зарубежным представительством Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, созданного по Указу Президента Российской Федерации.

В настоящее время в „Русском Доме” работает библиотека, фонд которой насчитывает более чем 100 000 произведений на русском языке и периодической печати. В библиотеке открыты видеотека и фонотека с большим выбором российских фильмов и музыкальных произведений, а также информационный центр „Россия в Интернете” и сайт „Русского Дома”.

„Русский Дом” продолжает практику проведения политологических акций, привлекая для участия в них видных политических, общественных деятелей, историков, политологов, экономистов России и Сербии, знакомит сербскую общественность с последними российски-



■ Мемориальная доска 75 лет Русскому Дому.

ми достижениями в области культуры, науки и техники, пропагандирует российские технологии, способствует сотрудничеству российских и сербских партнеров.

Большой интерес у жителей Белграда вызвали встречи в „Русском Доме” с политическими деятелями, в т. ч. с руководителями Государственной Думы Российской Федерации, президентом Торгово-промышленной Палаты РФ Е. М. Примаковым, многократным чемпионом

мира по шахматам А. Карповым, президентом МАПРЯЛ академиком В. Костомаровым, известным артистом, главным режиссером театра „Сатирикон” К. Райкиным, кинорежиссерами К. Шахназаровым, Н. Бурляевым, В. Меньшовым и многими другими гостями из России.

В выставочном зале РЦНК регулярно проходят выставки ведущих художников России и Сербии, среди которых можно выделить Н. Баженову, В. Глотова, Е. Изосимова, Б. Джурдже-



■ Выставочный зал Русского Дома.

вич, Д. Прудникова, Д. Малешевича, О. Иванички и других.

Не могли помешать проведению ряда значительных акций, направленных на укрепление дружбы братских славянских народов, бомбардировки НАТО в 1999 году. „Русский Дом” ни на один день не прекращал свою деятельность.

Разнообразные культурные программы, проводимые в РЦНК, привлекают внимание многих белградцев. Проходят концерты ведущих мастеров и молодых исполнителей, проводятся презентации новых книг, литературно-музыкальные вечера, демонстрируются российские кинофильмы. Большой популярностью



■ Киноконцертный зал Русского Дома.

пользуется цикл мероприятий „Города и регионы Сербии в „Русском Доме”, в рамках которого прошли вечера свыше 40 городов Сербии, в т. ч. Нови-Сада, Крушеваца, Смедерево, Лозница и другие. В практику вошли выездные мероприятия РЦНК, проводимые во многих городах Сербии.

Крупными событиями в жизни „Русского Дома” стали широкомасштабные юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, 40-летию полета в космос Ю. А. Гагарина, 125-летию со дня гибели героя сербско-турецкой войны, русского добровольца полковника Н. Н. Раевского (послужившего про-

тотипом графа Вронского в романе Л. Н. Толстого „Анна Каренина“), 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Хорошей традицией стало проведение в „Русском Доме“ новогодних детских представлений с участием российских артистов, празднование Масленицы, Сочельника, организация Рождественских встреч в „Русском Доме“.

„Русский Дом“ развивает сотрудничество с гимназиями и школами Республики Сербии. Так стали традиционными вечера филологической гимназии Белграда „Язык - дар богов“, циклы вечеров других гимназий и основных школ. Молодежь всегда желанный гость в „Русском Доме“.

В „Русском Доме“ работают детский хореографический кружок и школа бального танца, постоянно действуют курсы русского языка и киоск русской книги, клуб „Русская тройка“.

Используя новые формы работы, коллектив „Русского Дома“ не забывает о своей славной истории, старается сохранить традиции, возникшие более чем за 75-летний период существования этого уникального центра. Уважительные отношения сложились у „Русского Дома“ с потомками русских эмигрантов 20-х годов, с представителями кадетского объединения в Сербии, постоянно проводящих встречи в РД, с ветеранскими организациями Сербии.

Сегодня мы можем сказать, появившийся в 1933 году „Русский Дом“ в Белграде в настоящее время стал признанным и авторитетным центром информационного и культурного присутствия России в Сербии.

Многие поколения его сотрудников сумели проделать большую работу по развитию российско-югославских контактов. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что залогом этого

успеха была и остается четко проявляющаяся на югославской земле востребованность русской культуры, тяга основной массы населения к сближению с Россией, живучесть традиций совместной борьбы против иноземных завоевателей, духовное и генетическое родство русского и сербского народов.

Культурное сотрудничество, являясь одной из форм отношений между государствами, служит благому делу - взаимному обогащению достижениями культуры и различных отраслей знания. Место и авторитет российского государства в мире определяются не только его политическим весом и экономическими ресурсами, но и культурным достоянием народов Российской Федерации, их духовным и интеллектуальным потенциалом. Стержневая задача внешней культурной политики России состоит в формировании и укреплении отношений и доверия с зарубежными странами, в развитии равноправного и взаимовыгодного партнерства с ними.

Решая эти задачи, „Русский Дом“ стремится быть не только источником достоверной информации о современной России, но и выполняет роль центра интеллектуального притяжения, способного консолидировать вокруг себя тех, кто сохраняет приверженность русской культуре, чтит исторические традиции сербско-русской дружбы, сознает важность развития всесторонних связей с Россией.

В. В. Кутырин

Третья волна россиян в Югославии - Сербии (конец 50-х - 70-е гг.)

В бескрайнем море человеческих судеб каждое движение поднимает волны; волны катятся и заканчиваются прибрежным всплеском, влекущим за собой множество песчинок; каждая из песчинок - это и есть человек с его судьбой.

Российской эмиграцией занимаются немалое количество лет и немалое количество исследователей, их современников, очевидцев и просто любителей; то есть об этой теме сказано если не всё, то во всяком случае много. Честь и хвала им, поднявшим этот огромный пласт целины. И первопроходцем, как и связующим звеном между временами, является исследователь А. Б. Арсеньев из Нови-Сада. Школы, в которых изучается русский язык, внесли свой вклад в эту тему - со стороны преподавателей и учеников, которые брали интервью у представителей российской эмиграции и их потомков и подготовили очень содержательные и бережно оформленные тексты. Работы здесь еще много, но время летит; и вот уже прошло свыше шестидесяти лет и свыше пятидесяти лет как в Югославию-Сравию прибыли вторая и третья волны россиян, по большей части, россиянок. А за третьей следует уже четвертая волна, которую, как мне кажется, можно условно назвать, исходя из ее причин, социально-экономической волной. И каждая из них заслуживает своего внимания и своего описания.

Хотя я и отношу себя к третьей волне, третьему поколению россиян периода с конца пятидесятых до конца семидесятых годов двадцатого века, однако считаю своим долгом сказать хоть немного о второй волне, которую можно назвать волной интернированных (в основном женщин), относящейся к периоду второй половины сороковых - первой половины пятидесятых годов двадцатого века. К сожалению, мы не располагаем статистическими и документальными данными о количественном и другом составе этих поколений.

Больше всего мне рассказала о своем поколении, о второй волне россиянок всем нам известная и уважаемая Матрена Федоровна Матевецкая-Трайкович - долголетний сотрудник Российского культурного центра в Белграде, проработавшая здесь 51 год. Это поколение, которое мы назвали поколением интернированных россиянок, постигла, пожалуй, не менее драматическая судьба, чем судьба предшествующей волны. Как известно, с территории, занятой фашистскими войсками, в течение первых лет Великой Отечественной войны (с 1942-го года) был угнан в Германию определенный контингент населения, в основном женского пола (с 15-ти до 45-ти лет), в концентрационные и трудовые лагеря. В их числе была и Матрена Федоровна Матевецкая-Трайкович. В это время ей было всего 18 лет. Многие из этих женщин даже не успели получить среднего образования. Из концлагеря Дахау ее послали на работы на железной дороге. Такова была участь и других женщин. Там они пробыли до конца войны. Некоторые из них познакомились с мужчинами из Югославии и, ведомые чувствами, отправи-

лись вместе с ними на эшелонах в Югославию. Так было и с Матреной Федоровной. Но некоторые из женщин в то время не вернулись в Россию потому что там их ждали только пепелища да останки самых близких. Встретиться лицом к лицу с такой трагедией у них не хватало сил. Таких женщин, прибывших в Югославию, по словам Матрены Федоровны, в то время, было не менее двухсот человек. Каждая из них здесь, в Югославии, нашла свою судьбу. Многие создали семьи, трудились, воспитывали детей, мучились от ностальгии, постепенно находили своих родственников, налаживали связи, начали ездить в Россию. Не обошлось без трудностей и препятствий, особенно во время оформления документов со стороны официальных органов.

Надеюсь, что в свое время кто-нибудь заинтересуется судьбами этого поколения и опишет их подробнее.

Третья волна россиян, вернее, россиянок, начала прибывать в Югославию со второй половины 50-х годов двадцатого века. Чем была вызвана эта волна? - Прежде всего таким историческим событием, как появление югославских граждан на территории Советского Союза после окончания Второй мировой войны, то есть начиная с 1945-го года. Как известно, по соглашению, заключенному между правительствами Советского Союза и Югославии, в СССР были посланы на обучение в военные училища и академии, в суворовские училища, в высшие учебные, научные и культурные заведения участники Народно-освободительной борьбы против фашизма, передовая молодежь, среди которых были способные молодые люди, в основном юноши, с неоконченным или окончанным средним и вы-

сшим образованием; в том числе и мальчики, оставшиеся без родителей. Некоторые из этих мальчиков были сыновьями полков, курьерами и даже участниками боев.

Особо подчеркиваю, что эта молодежь как-то выделялась по своему поведению, по своей выправке и порядочности и по своему трогательному, даже немного наивному отношению к идее социализма и прекрасного будущего, за которое они боролись. Увенчанные ореолом романтических героев, эти юноши привлекали внимание таких же романтически настроенных девушек-россиянок, в основном студенток и интеллектуалок разных профессий. И тут начинались истории любви с преодолением трудностей. В период конца сороковых - начала пятидесятых годов 20-го века любовь к иностранцу в Советском Союзе выглядела далеко не романтично. Начинались неприятности по работе, в вузе, проводились беседы с предупреждением; семьи раскалывались на два лагеря - „за” любовь и „против”. Девушкам и их родным угрожали Сибирью, на что самые храбрые отвечали, что готовы идти за своими любимыми так же, как это делали жены декабристов.

Следовало бы обратить внимание на то, что мое поколение россиянок, в основном интеллектуалок, связавших свою судьбу с югославами (так мы называли молодых людей, прибывших из Югославии), отличалось некоторым своеобразием. Мы несли в себе особенности двух эпох. Наши родители были как бы логическим продолжением эпохи и атмосферы 19-го века. Они и передали нам черты возвышенной духовности, стремление бескорыстно служить людям и особую демократическую доступность по от-

ношению к людям всех сословий, званий и национальностей. В таких семьях, прежде всего лишенных болезненных амбиций и тяготения к использованию создавшейся сиюминутной „удобной” ситуации (например, революционной или партийной) в целях обеспечения себе карьеры, званий, социального положения, - в таких семьях действовали определенные постулаты независимого человека, презирующего мещанские суждения и мещанский образ жизни, равнодушного к человеческим страданиям и не воспринимающего жестокие и кровавые методы преобразований. Такие люди обычно создавали о себе мнение как „люди не от мира сего” и, может быть, к их счастью, не очень-то были в поле зрения властей. Одновременно с этим революционные события послужили будто бы осуществлению вековых свободлюбивых идей, в которые на первых порах были включены и народные массы, особенно те, кто воспринял эти события и их идеи, как говорят, „за чистую монету”.

И вот уже появились новые три сестры (так было в моей семье), которые, в отличие от чеховских, сумели реализовать свою энергию и свои мечты на поприще полезной деятельности, беспредельно отдавая себя людям. Хотя наши поколения были лишены возможности открыто читать Ф. Достоевского, Есенина и других „запрещенных” писателей, поэтов, философов (правда, находя их в запасниках частных библиотек), но зато мы смогли прочесть, что сохранилось в оде А. С.Пушкина „Вольность” или в стихотворении Ю.Лермонтова „На смерть поэта”... И в этом чтении между строк нам помогли наши профессора, вернувшиеся с Колымы и

имеющие право преподавать, но в провинции. Кроме того мы питались и литературой, идущей с Запада, к счастью, не запрещенной и не подозреваемой в том, сколько скептицизма и бунта по отношению к абсурду деспотической власти несли с собой такие авторы, как Франсуа Рабле, Джонатан Свифт, Стендаль и другие, которыми мы зачитывались. В наших умах раздвинулись границы кругозора, и мы потенциально уже были подготовлены к тому, чтобы заглянуть за... „занавес” и не воспринимать отъезд за пределы родины как что-то трагическое, хотя все-же и не лишнее драматизма. И наша ностальгия отличалась от ностальгии эмиграции, от ностальгии интернированных, как, может быть, и отличается от ностальгии будущих поколений.

Итак, прибывающие „на крыльях любви” (с конца 50-х и до конца 70-х гг.), мы, россиянки третьей волны, менее всего думали о том, что здесь нас ожидают „райские кущи”, наоборот, мы готовы были ко всему. Большинство из нашего поколения были с высшим образованием - преподаватели, медицинские работники, музыкальные, театральные работники, художники и др., готовые безвозмездно дарить свои знания и свое умение и под этими небесами. Нужно отдать должное тому, что здесь нас встретили очень доброжелательно и с готовностью помогали нам, особенно люди, не отягощенные политическими „линиями”. Постепенно мы получали работу, добросовестно трудились, несмотря на трудности материального и морального характера, и порою в какой-то степени ощутимую подозрительность. Но наше поколение привыкло ко всему, а жаловаться не было смысла - ведь это был наш выбор.

Что касается числа прибывшей в Югославию третьей волны россиян, то их было по нашим исчислениям не менее трехсот. Расскажу коротко о некоторых моих соотечественницах, внёших свой вклад в развитие этой страны.

Первой хотелось бы назвать Антонину Маркович - врача. Пробыв какое-то время в Черногории, она вместе с мужем переехала в Белград, где несколько десятилетий работала на скорой помощи. Ее деятельность воистину можно назвать героической. Кому только она не оказывала первую помощь - от выдающихся личностей до людей, которые жили в трущобах и нищете. Прибывая на места транспортных аварий, Антонина первая вытаскивала пострадавших людей, даже тогда, когда этого не решались делать мужчины. Вечная ей память!

Сима Урошевич работала в Белграде детским врачом и также пользовалась известностью.

Немало среди нас было и работников просвещения. Покойная Людмила Пайич преподавала в Белграде английский язык. На кафедре славистики в Белграде трудились Антонина Чупич и Зинаида Стоянович. В Загребе на кафедре русского языка работала всем известная Рената Волос, которая одна из первых начала вести исследования в области языка жестов. В Чачаке преподавала русский язык Зоя Люйич. В Академии искусств в Белграде работает известная пианистка и профессор Йокут Михайлович. В Нови-Саде мне, Валентине Девич (Романовой), предоставили место лектора (благодаря рекомендациям профессора Дж. Язича, профессора П. Джорджича и профессора М. Стойнич - вечная им благодарность), сначала в Высшей педагогической школе, а затем - на кафедре русского

языка и литературы Философского факультета новисадского университета. В общей сложности я проработала здесь с 1959-го по 1996-ой год, занимаясь со студентами разговорной практикой и переводом с сербо-хорватского на русский язык. Используя лингво-культурологический метод, мне удалось выйти за рамки занятий в аудитории и проводить их в галереях и музеях, на улицах городов, готовить со студентами представления, с которыми мы выступали не только на факультете, но и в других городах (Белград, Приштина, Призрен, Скопле) и в школах. По выходе на пенсию я начала помогать школам и преподавателям, чтобы всеми путями предотвратить вытеснение русского языка из школ (с которыми я сотрудничаю вот уже сорок шесть лет). Мы основали Славистическое объединение Воеводины, где мне приходится выполнять функцию координатора и консультанта по вопросам русского языка и культурологии.

В Нови-Саде многим известно имя Галины Вуков, которая свой трудовой век провела в качестве фармацевта. Она пользовалась такой известностью (благодаря своей приветливости и готовности проконсультировать больного), что к ней выстраивалась очередь.

В Санаде долгие годы живет и работает Марина Суетова-Костич, известная художница по керамике.

В новисадской Академии искусств работает около тридцати лет Татьяна Остойич (по классу хорового дирижирования). Периодически руководит хоровой практикой студентов. Будучи активным дирижером, Татьяна Остойич вместе со своими хорами участвовала в международных конкурсах и получала призы.

В Нови-Саде уже много лет работает переводчиком Наталия Костич (в настоящее время в НИС-Нефтегазе). Здесь же в школах работали Анна Кнежевич и Ольга Тошич.

Можно с уверенностью сказать, что в Югославии не было почти ни одного географического места, в котором не жили бы россиянки и нашего поколения.

Одним из выражений ностальгии нашего поколения было долгое нежелание принять новое или двойное гражданство, даже ценой того, что мы не могли продвигаться по службе или в званиях.

Описывая в кратких чертах судьбу третьей волны россиянок и охватив далеко не всё и далеко не всех, можно будет надеяться, что в дальнейшем за эту тему возьмутся новые исследователи и что в их распоряжении окажется большее количество материалов, почерпнутых из точной документации.

В. П. Девич-Романова

Общества сербско-русской дружбы (1990-е гг.)

В тяжелых политических и экономических условиях, в которых оказалась Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) в 1990-е годы, под жесткой изоляцией и „санкциями” мировой общественности, а в 1999 году пережившая 78-дневные бомбардировки авиации стран-членов НАТО (при оказываемой технической помощи всех с нею граничащих стран), - в Белграде 3 ноября 1990 года было учреждено - возникло *Общество сербско-русской дружбы*.

Инициаторами его были видные представители общественности, академики, творческая интеллигенция. На торжественном собрании в белградском центре „Сава” собралось более 2,5 тысяч потенциальных членов и гостей, среди которых были тогдашний российский посол В. П. Логинов, другие сотрудники Посольства, замминистра культуры России А. И. Шкурко, архимандрит Иннокентий РПЦ, писатели Муза Павлова и Юрий Лощиц.

Согласно единогласно принятому уставу, общество зарегистрировано, как „внепартийная, неполитическая и неправительственная общественная организация, в целях развития и укрепления духовных и культурных связей”, Но, фактически, оно (как и подобные общества, создававшиеся в 1945-1948 годах) финансировалось, а частично и направлялось правительственными органами страны.

Программа работы Общества была сформулирована так: „Взаимное ознакомление с историей, традицией, народным творчеством, научными достижениями и всеми продуктами человеческого духа. Для реализации этих целей будут поощряться, и устраиваться научные конференции, творческие встречи, обогащаться переводческая деятельность. Особое внимание будет уделено изучению русского языка и сотрудничеству между журналистами и публицистами”.

В исполком Общества вошли представители творческой интеллигенции, интеллектуальной элиты страны, священнослужители. Помимо Белграда, такого рода объединения стали появляться в городах: Нови-Сад, Зренянин, Сомбор, Апатин, Ниш, Шабац. На конституционные соб-



■ Русский выпуск журнала. Москва – Нови-Сад, 1999 г.

рания приглашались белградские руководители. Случалось, что руководства обществ в провинции заявляли, что будут работать независимо от общества, созданного в столице.

Самым деятельным оказалось общество, возникшее в Нови-Саде в марте 1992 года, под названием *Общество сербско-русской дружбы региона Бачка и Нови-Сада*. Его бессменным и деятельным председателем стал журналист Владо Мичунович. В первые годы существования это



■ Сербский выпуск № 6-7 журнала. Нови-Сад, 2004 г.

общество развернуло многогранную деятельность - организовало Дни славянской письменности и культуры в г. Нови-Сад (при участии деятелей культуры из России), содействовало установлению, в декабре 1992 года, памятника Святому Преподобному Сергию Радонежскому в новисадском Дунайском парке (дар русского народа сербскому, работа скульптора Вячеслава Клыкова). Совместно с Матицей сербской приняло участие в основании Южнославянского от-

деления Всеславянской академии наук, просвещения и искусств (1992), являлось организатором в г. Нови-Сад Второго международного славянского и православного кинофестиваля „Золотой витязь” (июнь 1993 года), тогда же было создано сербско-русское „Объединение художественного и культурного творчества”. Общество приглашало и принимало на гастроли российских актеров, музыкальные ансамбли, а воеводинские художники выставляли свои работы в России. Члены общества ежегодно принимали участие в торжествах, посвященных „Дням славянской письменности и культуры”. Общество опубликовало несколько книг, организовало гастроли по Сербии Московского драматического театра „Рубен Симонов” и лауреатов фестиваля молодых певцов России. В дни бомбежек НАТО-авиацией, в г. Нови-Сад гастролеровал Драматический театр из Иркутска, своими выступлениями демонстрирующий солидарность русского народа с народом Сербии.

В марте 1995 года общество вступило в творческие контакты с *Культурным центром русско-сербского сотрудничества* в Москве и создало с ним совместный сербско-русский журнал „Наше слово” (в 1997-2004 годы вышло семь номеров, один из которых на русском языке).

К 2004 году общество прекратило свою деятельность.

А. Б. Арсеньев

Сербский литературный журнал „Руски алманах”

Политические, идеологические, социальные, национальные и экономические кризисы в бывшей Югославии, и в сегодняшнем шатком государственном образовании, своеобразно отразились на издательской деятельности и выпусках литературных журналов в столице и культурных центрах провинции. Некоторые издания прекратили свое существование, но большинство их всё-таки продолжает выходить с неупорядоченной периодичностью.

Литературное общество „Писмо”, основанное под покровительством сербского филиала международного ПЕН-центра, с 1992 года расширило свою издательскую продукцию. Одновременно с журналом „Писмо”, продолжающим знакомить читателей с современными течениями мировой художественной литературы, появились и отдельные периодические выпуски на сербском языке - „Руски алманах”, „Эразмо”, „Шекспир и Ко”, „Месуза”, „Источник”. Они посвящены новинкам русской, фламандской, англоязычной, еврейской и христианской литературы и мысли.

Первым из них возник „Руски алманах”. С февраля 1992 по сентябрь 2009 год было опубликовано четырнадцать выпусков, около 4 тысяч страниц убористого текста. Так получилось, что эту своеобразную культурную миссию столицы Сербии переняли на себя два городка на берегах Дуная - Земун (почти слившийся с Белградом) и Сремски Карловцы, известный духовно-просветительный центр.

2009

БРОЈ 14

МИХАИЛ
БАКУЊИН
САША
СОКОЛОВ
ЈОВАН
МАКСИМОВИЋ
СЕРГЕЈ
СТРАТАНОВСКИ
ВЛАДИМИР
ЛАМАНСКИ
ИЉА
СТОГОФФ
АЛЕКСЕЈ
РЕМИЗОВ
БОРИС
РИЖИ
АЛЕКСЕЈ
ЧЕСНАКОВ
КОНСТАНТИН
СКАЉКОВСКИ
ЛАВ
ТОЛСТОЈ

РУСКИ

КЊИЖЕВНО ДРУШТВО ПИСМО

Журнал ассоциируется с забытым ныне толстым журналом „Руски архив”, который с 1928 по 1937 гг. издавали белградский филиал русского „Земгора” и представители сербской интеллигенции. Если многочисленные эмигрантские издания того времени преимущественно были ориентированы на прошлое и русского читателя, то „Руски архив” выходил на сербском языке и стремился объективно знакомить югославов с социальными и культурными переменами в Советской России. В журнале встречались статьи литературоведа М. Слонима, первые публикации эссе М. Цветаевой, проза и рецензии А. Ремизова, Е. Замятина...

Дальнейшие события 40-х годов, связанные с мировой и гражданской войнами в Югославии и дружбой-ссорой Тито со Сталиным, отразились на культурных связях обеих стран. Стереотипные литературно-эстетические штампы югославских русистов и государственных издателей стали преодолеваться лишь в 60-е - 70-е годы. В этот период появляются обстоятельные литературоведческие исследования белградского проф. Миливое Йовановича, перевод „Доктора Живаго” (1961) и произведений А. Солженицына. Загребская школа во главе с проф. Александром Флакером публикует произведения и исследования о русском авангарде. В 70-е годы появляются переводы писателей „самиздата” - Бродского, Айги, Горбаневской, Синявского, Гроссмана, Войновича, Шаламова, Зиновьева. Югославия занимала в те годы ведущее место в мире по переводам русской художественной литературы.

Русской литературе XIX - начала XXI веков, насыщенной гуманизмом и мыслью, новые писа-

тели и далее обеспечивают одно из ведущих мест в мировом литературном потоке. Публикуя преимущественно их произведения, „Руски алманах” знакомит сербскую общественность также и с забытыми и недооцененными трудами русских философов, богословов, литературоведов.

В отличие от известного парижского одноименного издания („Русский альманах”, выпущенного в 1981 г. Зинаидой Шаховской и проф. Ренэ Герра), в котором ценный материал, хранящийся в частных коллекциях, был опубликован впервые, концепция и цели обозреваемого сербского журнала иные. Раскроем содержания этих выпусков: проза Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, Л. Добычина, М. Куняева, О. Базунова, С. Каледина, Вяч. Пьецуха, С. Кржыжановского, Г. Газданова, Л. Зиновьевой-Аннибал, М. Кузмина, Е. Харитоновна, В. Маканина, С. Довлатова, А. Битова, В. Сорокина, М. Бутова, В. Набокова, А. Волоса, Д. Хармса; стихотворения: Н. Глазкова, О. Седаковой, Л. Губанова, С. Аверинцева, Г. Иванова, М. Волошина, Е. Рейна, Ю. Алешковского, А. Тарковского, Л. Рубинштейна, Л. Аронсона, Р. Наумова, Е. Летова; драматические произведения Н. Садур, З. Гареева, Е. Гуро, Н. Коляды, Д. Галковского, О. Мухиной; дневники М. Башкирцевой, В. Нижинского; воспоминания Лидии Гинзбург, А. Тютчевой; письма З. Гиппиус; статьи Н. Бердяева и М. Гершензона из сборника „Вехи”; последняя проповедь отца Александра Меня; мысли В. Розанова, И. Бунина; труды митрополита Антония Храповицкого, Н. Данилевского, И. Ильина, И. Солоневича, Д. Панина; исследования К. Кедрова, Л. Гумилева, Д. Андреева, Г. Гачева, Г. Шмакова, Ю. Чапского (противостояние: Розанов - Мориак), Г. Федорова,

Б. Эйхенбаума, митрополита Антония Сурожского, архиепископа Серафима Богучарского, Я. Друскина, Вяч. Иванова, Ю. Лотмана, А. Белинкова; статьи об А. Солженицыне П. Бриансона, М. Тати, В. Страда, Б. Анри-Леви, Ж. Нива; переводы стихотворений поэтов „Русского Белграда” и второй волны эмиграции (Д. Кленовского, Б. Филиппова, Т. Фесенко, В. Маркова, В. Синкевич, О. Ильинского, Г. Глинки и др.); путевые заметки из России А. Тарасьева, интервью с киноактером и режиссером Н. Бурляевым; диалог между Б. Гройсом и И. Кабаковым, протесты Леонида Андреева (в связи с агонией Сербии в 1914 г.) и проф. Никиты Струве (по поводу бомбардировок Сербии в 1999 г.); рецензии на новые книги, периодические издания, кинокартины; биобиблиографические аннотации об авторах... Всех авторов и разделов не перечислить.

На вечер в Союзе писателей Сербии, посвященном очередному выпуску Альманаха, слависты Белградского университета и переводчики высоко оценили работу нового поколения русистов, членов редколлегии: Зорислава Паунковича (гл. ред.), Корнелии Ичин, Ирэны Лукшич, Душко Паунковича, Энисы Успенской и их сотрудников. В современных условиях в Сербии выпуски такого альманаха являются подвигом, смелым риском, но и полной удачей. Благодаря широкому личным контактам, преодолевая материальные трудности, редколлегия публикует выдающиеся произведения нашей эпохи.

Главный редактор, литературный критик и переводчик З. Паункович, отмечает, что „Руски алманах” игнорирует размежевания современной российской интеллигенции и писателей на славянофилов-западников, либералов-консерва-

торов, националистов-демократов, левых-правых. Альманах стремится отразить непрерывность высоких достижений русской духовной культуры, а в Сербии - заполнить пустоты издательского процесса, направить его в более широкое русло. Неудивительно, что каждый выпуск журнала удостоивается положительной оценки прессы и быстро раскупается.

Для более полного представления о структуре и объеме отдельных выпусков Альманаха познакомимся с содержанием одного, 9-го (2002 г.): Стихотворение Владислава Ходасевича „Обезьяна”, 9 стихотворений Константина Вагинова из цикла „Попытки соединения слова путем ритма”, рассказы Виктора Пелевина („Иван Кублаханов”, „Реконструктор”), Алексея Смирнова („Герой Наум Ромашкин”) и Татьяны Толстой („Петерс”), 5 стихотворений Нины Искренко, 5 новелл Павла Муратова (из циклов „Герои и героини” и „Морали”), отрывки из „Резаной прозы” Яна Сатуновского, поэма-драма „Собачий вальс” Леонида Андреева, воспоминания Сергея Эйзенштейна („Monsieur, Madame et bebe”). В разделе „РАЗГОВОРЫ ОБ ЭМИГРАЦИИ” помещены интервью с Сергеем Голлербахом и Геннадием Барабтарло, в разделе „ВЗГЛЯДЫ” публикуются глава из книги „Планетарное сознание” Михаила Михайлова, эссе „Умирание искусства” Владимира Вейдле и исследование „Принцип христианского реализма, или против утопического своеволия (Духовное завещание Семена Франка)” Владимира Кантора. В разделе „ЗНАКИ ВРЕМЕНИ” опубликовано эссе „Три монумента” Рустама Рахматулина, а в разделе „IN MEMORIAM” - некрологи: „Виктор Борисович Кривулин” и „Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти”. Раздел

„КРИТИКА” знакомит читателей с рядом изданий: лит.-худ. журналом „Зеркало” (Тель Авив), романом „Generation П” Виктора Пелевина, тематическим выпуском хорватского журнала „Knjizevna smotra”, посвященным русской эмиграции в Хорватии (№ 119/2001 г.), романом „Санин” Михаила Арцибашева, а также с гастролями музыкальной группы Moscow Art Trio в Белграде.

А. Б. Арсеньев

Общества соотечественников в Сербии

Общекадетское объединение русских кадетских корпусов за рубежом в Белграде

Вывезенные на чужбину в 1920 году, три русских кадетских корпуса обосновались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (на территориях нынешних стран Словении, Боснии и Герцеговины, Сербии): Крымский кадетский корпус - Стрнище (1920-1922), затем: Белая Церковь (1922-1929); Донской Императора Александра III кадетский корпус - Билеча (1921-1926), Горажде (1926-1933); Первый русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус - Сараево (1920-1929), Белая Церковь (1929-1944). Постепенно, все три корпуса объединились в один, размещавшийся в банатском городе Бе-



лая Церковь. За 25 лет своего существования их стены покинуло около 2.200 кадет, из которых более 600 потом окончили высшие учебные заведения и около 300 военные академии.

С 1923 года стало традицией: несколько кадет ежегодно уезжали в Бельгию и в университете Лувена продолжали учиться на стипендии, предоставленные благотворительным фондом кардинала Мерсье. Эта группа кадет уже в 1925 году образовала объединение воспитанников Русского кадетского корпуса в Королевстве СХС. Оно послужило примером создания подобных объединений кадет в университетских городах - Белграде (в 1926 г.) и Загребе (в 1929 г.). В уставах объединений указывались их цели:

„Поддержание среди бывших и настоящих кадет тех основ воспитания, кои закладываются в корпусе: неугасимой любви к Родине, уважения к родной истории и веры в возрождение России. Поддержание среди своих членов духа истинного христианства, нравственности и духовной чистоты”.

Белградское объединение просуществовало до сентября 1944 года. Конец Второй мировой войны внес коренные перемены в жизнь страны. В новой „второй Югославии” исчезли и кадетские корпуса и объединения, но остались их воспитанники разных выпусков. Немногочисленная часть кадет, бывших офицеров Королевской армии вернулась из германского плена, тогда как большинство кадет рассеялось по всем континентам.

В Белграде остался последний законоучитель корпуса, архимандрит Антоний (Бартошевич). По его почину в декабре 1945 года было собрано несколько человек и по предложению батюшки, 6 декабря в Св. Троицкой церкви отслужены панихида и молебен по случаю корпусного праздника. Этот день отмечался в церкви и в последующие годы, вплоть до отъезда батюшки Антония из Белграда. Так продолжалось вплоть до 1982 года.

После Второй мировой войны объединения выпускников кадетских корпусов существовали в Брюсселе, Париже, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Чикаго, Вашингтоне, Торонто, Буэнос-Айресе, Сан-Пауло, Каракасе, Сантьяго, Мельбурне.

Это была пора, когда кадеты, пережив военные невзгоды и послевоенные скитания, осознавали свою общую судьбу и задумывались над вопросами своего существования. Один из них писал:

Кадетам Императорских
и зарубежных
кадетских корпусов

Мы царским созданы указом,
Орел двуглавый нас вскормил,
А белый вожь своим приказом
Нас на чужбине сохранил.

Но шли года, семья редела,
В один свелись все корпуса,
А четверть века пролетела -
И разбросала нас судьба.

И вот, рассеявшись по свету
И рассекая жизни муть,
Стремимся мы, кадет - кадету,
Скорее руку протянуть.

У всех у нас виски седые,
Кой у кого уж впала грудь,
Но, вспоминая дни былые,
Мы не даем себя согнуть.

Неважно, что в объединенья
Не всех могли мы записать,
А важно чистым быть в стремленье
И чувство локтя твердо знать.

Ведь мы - Российские кадеты,
Сыны двуглавого орла
И, хоть и в штатское одеты,
В строю кадетском навсегда.

Константин Бертье де ла Гард

В 1982 году вместе с кадетами, проживавшими в других странах, несколько бывших кадет-белградцев решили установить склеп-памятник на кадетском участке кладбища в Белой Церкви. Эта идея, помимо прочего, возникла из-за угрозы уничтожения находящихся там могил кадет и персонала Крымского и Первого русского Великого Князя Константина Константиновича кадетских корпусов. Это мероприятие послужило поводом для объединения бывших воспитанников кадетских корпусов, проживающих в Югославии, и в июне 1983 года белградское Объединение было создано.

Первым председателем был избран Алексей Иванович Постников, заместителем председателя Леонид Иванович Бородкин, секретарем Владимир Тимофеевич Соболевский.

Всего было предложено два проекта. Первый проект склепа-памятника был создан известным белградским архитектором Григорием Ивановичем Самойловым; второй проект, гораздо более скромный, подготовил инженер-строитель Владимир Соболевский, по которому в 1986 году и был воздвигнут памятник.

При помощи и поддержке протоиерея Василия Тарасьева, настоятеля русского храма Св. Троицы в Белграде, члены Объединения собирались в трапезной при храме. Там отмечались корпусные праздники трех зарубежных корпусов. Общество собиралось на Масленицу, на Красную горку (в первое воскресенье после Пасхи), в день Святых Константина и Елены, на праздник Крымского и храмовой праздник Константиновского корпусов. Этот день обычно отмечался поездками в Белую Церковь с посещением кадетского участка кладбища, возложением



венка и цветов у склепа-памятника, совершалась панихида.

В декабре 1991 года в белградском русском храме Патриарх Сербский Павел освятил Русский флаг Объединения, который был водружен у могилы генерала П. Н. Врангеля. При освящении присутствовали члены правления Общества блюстителей памяти освободительных войн Сербии 1912-1918 годов, со своим Сербским флагом. Два года спустя, в 1993 году, там был водружен и Андреевский флаг, освященный о. Василием.

В конце 1996 года Объединение получило согласие руководства Российского центра науки и культуры в Белграде на пользование помещением для празднования своих знаменательных дат. Такие встречи проходили регулярно, мероприятиям оказывалась всесторонняя помощь и поддержка. В том же году для кадет, входящих в Объединение были введены членские билеты для внесения членских взносов и добровольных пожертвований. Прежнее собрание „в фуражку” было отменено.

Вторым, многолетним председателем Объединения стал Леонид Иванович Бородкин, а с августа 2002 года должность председателя исполнял Георгий Викторович Никитин.

В апреле 2004 года белградское Объединение кадет официально было зарегистрировано в министерстве юстиции страны.

Для участия в XVIII Общекадетском съезде российских кадетских объединений за рубежом (Канада, 8-15 сентября 2004 г.) из Белграда прибыли С. И. Марченко и А. Н. Семененко.

В мае 2005 года, председателем Объединения был избран Евгений Петрович Мотренко, его за-

местителями - Георгий Николаевич Бек-Узаров и Борис Сергеевич Егоров. Seriously заболевшему профессору Виктору Никитичу Сальникову, доселе заместителю председателя, было присвоено звание почетного члена Объединения.

В 2006-2007 гг. руководство Объединения вступило в контакты с Международной ассоциацией Суворовских, Нахимовских и кадетских объединений „Кадетское братство”, а также Фондом содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана в Москве. Делегаты этих организаций посетили Сербию. Совместно с мэрией города Белая Церковь было подготовлено и 22 октября 2006 года реализовано славное мероприятие - скверу перед Русским храмом Св. Иоанна Богослова в Белой Церкви было присвоено название „Площадь Русских кадет”. В тот же день состоялось открытие Мемориальной кадетской и институтской комнаты-музея в доме семьи Владимира Николаевича и Валентины Николаевны Кастеляновых. Совместно с Российским центром науки и культуры в Сербии („Русский дом в Белграде”), Подворьем Русской Православной Церкви в Белграде и Администрацией г. Белая Церковь, - белградское Объединение кадет, российская ассоциация „Кадетское братство” и Фонд им. А. Б. Йордана (Москва) 25 октября 2006 года подписали Меморандум о сотрудничестве.

На общем собрании всех членов белградского Объединения, состоявшемся 26 апреля 2007 года, в его ряды было принято 10 новых членов. Объединение кадет заключило с Русским домом соглашение о предоставлении помещения для открытия кафе-клуба „Тройка”, в котором с 2007 года проводятся регулярные встре-



**ОБЩЕКАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ
КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ ЗА РУБЕЖОМ
В БЕЛГРАДЕ - СЕРБИЯ**



ПРИГЛАШАЕТ

Вас с членами семьи на традиционное Собрание

по случаю праздника I Русского Великого Князя
Константина Константиновича Кадетского Корпуса Св.
Благодарного Князя Александра Невского.

Собрание будет проходить в субботу 6го декабря 2003 года начиная с 13 часов в Русском
Доме, ул. Народного Фронта 33.

Членов Объединения просим (это не относится на приглашенных гостей и почетных членов)
принести «яства и питье», как и раньше, согласно личным возможностям, а также .
использовать встречу для урегулирования вопроса членского взноса.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Секретарь правления

Адриан Николаевич Семеновко
тел. 753-937



Председатель правления

Георгий Викторович Никитин
тел. 106-172

чи, приемы и заседания Правления кадетского Объединения.

В ближайшее время в планы работы Объединения включены задачи по:

- Внесению корректив в формулировку юридических актов объединения;
- Созданию секций объединения (исторической, музыкальной, организации экскурсий);
- Сохранению и обустройству русских кладбищенских участков;
- Установлению связей с журналистами из России, работающими в Белграде;
- Оформлению персональной картотеки членов объединения;
- Осуществлению связи с другими объединениями и обществами русско-сербской дружбы в городах Сербии;
- Поддержанию связи с кадетскими объединениями за рубежом и в России;
- Принятию мер в связи с разрешением вопроса о судьбе зданий бывших приютов русских военных инвалидов в Бока-Которской (Черногория).

В 2007 году московский Фонд им. А. Б. Йордана вышел с предложением организовать „Кадетский сбор 2008 года” в Сербии. Имелся ввиду приезд в Белую Церковь группы кадет из российских кадетских корпусов, с целью продемонстрировать связь поколений нынешних кадет с выпускниками русских кадетских корпусов в Югославии, ближе познакомиться с историей кадетского движения. Состоявшийся в июне 2008 года Сбор кадет из Красноярского и Нижегородского корпусов и гимназисток из Крас-

ноярска имел широкий резонанс в сербском обществе. Помимо ухода за могилами, российские кадеты и гимназистки давали концерты в Белой Церкви и Белграде, встречались с кадетами-ветеранами, представителями Посольства России и Русского дома в Белграде, ознакомились с достопримечательностями столицы Сербии, побывали в других знаменитых историей городах таких, как: Опленач, Сремски-Карловцы и др. В честь этого события был выпущен специальный знак „Сбор русских кадет в Сербии-2008”. Подобные сборы было намечено проводить и в последующие годы.

В августе 2008 года Объединение кадет под руководством председателя Георгия Николаевича Бек-Узарова организовало торжественный прием бывшему выпускнику Суворовского военного училища с Украины, Юрию Борисовичу Жирадкову, яхтенному капитану, пришедшему на своей яхте „Аверс” по Черному морю и Дунаю из своего родного города Николаева, чтобы посетить место прежнего размещения Первого русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви и встретиться с выпускниками этого корпуса, проживающими в Сербии. Телевизионный репортаж о пребывании Ю. Б. Жирадкова в Сербии транслировался по первой программе государственного телевидения Сербии (РТС-1). Второй „Сбор русских кадет в Сербии - 2009” состоялся в июне-июле 2009 года.

На сегодняшний день в Сербии в живых осталось всего несколько кадет- выпускников Первого русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса: Валерий Борисович Завалевский (21. выпуск), Петр

Васильевич Устенко (28. выпуск) и Александр Павлович Маслов (29. выпуск). К ним, как и к их потомкам, членам белградского Объединения, применимы слова одного из выпускников кадетского корпуса в Сербии:

„Среди нас уже почти не осталось людей, покинувших Россию в сознательном возрасте. Даже старейшие хранят о ней лишь детские воспоминания. Но любовь к России мы восприняли от отцов наших, может быть, даже получили ее в числе прочих наследственных качеств. Вся наша молодость проходила под знаком России, мы восприняли ее как страну ни с чем для нас несравнимую. Мы впитали в себя богатейшую русскую культуру, по сравнению с которой всё, что нам дают другие страны, кажется бедным и незначительным”.

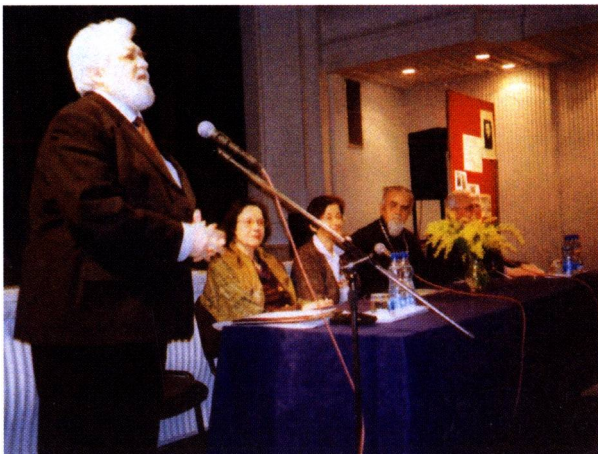
Г. Н. Бек-Узаров

Общество сохранения памяти о русских в Сербии

Идея создать Общество сохранения памяти о русских в Сербии возникла совершенно неожиданно: в 1991 году, председатель Фонда славянской письменности в Москве скульптор Вячеслав Михайлович Клыков и первый председатель этого Фонда академик Никита Ильич Толстой предложили мне возглавить Белградский филиал этого Фонда. Я согласился, но сразу возразил, что такое название для сербов ничего не значит и наш филиал надо назвать по другому. Моим московским друзьям я объяснил, что необходимо общество, которое даст право организовывать разные мероприятия, связанные со знаменательными датами нашего русского Бел-

града, с юбилеями, скорбными датами. И вот, перечень основных целей создания такого общества или объединения и дал нам название: сохранить память о тех русских людях, которые оставили след в жизни русских беженцев в Белграде, в Сербии.

На протяжении без малого 20-ти лет наше Общество выполняло и выполняет это „задание”. Мы панихидами на могилах отметили даты смерти Врангеля (в 1998 и 2008 гг.), Святейшего Патриарха Варнавы (в 2007 году), в 2005 году 80-летие кончины великой игумении Леснинского монастыря Екатерины (Ефимовской) на ее могиле в монастыре Хопово. В 2003 году 70-летие со дня кончины выдающегося духовника и основателя „русской” обители в монастыре Мильково схиархимандрита Амвросия (Курганова). В Русском Доме организовали вечер памяти академиков Александра Белича и выдающегося палеографа протоиерея Владимира Мошина. В связи с юбилеем Русского Дома нами организован памятный вечер (2 апреля 2003 года), посвященный нашей школе и гимназии при участии известной актрисы Татьяны Лукьяновой, выпускницы женской гимназии. В связи с 85-летием со дня основания наших школ (в 2005 году) в актовом зале 3-й белградской гимназии провели торжественный вечер-концерт, с участием бывших учеников гимназий из-за рубежа и Белграда. В состав нашего Общества входит хор самодеятельности „Лучинушка” (бывший хор студенток отделения славистики филологического факультета Белградского Университета), и мы охотно принимаем участие во всех мероприятиях Русского Дома, Русской школы при посольстве РФ в Сербии, Кадетского объ-



■ Общество сохранения памяти о русских в Сербии.

единения и разных Обществ сербско-русского единства, братства и дружбы.

При поддержке разных издательств (на пример Православной молодежи г. Арилье) выпускаем небольшие брошюры-биографии выдающихся духовников и деятелей науки и культуры из рядов русской „колонии” в Сербии. Организуем выставки архивного материала (фотографий, документов). Члены Общества принимают участие в разных научных конференциях, посвященных темам русского зарубежья.

А. В. Тарасьев

Общество „Русская волна”

Трудно в нескольких словах сказать о причинах, способствующих постоянному, то убывающему, а иногда усиливающемуся перемещению наших соотечественников в зарубежье. Понятно, что в случае с Сербией дополнительной „виной” тому служит этническая, языковая

и культурная близость русского и сербского народов. В результате в Сербии сложилась многослойная, по временным признакам, российская диаспора. В подавляющем большинстве это патриоты России и Сербии. А если учесть молодое поколение, родившееся и нарождающееся в смешанных браках, то доля таких людей в Сербии достаточно велика и их число продолжает увеличиваться.

Общество „Русская волна” было создано на территории Сербии именно такими, патриотически настроенными представителями российско-сербской диаспоры для сохранения и распространения русского культурного наследия и традиций. Кроме того, целью энтузиастов, организовавших Общество „Русская волна” является объединение русских соотечественников на основе культурной общности. Одновременно, „Русская волна” - русско-сербское общество, которое желает сделать свой вклад в укрепление и дальнейшее развитие традиционной дружбы наших народов.

Общество было зарегистрировано в 2005 г., а свою деятельность начало ещё в 2002 г. как Объединение русских женщин Сербии. Согласно своему Уставу „Русская волна” осуществляет свою миссию, выраженную в чётко сформулированных видах деятельности, а именно в трёх различных направлениях: культурном, информационном и образовательном.

Практическая деятельность „Русской волны”, ведущаяся на постоянной основе уже несколько лет подряд, состоит из: организации культурно-воспитательных мероприятий для представителей русско-сербской диаспоры; реализации детально разработанного проекта русско-серб-



■ Общество соотечественников „Русская волна” на возложении цветов к мемориалу освободителям Белграда.

ского культурно-творческого центра для детей и молодёжи; презентации русской традиционной кухни, фольклора и различных обычаев; информационной деятельности, основой которой является журнал „Волна,; сотрудничество с аналогичными русскими, русско-сербскими и иными, заинтересованными в контактах с Россией ор-

ганизациями в Сербии, Юго-Восточной Европе, Российской Федерации и других странах. Организация осуществляет активное сотрудничество с Россотрудничеством, Посольством РФ в Сербии, Русской Православной церковью в Белграде, с местными организациями и творческими коллективами.



■ Запись в Книгу Памяти членами общества „Русская волна”.

С самого начала своего существования „Русская волна” ведет активную деятельность по сплочению наших соотечественников в Сербии, поддержанию русских культурных традиций. Мероприятия, проводимые обществом, разнообразны и каждое со своей „изюминкой”. „Русская волна”, к примеру, провела

несколько музыкально-поэтических вечеров, участниками которого были сами соотечественники, проживающие в Сербии: в июне 2003 г. проведен вечер, посвященный Дню рождения великого русского поэта А. С. Пушкина, в октябре того же года - музыкально-поэтический вечер „Унылая пора”, в 2004 г. были ор-



■ Общество соотечественников „Русская волна” на возложении цветов к мемориалу освободителям Белграда.

ганизованны вечера, посвященные русским романсам и русскому шансону, в мае 2007 г. наши соотечественники вместе с „Русской волной” вспоминали творчество поэтов Серебряного века.

Кроме того, общество регулярно празднует вместе со всей Россией и странами бывшего

Советского Союза Победу в Великой Отечественной войне, участвуя в возложении венков к могиле неизвестного солдата в г. Белграде. Вместе члены организации отмечают и другие праздники - Новый год, День защитника Отечества, Международный женский день, традиционную русскую Масленицу.



■ Общество соотечественников „Русская волна” на возложении цветов к памятнику погибшим советским воинам.

Наши соотечественники в Сербии не могли остаться равнодушными и к трагическим событиям в сербском крае Косово. После нелегитимного одностороннего провозглашения независимости Косово албанской стороной конфликта, председатель „Русской волны” И. Р. Демя отправилась в Косово со съемочной группой российс-

кого телеканала РенТВ, для оказания языковой и информационной поддержки во время съемок репортажа о событиях в Косово.

В последние годы, благодаря активной президентской кампании по поддержке российских соотечественников за рубежом, „Русская волна” стала членом международных организаций со-

ВОЛНА

ТАЛАС

Број 1

Година I (2008)

e-mail: ruski_talas@yahoo.com



■ Журнал общества соотечественников „Русская волна“.

отечественников и принимает активное участие в мероприятиях для соотечественников, проводимых Россией и данными организациями.

В октябре 2007 г. делегация „Русской волны” приняла участие в I Международном фестивале российских соотечественников зарубежья Русская песня. В 2008 г. организация стала членом Международного Совета Российских Соотечественников, в том же году посетив еще несколько мероприятий: конференцию „Соотечественники и российские регионы”, Второй Спортивный Юношеский Фестиваль соотечественников зарубежья в Москве, Европейский молодежный форум соотечественников зарубежья в Санкт-Петербурге. И, наконец, в мае 2009 г. „Русская волна” приняла участие в Межрегиональной европейской конференции в г. Софии.

„Русская волна” разрабатывает собственные проекты по поддержке русского языка и культуры в Сербии и старается воплощать их в жизнь.

Проектом общества является создание детско-юношеского творческого центра. И это не случайно. Очень многие наши соотечественники находятся в смешанных браках с гражданами Сербии, их дети являются двуязычными, несут в себе традиции и культуру обеих стран. А вдали от России непросто поддерживать в детях сознание их принадлежности к русской культуре и языку. В основном в этой области многое зависит от усилий родителей. Проект создания детского творческого центра направлен на то, чтобы облегчить и сделать более интересным и продуктивным общение русскоязычных детей в Сербии. Основное содержание проекта - с помощью народных сказок, рассказов, поэзии,

живописи познакомить детей с культурным наследием нашего народа, содействовать воспитанию детей в духе уважения семейных традиций и ценностей, развитию творческих способностей и чувства уважения к другим людям, формированию основных навыков.

Одним из проектов общества является также издание журнала на русском и сербском языках, посвященного русской культуре и истории, жизни российских соотечественников в Сербии, а также различным актуальным культурным событиям в России и Сербии, мероприятиям, проводимым российскими соотечественниками на международном уровне. Необходимо заметить, что издание „Волна” стало первым русскоязычным печатным изданием в Сербии!

Анализируя результаты деятельности „Русской волны”, можно сказать, что еще раз подтверждается тот факт, насколько необходима работа с нашими соотечественниками за рубежом, помогающая объединить и сплотить российских людей, находящихся далеко от Родины, предоставить им возможность хранить свои традиции, поддерживать свою самобытность и реализовывать свой, несомненно, большой потенциал.

И. Р. Деля

Общество сербско-русской дружбы и русской диаспоры

История Общества:

Общество было основано 19 декабря 2003 года в городе Нови Сад, сначала под названием *Общество сербско-русской дружбы*. Цели Общества тогда были: сохранить русский язык и культуру, показать жителям нашего города богатство и силу русского языка, так как его почти совсем вытеснили из программ новисадских школ.

Зимой 2005 года мы решили связаться со всеми русскими, проживающими в городе Нови Сад и окрестных местах. Нас поддержал председатель Скупщины города. Была устроена встреча с соотечественниками, на которую приехал и Посол РФ в Сербии г. Александр Алексеев, вместе с Атташе по культуре Олегом Булдаковым. У нас возникла мысль уже к существующему названию добавить слова **И РУССКОЙ ДИАСПОРЫ**. Так, мы стали одним целым, каким фактически остаемся за все годы нашего существования.

Мероприятия:

За шесть истекших лет мы провели много мероприятий и реализовали ряд проектов.

Праздник Масленицы впервые показали в Нови Саде в Доме учителя, уже в 2004 году. Ежегодно отмечаем День защитника Отечества, День Победы, День России (вместе с Днем русской кухни, что уже стало традицией нашего Общества).

Осенью 2004 года мы отметили 60-летие Победы. Нас посетили ветераны, герои СССР и

России, в их группе оказались даже и участники решающей югославской Битвы на Батине. Это мероприятие было скоординировано с Посольством РФ в Белграде, и их представители все дни нашей поездки по памятным местам Второй мировой войны были с нами.

Несколько раз Общество устраивало показы современных российских художественных и документальных кинофильмов. Для младшего поколения планируем показать циклы русских кинолент, вошедших в мировую сокровищницу искусства.

В рамках Общества существуют курсы обучения русскому языку.

Наши дети были участниками фестивалей Славянской письменности и культуры, которые ежегодно проводятся в разных городах России. К нам в гости стали приезжает группы школьников из России.

С 2005 года организуются летние лагеря - школьники из Нови Сада и мест Воеводины ездят в Россию и из России к нам, и это уже стало традицией. Благодаря таким поездкам заметно увеличилось количество учеников, желающих учить русский язык.

Вместе с Посольством РФ поднят был вопрос об основании новисадского „Русского культурно-информационного центра“. При содействии с московским Фондом „Русский мир“, который оснастил его современной техникой и публикациями, он был открыт. Всем гражданам Нови Сада мы дали возможность знакомиться с великой русской культурой и языком.

Мы начали издавать журнал Общества - „Волга“. Ведь реки соединяют людей, а мы тоже стремимся их соединять.



Наше Общество несколько раз принимало в гости сербских детей из Косова и Метохии, а в этом, 2009 году группу косовских детей мы отправили в Омский летний лагерь.

Члены нашего Общества перевели несколько книг на сербский язык, в том числе книгу „Русские миротворцы на Балканах“, а также перевели несколько российских художественных кинофильмов. Таким образом мы предоставили возможность и сербам посмотреть и понять их..

Члены нашего Общества участвуют в Рождественских чтениях в Русском Доме в Белграде.

Вместе с ТВ из Белгорода, в 2009 году нами был снят документальный телефильм о сербских детях, побывавших в России, в 1999 году, в период бомбардировок нашей страны. И на этот раз помощь нам оказал белградский Русский Дом. Презентация фильма состоялась в Белграде и в Нови Саде (фильм будет показан и в Швейцарии).

В нашем городе Общество регулярно устраивает „Дни русской культуры“, в рамках которых к нам приезжают студенты и профессоры из России, которые читают лекции нашим студентам-русистам. Читать лекции приглашаются и местные силы. Так, в „Дни русской культуры“, проведенные осенью 2009 года, была заслушана лекция „Русская эмиграция в Нови Саде“, сопровождавшаяся показом многочисленных иллюстраций.

При содействии нашего Общества, в феврале 2009 года в новисадской Галерее Матицы сербской была показана выставка „Король Александр I Карагеоргиевич и русская эмиграция“ (ранее развернутая в Белграде и после Нови Сада отправленная в Москву).

Весной 2009 года к нам приезжал известный русский актер и кинорежиссер Николай Бурляев. В Нови Саде был создан филиал кинофестиваля „Золотой витязь“, а нашему Обществу было подарено большое количество фильмов и дано разрешение на их показ в Сербии.

При нашем посредничестве у ряда новисадских школ уже есть школы-партнеры в России.

К нам на гастроли приезжали театральные труппы из России, как и несколько фольклорных и эстрадных ансамблей. Так, летом 2009 года наши дети, вместе с детским ансамблем песни и пляски из Костромы, дали концерты в Нови Саде и Белграде, в Мостаре (Босния и Герцеговина) и в Республике Сербской.

По предложению нашего Общества, вскоре в городе Зренянин будет открыт памятник благодарности сотням русских людей, которые после гражданской войны в России нашли приют в этом городе и внесли заметный вклад в укрепление Православия, развитие культуры и многих отраслей хозяйства.

Одна из основных целей нашего Общества - особое внимание уделять молодому поколению, из среды русской диаспоры и из смешанных браков.

Л. В. Цекич, Р. Ковач



Общество российских соотечественников „ЛУЧ“

Официально общество российских соотечественников „ЛУЧ“ образовалось в 2007 году, в городе Нови Сад. Но собирались мы и раньше на праздники, дни рождения и просто обсуждать наши проблемы, поделиться радостью и решить какие-то вопросы, помочь друг другу, а самое главное - поговорить по-русски.

Конечно же, судьбы у нас разные и все мы разные, но так получилось, что мы все оказались здесь в Сербии, кто как потомок своих родителей,

приехавших сюда еще в начале прошлого века, а кто прибыл совсем недавно и только-только начинает осваиваться, узнавая особенности страны, ее менталитет, обычаи, язык. Но все мы объединены своим истоком - Россией и русским языком. Все мы желаем сберечь свою культуру, свой национальный идентитет, русский дух, сохранив его в своих семьях; привить в наших детях любовь к нашей Отчизне, показать им бездонное богатство нашего народа и с гордостью осознавать свою принадлежность ему.

В то же время, мы понимаем, что живем в другой стране, тесно вплетая свою судьбу с ее жизнью, переживая вместе с ней и взлеты и падения. Есть у нас среди друзей и сербы и представители других национальностей этой страны, вместе с которыми за чашкой кофе, или на работе обсуждаем насущные проблемы, говорим о политике, экономике и куда „катится наша страна“, и что нужно бы сделать, чтоб было лучше. В таких вот разговорах часто собеседник начинает спрашивать, а как у вас, там, в России решается та или иная проблема, что можно было бы применить здесь, у нас для улучшения положения. Все мы знаем, что хорошая и гармоничная жизнь может быть только в хорошем и гармоничном окружении, поэтому мы стараемся внести свой вклад в улучшение нашей среды обитания, часто черпая свои идеи и вдохновение из нашего культурного и духовного наследия, тем самым невольно вкрапывая его влияние на жизнь этой страны. Конечно, ярким тому подтверждением может служить история наших эмигрантов, их вклад в развитие Сербии. Поэтому к потомкам эмигрантов у наших соотечественников особенное отношение, т. к. кто, как



■ Члены общества соотечественников „Луч” в День народного единства, 2009 г.

не они, с присущей им стойкостью в сохранении памяти о России, могут нам помочь в понимании особенностей этой страны, делясь своим опытом в сбережении русской культуры и языка в своих семьях. Не раз с их стороны были организованы экскурсии по местам, которые являются свидетелями значительного вклада наших

соотечественников в развитие этой страны. И это, безусловно, вселяет в нас гордость, и чувство обладания, скажем так, правом быть своим на этой земле, что немаловажно для „новичков”, которые не так давно обосновались здесь.

Живя своими заботами и проблемами, видя, как организована жизнь других диаспор, мы с ра-



достью встретили инициативу России по поддержке своих соотечественников за рубежом. Федеральная программа в отношении российских соотечественников дала нам большую надежность и уверенность в завтрашнем дне. А современное геополитическое положение России, ее отношение к происходящим событиям в мире ощутимо повлияло на отношение сербского населения к нам, российским соотечественникам - „русам”.

В свою очередь мы также стараемся сформировать свои взаимоотношения внутри нашей диаспоры, как в нашем обществе, так и по отношению к другим похожим организациям.

С 2007 года мы становимся членами МСРС (Международного совета российских соотечественников) и активно вливаемся в деятельность странового Координационного совета наших соотечественников проживающих в Сербии. Члены нашего общества участвуют на региональных европейских конференциях, Всемирном конгрессе соотечественников. Налаживаем отношения по обмену опытом с организациями соотечественников из других стран. Это дает осознание взаимной целостности нас, как соотечественников, и ощущение причастности к тем новым процессам, которые стали развиваться относительно недавно (участие в формировании предложений по внесению изменений в российское законодательство по соотечественникам, выработка концепций взаимоотношений организаций соотечественников, как на страновом, так и на международном уровне). Такое активное участие наших соотечественников, естественным образом подкрепляется не только потребностью сохранить свои корни (свою культуру и язык), но и желанием чем-то помочь своей Отчизне, пусть

Координационный совет соотечественников

даже советом в отношениях со страной проживания, т. к. лучше разобраться в особенностях менталитета, традициях и обычаях той или иной страны могут лишь те, кто живет в ней.

Кроме основного ядра наших соотечественников в Нови Саде, наша организация имеет несколько филиалов: в Сомборе, Кикинде и Зреняине.

При нашем обществе сформирована женская организация, занимающаяся проблемами семейного воспитания детей, психологической помощью и содействием по защите прав женщин.

Также, в рамках общества существует молодежная организация, члены которой активно участвуют в программах Европейского союза. Руководитель этой организации (Никола Маука) является Молодежным омбудсменом по Воеводине при Хельсинском комитете по правам человека.

В 2008 году наша молодежь представляла общество „ЛУЧ” на спортивном фестивале соотечественников в Москве, который был организован Международным союзом российских соотечественников (МСРС).

В мае 2009 года молодежной организацией был организован круглый стол в городе Зреняине - „Славянский мир: Общность и многообразие” с участием руководителей организаций славянских меньшинств населяющих Воеводину.

При нашем обществе организована субботняя школа. В школе работают: детская секция „Солнышко”, драматическая секция, фольклорный кружок и клуб „Собеседник”. На базе школы также устраиваются тематические встречи с интересными и „полезными” людьми. Проводятся различные мероприятия.

И. А. Васильева

Впервые идея создания координационных советов была озвучена на Всемирном конгрессе соотечественников, который состоялся в Санкт-Петербурге осенью 2006 года.

За прошедшее с той поры время в большинстве стран, в том числе и в Сербии, были сформированы страновые координационные советы.

Еще совсем недавно в Сербии действовало несколько разрозненных обществ российско-сербской дружбы, диаспоры, различные кружки, клубы, объединения, иные общественные структуры, в которых состояли наши соотечественники. Они не только стремились к взаимодействию друг с другом, но и зачастую конфликтовали. С формированием Координационного совета российских соотечественников, в который входят руководители всех самых крупных объединений в Сербии, появился авторитетный партнер для диалога. Страновой Координационный совет дает организациям соотечественников площадку для взаимодействия и сотрудничества с госструктурами в России, занимающимися вопросами соотечественников за рубежом.

Несмотря на неформальный статус Координационного совета российских соотечественников в Сербии, он может быть полезен как орган, лоббирующий различные общественные проекты, способствующий организации лучшего взаимодействия между уже имеющимся объединением соотечественников, представляющий интересы этих организаций перед Посольством России в стране, иными российски-

ми государственными органами, которые, как правило, готовы с ним активно взаимодействовать и сотрудничать.

Сила любой общественной организации - люди, их поддержка и доверие. В Координационный совет российских соотечественников в Сербии входят и поддерживают его люди авторитетные, пользующиеся доверием, образованные и грамотные специалисты во многих сферах деятельности. Их трудом и умением Совет сумел стать реальной общественной структурой нового типа. Совет не ставит перед собой задачу демонстрировать свою независимость, напротив, его положительной чертой является стремление найти компромисс, общие точки взаимодействия, сотрудничества, способность убеждать и договариваться. Совет старается выстроить взаимодействие со всеми общественными структурами, основываясь на вышеизложенных принципах. Координационный совет российских соотечественников в Сербии является в большей мере координационно-совещательным и консультативно-экспертным органом. Он никоим образом не посягает на самостоятельность и самоуправляемость объединений соотечественников в стране. Наоборот, он предоставляет площадку для обмена опытом, информацией, полезными идеями, проектами, планами, служит своеобразным мостом между общественными объединениями, созданными россиянами в Сербии. С созданием Совета положительные перемены в жизни российской диаспоры в первую очередь почувствовали общественные объединения, а уже опосредованно, через них - и сами соотечественники, чьи продуманные инициативы, интересные предложения Координационный Совет всегда готов поддержать.

Координационный Совет российских соотечественников в Сербии был учрежден на страновой конференции соотечественников за рубежом в декабре 2007 года. В его состав были предложены представители официально зарегистрированных обществ соотечественников, а именно:

1. Объединение выпускников русских кадетских корпусов в Белграде - председатель Г. Н. Бек-Узаров, секретарь Светлана Юрьевна Илич (Белград), директор музея кадетов в г. Белая Церковь Владимир Николаевич Кастелянов, член Объединения, профессор русского языка Валентина Николаевна Кастелянова (г. Белая Церковь), член Объединения Александр Александрович Рогаткин (г. Вршац) (тел: +381 11 2771036, +381 13 851085).
2. „Русская волна” (г. Белград), общество соотечественниц - председатель Инна Рустомовна Деля, члены общества Лилия Ломпар и Копчански Ирис (тел: +381 63 1731996, моб: 060 0775511).
3. „Луч” (село Бачки-Ярак), общество соотечественников - председатель Ирина Васильева, секретарь Елена Мачош, член общества Радивойе Васильев, (моб:+381 64 4889719, тел: +381 21 848876).
4. Общество сербско-русской дружбы и русской диаспоры (г. Нови-Сад) - председатель Радойка Ковач, зампредела Лариса Владимировна Цекич, (тел: +381 64 2035295).
5. Общество сохранения памяти о русских в Сербии (г. Белград) - председатель профессор Андрей Витальевич Тарасьев, (тел.: +381 11 3552477; e-mail: atarasjev@gmail.com

6. Исследователь истории эмигрантов в Югославии (г. Нови-Сад) - автор ряда известных работ по этой теме Алексей Борисович Арсеньев, (тел: 021 6611337; e-mail: arsenjev@neobee.net.

А. А. Максаков

Адреса объединений соотечественников в Сербии

Объединение выпускников русских
кадетских корпусов в Белграде

11000 Београд, ул. Краљице Натаље, 33,
т. +381 11 2642178, +381 11 214480

e-mail: bekl@eunet.rs, www.kadeti.org.rs
Председатель - Георгий Николаевич Бек-
Узаров, т. +381 11 2771036

Секретарь - Светлана Юрьевна Илич,
т. +381 11 3373626

Общество сохранения памяти о русских в
Сербии

11000 Београд, ул. Пере Тодоровића, 26-33,
т. +381 11 3552477

Председатель - Андрей Витальевич Тарасьев,
e-mail: atarasjev@gmail.com

Общество российских соотечественников
„Луч”

21234 Бачки ЈараК, ул. Мике Боснић, 3,
т. +381 21 848876, +381 64 4889719

Председатель - Ирина Александровна Васи-
льева, e-mail: tisa@mail.ru

Общество российских соотечественников
„Русская Волна”

11273, Београд, ул. Војвођанских бригада, 2-
4, т. +381 63 1731996, +381 60 0775511

Председатель - Инна Рустамовна Деља,
e-mail: ruski_talas@yahoo.com

Общество сербско-русской дружбы и русской
диаспоры

21132, Петроварадин, ул. Прерадовићева,
127, т. +381 21 6435952, +381 21 504346

Председатель - Радойка Ковач,
т. +381 63 8753266

Зам председателя - Лариса Владимировна
Цекич,

т. +381 64 2035295, e-mail: lyuros@sbb.rs

Объединение соотечественников и друзей
России „Россия”

21000, Нови Сад, ул. Стевана Христића, бр.
23-10, т. +381 21 6275311, +381 63 500678

Председатель - Марианна Викторовна
Младенович-Боровкова

e-mail: maravika992@rambler.ru

Выборочная библиография книг и статей о русских в Сербии

Книги и каталоги

1. Альманах Русская эмиграция 1920-1930 гг. Выпуск 1-ый. Белград 1931.
2. Альманах Русская эмиграция 1920-1931 гг. Выпуск И-й. Белград 1931.
3. Антологи^а поези^е руског Београда. Избор, превод, предговор и белешке о песницима ОсТоја ТЗурић; библиографи^а Алексее Арсен^ев. Српско-руско издаше. Београд 2002.
4. Апостол л>убави II - 1932-2002. Бела Црква: Истраживачки рад ученика радионичара Групе 484 Техничке школе „Сава Мунџан” у Бело; Цркви. (Руски емигранти у Бело] Цркви). Координатор прожекта Ледна школа,)едан споменик” Радмила Гава, професор. Бела Црква 2002.
5. Арсеньев Алексей Борисович. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци 2008.
6. Арсешев Алексе}. Руска емиграци)а у Сремским Карловцима. Сремски Карловци 2008.
7. Арсеньев Алексей Борисович. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. „Русский путь”. Москва 1999.
8. Архиепископ Нестор. Очерки Югославии: Впечатления, путешествия. Харбин 1935.
9. Белоэмиграци)а у ЈугооiaВпјn 1918-1941. Том I и II. Приредили др Тома Миленковић, др Момчило Павловић. Институт за савремену историку. Београд 2006.
10. Гаковић Роберт Предраг. Руске избеглице у Југослави)и измену два светска рата. Магистарска дисертаци^а одбраена на Калифорни)ском универзитету у Беркли)у, Калифорни)а, Маја 1964. На српски превела Марта Живковић. Милвоки (Висконсин) 2008.
11. Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград 1923.
12. Димитри^евић Коста. Кралица руске романсе: Животна исповест госпоже Олге }анчевеце. „Стручна кн>ига”. Београд 2003.

13. Донской Императора Александра III кадетский корпус (Новочеркасск - Стрниште - Билеча - Горажде). Мадрид 1974.
14. ТЗуриЉ ОсТоја. Руска литерарна Србња 1920-1941: Писци, кружоци и издања. Горн>и Милановац - Београд 1990.
15. ЈовановиЉ Мирослав. Досел>аван>е руских избеглица у Крал>евину СХС 1919-1924. „Стубови културе”. Београд 1996.
16. ЈовановиЉ Мирослав. Руска емиграци^а на Балкану (1920-1940). „Чиго^а штампа”. Београд 2006.
17. Јованович Мирослав. Русская эмиграция на Балканах 1920-1940. „Русский путь”. Москва 2005.
18. Кадетские корпуса за рубезом (в Королевстве СХС-Југославији). Њу-Јорк 1970.
19. Каталог книг Русской публичной библиотеки в Белграде. Белград 1929. Дополнения: 1930, 1931, 1932, 1933, 1935, 1938 и 1941 гг.
20. Качаки Јован. Руске избеглице у Крал>евини СХС/ЈугоаиаВНјН: Библиографи)а радова 1920-1944. Покуша; реконструкци)е. Друго, допуаено и прера!)ено издање. Народна библиотека Србње - Жагор. Београд 2003.
21. Козлитин Владимир Дмитриевич. Русская и украинская эмиграция в Югославии 1919-1945. Харьков 1996.
22. Козлитин В. Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. Киев 1998.
23. Корбутовски Никола. Осам децени^а једне слике. (Руски емигранти у Парађину - сећааа). Београд 2005.
24. Косик Виктор Иванович. Русская православная церковь в Югославии: 20-40-е гг. XX века. „Православный Свято-Тихоновский Богословский институт”. Москва 2000.
25. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде, 1920—1950-е годы. Часть первая. Москва 2007.
26. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде, 1920—1950-е годы: Эссе. Москва 2007.
27. Крымский кадетский корпус 1920-1929. (Стрнице 1920-1922; Белая Церковь 1922—1929). Новый Сад 1931.
28. Ликовна дела руских емиграната из збирке Народног Музеја Заје4ар (каталог). Автор текста Лепосава МиловановиЉ, биографов, библиографи)е, каталожка обрада Нина ПогарчиЉ. Заје4ар 2007.
29. Литвиаенко Стеван. Руски лекари у Срби)и и Црно} Гори. Београд 2007.
30. Маевский Владислав Альбинович. Лесна - Хопово - Фурке: Старая женская обитель. Сан-Пауло 1962.
31. Маевский В. А. Взаимоотношения России и Сербии. Том 1. Њу-Јорк 1960.
32. Маевский В. А. Русские в Югославии 1920—1945 гг.: Взаимоотношения России и Сербии. Том 2. Њу-Јорк 1966.
33. Мариинский донской институт (Новочеркасск - Белая Церковь). Њу Ёорк 1975.
34. Milanovic Olga. Vladimir Zedinski: Scenograf i kostimograf: Katalog izlozbe. Beograd 1987.
35. МиленковиЉ Тома. Калмици у Срби^и 1920-1944. „Трасо”. Београд 1998.

36. Миленковић Тома. Руски инжењери у Југославији 1919-1941. „Савез инжењера и техничара Србије”. Београд 1997.
37. Миленковић Тома. Школоване деце емиграната из Русине у Југославији 1919-1941. - „Завод за уџбенике и наставна средства”. Београд 2004.
38. Милосављевић Татиана. Руски сликари, вајари и архитекте у Крагујевцу 1920-1941. (Каталог изложбе). Народни музеј Крагујевац. Крагујевац, Мај 2007.
39. На страже Русији: Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии: 1925-1935. Белград 1935.
40. Павлов Борис Леонидович. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде - Зренянина). Зренянин 1994.
41. „Памятка”: Харьковский институт 1812—1932. Нью Йорк 1983.
42. Палибрк-Цукић Несиба. Руске избеглице у Панчеву 1919-1941. Градска библиотека Панчево-Историјски архив у Панчеву. Панчево 2005.
43. Панчевский госпиталь - Санаторий Р. О. К. К. в Королевстве Югославии 1929-1930. Панчево 1930.
44. Первая русско-сербская гимназия в Белграде. 1920-1930. Белград 1930.
- 45.1 Русско-сербская гимназия: Памятка. Белград. 1920-1944. Нью Йорк - Вашингтон - Сан Франциско - Каракас - Буэнос Айрес 1986.
46. Первый русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус - Белая Церковь 1920-1944: Седьмая кадетская памятка, юбилейная. 1920-1995. „Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом”. Нью Йорк, Лос Анжелос, Сан Франциско, Монреаль, Каракас, Буэнос Айрес, Париж, Белград 1997.
47. Переселение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград (1930).
48. Пио-Ульский Георгий Николаевич. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград 1934.
49. Познановић др Раде В. Руси ме! у Ерама: Прилог спречавашу заборава. Ужице 2007.
50. Радојевић Рајко Б. Руске избеглице у Пећи - у сећању младих савременика. Завичањни клуб Пећанаца у Београду. Београд 2004.
51. Радосављевић Озрен. Руски ликовни уметници у Белој Цркви. (Сепарат). Бела Црква 1994.
52. (Ракитин) Јурј Лэвович Ракитин: Живот, дело, сећања. Зборник радова Међународног научног скупа, Београд- Нови Сад, 17-20 априла 2003. Нови Сад - Београд 2007.
53. Ракочевић Бранка, Латинчић Олга. Руски емигранти у Београду: Траг и инспирација. Каталог изложбе. „Историјски архив Београда”. Београд 1996.
54. Российский центр науки и культуры „Русский дом” в Белграде 1933-2003. (двојезично издаше). „Русский дом”. Белград 2003.
55. Руси без Руспје: Српски Руси. (Албум). Издавачи: Душан Ђурић, Золтан Шлавик. Београд-Беоцин 1994.
56. Руска диаспора и српско-руске културне везе. Зборник реферата Међународног научног састанка, Београд, 23-24. Маја 2007. Приредио Богољуб Станковић. Београд 2007.

57. Руска емиграци)а у српској култури XX века: Зборник радова. Том 1; Том II. Приредили: Миодраг Сибиновић (гл. и одг. уредник), Марина Межински и Алексеј Арсегић. Београд 1994.
58. Руска уметност: Велика изложба руске уметности: Каталог. Београд 1930.
59. Руска уметност у Средњем Банату: Каталог изложбе (мајуни 1995). Народни музеј Зрењанин. Зрењанин 1995.
60. Руске избеглице у Југославији кроз архивску грађу: Каталог изложбе (Государственный архив Российской Федерации, Архив Југославије, Архив САНУ, Архив Србије, Историјски архив Београда). Београд 1997.
61. Руски архитекти у Београду. (Каталог изложбе отворене 22. октобра 1998. у Музеју архитектуре у Москви). Аутори изложбе и каталога: Гордана Гордић и Вера Павловић-Лончарски. (Текст на српском, руском и енглеском језику). Издавачи: Завод за заштиту споменика културе града Београда и Скупштина града Београда. (Београд 1998).
62. Руски емигранти професори на универзитету и у школама Србије: Каталог изложбе. Изд. Библиотека града Београда и Архив Србије. Београд 1993.
63. Руски уметници у Србији: Каталог изложбе у Народном Музеју у Београду - април/мај 1993. Београд 1993.
64. Руско-југословенски алманах Одбора за подизање Споменика цару-мученику Николи II. Панчево 1934.
65. Русская армия в изгнании: 1920-1923. Новый Сад (б. г.).
66. Русская эмиграция в Югославии. (Сборник статей югославских и российских исследователей). Ред. колл.: А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович. „Индрик”. Москва 1996.
67. Русский Белград. Составители В. А. Тесемников, В. И. Косик. Москва 2008.
68. Русский дом имени Императора Николая II в Белграде. Белград 1933.
69. Русский корпус на Балканах во время 2-й мировой войны 1941-1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк 1963.
70. Русский корпус на Балканах 1941-1945 гг. Предисловие К. А. Залесского. Москва 2008.
71. „Русский сокол” в Земуне 1922-1932. Земун 1932.
72. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. (В основу этого издания легла книга „Лесна-Хопово-Фурке” 1962 г. Вл. Маевского). Мадрид 1973.
73. Свято-Троицкий храм Подворья Русской Православной Церкви в Белграде. Автор текста Горан Боричич (на сербском, русском и английском языках). Издательство Подворья РПЦ в Белграде „Святая Троица”. Белград 2007.
74. Солонский Александр Александрович. Поликлиника Российского общества Красного креста старой организации в Белграде. 1920-1940. Новый Сад 1940.
75. Стоици Мила. Русско-српска књижевна преплитања. Београд 1994.

77. ТарасјеВ Андре}, ипо!)акон. Свето-Бого-
родицка Леснинска обитеть и преподобна
игумани^а Катарина. Арил>е 2006.
78. ТарасјеВ Андрей ипо!)акон. Руски духов-
ници - обновители српских манастира:
схиархимандрит Митьковски Амвроси^е
(Курганов), игумани^а Хоповска Катарина
Оефимовска). Жити]а. Ариле 2008.
79. ТопаловиЬ Огшан, МиленковиЬ Тома, Об-
радовиЬ Мир^ана. Врн>ачки Руси. Вршач-
ка Баша 2008.
80. Троицкий Сергей Викторович. Правовое
положение Русской церкви в Югославии.
Белград 1940.
81. Устав Общества офицеров Российского во-
енно-воздушного флота в Королевстве С. Х.
С. Новый Сад 1922.
82. Шуберский Александр Николаевич. К 25-
летию со дня основания Высших военно-
научных курсов профессора генерала Голо-
вина в Белграде. Ментона (Франция) 1955.
83. Шукул.евиЬ-МарковиЬ. Елена Дмитриев-
на Полякова (1884-1972): Каталог излож-
бе. Музеј позоришне уметности Србнје.
Београд 1995.
84. Шукул>евиЬ-МарковиЬ Ксенина. Нина
Кирсанова: Примабалерина, кореограф и
педагог. Музе) позоришне уметности Ср-
би)е. Београд 1999.
87. Арсеньев Алексей Борисович. Белградс-
кие русские газеты 1920-1944 годов. - Рус-
ский контакт. Информационно-развле-
кательная газета. Белград. № 4, 18 марта
2009.
88. Арсеньев А. Б. Казаки в Королевстве сер-
бов, хорватов и словенцев (Югославия). -
Берега. Информационно-аналитический
сборник о русском зарубежье. Санкт-Пе-
тербург. 2007. Выпуск 7.
89. Арсешев Алексе;,. Козаци у Крал>евини Ју-
гослави]и. - Зборник Матице српске за
историку. Нови Сад. 2004, (број) 69-70.
90. Арсеньев А. Б. Русские педагоги в Воево-
дине (1920-1950-е гг.). - Руска диаспора и
српско-руске културне везе. Зборник ре-
ферата. Београд. 2007.
91. Арсеньев А. Б. Русское духовенство и рус-
ские церковные приходы в Воеводине
(1920-1970-е гг.). - Макарьевские чтения.
Материалы Шестой международной кон-
ференции (21-23 ноября 2007 года). Горно-
Алтайск. 2007.
92. Вушь Борислав. Руски вал>евски про-
фесори. - Напред. Вал>ево. Бр. 2421. - 16.
јуНН 1995.
93. Гардешин Андре; А. Допринос руских из-
беглица у области мачевалачког спор-
та у Београду после Првог светског рата
и активно учешье у разводу тог спорта до
1944. године. - Руска диаспора и српско-
руске културне везе. Зборник реферата.
Београд. 2007.
94. Голенищев-Кутузов Илья Николаевич.
Русская культура в Югославии. - Числа.
Париж. 1930. № 2-3.

Статьи опубликованные в сборниках, газетах
и журналах

86. Антанасиевич Ирина. Русская эмиграция
в Южной Сербии. - в: Руска диаспора и
српско-руске културне везе. Зборник ре-
ферата. Београд. 2007.

95. Драгић-Кићук Предраг. Русња на Западу: Руски емигранти у Православном српском културном простору. - Скадарлића. Новине за прошлост, садашњост и будућност. Београд. Бр. 10. - зима 1997.
96. Иванцов Дмитрий Николаевич. Русские беженцы в Югославии в 1921 году. - Русский экономический сборник. Прага. 1925. Выпуск 2.
97. Илић Мирослав. Духовне везе Србије и Русње кроз векове. - Гласник. Службени лист Српске Православне Цркве. Београд. 1996. Бр. 9.
98. Јелачић Алексеј. Руси у јужној Србији. - Nova Evropa. Zagreb. Knj. XI, br. 6. - 21. februara 1925.
99. Jelacic Aleksije. Ruska emigracija u Jugoslaviji. - Nova Evropa. Zagreb. 1930, knj. XXI, br. 4. - 16. aprila.
100. Козлитин В. Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919-1923). - Славяноведение. Москва. 1992. № 4.
101. Конради Дмитрий Николаевич. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда. - Новое русское слово. Нью Йорк. - 22 септембра 1982.
102. Косик. Из истории русской эмиграции. Русская Сербия (части 1, 2 и 3). - Русская газета. София. 2005. №№ 36-38 (107-109).
103. Косик В. И. Русская Югославия: Фрагменты истории. 1919-1944 годы. - Славяноведение. Москва. 1992. № 4.
104. Косик В. И. Русский театр в ресторане: Белград 20-х гг. XX в. - Годишњак за друштвену историју. Београд. 2005. Година XII, свеска 1-3.
105. Кутырин Владимир Васильевич. Русскому дому в Белграде 70 лет. - Славистика. Славистичко друштво Србије. Београд. 2002. Кшига VII.
106. Мейер Ю. К. Русские беженцы в Югославии. - Новое русское слово. Нью Йорк. - 11 апреля; 29 мая 1982.
107. Миклашевский Олег Петрович. Русский общедоступный театр в Белграде: Из истории русского искусства. - Новое русское слово. Нью Йорк. - 18 мая 1982.
108. Миленкович Тома. Союз русских инженеров в Югославии (1920-1941). - Сб.: Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Под общ. ред. академика Е. П. Чельшева и проф. Д. М. Шаховского. Книга первая. Москва 1994.
109. Миловановић Лепосава. Руски уметници у Заједару. Осврт на досадашња проучавања. - Архивско наследе. Часопис за архивистику и историографiju. Заједар. 2004. Бр. 2.
110. Миловановић Лепосава. Руски емигранти у Неготину - професори, Вајари и сликари у периоду измену два светска рата. - Баштиник. Годишњак Историјског архива у Неготину. Неготин. Бр. 2. - 1999.
111. Недовић Гордана. Допринос руских архитеката архитектуре Београда измену два светска рата. - Скадарлића. Београд. Бр. 10. 1997.
112. Ошак Иван. Ruski emigranti i Narodnooslobodilacka borba naroda Jugoslavije. - Istorijski zbornik. Zagreb. 1987, br. 1.
113. Пећелџа Василе. Руси у Крагујевцу. - Југословенски дневник. Суботица. 1931. 11, 12, 13. и 14. април.

114. Писарев Юрий Алексеевич. Российская эмиграция в Югославии. - Новая и новейшая история. Москва. 1991. № 1.
115. Полчанинов Ростислав Владимирович. 85-летие Союза разведчиков Сербии: Русско-югославянские взаимные влияния. - Православная Русь. Джорданвилл. № 23 (1572). - 1/14 декабря 1996.
116. Полчанинов Р. В. Русские открытия в Югославии (1918-1941 гг.). - Новое русское слово. Нью Йорк. - 22 апреля 1992.
117. Радовић Радован. Руски стручњаци у Војној индустрији Србије. - Политика. Београд. - 30. Мај 1993; 6. април 1995.
118. Радо^чић Милорад. Руси - гимнази^ски предавачи: Уз 125. годишњицу Вал>евске гимнази^е. (Фел>тон у 14 наставака). - Напред. Ва^ево. Бр. 2437-2450. - 6. октобар 1995. - 5. јауар 1996.
119. Рыбинский Н. З. Русский Белград до войны. - Русская мысль. Париж. 1951. № 323.
120. Семиряга Михаил Иванович. Участие русских эмигрантов в освободительной борьбе югославских народов. - Глава книги: „Советские люди в европейском Сопротивлении”. Москва 1970.
121. Солонский Александр Александрович. Демография русской эмиграции в Белграде. - Записки Русского научного института в Белграде. Выпуск 10. Белград 1935.
122. Спекторский Евгений Васильевич. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928-1938). - Записки Русского научного института в Белграде. Выпуск 14. Белград 1938.
123. ТарасјеВ Андрей Руси у Београду. - Даница. Српски народни илустровани календар за годину 2006. Београд 2005.
124. Тесемников Владимир Алексеевич. Белград как один из научных центров Российской зарубежья. - Сб.: Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Под общ. ред. академика Е. П. Челышева и проф. Д. М. Шаховского. Книга первая. Москва 1994.
125. Тесемников В. А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945). - Вопросы истории АН СССР. Москва 1988. № 10.

Литературные произведения и мемуары, в которых описана жизнь русской эмиграции в Сербии

126. Архиепископ Иоанн Шаховской. Вера и достоверность: Первое служение (Русские в Белой Церкви). Париж 1982.
127. Блуменау Игор. Судбине руских емиграната у Београду. Изд. Историйки архив Београда - Об^един>ени Московски архив. Београд-Москва 1997.
128. Гилютен Ј. Ж. Две Моје домовине: Успомене }елисавете Жерардовне Гилютен. Горн>и Милановац 1991.
129. Грицкат Ирена. У лебдивом ходу: Себаша. Нови Сад 1994.
130. Жуковски Анатоли). Мој живот. - Театрон. Београд. Бр. 90. - март 1995.
131. (Зерновы). Хроника семьи Зерновых. Том 2: За рубежом (Белград - Париж - Оксфорд, 1921-1972). Париж 1973.
132. Лобачев Т>ор1)е. Кад се Волга уливала у Саву: Мој животни роман. „Просвета”. Београд 1997.

133. Mitropan Petar. Nakon deset godina: Iz uspomena jednog ruskog pedagoga u Jugoslaviji. - Nova Evropa. Zagreb. Knj. XXI, br. 4. - 16. april 1930.
134. Митрополит Вениамин (Федченков). Из „Сербских дневников”: По делу устроения мужского русского монастыря в Сербии. - Образ. Москва. 1995. № 4.
135. Мошин Владимир Алексе^евич. Под теретом: Аутобиографи^а. Превод и коментари Несиба Палибрк-Суки^. Народна библиотека Срби^е - Градска библиотека Панчево. Београд-Панчево 2008.
136. Огн^енови^ Вида. Отровно млеко маслачка. Приповетке. Београд 1994.
137. Поляков С. И. Русские в Черногории в 1941 г. - Наши вести. Санта Роза. № 403-405 (2904-2906). - июль/декабрь 1986.
138. Синькевич Константин Федорович. Вне Родины: Мемуары. „Воскресенье” - „Рыбинский Дом печати”. Москва-Рыбинск 2004.
139. Тарасьев Андрей Витальевич. Дед: Из семейного архива рода Литвиновых-Масальских. - Град Китеж. Москва. 1993. № 2.
140. Толстая Светлана Михайловна. Из воспоминаний Н. И. Толстого (по записям передачи „Дым Отечества” по „Радио Россия” от 19 февраля и 5 марта 1995 г.). - Живая старина. Москва. 1997. № 2 (14).
141. Февр Николай Михайлович. Брызги жизни. Юмористические рассказы. Белград 1937.
142. Шаховской Иоанн, архиепископ. Биография юности (Белая Церковь, Королевство С. Х. С.). (б. м.) 1977.

А. Б. Арсеньев

Издатели:

Координационный совет российских
соотечественников в Сербии

Весна инфо д.о.о. Београд

Авторы:

Арсеньев Алексей Борисович (Нови-Сад)
Бек-Узаров Георгий Николаевич (Белград)
Васильева Ирина Александровна (Бачки-Ярак, Нови-Сад)
Девич-Романова Валентина Павловна (Нови-Сад)
Деля Инна Рустамовна (Белград)
Ковач Радойка (Нови-Сад)
Кутырин Владимир Васильевич (Белград)
Максаков Андрей Александрович (Белград)
Младенович-Боровкова Марианна Викторовна (Нови-Сад)
Палибрк-Сукич Несиба (Панчево)
Панчулидзеv Алексей Александрович (Нови-Сад)
Рогаткин Александр Александрович (Вршац)
Тарасьев Андрей Витальевич (Белград)
Тимофеев Алексей Юрьевич (Белград)
Цекич Лариса Владимировна (Нови-Сад)

Ответственный редактор:

А. А. Максаков

Оформление:

Раде Николић

Корректурa и лектура:

Сава Росић

Печать:

Ател>е Богдановић

Тираж:

1000 экз.

CIP - Каталогизаци^а у публикаци^ам
Народна библиотека Србије, Београд

930.85(=161.1)(497.11)
314.743(=161.1)(497.11)

РУССКИЕ в Сербии / [авторы Арсеньев
Алексей Борисович ... и др.; ответственный
редактор А. А. Максаков]. - Белград : Весна
инфо : Координационный совет российских
соотечественников в Сербии, 2009 (Београд :
Ател^е Богданови^б). - 356 стр. : илустр.; 21
x 21 см

Тираж 1.000. - Стр. 349-356: Библиографи^а /
Взаимоотношения России и Сербии с конца
XII до начала XX века ; Русская
эмиграция в Сербии ; Россияне в Сербии -
последних 60 лет и сегодня.

ISBN 978-86-88147-00-2

а) Руси - Историка - Србија - б)
Емиграци^е, руске - Срби^а
COBISS. SR-ID 172027404

